

Тайны раскола

Взлет и падение патриарха Никона

К.А. Писаренко

К.А. Писаренко

Тайны раскола

Взлет и падение
патриарха Никона

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

КОНСТАНТИН ПИСАРЕНКО

ТАЙНЫ РАСКОЛА
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ПАТРИАРХА НИКОНА

Москва
ВЕЧЕ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44
ПЗ4

Писаренко, К.А.

ПЗ4 Тайны раскола. Взлет и падение патриарха Никона / Константин Писаренко. — М. : Вече, 2012. — 320 с. : ил. — (От Руси к империи).

ISBN 978-5-4444-0531-4

Знак информационной продукции **18+**

Кто такие «боголюбцы», или «ревнители благочестия»? Как они оказались возле царя Алексея Михайловича? Какую роль в этой партии играл игумен Никон и почему именно он стал патриархом всея Руси в 1652 г.? Чем ему обязана Россия и за что вправе осуждать его? По чьей вине возник религиозный раскол? И, наконец, кто и как, исправив политические ошибки Никона, спас московское государство от большой беды, хотя и не смог уберечь от трагедии церковного размежевания? На эти и другие вопросы, опираясь на анализ имеющейся на данный момент документальной базы в различных публикациях и исследованиях, с привлечением при необходимости и архивных материалов, постарался ответить автор предлагаемой на суд читателя книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-4444-0531-4

© Писаренко К.А., 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Памяти моего отца,
Писаренко Анатолия Митрофановича,
посвящается

ПРОЛОГ ЧЕРКАССКИЙ

28 апреля (8 мая) 1634 г. толпы москвичей собрались на площади у Покровского собора (храма Василия Блаженного), что напротив Кремля, в ожидании ужасного действия — казни боярина Михаила Борисовича Шеина, окольного Артемия Васильевича Измайлова и сына последнего, Василия Артемьевича. Слухи об их измене «великому государю» Михаилу Федоровичу гуляли по столице больше месяца, будоража народ. Одни им верили, зная о позоре недавней смоленской капитуляции, об унижении, выпавшем на долю пленных русских солдат и офицеров, об утрате всей артиллерии... Другие продолжали сомневаться, вспоминая героизм Шеина при защите Смоленска в годы Смуты, его дружбу с покойным патриархом Филаретом Никитичем, затеявшим эту поспешную и неудачную для России войну. Тем не менее каждый желал услышать слово верховного судьи — самого царя...

О нем горожан известил дьяк Дмитрий Прокофьев, когда трое осужденных, наконец, вышли из Кремля через ворота Спасской башни в сопровождении боярина Андрея Васильевича Хилкова, окольного Василия Ивановича Стрешнева и двух дьяков, а несколько минут спустя остановились возле воздвигнутого эшафота. Зычным голосом дьяк зачитал высочайший вердикт: «Государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси велел вам сказать ваше воровство и измену. По государеву указу велено вам, Михаилу и Артемию, итти на государеву службу с Москвы под Смоленск и государевым делом промыслять, чтоб Смоленск очистить. А государевы ратные русские и немецкие люди посланы были с вами многие, и наряд большой отпущен со многими пушеч-

ными запасы... И ты, Михайло Шеин, из Москвы еще на государеву службу не пошед, как был у государя на отпуске у руки и вычитал государю прежние свои службы с большою гордостью... и поносил всю свою братью пред государем с большою укоризною, и службою и отечеством никого себе сверстником не поставил...

А как вы, Михайло и Артемей, пошли на государеву службу с Москвы... не радея о государеве деле, походом своим учили мешкать... а государева и патриарша указу не слушали... пошли под Смоленск по великой неволе, испустя лутчее время... пришед под Смоленск... никоторого промыслу не учинили, а которые были промыслы под Смоленском... и вы... приступали к городу не вовремя, в дневную пору... хотя добра во всем литовскому королю... И с литовским королем и с литовскими людьми не билися, и дороги все в город литовскому королю очистили и во всем королю радели... и... с полским королем договор учинили и королю крест целовали и наряд большой весь и пушечные всякие запасы... раненных и болных людей... отдали литовскому королю...

И за то ваше воровство и измену государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси указал и бояре приговорили вас, Михаила Шеина и Артемья Измайлова, и тебя, Василья, казнить смертною казнью». По оглашении сего всех троих «того ж часу» обезглавили¹.

Почему историю раскола важно начать с казни Шеина? Потому, что, как это ни странно, именно она была первым шагом к нему. Принято считать, что воеводу приговорил к смерти царь Михаил Федорович, возмущенный унижительными условиями разоружения русских войск под Смоленском. Мнение несправедливое, основанное на буквальном восприятии документальных текстов той эпохи, в том числе и вышепротитированного. Внимательный анализ тех же документов показывает, что реально в ту пору московским государством управлял другой человек — князь Иван Борисович Черкасский, двоюродный брат Михаила Романова и родной племянник отца государя, святейшего патриарха Филарета, в миру Федора Никитича Романова. Следовательно,

решение об участии Шеина принимал не царь, а главный министр, что косвенно подтверждает и факт посмертной реабилитации боярина: 30 ноября (10 декабря) 1642 г. с царского позволения останки Шеина перезахоронили в Троице-Сергиевой лавре, после чего внук воеводы, С.И. Шеин, и царский родственник Б.М. Лыков внесли богатые вклады (400 рублей плюс разные вещи) на поминание души казненного². Князь же Черкасский умер за полгода до того, в апреле 1642 г. Значит, только с кончиной брата-соправителя Михаил Федорович обрел свободу на объявление собственного отношения к «измене» полководца, прежде таким правом не располагал и безропотно исполнял чужую волю.

Но зачем Черкасский казнил Шеина? Чтобы осудить патриарха Филарета! Публично развенчать авторитет покойного дяди, отца августейшей особы, Иван Борисович, естественно, не мог. А умолчать о прямой вине патриарха в потрясшей страну смоленской катастрофе не хотел. От того и воспользовался политическим намеком. Ведь Шеин, в действительности, польскому королю «не присягал», а в меру способностей спасал подчиненных от гибели и неволи. Не Шеин виноват в том, что татарский набег в июле — августе 1632 г. вынудил отложить на месяц-полтора, до середины сентября, выдвижение русской армии из Можайска к польской границе. Воеводе, простоявшему несколько недель в резерве, упомянутого месяца и не хватило, чтобы овладеть Смоленском. Беззащитными же перед нападением крымчан южные «украинные» города оставил не кто иной, как патриарх Филарет. Не от Шеина зависела оборона юга и в 1633 г., когда орда царевича Мубарек-Гирея за три недели — с 17 (27) июля по 5 (15) августа — пронеслась по маршруту Ливны — Тула — Серпухов — Пронск — Дедилов, спалив огромное число усадеб, крестьянских дворов, хлебных амбаров и пленив до пяти с половиной тысяч человек. Опять же патриарх Филарет рискнул воевать на одном фронте, практически оголив другой. И как быть воеводе Шеину, солдаты которого, прослышав о «подвигах» татар, с конца 1632 г. стали разбегаться из-под Смоленска, устремляясь либо на родные пепелища, либо к врагу, либо в леса? Массовый характер дезертир-

ство приобрело с августа 1633 г., накануне подхода к осажденной крепости основных польских сил. Владислав IV «с посполитым рушением» явился под стены города 25 августа (4 сентября), в течение боев с 11 (21) по 19 (29) сентября деблокировал Смоленск, и затем, 9 (19) октября 1633 г., полностью окружил изрядно поредевшие, деморализованные полки Шсина. Отойти к Вязьме воевода не отважился, боясь растерять по дороге огромный парк тяжелой артиллерии, состоявший из более ста именных пищалей. Казенное добро стоило дорого, и патриарх Филарет строго спросил бы с Михаила Борисовича за растрату государева имущества. Так Шеин очутился в кольце, в коем четыре месяца ожидал помощи. А не дождавшись, 16 (26) февраля 1634 г. пожертвовал оружием и честью ради спасения оголодавших, упавших духом солдат. 19 февраля (1 марта) поляки пропустили восемь тысяч русских на восток, без пищалей, мушкетов и пороха, с валявшимися в ногах польского короля знаменами³.

Очевидно, что не «измены» Шсина обрекли на поражение русскую армию, а просчеты политического лидера Московии — патриарха Филарета. Лично ему и следовало ответить за смоленский позор, хотя бы уединением для покаянной молитвы в каком-нибудь монастыре, однако... Филарет скончался 1 (11) октября 1633 г., после чего бремя власти и исправления допущенных им ошибок сразу легло на плечи Ивана Борисовича Черкасского. Тринадцать лет напряженного труда (1619—1632) всей России, готовившей военный реванш, из-за авантюрных, поспешных дипломатических комбинаций престарелого архипастыря пропали втуне.

Кстати, сам Черкасский в годы правления патриарха не отсиживался в стороне, возглавлял ключевые приказы — Разрядный, Большой казны, Стрелецкий, Иноземский и Аптекарский, немало сделал для повышения боевого потенциала русской армии, финансового и материального обеспечения грядущей войны, а еще осторожно использовал дружеское расположение царя для снижения ущерба, наносимого стране торопливостью всемогущего дяди. Есть все основания утверждать: именно князь Черкасский через мать государя — инокиню Марфу — сорвал безумные планы

Филарета по развязыванию войны с Польшей уже в 1622 г. [планы эти 12 (22) октября 1621 г. одобрил Земский собор всех сословий]. Причем интригу сплел до того искусно, что патриарх заподозрил вмешательство не родного племянника, а троюродных — Бориса и Михаила Михайловичей Салтыковых.

Братья вкупе с Б.М. Лыковым до возвращения Филарета из польского плена в июне 1619 г. шесть лет де-факто управляли страной. Управляли плохо, ибо упустили шанс быстрого, с минимальными затратами, освобождения, минимум смоленских земель, максимум смоленских и ижорских, то есть побережья Финского залива от Нарвы до Невы. Салтыковы ослабили армию, рассорившись с вольным казачеством, и тем самым, не только продлили гражданскую войну до ноября 1618 г., когда чаяния казаков все-таки удовлетворили, но и едва не сдали полякам Москву той же осенью. На сей дуэт, некогда переживший польский «тайфун», патриарх и затаил обиду за внезапное упрямство Михаила Федоровича, который еще 14 (24) марта 1622 г. разослал по городам грамоты о мобилизации против поляков, а 26 марта (5 апреля) вдруг твердо решил, что сторожиться надо не их, а крымских татар. Злопамятный отец отомстил любимцам Марфы Ивановны при первой возможности, в октябре 1623 г., воспользовавшись разоблачением умышленной клеветы, возведенной Салтыковыми в 1617 г. на первую невесту Михаила Федоровича, Марию Ивановну Хлопову. Пришлось им ехать в ссылку, что до крайности разгневало царицу. Она в отместку помешала мужу женить сына на заморской, протестантского вероисповедания принцессе, обвенчав Михаила 19 (29) сентября 1624 г. с русской княжной — Марией Владимировной Долгоруковой. Скоропостижная болезнь «на четвертый день после свадьбы» и смерть молодой государыни 6 (16) января 1625 г. поневоле рождает, увы, бездоказательное, предположение о том, что патриарх в долгу не остался. Тем не менее ожесточенное соперничество супругов в 1624—1625 гг. за душу Михаила — факт установленный. По свидетельству одного голландца, покинувшего Москву в декабре 1624 г., царь и патриарх «долгое время... не встречались, и виной тому — настоящий

совет отца, чтобы сын вступил в брак, но не со здешней девицей, а из бранденбургского княжеского дома. Тогда мать изо всех сил воспротивилась этому... и все время, днем и ночью, хлопотала, чтобы поспеть первой, что и случилось». Тот же источник сообщает о расколе придворных на две фракции — отцовскую и материнскую, перечислив фамилии сановников каждой. Список лиц обращает на себя внимание тем, что один человек принадлежал к обеим группировкам — Б.М. Лыков. Похоже, при посредничестве Бориса Михайловича в семью Романовых на рубеже 1625/26 гг. вернулся мир, который закрепило бракосочетание 5 (15) февраля 1626 г. Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой⁴.

Об условиях компромисса можно догадаться: жена прекращала поддержку противников войны, если муж обещал дожидаться либо истечения срока Деулинского перемирия, заключенного с Польшей 1 (11) декабря 1618 г. сроком на четырнадцать с половиной лет, либо очень выгодной внешнеполитической конъюнктуры. Отставка 22 декабря 1626 (1 января 1627) г. и ссылка через шесть дней в Алатырь полонофила и пацифиста думного дьяка Посольского приказа Ивана Тарасевича (Курбатовича) Грамотина есть косвенный признак существования такого уговора. Грамотин ослуживал патриарха, рассердил «своим самоволством и упрямством». Учитывая, что за две недели до того, 3 (13) декабря, в Москве завершились дипломатические консультации с послами Швеции Александром Рубцовым и Георгом Бенгарттом при участии И.Б. Черкасского и М.Б. Шеина, Грамотин, скорее всего, пострадал за несогласование с Филаретом (но не с Черкасским) официального ответа от имени царя. Ответ сей, в принципе, дублировал то, о чем уведомили предшествующее посольство — Эверта Бромана и Генриха фон Унгерна — 25 апреля (5 мая) 1626 г.: «Добрый совет отомстить королю Сигизмунду великий государь принимает в любовь, мыслить о том будет, только теперь, в перемирные лета, сделать этого нельзя!» Мало того, Рубцову и Бенгарту запретили проезд «в Белую Русь и в Запорожье» зондировать настроения казацкой старшины. Патриарх же, наверняка, думал о более теплом приеме шведских гостей в надежде наладить тесный контакт с

воинственным королем Швеции Густавом II Адольфом. Однако Грамотин или... Черкасский его опередил, почему Филарету пришлось переключаться с северного (шведского) на сложное, южное (турецкое) направление в поисках первого партнера для антипольской коалиции. Естественно, думного дьяка в назидание другим покарали. Но важно отметить, что ни Черкасский, ни Марфа Ивановна, никто за почтенного «канцлера» не заступился...⁵

Разочарованные шведы охладели к Москве на целых два года, до подписания в сентябре 1629 г. Альтмаркского перемирия с Речью Посполитой. Челночная дипломатия с Османской империей затянулась надолго. Мурад IV идею совместной атаки Польши воспринял благосклонно. Однако кровопролитная война с Персией и интриги амбициозного каймакама, в феврале — мае 1632 г. великого визиря Резеп-паши не позволили султану сконцентрироваться на польском фронте ранее весны 1634 г. Между тем Деулинское перемирие заканчивалось 1 (11) июня 1633 г., Альтмаркское — осенью 1635 г. Понимая, что союзников в нужный момент не будет, и, не имея терпения на какие-либо еще ожидания, Филарет искусственно ускорил развязывание войны. Поводом послужила смерть короля Сигизмунда III 20 (30) апреля 1632 г. Формально она была выгодной внешнеполитической конъюнктурой. Фактически давала всего одно преимущество — выигрыш по времени до нескольких месяцев (около полугода), необходимых полякам для созыва сейма и избрания нового короля. Эту фору нейтрализовали два татарских набега, спровоцированные в 1632 г. неурожаем в Крыму, в 1633 г. — польским подкупом. Черкасский оказался бессилён перед напором патриарха, мечтавшего об освобождении Смоленска при жизни, и над которым судьба зло посмеялась. Впрочем, не все в России знали, на чьей именно совести смоленская катастрофа. Иван Борисович желал известить о том соотечественников. Только каким образом, если священную персону патриарха трогать возбранялось по определению? Наказанием ближайшего ее помощника, «правой руки», каковым и являлся боярин Михаил Борисович Шеин⁶.

О реакции народа на казнь воеводы источники немногословны. Разумеется, о подлинном значении церемонии сообразили немногие. Большинство подтекста в царском манифесте, конечно же, не уловило и искренне уверовало в измену Шеина. Немецкий путешественник Адам Олеарий умудрился в причудливой форме отразить и пересуды толпы, и мнение посвященных: «... вернувшись в жалком состоянии из-под Смоленска солдаты стали сильно жаловаться на измену генерала Шеина, из-за которой и более высокое лицо не без причины подверглось подозрению»⁷. Вот это сумбурное смешение «измены» с «подозрением» и взрастит очень быстро новую идеологию, идеологию «благочестия». Два военных краха менее чем за четверть века, убеждали лучше всяких слов в хронической недееспособности пережившего Смуту русского общества решить даже простую проблему возвращения Смоленска. И в 1613—1618 гг., и в 1632—1634 гг. оно по какой-то причине, невзирая на первоначальные воодушевление и успехи, неизменно в финале оказывалось у разбитого корыта. Черкасский «изменой» Шеина, намеком на Филарета подстегнул процесс прозрения: смоленский позор обусловлен нравственной деградацией русского человека.

По-видимому, первым сформулировал радикальную мысль со-рокалетний нижегородский поп Иван Неронов, прославившийся своей непримиримостью к брадобритию, а в конце 1631 г. дерзко осудивший планы войны с Польшей. Патриарх, прежде покровительствовавший ему, ученику троице-сергиева архимандрита Дионисия Зобниновского, отреагировал на мольбы священника «о умирении тоя брани» крайне жестко: 31 января (10 февраля) 1632 г. отправил проповедника на север, в двинский Николо-Корельский монастырь, под надзор местных монахов и игумена Сергия, где Неронов протомился около двух лет. Реабилитировал попа в 1634 г. И.Б. Черкасский, снявший опалу со всех, кто так или иначе помогал бороться с военным фальстартом батюшки царя. Уже 5 (15) октября 1633 г. он вызвал в Москву Ивана Грамотина, днем ранее — братьев Салтыковых и 3 (13) января 1634 г. взял младшего, Михаила Михайловича, ко двору в чине окольничего.

Отца Иоанна тоже пригласили в Москву для благой беседы с Михаилом Федоровичем и новым патриархом Иоасафом, затем отпустили с «дары от них многи» в Нижний Новгород⁸.

Там, на волжских берегах, в течение года возникли и новая «благочестивая» философия, и скромный кружок «ревнителей» истинного благочестия. Как всегда, становлению движения содействовал конфликт. Часть священников, ведомая попами Спасской и Архангельской церквей, не приняла постулаты Неронова по причине их неудобства для прихожан. Сторонники нового учения добивались запрета многогласия (разбивки текста молитвы или песнопения на ряд отрывков для одновременного произнесения двумя и более лицами), чтения часов на утренней службе, а не в обед, практики прокуратства (притворства нищим или юродивым), бобыльства пономарей, брани, рукоприкладства и хождения в церквях, пьянства, употребления в пищу «удавленины» (удушенных птиц и зверей), языческих забав с медведями, скоморохами, кулачными боями, колядованием, азартных игр. Оппоненты не понимали, зачем обеднять аскетизмом и без того трудную жизнь. О том, что самоотречение должно воспитать нового человека, радеющего об общем благе, а не о собственной корысти, нероновцы если и заикались, то опять же не находили сочувствия как среди коллег, так и у горожан, живших днем нынешним, а не грядущим.

В конце концов отвергнутые земляками, неоднократно битые ими, отчаявшиеся, восемь священников вместе с вожаком обратились за поддержкой к хорошему знакомому Неронова — патриарху Иоасафу. Весной или летом 1636 г. они отправили в Москву челобитную с описанием греховных пороков и зазорных привычек сограждан, подлежащих искоренению, для чего требовался указ святейшего владыки, авторитета непререкаемого для православных, и нижегородцев тоже. Иоасаф инициативу из Нижнего поддержал 14 (24) августа 1636 г., но не указом, а «Памятью», актом скорее рекомендательного характера. Сохранился экземпляр, адресованный московским иереям, почти дословно повторяющий пассажи челобитной⁹. Увы, расчет на патриарха не оправдался. Широкого отклика нижегородский манифест не имел, и второго

Кузьмы Минина из Ивана Неронова не вышло. «Память» «разбудила» единицы, и, похоже, одного из «проснувшихся» звали Стефаном Ванифатьевым.

О прошлом этого человека ничего не известно. Версия о службе диаконом в Благовещенском соборе в середине 30-х годов документально не подтверждается, ибо в списках причта главного храма и шести соборных приделов данное лицо не значится. При каких обстоятельствах обратил на него внимание боярин Б.И. Морозов, воспитатель («дядька») царевича Алексея Михайловича, мы тоже не знаем. Возможно, с ним водил знакомство протопоп Благовещенского собора Кремля, царский духовник Никита Васильев. Возможно, ему повезло случайно попасть в поле зрения самого Бориса Ивановича, либо кто-то из родных или друзей сановника хорошо отзывался о нем... Зато не подлежит сомнению, почему им заинтересовался Морозов. Вельможу привлекли начитанность, рассудительность и, особенно, ревностно благочестивый образ жизни Ванифатьева. Придет время и он использует эти достоинства в сугубо политических целях. А пока...

А пока нам стоит задаться вопросом: почему же воззвание нероновцев прозвучало, можно сказать, вхолостую? Ведь страна нуждалась в свежих идеях, способных переломить череду неудач. Почему нижегородцу Минину в 1611 г. посчастливилось всколыхнуть целый народ, а нижегородцу Неронову в 1636 г. нет? Потому что в 1611 г. у русского народа национальный лидер отсутствовал, а в 1636 г. был. Пока отец Иоанн в Нижнем оттачивал принципы духовного возрождения России, Иван Борисович Черкасский за два года, во-первых, сумел крупное военное поражение под Смоленском превратить в маленькую дипломатическую победу при речке Поляновке. 17 (27) мая 1634 г. послы Ф.И. Шереметев и А.М. Львов, опираясь на героизм защитников крепости Белой, создание за зиму в Можайске новой армии и обещание турок открыть той же весной второй фронт, вынудили поляков подписать мирный трактат, признавший Михаила Федоровича русским царем, а городок Серпейск с окрестностями — русской территорией. Во-вторых, князь занялся тем, что его предшественнику надлежало

сделать в первую очередь — строительством оборонительных рубежей на четырех дорогах (шляхах, сакмах) — Ногайской (рязанское направление), Изюмской, Муравской и Кальмиусской (тульское направление), по которым татары прорывались в густонаселенные районы страны.

К тому же вокруг первого министра собралась сильная команда единомышленников из старых и молодых кадров. Первую роль в ней играли три думных дьяка — Иван Тарасьевич Грамотин, с 19 (29) мая 1634 г. вновь руководивший Посольским приказом, Федор Федорович Лихачев (заместитель, в 1632—1633 гг. в ссылке, с осени 1635 г. де-факто глава приказа) и Иван Афанасьевич Гавренев, с 11 (21) августа 1630 г. служивший заместителем князя в Разрядном приказе. Другие отвечали за второстепенные сферы. Назар Иванович Чистой и Степан Кудрявцев помогали контролировать финансы в приказе Большой казны. Григорий Иванович Несчасв значился в приказе Большого дворца при А.М. Львове, часто отвлекаясь на особые задания, к примеру, в Приказ сыскных дел. Иван Минич Нестеров заведовал канцелярией Стрелецкого приказа. Похоже, большим доверием князя пользовался и Иван Васильевич Биркин, до октября 1628 г. дворецкий патриарха Филарета, затем в опале, а с 1632 г. ясельничий, управляющий царским Конюшенным двором.

Ему Черкасский поручил опробовать южнее Рязани совет служилых людей Г.Ф. Киреевского, М.И. Спешнева и И. Носа, допрошенных в Разряде 18 (28) августа 1635 г. Обыкновенное выяснение, в каком месте лучше строить новую крепость, обернулось пересмотром всей стратегии антитатарской обороны. Очевидно, Михаил Иванович Спешнев осмелился раскритиковать паблонные действия правительства, наметившего на 1635 г. возобновление разоренного в Смуту Орла, укрупнение Чернавска (восточнее Ельца) и закладку города на реке Воронеж. По мнению знатока, татарам путь в центр государства закроют не разбросанные по степи крепости и остроги, а сплошные фортификационные линии между естественными преградами — лесами и реками. Иван Борисович слушать подданных умел, и 5 (15) сентября

1635 г. Спешнев в паре с Биркиным возглавил предприятие по созданию «рязанской» сторожевой полосы. 11 (21) октября они заложили крепость Козлов (ныне Мичуринск), за зиму проинспектировали окрестные земли и 3 (13) марта 1636 г. получили санкцию Боярской думы на возведение земляного вала протяженностью в двадцать восемь километров. Козловская засечная черта высотой в три метра выросла за полгода, с 20 (30) апреля по 16 (26) октября 1636 г., имея на западном фланге реку Польный Воронеж, а на восточном — рску Челновая, за которой возникли еще три форпоста — Тамбов, Верхний и Нижний Ломов. Боевое крещение линия приняла 3 (13) августа того же года, отразив попытку прорыва татарского отряда западнее реки Челновой¹⁰.

Любопытный факт. Черкасский разрешил заселять Козловский рубеж крепостными в качестве вольных казаков. Пример заботы о подлом сословии с его стороны не единичный. Боярин сопротивлялся упразднению урочных лет поиска беглых, в феврале 1637 г. под давлением извне подняв планку с пяти до девяти, а в июле 1641 г. до десяти лет, запретил закабаление обедневших дворян, боролся с системой закладчиков, сокращавшей разночинное посадское население и ускорявшей рост холопства, юридически зависимого от светской и церковной аристократии. Умеряя власть «сильных мира сего», брат царя тем не менее не потерял в их доверии, ибо все хорошо понимали, во имя чего приносятся те или иные жертвы: Россия готовилась к третьему раунду битвы за Смоленск. А в нем должен участвовать народ, кровно заинтересованный в победе своего государства, государства, равнодушного к заботам если не каждого, то уж точно большинства общества. И Россия при князе Черкасском была таким государством. Оттого инициатива Неронова долгое время оставалась невестребованной.

Кульминацией девятилетнего правления стало легендарное «азовское сидение». До сих пор считается, что оно — результат самоуправства донских казаков. Увы, документов, прямо уличающих Москву в организации рискованной акции, нет. Однако логика событий и ряд косвенных данных уверенно свидетельствуют в пользу того, что взятие донцами Азова летом 1637 г. спланировано

в Кремле, и спланировано князем Черкасским. Эффективность сооруженного Биркиным и Спешневым козловского заслона на дальних подступах к Рязани побуждала русских снабдить аналогичной «пломбой» и три тульских бреши, а татар этому любой ценой помешать. Если бы крымская орда повадилась ежегодно вссной — летом неоднократно рейдами замедлять или вовсе срывать работы по насыпке земляных валов на Муравской, Изюмской и Кальмиусской сакмах, строительство надежной преграды как минимум влетело бы царской казне в копейчку. А могло и вообще не состояться. Чтобы рабочие артели на трех тульских шляхах трудились быстро и без простоев, внимание легкого на подъем южного соседа надлежало переключить на иной объект.

Азову и выпала миссия ложной цели. Осенью 1636 г. три фактора благоприятно сошлись в одной точке. Донское казачество, формально автономное, на деле материально зависимое от Москвы, уже несколько лет выпрашивало у Михаила Федоровича согласия на захват Азова собственными силами. В октябре 1634 г. отряд донцов даже на краткий срок примкнул к запорожцам, вассалам Польши, тщетно осаждавшим с августа крепость. Царь, однако, неизменно запрещал казакам задирать азовцев, сателлитов крымского хана и стоявшей за ним Турции, настаивал на большей активности против ногайских племен, а инциденты наподобие выше помянутого решительно осуждал.

Второй плюс: эмиграция из-за внутренних раздоров практически всех ногайских улусов в Крым к декабрю 1636 г., что избавило донских казаков от угрозы нападения враждебных кочевников с тыла. Наконец, в апреле 1635 г. в Бахчисарае воцарился новый хан — Инайет-Гирей, как вскоре выяснилось, желавший выйти из-под османской опеки. Знамя мятежа он поднял летом 1636 г., без боя разоружив турецкий гарнизон Кафы, после чего намеревался усмирить ногайскую орду Дивеевых, верную Стамбулу и кочевавшую западнее Перекопа. Таким образом, информация по линии Посольского приказа на исходе 1636 г. склоняла российское руководство к важному выводу: в течение весны 1637 г. Азов будет незащищен. Казаки смогут им овладеть и, по крайней мере, на две

кампании — 1637 и 1638 гг. — нейтрализовать татарский натиск на повышающее оборонную мощь русское приграничье. Официально благославлять Дон на штурм Азова, Москве не следовало, дабы не спровоцировать полномасштабную войну с Турцией. Разве что позволить осаду крепости конфиденциально, после чего, отмежевавшись от вольного казачества дипломатически, исподволь обеспечивать его волонтерами, провизией и оружием¹¹.

В первых числах октября И.А. Гавренев откомандировал в междуречье Ворсклы и Дона («на поле на Усерд реку») Ф.В. Сухотина с помощником Е. Юрьевым для выбора удобных позиций под засечную черту на пока еще уязвимых трех дорогах. Оба вернулись в столицу с чертежами и отчетом 26 декабря 1636 (5 января 1637) г. А неделей раньше, 20 (30) числа, в Москву приехала делегация донских казаков во главе с атаманом Иваном Каторжным. Формально за «государевым жалованьем», а в действительности...

Какие косвенные аргументы, кроме древнеримской аксиомы (ищи, кому выгодно), подтверждают реальность тайного одобрения Черкасским планов донских казаков? Во-первых, от Москвы зависело перекрыть каналы подвоза в Азов продовольственных и военных запасов. Она этого не сделала. Во-вторых, мотивы убийства казаками турецкого посла Фомы Кантакузина 5 (15) июня 1637 г. Они просто надуманные. По признанию казаков, посла, гостившего у донцов с зимы 1637 г., казнили за отправку посланий «к турецкому и крымскому царю для выручки ратных людей», осажденных в Азове. Между тем грамота, данная царем Ивану Каторжному 26 февраля (8 марта) 1637 г., четко предписывала, чтобы казаки «с азовцы помирились и турецкого посла Фому Кантакузина из Азова приняли... и з Дону его отпустили к нам к Москве с Степаном Чириковым и проводить их послали по прежнему обычаю». С.М. Чириков 24 мая (3 июня) 1637 г. под Азовом взял под опеку Фому Константиновича, но свою главную обязанность — предотвратить убийство османского дипломата — не исполнил. Не потому ли, что подчинялся другому, секретному указу: не мешать казацкому самосуду?! Ведь Фома Кантакузин, грек по национальности, познакомившийся с Грамотиным и кое с кем из

бояр еще в Смуту, в лагере «тушинского вора», за шестнадцать лет, с сентября 1621 г., посетивший несколько раз Москву, горячий сторонник войны России с Польшей, имел широкие связи среди московской бюрократии и в царском дворце, а значит, в отличие от других посланников султана, и реальный шанс проникнуть в тайну визита Ивана Каторжного в Кремль. Вот почему ему и всей его свите не дали приехать в столицу, а «порубили» под предлогом факта посылки в Турцию и Крым призывов о помощи, и шпионских сведений в сам Азов, факта, вымученного на пытке у кого-то из слуг. Подчеркну, погибли все, и глава миссии, и родственники (брат Юрий Кантакузин, два племянника, два шурина, три кума), и обслуживающий персонал, и даже священники. Все...

Третий момент. Взяв Азов, уничтожив почти всех мусульман, освободив из басурманского плена около двух тысяч православных, казаки не разорили тут же город, не взорвали крепостные стены и не ушли обратно на Дон, а стали ждать... татарско-турецкого нападения и бомбардировать русского царя просьбами о помощи, которая быстро приобрела большие размеры. Для казаков «азовское сидение» являлось бессмысленным, а для Москвы, напротив, крайне нужным, ибо татары, кроме короткого набега в сентябре 1637 г. к Новосилу, и то с целью проводить до Москвы турецкого курьера мурзу Хан-Кудабека с запросом об отношении Михаила Федоровича к дерзкой выходке казаков, вплоть до 1642 г. не тревожили русские окраины. Боялись контрудара азовских «разбойников» во фланг идущим на север ордам или через море на никем не охраняемый Крым.

Пять лет тишины Россия употребила на восстановление хозяйства, подорванного смоленской войной и татарскими рейдами, но, прежде всего, на активное возведение земляных валов и деревянных острогов на путях, ведущих к Туле. Не ошибись Черкасский с кандидатурой стольника И.И. Бутурлина, из склочности раскритиковавшего план Сухотина, утвержденный князем 7 (17) января 1637 г., то все три дороги успели бы накрепко перекрыть к завершению азовской эпопеи. Однако, «директор» Кальмиусского участка огульной хулой посеял в душе первого министра сомнения, побудившие перепроверить сухотинский отчет.

Новые инспекции и согласования затянулись на два года, причем велись недобросовестно. В итоге вместо земляных валов Кальмиусский (от реки Оскол севернее Валуек до реки Тихая Сосна) и Муравский (от реки Ворсклы до Белгорода) шляхи получили три крепости — Усерд, Хотымжск, Вольный — и пять (2 и 3) острогов. Лишь на Изюмском тракте воеводы А.В. Бутурлин и Д.П. Львов не злословили, а занимались делом и за три года (1637—1640) построили и земляной вал от Холанского леса (около реки Оскол) до реки Короч, и две крепости — Яблонов и Короч.

Наконец, факт четвертый. Обескровленный трехмесячным отражением турецкой осады азовский гарнизон покинул полуразрушенную, более непригодную для обороны крепость не прежде, чем узнал о соответствующем разрешении московского царя. Хотя казаки очень хотели уйти из города («итти врознь»), о чем свидетельствует такая подробность. Дьяк Михаил Иванович Засецкий с государевой грамотой, распускающей войско «по старым своим куреням», добрался до Азова 28 мая (7 июня) 1642 г. Однако там уже вовсю шла эвакуация «рухляди», пушек и прочих запасов «на Махин остров». Оказалось, казак Иван Заика с «радостной» вестью прискакал к защитникам за шесть дней «до ево, Михайлова, приезде», и те тут же засобирались в дорогу, не дожидаясь официального извещения. Кстати, в Москве, наоборот, не очень хотели сдачи туркам Азова. И когда делегация казаков во главе с Наумом Васильевым 28 октября (7 ноября) 1641 г. приехала к царю выпрашивать позволение казакам разъехаться по домам «после Рожества Христова вскоре», Черкасский 2 (12) декабря отправил в Азов комиссаров (Афанасия Желябужского и Арефья Башмакова) убедиться в том, что город, и вправду, еще год не продержится. Комиссия вернулась 8 (18) марта 1642 г. и подтвердила плачевное состояние азовской цитадели: «розбито все, и стены и башни испорчены». Только тогда Москва удовлетворила желание союзников с Дона¹².

Почему передышка длилась так долго, пять лет? Безусловно, рассчитывали на два, в идеале, на три года: год на мобилизацию турок, год — на осаду крепости, а третий, если повезет. И Черкаскому действительно повезло. Султан Мурад IV, выбирая из двух зол — войну за Азов или Багдад, предпочел начать с персидской

крепости. Год ушел на подготовку, другой — на поход к Багдаду. Нынешняя столица Ирака капитулировала 15 (25) декабря 1638 г. Так два «лета» превратились в четыре. Еще один год образовался из-за смерти Мурада IV 30 января (9 февраля) 1640 г., накануне выступления во главе огромной армии к Азову. Пока его преемник, Ибрагим I, знакомился с делами, благоприятное время для марша миновало. В итоге турки и татары обложили город 24 июня (4 июля) 1641 г., то есть по прошествии четырех лет со дня падения: казаки осадили крепость 21 апреля (1 мая), овладели штурмом 18 (28) июня 1637 г., затем спокойно копили силы, пополняя собственные ряды многими сотнями русских и запорожских волонтеров. Неприятель единственно попытался блокировать форпост с моря летом 1638 г., правда, без особого эффекта, ибо крымский хан с татарским войском подойти к Азову не осмелился. Отсрочка позволила хорошо укрепить крепостные бастионы и запастись необходимым резервом продовольствия и оружия. Как следствие, казаки, устояв под градом турецких пуль и ядер, вынудили грозного противника 26 сентября (6 октября) ретироваться¹³.

Иван Борисович Черкасский умер в момент принятия решения об оставлении Азова, 4 (14) апреля 1642 г. Сам он распорядился после доклада Желябужского или тот, кто наследовал ему, мы не знаем. Обнародовала вердикт Науму Васильеву со товарищи Боярская дума в Золотой палате 27 апреля (7 мая) 1642 г. Увы, с кончиной князя пресеклось все — и азовская акция, и строительство засечной системы, и мероприятия по укреплению посада — главного источника финансирования военного бюджета. Зато в 1643 г. возобновились разорительные набеги крымских татар. С марта по август они проверили на прочность рубеж Черкасского, с редким ожесточением пытаясь пробиться даже через крепкие валы Козловской линии. Но, нащупав слабинку — Муравский и Кальмиусский шляхи, именно туда устремились большими массами в августе 1644 и декабре 1645 гг. за легкой добычей, пленив, в совокупности, до десяти тысяч человек¹⁴. Такой высокой ценой оплатила Россия бутурлинский грех 1637 г., а тезис Ивана Неронова о необходимости нравственного очищения Руси в заочном споре о приоритетах неожиданно приобрел дополнительный аргумент.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МОРОЗОВ

Из тридцати двух лет царствования самостоятельно государством Михаил Федорович управлял чуть более трех лет, с апреля 1642 г. по июль 1645 г. Смоленским синдромом он не мучился, отчего центральная проблема России отошла на второй, а то и на третий план. Вперед выдвинулись интересы семейные, которые внезапно заострили всеобщее внимание на межконфессиональных различиях Востока и Запада, России и Европы, православных и протестантов. Царь вздумал женить на любимой дочери, Ирине Михайловне, принца Вальдемара, графа Шлезвиг-Гольштейнского, сына короля Дании Христиана IV. Блажь у государя возникла еще летом 1640 г. Черкасский ей не противился, хотя и не одобрял. В августе — сентябре 1641 г. состоялись смотрины. Принц прогостил в Москве почти месяц, очень приглянулся монарху и совсем не поправился царскому окружению. Преодолевав саботаж приближенных, государь добился, чтобы датчанин в январе 1644 г. приехал в Россию в качестве жениха царевны. Однако далее процесс застопорился из-за маленького разногласия. Русская сторона требовала от принца обращения в православие, иноземная от Москвы — признания тождества протестантской веры с греческой. Закулисные переговоры о правоверности обрядовых норм стремительно переросли в политический скандал.

Камнем преткновения оказался способ крещения — обливанием или погружением в воду. Протестанты-датчане не видели нужды в повторной процедуре. Ведь принца в детстве при крещении окропляли водой. Однако «москвиты» подобное за истинный обряд не считали и настаивали на том, чтобы молодой человек совершил таинство еще раз, трижды окунувшись с головой в пруду, озере или реке. Вальдемар, почувствовав себя пленником, в ночь на 9 (19) мая 1644 г. вознамерился сбжать из Москвы. У Тверской

заставы путь ему преградили стрельцы. Завязался бой, закончившийся оттеснением иноземцев назад, к Кремлю.

Михаила Федоровича выходка гостя не смутила. Он упрямо стоял на своем: крещению и браку быть. Для этого затеял провести дебаты на волновавшую датчан тему. Первый тур длился неделю. 28 мая (7 июня), 2 (12) и 3 (13) июня 1644 г. пастор принца, Матиас Фельгабер, и три русских священника — протопопы Благовещенской и Черниговской церквей Никита Васильев и Михаил Рогов, ключарь Успенского собора Иван Наседка — спорили в узком кругу, при посредничестве переводчиков. Верх одержал, увы, лютеранин, напомнив оппонентам, что использованный автором Священного Писания греческий глагол имеет двойное толкование — и погружение, и обливание или окропление. Глава русской делегации, духовник царя, стушевался перед языковыми познаниями иностранца и не придумал ничего лучшего, как на третий день подключить к прениям шесть священников-греков, которые, не обнаружив в лингвистических аргументах Фельгабера прорехи, лишь упростили его преимущество.

Пришлось россиянам на целый год брать тайм-аут. Предлогом обеспечили сами датчане, предложившие пригласить на диспут арбитров — католиков-поляков. Пока ожидали послов из Варшавы, Рогов с Наседкой искали уязвимое звено в протестантской позиции. Параллельно царь испробовал ряд обычных мер убеждения. «Королевича» спаивали, запугивали, ссорили с Фельгабером. Все тщетно. 13 (23) января 1645 г. в Москву из Польши приехал кастелян Брацлавский Гавриил Стемпковский, который на встречах с министрами царя скорее сочувствовал Вальдсмару, чем Михаилу Романову. Наконец, к лету 1645 г. два русских священника доложили о своей готовности, после чего 4 (14) июля 1645 г. в верхнем апартаменте Посольской или «Ответной» палаты царского дворца прошел второй раунд прений, раунд-реванш. Русское правительство, похоже, не сомневалось в успехе, коли придало событию публичный характер. Обе стороны спорили в расширенном составе, в присутствии судьи — польской делегации — и при стечении многотысячной толпы, заполонившей

площадь снаружи, под окнами парадного зала. Не исключено, что и Михаил Федорович наблюдал за дискуссией из потаенной комнаты наверху, куда мог незамеченным пройти по особому коридору, а подняться по небольшой круглой лестнице. Царь даже хотел в сопровождении бояр открыто посетить мероприятие, однако в последний момент почему-то отказался.

На сей раз русское духовенство, и вправду, выглядело предпочтительнее, ибо навязало сопернику бой на историческом поле, вооружившись фактом крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем через погружение в воду. Апелляция Матиаса Фельгабера к Ветхому Завету, сочинениям Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и прочих богословов перевесить поступок Спасителя никак не могла. Так что теперь датчане поторопились, свернув дебаты, уйти на перерыв. Но прежде пастор поднес «спикеру» прений — думному дьяку Посольского приказа Г.В. Львову — «тетрадь в десть» с двадцатью аргументами в пользу обливания.

Однако очередной дуэли не было. В ночь на 13 (23) июля царь Михаил Федорович умер, единственный, кто всерьез желал русско-датской свадьбы. А потому более принца Вольдемара задерживать никто не собирался. Дважды — 17 (27) июля от имени нового царя и 3 (13) августа 1645 г. от имени царя и патриарха — ему предлагали перекреститься по православному обряду и жениться на царевне Ирине Михайловне. Дважды он не соглашался. И тогда 20 (30) августа 1645 г. «окаянного» выпроводили «в свое наследие»¹.

Хотя Михаил Федорович и скончался скоропостижно, а слухи об «окормлении» государя гуляли по стране, тем не менее вряд ли они отражали истину. Конечно, августейший каприз задевал многих, в первую очередь, царевича Алексея Михайловича. Опасность завещания царем престола новобрачной паре, а не старшему сыну существовала реально. В то же время и духовенство, и боярство не радовала перспектива проникновения датского влияния в царские чертоги. Первых беспокоила чистота веры, вторых — политические амбиции принца. По большому счету, государь играл с огнем, продавливая брачный проект, поневоле формируя из ближайшего

окружения мощную антидатскую коалицию. В случае нужды она ради общего блага не побрезговала бы и цареубийством.

Впрочем, в июле 1645 г. действовали два фактора, охранявшие Михаила Романова от покушения. Во-первых, лютеранский фанатизм «королевича», который скромное торжество Рогова и Наседки едва ли пошатнуло. Во-вторых, союз лидеров двух дворцовых партий — А.М. Львова и Б.И. Морозова. Алексей Михайлович Львов, «дворецкий», шеф приказа Большого дворца, возглавлял правительство царя Михаила Федоровича. Борис Иванович Морозов, родственник И.Б. Черкасского, «дядька» царевича, готовился возглавить правительство царя Алексея Михайловича. Официальный глава правительства, заседавший в приказах Разрядном, Стрелецком и Большой казны, Федор Иванович Шереметев настоящей властью не обладал. Из сказанного видно, что Львову устранение царя не выгодно, пока есть надежда на фиаско высочайшей затеи. А Морозов в ущерб партнеру, разумеется, действовать не будет.

Таким образом, воцарение Алексея Михайловича утром 13 (23) июля 1645 г. являлось вполне законным. Более того, выдвижение на первые роли воспитателя юного монарха и уход в тень прежнего главного министра (при сохранении занимаемой должности) покончило, к счастью, с кратким периодом прозябания, почивания на лаврах достигнутого Черкасским. Морозов жаждал продолжить, довести до логического конца дело Ивана Борисовича. Вот только начал боярин с несколько странного шага: нашел достойную смену старому приятелю, протопопу Благовещенского собора Никите Васильеву, решившему посвятить остаток жизни монашеству. Царский духовник частенько одалживал Борису Ивановичу какой-нибудь услугой (пассивностью на церковных прениях с датчанами, кстати, тоже). Не исключено, что одолжил и на этот раз. Не по рекомендации ли протопопа Морозов выбрал ему в преемники кроткого священнослужителя Стефана Ванифатьева?! «Муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устех имеяй... глаголаше от книг словеса полезныя, увещевая с[о] слезами... ко всякому доброму делу»². Именно по-

добного склада, «учительного», духовный отец первому министру и требовался. Зачем?

10 (20) марта 1645 г. царевичу Алексею Михайловичу исполнилось шестнадцать лет. С пяти лет, то есть с 1634 г., он обрелся под неусыпной опекой Бориса Ивановича, помощником которого тогда же стал другой близкий И.Б. Черкасскому сановник — Василий Иванович Стрешнев. Обоих пожаловали из стольников в высокие чины в один день — 6 (16) января 1634 г. Морозова — в бояре, Стрешнева — в окольничии. Они воспитывали отрока и учили традиционным наукам — грамоте, чистописанию, слову божьему, ратным премудростям. В какой-то момент кто-то из педагогов заметил особое пристрастие царевича к церковной литературе. Оно и пригодилось Морозову при возобновлении курса на военный реванш против Польши. Летом 1645 г. возраст августейшего юноши уже позволял проявлять политическую самостоятельность, и первый министр боялся, что неосторожное вмешательство молодого царя в большую политику может нанести непоправимый ущерб. Судя по всему, Борис Иванович в те дни догадывался, что времени на предвоенные хлопоты остается совсем мало, а за предыдущий трехлетний простой стране придется заплатить очень дорого. И чтобы царская неопытность не усугубила потери, государя следовало отвлечь от государственных забот чем-нибудь более интригующим. Учитывая очевидный интерес Алексея Михайловича к религии, на что-то необычное из этой области и надлежало обратить его внимание. Стефан Ванифатьев с бросающейся в глаза благочестивостью показался боярину Морозову весьма подходящей фигурой. Потому он и не замедлил с его назначением в протопопы Благовещенского собора. Во всяком случае, 28 сентября (8 октября) 1645 г. на церемонии венчания на царство Алексея Михайловича Ванифатьев присутствовал в новом качестве — духовника царя³.

Протеже Морозова и, возможно, Васильева легко добился того, чего желал вельможный покровитель. Искренность Ванифатьева, красноречие и начитанность, тихий нрав подкупали и собеседника, умудренного жизнью. Что же говорить о молодом венценосце.

Разумеется, Алексей Михайлович заразился идеями Ванифатьева и с головой ушел в мир православных обрядов, канонов и текстов. К тому же внимал юноша учителю не в одиночестве, а в компании с другим молодым человеком, лет двадцати, набожным и неплохо образованным. 8 (18) сентября 1645 г. Федор Михайлович Ртищев, рядовой стряпчий, сын ветерана смоленской войны, лихвинского дворянина, с 6 (16) сентября 1645 г. царского стряпчего «с ключем», то есть хранителя царского гардероба, помощника постельничего, вдруг удостоился чести быть у «государя в комнате, у крюка». Понятно, кто позаботился о появлении у высочайшей особы просвещенного камердинера. Морозов специально подобрал Алексею Михайловичу старшего товарища из семьи с высокими моральными принципами, у которого родной дядя по матери — Симеон Потемкин — был книжником и знатоком трех языков — латинского, греческого и польского.

Похоже, Борис Иванович стремился создать подле царя подобие религиозного кружка, изучающего и обсуждающего проблемы благочестия русского народа, по-существу, московский аналог безобидного нижегородского сообщества, почти десять лет боровшегося за народную нравственность, увы, без особого успеха. И чем больше членов, лояльных Морозову, в нем состояло бы, чем оживленнее они спорили между собой, тем позднее у государя пробудился бы интерес к управлению государством. Вот и подключилась к рекрутированию новых «христолубцев» вся команда Морозова, в том числе и думный дьяк Посольского приказа [с 1 (11) сентября 1643 г.] Григорий Васильевич Львов, прежде подьячий и дьяк того же приказа, а по совместительству с весны 1635 г. учитель русского письма царевича Алексея⁴. Младший брат Львова, Борис Васильевич, десятилетием ранее в Троице-Сергиевой лавре участвовал в литературных изысканиях друзей ее архимандрита, Дионисия Зобнинского, преклонявшегося перед подвижничеством Максима Грека (1470—1556), а теперь под именем монаха Боголепа обустроивал Богоявленский монастырь на Кожеозере под Онгой. Морозов не мог пренебречь им, книжником, практиком, родственником ближайшего сорат-

ника, и не послать ему вызов в столицу. Кожеозерского гостя, определенно, ждали в Москве в начале 1646 г. И он туда приехал. Правда, с товарищем, которого звали Никон.

Приезд игумена Кожеозерского монастыря Никона в Москву в 1646 г. был для России столь судьбоносным, что нам стоит разобраться в причинах прибытия к царю двух кожеозерцев, а не одного. Если коротко, то в основе стремительного возвышения Никона лежал конфликт двух выдающихся деятелей церкви, близких царской семье и управлявших главной святыней России — Троице-Сергиевой лаврой. Если же подробнее, то...

С конца XVI века в лавре по воле царя Федора Иоанновича, а скорее Бориса Годунова, возникло новое правило — на экономические должности келаря (деньги тратит) и казначея (деньги копит) назначать монахов Соловецкого монастыря. Архимандриты (лидеры по закону номинальные) по-прежнему избирались из «местных». Первый «десант» с Белого моря в сердце православной России перебросили в 1593 г. Реформа быстро прижилась, и даже Смута не внесла разлад в новый порядок. Система функционировала эффективно до тех пор, пока в обители имелся один авторитетный глава — архимандрит или келарь. Появление сразу двух влиятельных командиров, естественно, нарушало идиллию. А именно это и произошло в мае 1622 г., когда Михаил Федорович вдруг срочно затребовал с Соловков монаха Александра Булатникова, совсем недавно покинувшего Москву после недолгого надзора за устроением Соловецкого подворья.

Вспомним, что случилось весной 1622 г. в царском доме — размолвка отца с сыном из-за войны с Польшей. А кто руководил в те дни богатейшей на Руси церковной вотчиной? Дионисий Зобнинский, в миру Давид Федорович, архимандрит Троице-Сергиевого монастыря с февраля 1610 г. Герой антипольского сопротивления, благословивший Минина и Пожарского на освобождение Москвы, невинно оклеветанный в 1618 г. и реабилитированный год спустя самим Филаретом Никитичем, архимандрит Дионисий принадлежал к верным и ближайшим сторонникам

патриарха. Келари, ясно, связываться с соратником святейшего «великого государя» избегали, и безропотно оплачивали счета духовного наставника. Не допустить разбазаривания Филаретом доходов и имущества лавры на военные и дипломатические авантюры! Вот зачем понадобился молодому царю, царице Марфе и стоявшему за ними И.Б. Черкасскому, Александр Булатников, будучи до 1621 г. казначеем родной обители, оберегавший от расхищений и необоснованных трат монастырскую казну.

В Троице он занял более высокий пост келаря, отвечавшего как раз за вложения денег в выгодные для братьев предприятия (предшественник, инок Моисей, «отработал» «экономом» всего год). Дабы поднять авторитет своего протекже, царская семья приглашала монаха в крестные новорожденных царевен — Ирины Михайловны в мае 1627 г. и Пелагеи Михайловны в мае 1628 г. Правда, династия больше нуждалась в мальчике. И тогда не кто иной, как Булатников посоветовал царской семье обратиться к почитаемому им самим старцу Елеазару, около 1624 г. в чине «строителя» возглавившему скит на Анзерском острове (расположен чуть восточнее Соловецкого), основанный с царского благословения в 1620—1621 гг. черным священником Варлаамом. К совету прислушались. Елеазара привезли в Москву. Уговорили помолиться Господу о наследнике. Предоставили келью в кремлевском Чудовом монастыре...

17 (27) марта 1629 г. мальчик родился. Его нарекли Алексеем, а в крестные опять же позвали Александра Булатникова. Понятно, насколько высокое августейшее доверие имел отныне Троицкий келарь, покровитель анзерских отшельников. Преподобному Дионисию спорить с ним, настаивать на чем-либо было опасно. Но, видно, архимандрит спорил и настаивал, почему временами терпел побои и унижения от своего оппонента. Примечательно, что кульминации противостояние достигло под конец жизни Зобниновского. Архимандрит умер в мае 1633 г. Посему резонно подозревать наличие прямой связи между ссорами двух клириков и подготовкой страны к войне с Польшей, которая и для Дионисия, и для Филарета оказалась роковой. Оба ее не пережили.

Тем не менее обиды, нанесенные почтенному старцу, Булатникову аукнутся, и довольно скоро. Ученики и соратники Дионисия не простят царскому любимцу заносчивости и жестокости по отношению к их духовному лидеру. Борис Львов, будучи молодым членом кружка, тоже. Как он познакомился с архимандритом, неизвестно. Хотя один ряд совпадений позволяет предполагать, что в Троице-Сергиеву лавру Львова увлек другой соловецкий монах — Иван Иванович Сороцкий, после пострижения в 1624 г. Иоасаф. В 1630 г. Сороцкий возглавил строгие монастырское подворья в Москве. Впрочем, руководил им лишь несколько месяцев, после чего отправился казначеем в Троицу. Там и примкнул к интеллектуалам, под руководством Дионисия изучавшим антикатолическую книжность Киевской митрополии, этическое мировоззрение Иоанна Златоуста и Максима Грека. В июле 1634 г. под предлогом «немощи» или, действительно, по слабости здоровья выпросил у царя отставку и ушел на Соловки, где в 1635 г. занял пост келаря. Тут же в 1637 г. мы обнаруживаем и Бориса Львова, переписывающего с благословения Сороцкого «Синтагму Матфея Властаря». Поздней осенью 1637 г. старец умер, а примерно через год Львов перебрался с Соловков на Кожеозеро, где в 1639 г. и преобразился в монаха Боголепа.

Весной 1642 г. в Соловецкую обитель вернулся Булатников. Преемник Сороцкого на посту казначея, любимый ученик Дионисия Симон Азарьин (в миру Савва Леонтьевич Азарьин), друг Боголепа Львова, сумел дискредитировать крестного царевича в глазах государя, добился в 1641 г. следствия над ним, затем отстранения и изгнания восвояси. И вот ирония судьбы. К лету 1642 г. Кожеозерская обитель осталась без игумена. Де-факто в ней «воцарился» Боголеп Львов — родственник «зама» главы Посольского приказа, воспитанник славного архимандрита Троице-Сергиевой лавры, собеседник кожеозерского отшельника Никодима Хозьюгского, житие которого он намеревался написать. А поблизости, на «особном острове» посреди озера около трех лет духовный подвиг совершал иной затворник, бежавший из Анзерской пустыни иеромонах Никон, в прошлом любимец старца Елиазара, посетивший

с ним около 1637 г. Москву ради сбора милостыни на ремонт анзерской церкви, а затем с учителем повздоривший.

Да, точных сведений о причастности Александра Булатникова к избранию до 31 августа (10 сентября) 1642 г. Никона игуменом Кожеозерского монастыря нет (его вклад в этом чине в казну обители деньгами и вещами на сумму сорок пять рублей датирован 7150 г.). Однако какая из двух версий выглядит правдоподобней? О признании братьями достоинств чужака, едва вымолившего у них позволение «в той пустыни жити», предпочитавшего самоизоляцию общему столу?! Или об интриге влиятельной персоны, пожелавшей насолить недругу, первому претенденту на открывшуюся вакансию?!

Кстати, Иван Шуперин, биограф Никона, ни словом не обмолвился ни о Львове, ни о Булатникове, хотя факт покровительства последнего будущему патриарху подтверждает владельческая надпись на экземпляре «Евангелия», подаренном Никоном в 1661 г. Ново-Иерусалимской обители на Истре: «Евангелие старца Александра Булатникова». Книга эта напоминала о чем-то важном, раз опальный патриарх пожертвовал ее не кому-нибудь, а дорогой сердцу патриаршей резиденции. К тому же Никон — питомец Елеазара Анзерского, «человска» Булатникова. Это дополнительный аргумент в пользу вмешательства властного келаря в процесс избрания. Ведь ему ничего не стоило прислать на Онегу кого-то, кто внушил бы монахам соответствующую рекомендацию. Третья версия (историка С.В. Лобачева) о протекции Боголепа Львова и финансировании им денежно-вещевого вклада, внесенного Никоном в казну монастыря в качестве игумена, сомнительна, в первую очередь, из-за невероятности выдвижения Львовым в командиры, ему послушные, чужака, отшельника, практически «кота в мешке». Он рисковал нарваться на личность волевою. Каковой, между прочим, Никон, в результате, и оказался.

Нет, нереально, чтобы Боголеп, властный монастырский «строитель» (официальное звание Львова), так опростоволосился, что без какого-либо давления извне допустил на ключевой в обители пост того, кто ему подчиняться не собирался. Ссылка

на царские грамоты, составленные в недрах Новгородской чети, структуры зависимой от Посольского приказа, теряет свой вес, если вспомнить, что Архангельская земля — территория той чети подведомственная, и все делопроизводство, касающееся края, оформлялось через нее. Увы, не к выгоде Львова митрополит Новгородский Афоний хиротонисовал в 1642 или 1643 г. Никона игуменом Кожеозерского монастыря. И вряд ли радовала Боголепа деловая хватка «анзерского» хозяина, при котором обитель расцвела, разрослась и добилась от Михаила Федоровича новых привилегий (все-таки грамоты жаловал царь, кум Александра Булатникова, а не думные дьяки Федор Лихачев или Григорий Львов), увеличила рыбный промысел и соледобычу. Достижения соперника, конечно же, уязвляли самолюбие старца, утратившего контроль над братьями и монастырской казной.

И вдруг в феврале или марте 1646 г., уже от царя Алексея Михайловича, Львову пришел вызов в Москву. Догадывался он или нет, зачем понадобился властям предрежащим, только покидать укромный, тихий уголок на Кожеозере и «желаемый... путь иночества» не хотелось. Оттого «строитель» и применил стандартный ход избавления от неудобного сослуживца: предложил сопернику уйти на повышение в Москву. То, что события развивались именно так, подтверждает такая запись во вкладной книге Кожеозерского монастыря на листе, зафиксировавшем пожертвования Г.В. Львова: «Да во 153-м году, что были занеты в кабалу денег сто рублей (а занял те денги игумен Никон, как был на Москве) и во 154-м, как был брат ево родной старец Боголеп Лвов на Москве, и те денги заемныя Григорей Васильевич дал вкладом в монастырь по себе и по своих родителех. А кабала, что была на игумена Никона, и он ту кабалу в тех заемных денгах выдал».

В 7153-м, то есть до 1 (11) сентября 1645 г. В 7154-м означает между 1 (11) сентября 1645 и 1 (11) сентября 1646 г. Никон приезжал в Москву, скорее всего, еще при Михаиле Федоровиче и, судя по цитате, уехал из столицы должником братьев Львовых. Смысл происшедшего очевиден. Сто рублей — деньги великие, и Никон едва ли способен, не залезая в монастырскую кубышку,

их наскребсти для отдачи в срок. Ему грозила кабала вплоть до холопства, а спасение сулило одно — взаимовыгодный обмен: он покинет монастырь; Львовы простят ему долг. Полагаю, Никон добровольно пошел на эту сделку, чтобы осуществить какой-то важный проект, на который денег не хватало. Однако с воцарением Алексея Михайловича положение Львовых изменилось, и уже им понадобилась какая-то услуга со стороны Никона, за которую они аннулировали заем. Какая, легко понять, если вспомнить, что старец Боголеп уезжать с Кожеозера не хотел. Уехал другой, амбициозный ученик Елиазара, невольный «попутчик» Булатникова, с удовольствием воспользовавшийся «добротой» брата главы Посольского приказа. Похоже, в Москву они прибыли вместе, чтобы быстрее уладить дело⁵.

Эта рокировка удовлетворила всех. Львов-младший восстановил власть над Кожеозерским монастырем, продвигая на пост игумена лояльных «строителю» иноков. Львов-старший и Морозов приобрели не очень начитанного, зато энергичного, умного, самоотверженного аскета и подвижника — недостающее звено к теоретически подкованному Ванифатьеву. Недаром Никону мгновенно подыскали хорошую «работу» — архимандритство в Новоспасском монастыре, родовой усыпальнице Романовых. Но все-таки больше всего от сюрприза Боголепа Львова выиграла Россия...

В отличие от кружков Дионисия и Неронова кружок Ванифатьева создавался искусственно. Поэтому нас не должна удивлять его малочисленность — всего четыре или пять членов (Алексей Михайлович, Стефан Ванифатьев, Федор Ртищев, Никон, и, возможно, Анна Вельяминова, старшая сестра Ртищева). Историки до сих пор ищут «других лиц», в нем участвовавших. Ищут тщетно. Действительно, трудно поверить, что в Москве почти три года «ревнителями благочестия» являлись максимум пять человек. Однако знакомство с Никоном, похоже, побудило Морозова скорректировать планы и предпочесть количеству качество.

Что имеется в виду? Обнаружение первым министром страшного антагонизма между двумя концепциями нравственного перевоспитания народа. Первая опиралась на опыт прошлого, вторая — настоящего. Если Ванифатьев видел идеал в сплоченности существовавших за границей малороссийских и греческих братств, сформировавшихся вокруг монастырей, то Никон — в русском духовном единстве периода борьбы с Золотой ордой и крушения альма-матер православия — Византийской империи — в середине XV века. Позицию царского духовника игумен с Онеги сразу же встретил в штыки, прокомментировав примерно так: «Гречане-де и малые Росии потеряли веру, и крепости и добрых нравов нет у них. Покой де и честь тех прельстила, и своим де нравом работают. А постоянства в них не объявилось, и благочестия ни мала».

Впрочем, Борис Иванович, наверняка, подметил, что главное различие двух подходов заключалось не в содержании, а в форме, точнее, в обрядах. Московская Русь исторически сохранила обрядовые нормы Византии эпохи расцвета, то есть тысячелетней давности. Греки же и украинцы, угодившие под власть иностранцев и иноверцев — османов и поляков, вынужденно пошли на компромисс, изменивший внешний вид богослужений. При всем при том внутренний мир большинства православных из турецких епархий и Киевской митрополии эталону благочестивого образа жизни хорошо соответствовал. Как соответствовала ему и степень благочестивости русского человека времен Дмитрия Донского, Иоанна III Великого или народных ополчений (1611—1612). Правда, завидную силу духа народного в каждом из этих случаев порождал и взращивал не чей-то сознательный порыв, а унижения и притеснения со стороны чужеземного владычества. Политический и религиозный гнет турок и поляков, татар и опять же поляков заставляли людей на Балканах, по берегам Днепра, Волги и Москвы-реки выживать за счет постоянной взаимовыручки и стойко переносить любые лишения и беды. Но стоило гнету исчезнуть, коллективное начало быстро вытеснялось индивидуальным, размывая и ослабляя былое единение. С последним и столкнулась Россия при царе Михаиле Федоровиче.

Многие, очень многие ностальгировали по ушедшей эпохе, в том числе и Ванифатьев с Никоном, видевшие, один юношей, другой мальчишкой, энтузиазм двенадцатого года, и друзья Дионисия Зобнинского, и Иван Неронов с нижегородскими товарищами. Всем хотелось вернуться в те славные дни, и все черпали вдохновение в примерах русского происхождения, то есть в русской истории, недавней и далекой. Об образцах зарубежных помышлять не смели, помня горькие уроки Смуты. Все, кроме Ванифатьева. Проницательный протопоп Благовещенского собора, по-видимому, первым понял, что, оглядываясь назад, реанимировать народную самоотверженность во имя высокой цели не получится. Нужна серьезная мотивация из настоящего. А в настоящем имелись единственно страдания православных общин от ига турецких султанов и польской шляхты. Апелляция к их опыту или помощь им могли в какой-то мере вновь отмобилизовать россиян. Кружок Зобнинского, политикой не увлекавшийся, и Неронов, к политике равнодушный, подобное отвергали из-за разности обрядовых норм «у нас» и «у них». Заимствования греками и малороссами католических черт воспринимались ими как капитуляция перед римским Папой, а ориентация на юго-западный пример, как наведение моста для проникновения в Святую Русь вредной, еретической западной культуры.

Морозову-прагматику взгляды Ванифатьева, наоборот, импонировали. Ведь союз с Украиной практически гарантировал победу в грядущей войне с Польшей за Смоленск. И перспективы такого альянса осенью 1645 г. уже просматривались на внешнеполитическом горизонте. Зато на горизонте внутреннем после напумевшего чуть ли не на всю Европу русско-датского спора о методах крещения наблюдался заметный рост авторитета соратников и учеников архимандрита Дионисия — Ивана Васильевича Шевелева (Наседки), Михаила Стефановича Рогова, Симона Леонтьевича Азарьина. Под патронажем дворецкого А.М. Львова ключарь Наседка (в 1621—1622 гг. сопровождал боярина в Данию) и протопоп Рогов в звании справщиков (с осени 1638 г. или весны 1639 г.) теперь координировали деятельность Московского печат-

ного двора. Азарьина в 1645 г. избрали келарем Троице-Сергиевой лавры. В ноябре 1646 г. справщики опубликовали важную для православных книгу приятеля-келаря «Службы и жития и о чюдесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобнаго отца и чудотворца Никона», в феврале 1647 г. — первый тираж нравоучений Ефрема Сирина, спустя полгода, в августе, второй. Между тем Азарьин по просьбе Боголепа Львова взялся за сочинение жития учителя — Дионисия Зобниновского. Сам брат «посольского» министра в ту пору трудился над житием Никодима Кожеозерского (Хозьюгского).

А в марте 1647 г. впервые свет увидел печатный вариант «Лествицы» Иоанна Синайского — автобиографической истории о тридцати ступенях самоочищения души. Книгу к изданию подготовил соловецкий монах Сергей Шелонин, приехавший в столицу за три года до того с рукописью «Алфавитного патерика» — сборника житий святых. Однако патриарх Иосиф считал первоочередным распространение в народе личного опыта «Лествичника», игумена Синайского монастыря, жившего в шестом веке нашей эры. И за успешную работу щедро отблагодарил Шелонина возведением в мае 1647 г. в архимандриты костромского Ипатьевского монастыря. Судя по вышеизложенному, умеренное крыло просветителей свято-троицкой школы с 1645 г. разворачивало в стране мощную кампанию внушения народным массам высоконравственного образа жизни, избрав главным оружием Книгу биографического, житийного жанра. Чего «радикал» Иван Неронов категорически не принимал, по-прежнему, насаждая благочестие в Нижнем Новгороде проповедями да кулаками, и по-прежнему без ощутимого успеха.

Легко догадаться, чем грозило приглашение кого-либо из перечисленных лиц или их единомышленников в партнеры Ванифатьева. Изучение малороссийской модели православия пришлось бы прекратить во избежание идейных склок в присутствии высочайшей особы. К тому же еще неизвестно, чью точку зрения на первом году знакомства с проблемой поддержал бы Алексей Михайлович — отца Стефана или троице-сергиевских питомцев.

На этом фоне Никон, по духу тоже «радонежец», обладал одним преимуществом — беспартийностью. За неимением какой-либо протекции как во дворце, так и за кремлевскими стенами, игумену Кожеозерского монастыря для вхождения в ближний круг царя не стоило настаивать на принципах, царскому кругу неудобных. И Никон нисколько не настаивал. Сообразив, что критика юго-западных славян не приветствуется, больше данную проблему не будоражил, а личную принципиальность проявлял в других областях.

Иван Шушерин в «житии» обмолвился о примечательном факте — приезде Никона «по вся пятки... к... великому государю вверх к заутрени», когда «многих обидимых вдов и сирот прошением своим от насильствующих им избавляше». Вот какую роль при царе придумал себе наш герой! Народного адвоката! Уполномоченного по правам человека, говоря по-современному. В этом статусе он и закрепился в царском кружке. А Морозов оценил и покладистость, и изобретательность львовского выдвиженца, почему и поощрил назначением в архимандриты Ново-Спасского монастыря. Благо, и в религиозном кружке ему нашлось дело — мягко оппонировать Ванифатьеву. Не спорить, а задавать интересные, подчас неудобные вопросы, чтобы беседы духовника с молодежью (государем и Федором Ртищевым, возможно, с Анной Вельяминовой) не превращались в монолог одного актера. Кстати, благодаря Шушерину мы знаем о периодичности богословских занятий в расширенном составе — раз в неделю по пятницам. А еще и причину любви и привязанности Алексея Михайловича к Никону.

До 1648 г. Морозов запрещал допускать к рассуждениям с монархом о благочестии иных книжников и старцев (за исключением Б. Львова, изредка навещавшего Москву). От того лучшие церковные умы России, как-то Наседка, Азарьин или Шелонин, не имели с кружком никаких отношений. Даже родного дядю Ртищева — Симеона Потемкина, проживавшего в Смоленске, не перевели в Москву к родному племяннику. Фактически Алексей Михайлович изо дня в день общался с одним ученым человеком — Ванифатьевым. При всем уважении к наставнику, царь не мог не

чувствовать себя в определенной изоляции, которую регулярно нарушали только пятничные визиты игумена, затем архимандрита Никона. Гость оживлял беседу, приносил в нее свежие нотки, новые темы. За два года юноша и полюбил, и научился дорожить этими посещениями, надолго запомнив того, кто умел помогать всем страждущим — и нищим вдовам, и бедным сиротам, и одинокому «великому государю».

И все-таки Ванифатьев обладал уникальным талантом проповедника. Ведь протопоп сумел распропагандировать в пользу греческой и малороссийской формы православия помимо царя, Ртищева, Вельяминовой самого Никона, за сорок лет жизни повидавшего многое и многих, отыскавшего собственный идеал церкви не сразу, и не в школах и коллежах, а в монастырях и скитах. Тем не менее к 1648 г. Никон стал убежденным сторонником постепенной украинизации и эллинизации русской церкви, что имело далеко идущие последствия⁶. Ну а Борис Иванович Морозов, добившись полной отстраненности Алексея Михайловича от государственного управления, пошел по стопам патриарха Филарета, форсированными темпами готовя Россию к войне, к войне с Польшей. Однако на сей раз, авральная спешка была, безусловно, оправданной.

Официальные источники — Разряды — не зафиксировали точную дату отставки Федора Ивановича Шереметева с поста первого министра. К счастью, шведский агент Петер Крузебьёрн в реляции королеве Христине от 1 (11) февраля 1646 г. упомянул о сем событии, случившемся «несколько дней тому назад». Назвал он и имя преемника — Бориса Ивановича Морозова, возглавившего все центральные приказы — Разрядный (де-факто), Большой казны, Стрелецкий и Иноземский (судя по справке, опубликованной Н.И. Новиковым в 1791 г., приказы обрели нового хозяина 18 (28) января 1646 г.). Кадровую информацию дополнила дипломатическая: 6 (16) января 1646 г. в Варшаву из Москвы выехали русские послы боярин Василий Иванович Стрешнев, окольный Степан Матвеевич Проестев и думный дьяк Разрядного приказа

Михаил Дмитриевич Волошенинов. Посольскую миссию им царь поручил еще 10 (20) сентября, известил о ней общественность 30 ноября (10 декабря) 1645 г., перед тем, в день венчания на царство, уравнив Стрешнева с Морозовым в боярском чине.

Отъезд в Польшу третьего сановника государства (после Морозова и А.М. Львова) и помощника И.А. Гавренева говорил сам за себя. Борис Иванович желал из уст ближайших соратников услышать о положении Речи Посполитой, политических настроениях при дворе, в Сенате и среди шляхетства, международной конъюнктуры вокруг республики. Делегация прогостила в столице Польши почти два месяца — с 26 февраля (8 марта) по 21 апреля (1 мая) — и убедилась в том, что, во-первых, Владислав IV ищет повода к войне с Турцией на стороне Венецианской республики, воевавшей с османами с 1645 г. за остров Крит, во-вторых, большинство поляков осуждают военные планы, в-третьих, короля подозревают в подстрекательстве запорожских казаков к мятежу. Ценные сведения, сообщенные Стрешневым, ускорили отправление за границу третьего посольства — стольника И.Д. Милославского (высочайше повелено 19 (29) июля). Второе — окольного Г.Г. Пушкина — от польских вестей не зависело, сформированное царем 20 (30) октября 1645 г., в путь тронулось 5 (15) марта 1646 г., на место — в Стокгольм — прибыло 15 (25) мая, получило гарантии соблюдения шведами Столбовского трактата 1618 г., и, наняв ряд специалистов, 10 (20) августа 1646 г. возвратилось на родину.

Вояж Милославского в Голландию длился дольше всех — с 31 июля (10 августа) 1646 г. по 9 (19) октября 1647 г. Стольник урегулировал в Гааге накопившиеся разногласия, в основном экономические, наслушался от британских эмигрантов диковинок об английской революции, ощутил на себе скупость Генеральных штатов (не плативших послам за «корм» и квартиру) и «гостеприимство» гаагцев, задиравших на рынках россиян, а 4 (14) апреля 1647 г. крушивших ворота посольского двора с целью погрома (спас Милославского со свитой от гибели взвод голландских военных, присланный штатгальтером). Мастеров по железу нанять не сумел, зато завербовал на государеву службу оружейника Ген-

риха Фан Акена, майора Исаака Фан-Буковена, трех капитанов (Филиппа Фан-Буковена, Якова Ронарта и Вильяма Алена) и девятнадцать «солдатов добрых самых ученых людей» (в том числе отца Я.В. Брюса). Особой же признательности царского опекуна удостоился за «сожаление» Генеральных штатов и штатгальтера республики «о худых поступках» владельцев Тульского оружейного завода Петера Марселиса и Тилмана Акемы, компаньонов Андриеса Виниуса, основавшего предприятие в 1636 г., но в 1644 г. оттесненного двумя товарищами от управления. К тому же дуэт обманывал царских министров: отливали для казны «пушки... многим немецкого дела хуже и на сроки... тех пушек не поставил[и], а лили и делали пушки... на заморскую статью для своей прибыли», то есть экспортировали в Голландию. Вот Морозов и воспользовался междоусобицей, дабы национализировать оружейное производство. Конфискацию провели в марте 1647 г. Царским «директором» на нем поставили Григория Гавриловича Пушкина, того самого, ездившего годом ранее в Швецию, пожалованного за то 15 (25) августа 1646 г. в бояре, а через полгода, 30 или 31 января (9 или 10 февраля) 1647 г., возглавившего Оружейную палату в ранге Оружейничего⁷.

Илья Данилович сумел избавить Москву от серьезных дипломатических неприятностей, и, прежде всего, размолвки с ведущим торговым партнером России, импортером всех важнейших товаров военного назначения. Ясно, что формальный протест Голландии в защиту интересов соотечественников крайне негативно отразился бы и на военных закупках в Соединенных провинциях, и на работе тульских оружейников, дававших стране железо, чугун, орудия, мушкеты, ядра. Благодаря усердию окольного конфликта не омрачил русско-голландские связи, отправка заказов из Амстердама или Роттердама в Архангельск властями умышленно не задерживалась, а в цехах Тулы на обсуждение международного положения не отвлекались.

Правда, изъятие в казну тульской оружейной базы Морозова не успокоило. Шведский резидент Карл Поммеренинг 15 (25) сентября 1647 г. не без удивления доносил королеве

Христине, что господин Пушкин неосторожно похвастался об удешевлении изготовления мушкетного ствола до двадцати семи копеек, а мушкетной ложи и кремневого ружейного замка — до десяти, максимум, двенадцати копеек. Дипломату о том сообщил очевидец — артиллерийский поручик, вероятно, из иноземцев, служивший, скорее всего, на Пушечном дворе. Как отреагировали в Стокгольме на излишнюю откровенность русского вельможи, неизвестно. А вот три шведских посла (Эрик Гюлленштерна, Ганс Врангель и Ларс Кантерстен), коих Поммеренинг сопровождал в Москву тем летом, по совокупности всей добытой информации расшифровали стратегический замысел Морозова.

2 (12) сентября 1647 г. они имели аудиенцию у московского государя, затем общались с русскими министрами, после чего уведомили свой двор о необыкновенном богатстве царя, сравнимом с тем, каким обладала Москва до Смуты, об улучшении государственных финансов России, дефиците толковых военных советников и всесилии Морозова, неизменно слушающего «недалекого» упрямца и шведофоба Назара Ивановича Чистого, после смерти Г.В. Львова, с 6 (16) января 1647 г. руководившего Посольским приказом. Главный вывод, однако, звучал сенсационно: разрыв дипотношений «неизбежен», правда, не с королевством шведским и не с империей османов, а... с польской республикой, что косвенно подтверждалось подвозом к Новгороду и Пскову крупных партий оружия и переброской туда же войск. Послы и то, и другое видели сами по пути в Москву.

Подозреваю, именно нестыковка двух фактов — богатство казны и режим жесточайшей экономии, причем не только на военном производстве, а повсюду — навела шведов на странное умозаключение. Ведь с 4 (14) августа по 15 (25) сентября 1647 г. польский посол Адам Кисель чуть ли не публично склонял русскую сторону к улаживанию всех проблем ради совместного отпора крымскому хану. И вроде бы склонил, ибо 15 (25) сентября оборонительную конвенцию обе делегации подписали. Если бы шведские послы знали, что Чистый до последнего пытался настоять на союзе на-

ступательном: «соединясь и собрався, итти на Крым впрямь»... Зато Поммеренинг проник в другую русскую тайну: «У Белгорода солдаты Его Царского Величества построили несколько городов и на протяжении многих миль возвели крепкие валы, столь хорошо укрепленные бастионами и пушками, что с этой стороны трудно сделать нападение»⁸.

Что же получалось? Русские закрыли засечной чертой татарам дорогу вглубь страны. Подстраховали себя договором с Польшей о взаимопомощи. Располагали солидным «золотым запасом», и все же по-прежнему считали каждую копейку, на каждом мушкетном стволе и ружейном замке. Зачем они переобучали и перевооружали армию, нанимали за границей все новых и новых специалистов разных профессий, упраздняли традиционные льготы европейских купцов и промышленников? Неужели для похода на Крым, который неминуемо рассорил бы Россию с Османской империей и обернулся тяжелой и долгой войной с ней?! Поммеренинг в упомянутой выше депеше не преминул отметить, что москвиты «более любят мир, чем войну, и говорят: это, конечно, должно быть сумасшествие — бросить свою собственную землю, ехать в другие земли, терпеть там нужду и насилие, и, наконец, дать себя убить». Сказано о приехавших с Запада наемниках, но, по сути, фраза отражает и реалии возможного русско-турецкого столкновения из-за Крыма. Пролить кровь за далекий и чужой полуостров русскому человеку было не для чего. А за Смоленск?.. За Смоленск, разумеется, смысл имело. Причем сражаться за него он пошел бы с большим воодушевлением. Понятно, одним воодушевлением Речь Посполитую не победить. Требовались обученные воины, добротное вооружение, огромные денежные средства, дипломатическая активность для ослабления противника извне (подталкивание к войне с кем-либо еще) и изнутри, а еще крепкий тыл.

Кстати, уязвимость тыла обрекла на фиаско предыдущую смоленскую эпопею. Значит, Морозову надлежало начать подготовку к третьей с завершения фортификационной линии на двух ненадежных пляжах — Кальмиусском и Муравском. С этого Борис Иванович и начал, позаботившись попутно о нейтрализации татар-

ских набегов на период строительных работ. Повторять «Азовское сидение» не стали. Ограничились менее затратной имитацией. 18 (28) января 1646 г. новый премьер откомандировал в Астрахань стольника С.Р. Пожарского, поручив ему организацию непрерывных рейдов «ратных людей» и донских казаков по подвластным крымскому хану территориям. В феврале Морозов объявил набор волонтеров в войско Пожарского и по примеру Черкасского смотрел сквозь пальцы на вербовку донскими атаманами в центральных регионах холопов и крепостных. В волонтеры записалось до десяти тысяч «охочих» людей. Вместе с регулярными частями и лояльными Москве улусами ногайцев численность собравшейся в Черкасске армии составила около двадцати тысяч сабель.

В конце месяца она под влиянием донцов подкорректировала военный план Морозова, развернув боевые действия под Азовом. Крымцы, естественно, кинулись защищать свой форпост, почему лето 1646 г. в русском приграничье выдалось вполне спокойным. Пользуясь тишиной, князь Н.И. Одоевский мобилизовал несколько тысяч крестьян, солдат и казаков на возведение тридцатикилометрового земляного вала от реки Северный Донец у Белгорода до реки Ворскла у Карпова острога. Вкалывали с июля по октябрь, построив и главный объект, и вспомогательные — глубокий ров с «земляными городками», а, кроме того, преобразили Карпов острог в город и до середины декабря снабдили малыми земляными валами «татарские перелазы» на левом берегу Северного Донца.

В 1647 г. занялись Кальмиусской сакмой. Татары, изрядно потрепанные боями под Азовом в июле — августе 1646 г., в новом году решили целиком сосредоточиться на ликвидации казацкой угрозы, для чего 19 (29) июля блокировали Черкасск. Хотя недостаток провизии за зиму существенно сократил «охочий» контингент донского воинства (многие разбежались по домам), а Пожарский с ратниками вернулся в Астрахань, осажденный гарнизон выстоял и отбил все атаки неприятеля, которых в итоге осенние холода отогнали восвояси. Между тем без малого четырехтысячный отряд князя В.П. Львова 26 мая (5 июня) взялся за сооружение вала от реки Оскол до Верхососенского леса у реки Тихая Сосна. По краям

вала заложили две крепости: 2 (12) июня — на левом берегу Оскола в устье речки Белый Колодезь Царево-Алексеевск (ныне Новый Оскол), 15 (25) августа — Верхососенск (ныне село Верхососна). До осени успели осилить половину дистанции и отразить набег татарской орды Караш-мурзы, вопреки воле хана рискнувшего пойти на Россию. Знаковый бой случился 11 (21) июля 1647 г. в верховьях Тихой Сосны. Разгромленная орда распалась на мелкие партии и до середины августа тщетно искала лазейки в засечной черте. На родину мало кто возвратился и, увы, без добычи.

Благодаря авантюре Караш-мурзы хан Ислам-Гирей досрочно узнал о том, что «государева украйна не по старому ныне де укреплена, накрепко, и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и впредь им ходить на Русь никак немочно». Новость эта спровоцирует серьезные внешнеполитические перемены весной 1648 г. А пока в Бахчисарае приходили в себя от поражений под Черкасском и на Тихой Сосне, в Москве планировали через год закрыть последнюю брешь Кальмиусского шляха и завершить усманскую полосу между реками Усмань и Боровая, основанную летом 1646 г. для защиты нескольких ответвлений Ногайской дороги западнее Козловского оборонительного рубежа. Увенчала морозовский период строительства засечной черты быстрая (в октябре — ноябре 1647 г.) закладка крепости Коротояк южнее Воронежа, на Дону (ныне село северо-восточнее Острогожска).

Легко догадаться, насколько крупные суммы ассигновались из казны на жалованье волонтерам и казакам, на порох с ядрами им же, на корм и материальное обеспечение тружеников засечной линии, на налаживание массового выпуска мушкетов после Пасхи 1647 г., на литье пушек в Туле (на заводе Виниуса) и Москве (на Пушечном дворе), на найм заграничных военспецов, на формирование солдатских и рейтарских полков, на переработку больших объемов селитры в порох, и на много еще чего... Судя по всему, Морозов поставил задачу изготoвиться к войне в кратчайший срок: за два-три года, не более. Вот почему параллельно финансировались и строительство Белгородской черты, и донской «фронт», и оборонный заказ, и форсированное комплектование

солдатских (пехоты), драгунских (мобильной пехоты) и рейтарских (конной пехоты) полков офицерами и рядовыми. Поневоле прижимистый, первый министр не поскупился и даже заплатил семьсот тридцать два рубля за издание европейского воинского устава И. Валльгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», увидевшего свет 26 августа (5 сентября) 1647 г. в количестве тысячи двухсот экземпляров. Размер тиража выдает планы по существенному увеличению русской армии, собираемой против Польши (для войны с турками и татарами правила западного воинского искусства не слишком годились) ⁹.

Однако из какого источника черпались средства на покрытие столь великих расходов? К сожалению, «золотой жилой» Морозов не располагал и за два года таковой не обнаружил. Посему выкручивались за счет режима тотальной экономии. Уже 7 (17) ноября 1645 г. от главы Земского приказа Семена Васильевича Вольнского, руководившего учреждением без малого три месяца, с 16 (26) августа, затребовали роспись всем столичным доходам — «мостовым», «решоточным», «оброчным», «окладным» и «неокладным». Выяснилось, что московский бюджет наполнялся плохо, росли недоимки, ширился круг льготников («по подписным челобитным и из приказов по памятем»). Пример Москвы не сулил больших прибылей и от прямого налогообложения в пяти «четвертных приказах» — Владимирском, Галицком, Новгородском, Костромском и Устюжском.

Возникли они в конце XVI века, а именовались четвертями или четями по прозванию дьяка, которого прикрепляли к тому или иному приказу на время для сбора податей с подконтрольных ведомству территорий. Обычно в приказе служило три дьяка, фискальный становился четвертым. Когда решили централизовать сбор налогов, выбрали меньшее из зол, то есть не создание особого приказа, а распределение городов и уездов между пятью «четвертными дьяками», уже владевшими ситуацией на местах. В итоге Владимирская четверть помимо одноименного города опекала северо-западные и юго-западные окрестности Москвы, кроме треугольников Брянск — Мценск — Медынь, Ржев — Ве-

ликие Луки — Вязьма и Можайск — Клин — Дмитров. Первый «приютила» Галицкая четь, отвечавшая за Подмоскovie северо-восточное и юго-восточное, второй и третий — четь Устюжская, надзиравшая за бассейном рек Сухона, Северная Двина, Вычегда от Тотьмы до Сольвычегодска, и еще за двумя городами — Бежецком (Тверской край) и Елифань (Тульский край). Костромская четверть выглядела беднее всех, ибо главенствовала над районом Кострома — Ярославль плюс городами Муром, Серпухов, Алексин (под Тулой), Торопец (под Тверью). В противовес ей Новгородский округ вобрал в себя экономические жемчужины России — весь север с двумя торговыми центрами — Новгородом и Архангельском, Псковский, Вятский, Вологодский и Нижегородский регионы. Учитывая прежний автономный статус Новгородской республики, Новгородскую четверть неизменно поручали по совместительству главе Посольского приказа. Все чети управляли ресурсами древних русских земель. Недавно приобретенными руководили «свои» приказы — Казанский и Сибирский.

Денежные фонды везде формировались через оброчные, таможенные, специальные сборы («четвертные доходы»). Кабацкие шли особой статьей и в особый приказ — Новой четверти (чети). Тратилось все в основном на жалованье служивым людям. Отсюда в исторической науке сложилось мнение, что Морозов выкраивал рубли и копейки на военные нужды, прежде всего, путем сокращения или упразднения денежных и «хлебных» окладов государственных чинов — от бояр, окольничих и городского дворянства до воевод, приказных, стрельцов, пушкарей, казаков. Однако примитивность мышления не характерна для Бориса Ивановича. Финансовые резервы он действительно изыскивал в «четвертных доходах», но не тупо в лоб, сокращением штатов и зарплат, а хитростью.

Вот несколько примеров. Из инструкции псковскому воеводе Никифору Собакину от 14 (24) марта 1647 г.: «В нынешнем же во 155 году указал государь царь... во всех городех на посадах и в уездех свои государевы оброчные земли и рыбные ловли, и мелницы, и сенные покосы, и иные всякие угодыя, за кем по ся места на оброке

ни есть, отдавати на оброк из наддачи охочим всяким людем на урочные годы, на два или на три, и, по самой болшой мере, на пять лет, а не в проки. А болши пяти лет никаких государевых оброчных угодей никому на оброк отдавати не велено. А которые государевы оброчные земли и всякие угодыя на оброке за монастыри из тяглых земель и из угодей, а учнут о тех землях и о угодыях государю бити челом сго государевых волостей крестьяне в тягло или на оброк, и те оброчные земли и угодыя государевым крестьяном в тягло и на оброк велено отдавати из прибыли. А вперед в монастыри оброчных земель и никаких угодей на оброк отдавати не велено». Там же читаем и другое любопытное предписание: беря на стрелецкие вакансии новичков, «жалованье им давати меньшей оклад, потому что прежним стрелцом учинены были большие оклады за многие службы и за кровь. А новым, не служа, в тех окладах быти непригоже». И еще «давати государево жалованье всем на лицо, а за очи никому ни на кого не давати».

Что касается факта, породившего миф о произволе Морозова с жалованьем чиновников и стрельцов, то подразумевается, конечно же, роспись окладов стрелецких, пушкарских, казачьих и подьяческих чинов Новгородской чети 1647—1648 гг., которая испещрена резолюциями неизвестной руки, направо и налево липающая «служивых людей» частично либо вовсе денежного и «хлебного» жалованья. Правда, если повнимательнее присмотреться к распоряжениям, то нельзя не заметить в ремарках несколько примечательных оговорок: «как и в иных городах дают» (дважды); «и нигде не дают»; «как и иным»; «а хлеба нигде не дают»; «не давать, потому что нигде не дают». По ним угадывается предлог снижения расходных статей — борьба с привилегиями, то есть жалованье «новгородцев» уравнивали с общими ставками по всей России, где рядовой стрелец получал три рубля, десятник — три рубля с четвертью, а пятидесятник — три рубля с полтиной, и т.д., а что-либо похожее на «северные» надбавки отсутствовало. Важно подчеркнуть, неумолимый судья — Н.И. Чистой или сам Морозов — не трогал шести-, пяти- и четырехрублевые оклады «старых стрельцов», «которым за службы прибавлено». Наобо-

рот, наказывал платить сполна и пожизненно. Подвергли смету внезапной ревизии после «Семеня дни 156 году» или 1 (11) сентября 1647 г. (Новый год, праздник Симеона Столпника) и до 24 января (3 февраля) 1648 г., когда новые положения упомянуты, как действующие, в «выписке», рассмотренной Боярской думой. Приблизительно, в ноябре — декабре 1647 г., в пору понимания Морозовым, что в запасе у него — считанные месяцы. Отчего Борис Иванович и использовал любую возможность пополнения военной казны.

Тем не менее, как видим, несмотря на переживаемый цейтнот, первый министр пытался соблюсти хотя бы подобие законности при выжимании денег из подданных царя. А способов было немало. В 1646 г. возобновили борьбу с закладничеством. По стране разъехались комиссары в поисках новых старых налогоплательщиков. Разоблачив в «прихожем человеке», продавшемся монастырю, боярину или подьячему, бывшего горожанина, тут же приписывали «половника» и «захребетника» в местный посад или «в пашенные и в оброчные крестьяне» государевой слободы и снабжали подъемными, дабы тот быстрее переключился на приумножение капитала государственного. Искали кабальные души везде, в Сибири, за полярным кругом, даже на Соловках. В монастырь 4 (14) сентября 1647 г. нагрянул отряд дворянина Василия Золотарева и за три недели всех «наемных и обетных людей трудников», как молодых, так и пожилых, зачислил в «государевы сошлые крестьяне» и выставил монахам счет «оброчных денег за прошлые многие годы». Те отослали жалобу Алексею Михайловичу (Морозову), который 24 октября (3 ноября) велел Золотареву забрать крестьян, проживших на острове не более пятнадцати лет, а прочих оставить в покое. Деньги же заплатить игумена обязали только за тех «возвращенцев», кто не обрелся при обители в стрелецкой службе¹⁰.

Описанный выше метод (крепко напугав жертву, попросить у нее половину от первоначального) окажется единственным высокоэффективным, почему к исходу 1647 г. станет главным источником финансирования войны. Конечно, Морозов испробовал

и другие — косвенное налогообложение, увеличение пошлины на импорт, госмонополию на табак. Но, увы. Знаменитый соляной налог, введенный 7 (17) февраля 1646 г., надежд не оправдал. Удорожание каждого пуда соли на «две гривны» (двадцать копеек) с отменой мелких соляных «поборов» да «проезжих мыт» и обещанием упразднения стрелецкого и ямского налога, «как та соляная пошлина в нашу казну сполна сберется», привели к сокращению потребления продукта, превратившегося в очень уж ценный. Тенденцию позитивную нейтрализовала негативная, казна прибытка не почувствовала, и 10 (20) декабря 1647 г. реформу «отставили», разъяснив, что из-за краха благой затеи деньги стрелецкие и ямские за два экспериментальных года населению придется все-таки доплатить.

Та же история повторилась и с покушением на кошелек иностранцев. Пошлины повысили с полутора до десяти процентов, уравнив с прејскурантом для русских купцов, правда, сняв запрет на разгрузку и погрузку в русских гаванях и портах, прежде всего Архангельском. Торговые обороты, однако, тут же понизились: коммерсанты начали придерживать товар в уповании на дипломатическое заступничество родных держав. Пока послы ехали, пока обменивались с думными дьяками и боярами мнениями и нотами, драгоценные для Морозова дни и месяцы истекали. Так что и с этой стороны царские закрома солидной подпитки не увидели. О табачной монополии, провозглашенной в марте 1646 г., и вспоминать нечего. Товар, естественно, раскупался, только крайне медленно, и ощутимой помощи государственным финансам табачная выручка тоже не оказала. А в декабре 1648 г. на нее вообще наложили табу, как и на сам табак, распространение и курение которого в одночасье запретили.

Поражение по всем направлениям, кроме разбойного, не оставило выбора наперснику царя, и он попытал счастья... Одними из первых с игрой в злого и доброго следователя столкнулись жители Великого Устюга. Осенью 1646 г. к ним примчались из Москвы два конюха — задворный Иван Чюркин и стряпчий Иван Сухонос — и ошарашили горожан пренеприятнейшим известием:

отныне пошлины за покупку и обмен коней «на конских площадках» должны собирать не сами устюжане, а они. И началось: «Которую де лошадь... явят им в продаже или в мене в рубль или в два или болши, и те де конюхи те их лошади ценят немерною самую болшую ценою, рублев в пять и в десять, и болши, и по той своей оценке велят на правсже бить на смерть и вымучивают многие лишние пошлины... Которые де крестьяне промеж собою друг у друга возмет лошади, не на великое время, лесу или дров или сена или хлеба на торг вывезти, или пашню роспахать, и те де конюхи тем людем чинят убытки, будто они те лошади продали и променяли, и емлют с них промыту с человека по два рубли по четыре алтына по полуторе денге...» (алтын — три копейки; денга — полкопейки). Народ, думая о корыстолюбцах на государственной службе, забил челом Алексею Михайловичу, моля «конюхов свести, а ту пошлину, что они, конюхи, сбирали, положить на них», горожанам. Разумеется, государь-батюшка удовлетворил мольбу устюжан. Грамотой от 2 (12) мая 1647 г. прежний порядок восстановили, конюхов отозвали назад. Правда, теперь посад и уездному крестьянству пришлось отослать в Москву не ту сумму, какая обычно и стихийно складывалась за год (от пятидесяти до девяноста рублей), а обозначенную в столичной разрядке — сто двадцать рублей за 7155 год и сто двадцать рублей за год 7156 (с сентября 1646 г. по август 1648 г.). Впрочем, девяносто рублей из двухсот сорока вычли на счет ретивого дуэта.

Подобные комбинации в разной степени затронули всю страну, хотя больше всего досталось, конечно же, Москве. Кампания по форсированному выколачиванию денег из столицы стартовала 15 (25) августа 1647 г. с приходом в Земский приказ нового шефа, беспринципного Леонтия Степановича Плещеева. Морозов знал, какому субъекту вверял Москву, да смирился с неизбежным. И вот закрутился конвейер: поимка с поличным, привод в Земский приказ, исчезновение истца и долгое сидение «приводного человека» под караулом, пока несчастный узник не поймет, что домой без выкупа не вернется. А «поличное» обыкновенно жертве либо давали поддержать, либо продавали, а нередко и просто клеветали

на прохожего. Случались промахи, когда арестант попадался из «молодых» или «бедных». За полгода безгрошовый контингент занял едва ли не полтюрьмы, и тогда Морозов сделал красивый жест. 23 февраля (4 марта) 1648 г. Боярская дума распорядилась: «Кто приведчи с поличным, а о указе бить челом не учнет неделю, и тем отказывать». Теперь Плещеев располагал семью днями, чтобы раскусить, кого подцепил на крючок, после чего «мелкую рыбешку» отпускал на волю, а к «крупной» вызывал истца, оформлял «биться челом», и лишь потом тот испарялся уже навсегда...¹¹

По-видимому, к весне 1648 г. «плещеевщина» в целом по стране главной цели достигла: обеспечила Россию средствами для успешной и, коли понадобится, длительной войны с Речью Посполитой. Однако мы вправе спросить: почему наставник царя не предложил народу открыто жертвовать кто чем может в фонд освобождения Смоленска? Ведь большинство тоже мечтало о реванше и, без сомнения, внесло бы посильный вклад в будущую победу. К сожалению, публично афишировать свои планы Борис Иванович как раз и не мог, если не хотел компенсировать чиновничий произвол длинным списком павших на полях сражений.

Что лучше, воевать со всей многонациональной Польшей, как в Смуту, или только с ее частью, пусть даже и большей? Естественно, второс. Вот Морозов и постарался избежать наихудшего варианта, досконально изучив ситуацию в республике трех религий — католицизма, протестантизма и православия. Речь Посполитая, избрав доминантой первую, ужившись со второй, третью — православие — на дух не переносила и с конца XVI века вела фанатичную борьбу на уничтожение. Посредством униатства она почти очистила от православия сановное шляхетство и высшее духовенство, однако на том успехи и закончились. Наступление забуксовало из-за православных братств, вокруг которых поспешили сплотиться низшие сословия — от провинциального дворянства и казачества до мещан и крестьянства. Руку помощи им протянули Москва и греческие патриархи. Потерпев неудачу в битве идей, католическое большинство применило к иноверцам

административный ресурс: угрозами, репрессиями, отчуждением собственности вынуждало прихожан отречься от православия в пользу униатства. Таким манером к середине XVII века Варшава сумела подорвать влияние греческого вероисповедания в Литве (Белоруссии) и на Западе Украины. Центр и Восток Малороссии устоял, ибо ретивость католических миссионеров охлаждала Запорожская Сечь, вооруженное православное воинство.

Короткий период мирной передышки и ослабления гонений, выпавший на годы походов польского короля Сигизмунда III на восток за шапкой Мономаха, завершился в 1619 г. с утратой иллюзий на воцарение в Кремле. Пресекся и возникший было союз поляков с запорожцами, действовавшими на флангах армии принца Владислава, штурмовавшей осенью 1618 г. Москву. Осознав, что являлся не партнером, а всего лишь попутчиком Сигизмунда, гетман Петр Канашевич, по прозвищу Сагайдачный, зимой 1620 г. отправил послов к русскому царю возобновлять контакты, прерванные службой королевской власти. Москва раскаявшегося простила, опять став надежным тылом для запорожских казаков, мешавших униатскому натиску на Правобережную и Левобережную Украину.

Тем не менее, пока украинцы окончательно не разочаровались в здравомыслии польской шляхты и ее способности к компромиссу, они отчаянно старались отстоять свое право на веру в рамках польской государственности. И в 1620 г. при поддержке России, греческих иерархов и запорожцев вроде бы добились разрешения монарха, правда, «изустного» на возрождение православной, Киевской митрополии с одним архиепископством (Полоцким) и пятью епископствами (Пинским, Володимирским, Луцким, Перемышльским, Холмским). Патриарх Иерусалимский Феофан 9 (19) октября возвел Иова Борецкого в митрополиты, затем Мелетия Смотрицкого по просьбе жителей Вильно — в архиепископы. Не прошло и года, как король нарушил августейшее слово. 22 января (1 февраля) 1621-го Сигизмунд, назвав Феофана «каким-то обманщиком, будто бы патриархом иерусалимским», упразднил православный епископат, посуля непокорным участь шпионов

и изменников. Ослабленная Белоруссия и Литва пережили очередную волну расправ, а вооруженная Украина королевский универсал проигнорировала, еще раз продемонстрировав, что поляки понимают и уважают единственно силу.

Но со смертью в 1622 г. гетмана Сагайдачного сопротивление католическому нажиму и в Малороссии снизилось, а возросшее давление на православных склонило многих к капитуляции, в том числе и архиепископа Смотрицкого, принявшего летом 1627 г. униатство. Лишь при преемнике Сигизмунда III Владиславе IV, умеренном католике, для православных блеснул второй луч надежды. На сеймах избирательном осени 1632 и коронационном в марте 1633 гг., обсуждавших наболевший вопрос на фоне осады русскими Смоленска, союз короля, прагматиков и «диссидентов» заставил пролатинское большинство пойти на уступки: согласиться на равенство православных с униатами и легализацию Киевской митрополии и трех епархий в дополнение к существовавшей официально Львовской: Луцкой, Перемышльской и Мстиславской. Митрополитом вместо избранного в 1631 г. казаками Исая Конинского стал готовый к диалогу с католиками архимандрит Киево-Печерского монастыря Петр Могила. Уже после смоленской войны, в январе — марте 1635 г. очередной сейм подтвердил конституционно равенство двух конфессий.

Однако достигнутый мир оказался призрачным. Общественное мнение Польши саботировало закон Владислава IV. В итоге восточные воеводства республики захлестнула стихия религиозной междоусобицы: паписты убивали православных, православные — папистов. Череду казацких восстаний 1635—1638 гг. потопили в крови. Причем казаки, вновь расколотые законом 27 октября (6 ноября) 1625 г. на реестровых (шесть полков по тысяче сабель на жалованье короля) и нереестровых, «выписчиков», подчиняющихся главам воеводств, в зависимости от конъюнктуры с крайним ожесточением сражались то друг с другом, то с поляками. С разгромом мятежной стихии автономию Малороссии и вольность казачества ликвидировали. Фактически в регионе ввели оккупационный режим, стремясь к низведению казаков до

положения холопов. Только Запорожская Сечь, отразив атаки карателей, сохранила самостоятельность.

Понятно, что 1638 г. рассеял все мечты о мирном сосуществовании католической Польши и православной Украины под варшавским скипетром. Лишь заинтересованность Владислава IV в альянсе с малороссами удерживала старшину от подготовки всеобщего бунта. Спасти Речь Посполитую от катастрофы теперь мог разве что король, которому в Киеве еще доверяли. А цена единства отныне включала две позиции — политическую автономию Украины и усиление королевской власти посредством передачи полномочий от сейма монарху. План действий Владислава IV выглядел незамысловато: по команде короля старшина поднимает народное восстание, сметающее все на своем пути. В кульминационный момент государь предлагает шляхте из двух зол наименьшее, а именно предотвращение гражданской войны предоставлением казакам ограниченного суверенитета в составе польского королевства. Его гарантом будет лично Владислав IV, для чего сейм наделит монарха всеми необходимыми prerogativami.

Чрезвычайно рискованный проект король не спешил превращать в жизнь, надеясь войну внутреннюю подменить войной внешней, с южным турецким соседом, угодившим в 1645 г. в ловушку затяжных морских баталий с великой Венецией из-за острова Крит. В поисках союзников дож в конце 1644 г. прислал в столицу Польши патриция Джованни Тьеполо, который и соблазнил Владислава IV идеей большой антиосманской коалиции, с участием и России, а главное, пообещал 500 000 талеров на наем армии. Похоже, перспектива создания собственного гвардейского корпуса в обход Сената и сейма в первую очередь убедила короля подписать соответствующее соглашение 3 (13) января 1646 г. Тьеполо тут же вручил аванс — вексель на двадцать тысяч талеров. Еще 250 000 принесла в копилку Его Величества свадьба на принцессе Мантуанской Марии-Луизе де Гонзаг 28 февраля (10 марта) 1646 г. Тем временем за спиной коронных министров завершались консультации с верными монарху реестровыми казаками, возглавляемыми Иваном Барабашем. От них требовалось

рейдами на крымскую территорию спровоцировать Турцию на объявление войны Польше. На обороне республики сейм, разумеется, экономить не станет и поневоле обеспечит короля нужной для мобилизации суммой, а друзей короля — казаков — реабилитацией упраздненного в 1638 г. статус-кво.

Монарху не повезло. В разгар вербовки первых четырнадцати тысяч волонтеров на деньги венецианца и жены оппоненты проведдали что-то об августейшей тайне и забили тревогу. Возбужденное общественное мнение главу республики осудило и воспользовалось ординарным сеймом, заседавшим с 15 (25) октября по 27 ноября (7 декабря) 1646 г., чтобы, во-первых, известить турецкого султана о миролюбии польской нации, во-вторых, обязать государя в течение двух месяцев распустить набранных солдат и удовольствоваться королевской гвардией, не превышающей тысячи двести штыков. Через полгода, на экстраординарном сейме, длившемся с 22 апреля (2 мая) по 17 (27) мая 1647 г., депутаты единодушно подтвердили ранее вотированную резолюцию. Владислав IV напрасно надеялся на ее пересмотр. Уехал на родину и Тьеполо, убедившись в фиаско своей миссии.

Впрочем, польская шляхта рано торжествовала. Раз второй вариант государственного переворота не сработал, королю ничего не оставалось, как переключить казаков на реализацию первого. Историки подозревают, что ради закулисной встречи с казацкой старшиной Украину летом 1647 г. посетил коронный канцлер Ежи Оссолинский. Сомневаюсь, ибо подобного рода заданиями не обременяют тех, кто по происхождению должен быть против королевской затеи. Нет, скорее всего, господин министр действительно отлучался из Варшавы по домашним делам, а с Иваном Барабашем, неформальным лидером украинского казачества, беседовала какая-то нейтральная персона.

Кстати, Барабаш от чести зажечь гражданскую войну уклонился. Зато другому хорошему знакомому монарха, сотнику Чигиринского полка Богдану-Зиновию Михайловичу Хмельницкому, судя по «Летописцу в Малой России», куму Барабаша, речи королевского гонца пришлось по сердцу. Он, как и большинство

украинцев, поляков люто ненавидел, имея на то как личные, так и общественные основания. Правда, гонец приезжал не к нему, и потому Владислав IV услышал от «черкассов» неутешительный ответ. А совсем выбила из колеи короля смерть семилетнего сына Зигмунда-Казимира 30 июля (9 августа) 1647 г. Сломленный горем и неудачами, монарх затворился от всех в провинциальной литовской глуши, в старом замке Меречь (ныне Меркине). Охотой «лечил» печаль и меланхолию. К зиме немного оправился, съездил в Торунь, а оттуда — в Вильно мирить подканцлера Казимира Сапегу с гетманом Янушом Радзивиллом. Там его и настигла весть, заставившая немедленно возвращаться в Варшаву¹².

В летописце семьи Дворецких есть любопытная запись: «Року тысяща шестсот чтиридесят сегого... ляхи становиска [и]мили у Черкасах, в Чигирини. И Хмелницкого хотили взят, же взял того року письмо у короля Владислава быть поляков и з Украины выгнать их. В той осены з сердца ляхи Черкаси спалили, же Хмелницкый на Запороже утик. А потом на весени войну зачили». Василий Дворецкий, соратник Хмельницкого, или кто-то из детей киевского полковника написал эти строки в семидесятые годы XVII века. Они перекликаются с версией, изложенной Самойлой Величко, канцеляристом войска Запорожского, в «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII веке», изготовленной в 1720 г. методом компиляции двух источников — книги «Самойла Твардовского вершовой «Война Домова», опубликованной в 1681 г., и «диариуша Самойла Зорки, секретара Хмелницкого». Перекликаются, да не очень. В сюжете Величко фигурирует «привилей Королевский... стверждающий... все козацкие и малороссийские древние права и волности и позволяющий... козакам на Украине своего имети гетмана». У Дворецких речь идет о призыве самого короля к сопротивлению польским магнатам. У Величко — водевиль: положительный герой на праздник святого Николая — 6 декабря 1647 г. — спаивает героя отрицательного и хитростью вызволяет из тайника злодея драгоценную для народа бумагу, после чего бежит к запорожцам. У Дворецких — политический

триллер: героя, раздобывшего опасный для властей документ, повсюду ищут, за ним гонятся, но он успевает скрыться в надежном убежище, в том же Запорожье.

Величко — щедр на подробности, Дворецкие — скупы. Их проверить непросто, в отличие от канцеляриста, опубликовавшего сразу четыре письма Хмельницкого — от 27 декабря (И. Барабашу и польскому комиссару на Украине Я. Шембергу), от 29 декабря (гетману коронному Н. Потоцкому) и от 30 декабря (хорунжему коронному А. Конецпольскому) 1647 г. Четыре «липовых» письма, сочиненных якобы «з Коша Сечи Запорожской». В каждом автор хулит кровного обидчика — подстаросту Чаплинского, обманом завладевшего хутором Субботовым, родовой вотчиной Хмельницких, и, самое важное, сообщает адресату о снаряжении запорожцами посольства к королю, Сенату и «целой речи Посполитой полской з прошением покорним, аби.. разорения украинские грозним указом были завстягнени и ускромлени, а древние права и волности козацкие и малоросийские, подлуг давних привилеов, новими наияснейшого королевского величества привилеями аби были ствержены и закреплени при захованю в ненарушимой целости вери нашае православиия». В послании Барабашу «товарищ войска низового Запорожского» помимо того извиняется за похищение «на праздник святителя Христова Николая» «у жони вашей» из «сховани» «привилеов» королевских.

Хотел летописец пропеть гимн национальному герою, а вышло наоборот, охарактеризовал не с лучшей стороны. Мало того, что вождь украинской революции, согрешив, не устыдился иронизировать об этом письменно, так еще опустил до прямого доноса на своих новых товарищей. А как иначе рассматривать фразу из письма коронному гетману Польши Потоцкому: «Войска запорожского послы на сих часех, непременно, [и]меют виехати в путь свой» к королю. Иными словами, намекнул господину гетману, что коли поторопиться, то можно перехватить делегацию по дороге...

Впрочем, хватит о героическом вымысле. Пора познакомиться с подлинным обращением Богдана Хмельницкого к кастеляну Краковскому и гетману коронному Николаю Потоцкому, на-

писанному в Запорожье. Оно называется «Исчисление обид», и в нем ни о каких послах к монарху и привилегиях несчастной Украины не упоминается. Зато перечислены все несправедливости, причиненные Хмельницкому «панами украинскими урядниками», начиная с Чаплинского, отобравшего Субботово и запоровшего насмерть его сына, и кончая неким Дашевским, забавы ради рубанувшего саблей Хмельницкому по голове, благо защищенной железным шлемом. Но ценен документ не этим, а раскрытием причины объявления Хмельницкого вне закона. Сотника Чигиринского погубил донос казака, «какого-то Песта Хама», хорунжему коронному Конецпольскому о том, что «заклятый друг» Чаплинского «замышлял отправить на море вооруженных суда», то есть совершить набег на Крым и тем самым, вопреки вердикту сейма и Сената, ресанимировать план Владислава IV по втягиванию Польши в войну с Турцией. Естественно, хорунжий велел ликвидировать неугомонного казака. А тот успел улизнуть и спрятаться в неприступной Запорожской Сечи, откуда не преминул уведомить гетмана коронного, что запорожцы «избрали себе вождем Хмельницкого».

Любопытный поворот. За какие такие заслуги рядовой сотник, погрязший в судебных спорах с поляками, выбился в атаманы знаменитой Запорожской Сечи? А ни за какие, если не считать спасения от ляхов королевского письма, того самого, которое фигурирует в летописце Дворецких, на тему которого так красочно нафантазировал Величко. И письмо то, конечно же, Богдан (Зиновий) Михайлович взял у Барабаша, войскового ссаула, с мая 1648 г. наказного гетмана ресстровых казаков. Ну а тому «секретный пакет» вручил Владислав IV весной 1646 г., когда условился с казаками о высадке морского десанта в Крыму летом — осенью того же года. Правда, автор «Летописи самовидца» (по мнению историков, Роман Анисьевич Ракуша-Романовский, генеральный подскарбий гетмана Брюховецкого, сын рядового казака армии Хмельницкого) уверен, что у короля выпросил «письмо, албо привилей, на робление челнов на море мимо ведомости гетманов коронных» Иван Иллъяш, спрятавший его в Переяславле. Впрочем,

вернесс всего, что с монархом в 1646 г. встречались оба «есаула» — и Барабаш, и Илляш.

Обнародовать содержимое «пакета» надлежало по получении от короля особого сигнала, какового, увы, не дождались. Так что «Песта Хам» знал, о чем доносил, и наверняка видел у Хмельницкого документ. Однако изветчик не подозревал, зачем сотнику тот понадобился. О конфиденциальном визите к Барабашу и Илляшу летом 1647 г. человека из Варшавы первой после Хмельницкого на рубеже 1647/1648 гг. услышала запорожская старшина. Тогда сообща и постановили, во-первых, действовать в союзе с Владиславом IV, то есть поднимать украинцев на борьбу с магнатским произволом, во-вторых, руководство движением доверить тому, с кем государь знаком, а значит, согласится иметь и контакт, и дело — Богдану Хмельницкому. По итогам совещания текст королевского послания соответствующе интерпретировали («на волности казацкис... привилей короля»), после чего для приободрения войска (с нами король!) поведали о нем казакам. А от казаков слух о короле-защитнике разлетелся во все концы Украины и со временем «осел» в мемуарах, «диариушах» и летописях участников антипольской войны¹³.

Между тем Николай Потоцкий «Исчисление обид» воспринял, как ультиматум: либо ясновельможный пан добивается сатисфакции по всем претензиям Хмельницкого, либо новый вожак запорожцев весной исполнит августейшее пожелание и нападет с моря на Крым с целью нарушения «мира з турским солтаном». Проигнорировать наглость вчерашнего сотника кастелян Краковский не мог, и все из-за таинственного письма Владислава IV, буквально парализовавшего волю польской администрации на Украине. Даже воевода Брацлавский Адам Кисель в грамотке от 18 (28) марта 1648 г русскому воеводе Ю.А. Долгорукову не постеснялся беспомощно посетовать на угрозу казачьего похода на Крым по вине «простого холопа» Хмельницкого, об удивительной «дружбе» которого с государем в те дни судачила вся Польша. Так, 18 (28) июня 1648 г. в Брянске в беседе с русскими стрельцами шляхтич Христоф Силич продемонстриро-

вал свою осведомленность: «Король де Владислав дал пану Хмелицкому перед соймом лист, что ему итить на море... И тот де Хмелицкой с тем листом запал и мблчал полгода и потом... почал збирать войско Запорогов».

Что уж говорить о гетмане Потоцком, обязанном подавить мятеж, не оскорбив высочайшей персоны. Разумсется, он проглотил наживку атамана и начал диалог. С месяц длилась челночная дипломатия. Похоже, Богдану Михайловичу пообещали все — и помилование, и возмещение убытков, и моральную компенсацию, лишь бы запорожцы передумали идти на татар. Последним в Сечь приехал ротмистр Хмелецкий. Ему и «посчастливилось» выслушать второй ультиматум: выведите польскую армию из Украины, поляков из реестровых полков, отмените режим 1638 г. Только теперь кастелян Краковский понял, что напрасно надеялся переубедить Хмельницкого и что тот ловко провел его, выиграв время для укрепления запорожской цитадели «на острове Буцке, называемом Днепровским». И полякам ее придется-таки штурмовать.

Однако как быть с королевским письмом?! Прежде чем полки двинутся на запорожцев, Владислав IV должен дезавуировать «козырную карту» Хмельницкого. Вот и взялся за перо господин гетман коронный в мартовские дни 1648 г., чтобы обрисовать высочайшей особе серьезность обстановки и аккуратно добавить: «Для предохранения отечества от этого зловредного человека есть у вашей королевской милости сильное средство, именно то средство, которое ваша королевская милость предлагать изволили — позволить своевольным вылазки на море, сколько им угодно будет. Не расположен Хмельницкий к тому, чтобы выйти на море, а хочет в прежнем жить своеволии и ниспровергнуть священные узаконения Речи Посполитой... По моему суждению, я предпочел бы сперва позаботиться о том... чтобы нынешние бунты прекращены были, а тогда уже, по мере необходимости, можно будет думать о способе и порядке отправления казаков на море».

Стоит отметить: процитированные строки Потоцкий писал, зная, что никакого набега на Крым запорожцами не планируется, ибо приблизительно в феврале Хмельницкий поручил трем вер-

ным людям заключить с крымским ханом пакт о взаимопомощи. Разумеется, красочная история Величко об успешном визите в Бахчисарай Богдана Михайловича и затем избрании 19 апреля гетманом выдумана летописцем для пущей героизации своего кумира. Настоящий Хмельницкий на риск отлучки куда-либо, тем более в непредсказуемый Бахчисарай, права не имел, да и современники — от Потоцкого и Киселя до Ракуши-Романовского и крымского полоняника Данилки Чичиринова — не подтверждают басен канцеляриста. А курчанин Никита Гридин, вырвавшийся из татарского плена и застрявший в Запорожье на полтора года, своими глазами видел, как «Богдан Хмельницкой пришел в Запороское войско с королевскими листами за 3 недели до масленицы. И посылал де... х крымскому царю... послов двжды, по королевскому веленью на ляхов на помощь звать крымскова царя со всею ордою». Очевидно, именно весть о посольстве мгновенно накалила атмосферу в польском лагере, и разгневанный гетман распорядился начать карательную операцию немедленно тремя полками — Каневским, Переяславским и Чигиринским. Универсал с предложением «сечевикам» сложить оружие и выдать «самого» подписан им 10 (20) февраля 1648 г.

Впрочем, поостыв, главнокомандующий скомандовал отбой, вскоре адресовал «королевской милости» вышеозначенные сентенции и продолжал ждать, активно обсуждая с А.-С. Киселем способы умиротворения Запорожья. Колебания Потоцкого прекратило известие о присоединении к Хмельницкому крупной партии — до нескольких тысяч всадников — крымских татар Тугай-бея. Хан Исмаил-Гирей со второй попытки столкнулся с запорожцами. Наличие прочной засечной черты с русской стороны очень посодействовало образованию сего мезальянса. А кондиции положили простые: татары согласны с казаками «итти войною на ляхов», если те не прочь с ними ходить «войною на Буданы или в московское государство»¹⁴. Казаки не возражали, обзавелись собственной конницей и приготовились к маршу на Киев, который гетман коронный и попробовал предотвратить превентивной атакой. Но вместо победы разразилась катастрофа.

В первой декаде апреля армия Потоцкого тремя группами устремилась к Запорожью. По Днепру на «чолнах» через крепость Кодак, построенную в 1635 г. чуть южнее нынешнего Днепропетровска, прошли реестровые казаки Чигиринского, Черкасского и Корсунского полков, подкрепленные кодацкими мушкетерами и канонирами. По суше через Желтые Воды шагали казаки Каневского и Белоцерковского полков, польская пехота и конница во главе с сыном гетмана Стефаном Потоцким и комиссаром Я. Шембергом. Николай Потоцкий с резервом держался позади. В ночь на 24 апреля (4 мая) ударный отряд днепровской колонны, расположившейся у Каменного затона, атаковал цитадель Хмельницкого на Буцке, но, кроме караульных, никого не обнаружил. В отсутствие «лутчих людей», большинство казаков, предпринятой акции не сочувствовавшее, взбунтовалось и перебило всех польских офицеров, немецких наемников и лояльную Потоцкому старшину. Затем выслали отряд в Запорожье, арестовали командиров, привели обратно, где и засудили, казнив всех пособников ляхов. Среди прочих погибли и полковники Иван Барабаш и Иван Ильяш.

Новый гетман — Дзялкий (Джалалий) Кривуля — тут же установил контакт с Хмельницким, который, совершив скрытный марш-бросок, в середине апреля окружил у Желтых Вод польские хоругви и казацкие ватаги пана Стефана Потоцкого. Две недели осады вдвое сократили польский контингент: перебежали к соплеменникам каневцы и белоцерковцы, украинцы из регулярных команд. Присланные крымским ханом новые орды надежно прикрыли тыл Хмельницкого. Лазутчики Потоцкого-старшего так и не сумели проникнуть через эту стену и разведать, где и в каком состоянии обретается авангард. Финал драмы выпал на 5—6 (15—16) мая, когда казаки и татары сломали сопротивление поляков и уничтожили лагерь Потоцкого-младшего.

Прослышав о том, гетман коронный повернул войско назад, к Киеву. Окрыленное разгромом шляхты у Желтых Вод, население открыто примкнуло к запорожцам, обеспечило их провиантом, пополнением, информацией о противнике, справляясь заодно с

прежними, ненавистными хозяевами. При таком раскладе далеко Потоцкий уйти не мог. И верно, 15 (25) мая союзная армия настигла его у Корсуня на реке Рось. Попытка под покровом ночи оторваться от неприятеля закончилась плачевно. Колонна угодила в засаду, и к утру 16 (26) мая от нее ничего не осталось: мало кто вместе с Потоцким и воеводой Черниговским, гетманом напольным Мартыном Калиновским попал в плен.

От Корсуня Хмельницкий направился в Белую Церковь, откуда послал десятитысячный отряд атамана Кривоносова брать под контроль Левый берег Днепра и целую делегацию — в Варшаву, на встречу с королем. Сотник Чигиринский исполнил то, что Владислав IV хотел поручить Барабашу и Ильяшу. Король обрел решающий аргумент в споре с Сенатом и сеймом. Речь Посполитая, лишившись вооруженной руки, столкнувшись с поголовным неповиновением на Украине, подгоняемая охваченной паникой шляхтой приняла бы августейшую схему урегулирования конфликта: казакам — автономию, монарху — полноценную исполнительную власть. Однако случилось то, что, судя по всему, не могло не случиться в не любящей компромиссы стране.

Владислав IV из Вильно в Варшаву выехал 19 (29) апреля 1648 г. По пути заглянул в Меречь. Там и слег из-за болезни, вдруг обострившейся. Неважно, камни в почках или подагра приковали монарха к постели. Врачи не оказали ему должной помощи, и 10 (20) мая 1648 г. государь скончался. Умышленная или нет, смерть Владислава спутала карты Хмельницкому. Он, кстати, не сомневался в убийстве короля. Но еще больше она навредила республике. Разумеется, всерьез обсуждать с Хмельницким вышеописанный вариант примирения Сенат не собирался. Только ради отсрочки боевых действий. Надавить на магнатскую верхушку в Варшаве было некому. Наступать на Варшаву казакам не стоило, дабы не спровоцировать патриотический подъем среди поляков. Удовлетвориться тем, что завоевано, и ничего не предпринимать, означало дать Польше карт-бланш на основательную подготовку к реваншу. Как ни крути, Хмельницкий очутился в ловушке с двумя выходами — либо на юг, к османам, либо на восток, к русским.

Естественно, православный гетман войска Запорожского предпочел поиск влиятельного патрона начать с царя московского¹⁵.

Полагаю, теперь понятно, почему Б.И. Морозов официально не учредил смоленский фонд. Публичный призыв Алексея Михайловича сброситься на войну с Польшей в республике, безусловно, заметили бы и отреагировали адекватно. Вполне вероятно, ради сохранения Смоленска приманили бы и казаков либерализацией украинских порядков, а то и возрождением автономии. У короля также отпала бы необходимость заключать с кем-либо союзы против Речи Посполитой. Сейм щедро бы отстегнул на оборону нужную монарху сумму. И Россия заплатила бы большой кровью за формирование «золотого запаса» честно и открыто, без принуждения и обмана.

«Дядька» царя играл ва-банк, надеясь сорвать крупный куш. Ведь еще летом 1646 г. для него стало ясно, что Польша дрейфует по курсу, проложенному англичанами, то есть к революции. Все совпадало: религиозные разногласия внутри королевства усугублял конфликт монарха с парламентом из-за нежелания нации субсидировать непопулярную войну. Там союз Карла I с католиками против пуритан, здесь — Владислава IV с православными и протестантами против католиков. Там сдетонировала взрыв война с Шотландией, здесь тот же итог сулили планы войны с Турцией. «Великий посол» В.И. Стрешнев привез из Варшавы первому министру хорошие новости. Сам гетман литовский Янош Радзивилл по поручению короля 18 (28) апреля 1646 г. посвятил боярина почти во все подробности антитурецкой кампании. Владислав IV замыслил широкую коалицию с участием помимо Венеции Австрии, Дунайских княжеств, России и Персии. Обеспечить спокойный проезд к шаху через Московию королевского спецпосланника Юрия Ильича и попросил Стрешнева литовский князь, не преминув представить россиянам дипломата.

И что же Москва? А Москва сразу же переполошилась и 18 (28) мая 1646 г. выслала в Вязьму к воеводе И.А. Хилкову стрельца Тимофея Карпова с предписанием Ильича в Москву «без

нашего указу» не пропускать. Пусть подождет, сколько надо, в Дорогобуже, ну или в Вязьме. Ведь Морозову требовалась не большая антиосманская коалиция, а либо революционная анархия внутри королевства, либо хотя бы война одной Польши с Турцией, облегчающая русское наступление на Смоленск. И когда сейм осенью 1646 г. запретил монарху воевать с кем-либо извне, Борис Иванович, как и король польский, сменил ориентиры, сделав ставку на восстание казаков. В Кремле очень внимательно отслеживали рост напряженности вокруг Запорожской Сечи из-за появления в ней Хмельницкого в полной уверенности, что мятежные запорожцы попросят помощи у Руси. О существовании рокового письма Морозов не знал, и потому крайне удивился отправке Хмельницким посольства не в Москву, а в Бахчисарай.

В XIX веке киевские архивисты опубликовали уникальное свидетельство — допрос поляками плененных под Прилуками казаков из корпуса Кривоносова, освобождавшего Левобережную Украину. Вот что сообщил Алексей Туцко, вновь избранный полковник Корсунского полка: «Послы московские были у Хмельницкого. Сперва упрекали его за то, что он призвал неверных на кровь христианскую, а не их — москвитян, которые, будучи единоверцами, не произвели бы такого кровопролития, как татары. Объявили ему также именем своего царя: если ты должен будешь призвать на помощь татар, то вместо того можешь нас иметь в готовности, только б вы уступили нам земли по Днепр, а мы, соединившись между собою, прогоним поляков за Вислу и поставим на польском королевстве московского царя»¹⁶.

Подчеркнем то, что «москвичи» пеняют Хмельницкому за намерение опереться на татар («если ты должен будешь»), соглашения с которыми еще нет. Потому их приезд в Запорожскую Сечь можно датировать концом февраля — началом марта 1648 г. А беседовал с гетманом не чин из Посольского приказа, а кто-то из надежных конфиденентов Морозова, каким-то образом проведавшего о контактах казаков с татарами. С целью выяснить, в чем дело, и попытаться сорвать запорожско-крымское сближение, агент первого боярина и поспешил на Украину. Там после

любезно-прохладного приема у старшины, конечно же, услышал и легенду о королевском письме. В Москве отчитался обо всем, и Борис Иванович, политик прожженный, сразу сообразил, почему Хмельницкий предпочел русским татар: временный союз казаков с басурманами и для самого Владислава IV, и для королевского давления на панскую «Раду» (сенаторов) более приемлем, чем их же вечное партнерство с московскими единоверцами.

Итак, главная помеха русско-украинского альянса определена. Остается в кратчайший срок проинформировать о закулисной «дружбе» короля с Хмельницким тех самых сенаторов, чтобы они приняли надлежащие меры. Разумеется, это — гипотеза. Насколько она совпадает с истиной, пока мы не знаем. Но если королю помогли уйти в мир иной, то верно одно из двух — либо поляки сами проводили о подлинных отношениях монарха с казаками, либо им глаза на опасность открыл кто-то другой, и Б.И. Морозов — первый в списке подозреваемых. Как бы то ни было, 10 (20) мая 1648 г. гарантировало России совместное с украинцами выступление против Польши. Присоединение к тандему Турции и Крыма только бы приветствовалось. Оставалось совсем ничего. Новости о кончине короля докатиться до Хмельницкого. Хмельницкому в письменном виде попросить Алексея Михайловича о покровительстве. Автограф Хмельницкого привезти в Москву. Морозову от имени царя объявить Польше войну.

В Белую Церковь печальное известие пришло 3 (13) июня. Пять дней гетман держал тайм-аут. Наконец, 8 (18) июня уже в Черкассах вывел на бумаге: «Земля тепер власне пуста. Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своей землі, яко вапа царская велможность православний хрестиянский царь... А ми зо всім войском Запорозким услужить вашей царской велможности готовисмо...». Грамоту отдал стародубцу Григорию Климову, ехавшему с диппочтой к воеводе Брацлавскому А. Киселю. Взятый казаками в Киеве, доставленный 6 (16) июня в Черкасы, Климов удостоился через два дня встречи с самим Хмельницким. Бумаги Посольского приказа тот отобрал, зато вручил свои, адресованные русскому царю и севскому воеводе. На прощанье примолвил:

«Ныне де ему, государю, на Польшу и на Литву наступити пора. Ево б де государево войско к Смоленску, а он де государю служитьи станет с своим войском з другие стороны... Будет де тебя станут роспрашивать государевы приказные люди, и ты де тайным делом скажи, что королю смерть учинилася от ляхов. Сведали то ляхи, что у короля с казаками ссылка, послал де от себя король грамоту в Запороги к прежнему гетману, чтоб сами за веру христианскую греческого закону стояли, а он де, король, будет им на ляхов помощник. И тот де королевской лист от прежнево гетмана достался ему, Хмельницкому, и он де, надеясь на то, войско собрал и на ляхов стоит».

Григорий Климов до Москвы добрался 19 (29) июня 1648 г. В Посольском приказе депешу взяли, гонца расспросили и... отравили все бумаги в архив¹⁷. Москва проигнорировала призыв Богдана Хмельницкого. Увы, он опоздал с ним, опоздал ровно на три недели.

6 (16) декабря 1647 г. А.М. Львов распорядился по Печатному двору: издаем «Граматику» Мелетия Смотрицкого. Командовавшим в типографии Наседке и Рогову сей ордер вряд ли понравился: зачем тиражировать произведение ренегата, православного архиепископа, принявшего униатство? Тем не менее приказ есть приказ, и перевод «Граматики» пошел в набор. Оба справщика, конечно, догадались, что патрон всего лишь исполнил просьбу старшего товарища по Боярской думе, Морозова. Борис Иванович в те дни явно чудил: замыслил женитьбу — свою и государя на сестрах Милославских, дочерях недавно возвратившегося из Голландии посла, стольника Ильи Даниловича. Невесту выбирал сам Алексей Михайлович и предпочел старшую Марию. Младшей Анне выпало идти за старика.

Но это еще не все. Примерно тогда же первый министр положил конец закрытости царского духовного кружка. Религиозное сообщество решил превратить в политическое, для чего требовалось увеличить число участников. Об опоре на уже сложившиеся и влиятельные духовные корпорации — соловецкую или троице-

сергиевскую — речь не велась. Морозов хотел объединить группу Ванифатьева с чем-то аморфным, рыхлым, не способным поглотить или подмять ее под себя. Естественно, царский опекун поинтересовался мнением отца Стефана, Никона, Ртищева. Протопоп, помнивший о манифесте 1636 г., порекомендовал, архимандрит и стряпчий поддержали кандидатуру Ивана Неронова, подвижника-страдальца, пламенного трибуна, прозябавшего долгие годы в провинциальном Нижнем Новгороде. Морозов к совету прислушался и пригласил иерея Иоанна «прийти в царствующий град Москву». А пока поп добирался до столицы, в Кремле отпраздновали две свадьбы — 16 (26) января царскую, 26 января (5 февраля) боярскую. Правда, отпраздновали как-то чудно: «Не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунам, ни бесовским играниям, ни песнем студним, ни сопелному, ни трубному козлогласованию. И совершися той законный брак... в тишине и в страхе Божии, и в пениях и песнях духовных».

Биограф Неронова приписал отказ от привычной формы веселья в пользу аскетизма молениям и запретам Стефана Ванифатьева. Однако подобная ломка традиций без санкции первого лица государства, коим в ту пору являлся не юный Алексей Михайлович, а Борис Иванович Морозов, произойти никак не могла. Духовник, несомненно, ратовал за трезвое торжество и в прямом, и в переносном смысле, да политическая целесообразность всегда выше идеологической. Морозов нарочно потрафил вкусам Неронова, чтобы тот без лишних вопросов поверил в серьезность приверженности друзей царя к нижегородской версии «боголюбчества». А вопросы у попа, по натуре борца, никогда не поступающего принципами, наверняка, возникли. Ведь 2 (12) февраля Печатный двор отрапортовал о выходе «Грамматики» Смотрицкого. Благодаря благочестивости царского бракосочетания этот акт преклонения перед предателем-униатом нижегородец, очевидно, объяснил симпатиями к Польше шефа «справщиков» А.М. Львова, посетившего республику в качестве посла в 1644 г. Хотя по Москве и гуляли слухи о контроле Ванифатьевым работы над книгой, они на отца Иоанна по той же причине не произ-

вели впечатления. Как и повсеместные военные сборы. Полки, стрелецкие, драгунские, рейтарские, отправлялись, в основном, на татарские границы, а не польские. О том, что с татарского рубежа легко повернуть на запад, к восставшим украинским казакам, и, совершив фланговый маневр через освобожденные от поляков территории Украины, ударить в тыл прикрывающему Смоленск врагу, священник и пацифист Неронов едва ли задумывался. К тому же и официальная пропаганда подтверждала, что война будет с Крымом в союзе с Польшей. Никак иначе...

Так зачем боярин Морозов затеял весь сыр-бор с вызовом Неронова, изданием «Грамматики», двойной свадьбой? Потому, что чувствовал, как «плешеевщина» день за днем поднимает градус народной ненависти к его команде и к нему лично. Прекратить выколачивание из подданных денег произволом было нельзя, обнародовать истинные планы правительства до обретения заветного письма Хмельницкого — рано. Вот и занялся Морозов возведением двух «запасных аэродромов». Породнение с царем через брак с родной сестрой царицы весьма повышало шансы Бориса Ивановича выжить, если народный бунт, сокрушающий всех и вся, вспыхнет до приезда нарочного от запорожцев. А троице Ванифатьев — Неронов — Никон, известным ревнителям нравственной чистоты и справедливости, в критический час надлежало сыграть роль посредника между негодующими москвичами и царской челядью.

Что касается «Грамматики» Смотрицкого, то она тем, кто умел читать между строк, намекала на истинное значение всего происходящего: готовимся вернуть Смоленск. Пусть немного, но подсказка снижала степень напряженности в обществе. Кстати, в середине апреля к рекрутированию на войну «против татар» подключили помимо «старых солдат» и необстрелянный разночинный люд, а наемникам-офицерам велели завершить сборы к 10 (20) мая 1648 г. Не вести ли из Варшавы от «друзей»-сенаторов подстегнули процесс формирования запасных частей и распределения военспецов по конкретным подразделениям?!

Апрель — май 1648 г. Московское государство заканчивало развертывание крупных воинских соединений на западной границе. И тогда же, 8 (18) мая, с благословения Морозова успел

выйти в свет фактически программный документ первой настоящей политической партии России — «Книга о вере единой, истинной, православной». Катехизис русского православия, в духе, близком мировоззрению нероновцев, но на основе поучений игумена Киево-Михайловского монастыря Нафанаила. В нем проклинались католики и униаты, а греки, на Флорентийском соборе, вернее, «съезде» в 1439 г. капитулировавшие перед Римом, оправдывались, как обманутые и принужденные к этому папистами. Говоря современным языком, «Книга о вере» есть не что иное, как платформа новой организации, созданной путем слияния двух религиозных кружков — царского и нижегородского. Ее базовый принцип таков: греческое православие — идеал; а вот какое греческое — ранневизантийское, заимствованное Древней Русью у Константинополя, или позднесвизантийское, закрепившееся к XVI веку на Балканах, в Палестине, а с 1640-х гг. и в Малороссии, умалчивалось, чтобы каждый из участников группы мог интерпретировать главный тезис по-своему. Слабый политический вес Неронова в сравнении с легендарными Соловками или Троицей породил данный компромисс, практически нереальный с вышеназванными монастырскими братствами. Учитывая, что Алексей Михайлович предписал издать «Книгу о вере» 1 (11) марта 1648 г., судьбоносные консультации двух православных лидеров — Ванифатьева и Неронова — длились не более полутора месяца (конец января — февраль).

К концу мая формирование резервной «партии власти» завершилось. На типографском складе ждали своего часа тысяча двести экземпляров истинного вероучения. Пять ярких ее членов, авторитетных у разных слоев населения, настроились в любой момент наладить диалог, с кем потребуется. Конечно, ими состав партии и ограничивался, зато они располагали сотнями сочувствующих. Никону, Ванифатьеву, молодому Ртищеву доверяли многие из москвичей. За Нероновым стояли «радикалы» доброй половины Поволжья, от Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев) до Нижнего Новгорода, и от Вологды до Муром и Темникова. За десятилетия подвижничества отец Иоанн сумел завязать немало полезных и

дружеских знакомств в близлежащих от Нижнего городах и селах. Наконец, не будем забывать о юном царе, помазаннике Божьем, вышем судье для всех подданных.

Впрочем, Морозов до последнего надеялся на то, что все обойдется и он избавится от неистового Неронова на другой день по прочтении «листа» Хмельницкого. Ведь нижегородец, как и в 1632 г., осудит войну, даже наперекор мнению большинства общества, мечтавшего о реванше. Тем самым поп сам разорвет партнерские отношения и отправится либо домой, на Волгу, либо куда подальше... А пока в первой половине мая москвичи, озлобленные на московское начальство всех уровней, с ненавистью наблюдали за тем, как оно пировало на черед сановных свадеб. Стольники Михаил Иванович Морозов, Федор Львович Плещеев, Иван Андреевич Голицын, Иван Богданович Милославский в преддверии похода венчались со своими избранницами и, как же по-другому, закатывали торжества, гремевшие на всю округу. Одно перечисление фамилий, принадлежавших клану первого министра, не могло не раздражать обычного жителя столицы, уставшего за девять месяцев бояться «вышибал» из Земского приказа. А вид или молва о щедрых застольях на боярских дворах одиозных особ неминуемо еще больше накаляли общественную атмосферу, намекая на то, куда тратятся «плещеевские» денешки...

Боюсь, что эти свадьбы и переполнили чашу народного терпения. Счет пошел на дни. 17 (27) мая Алексей Михайлович отлучился из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, 1 (11) июня возвратился обратно¹⁸. За две недели политического затишья москвичи основательно подготовились к важной встрече с царем...

ГЛАВА ВТОРАЯ ВАНИФАТЬЕВ

Днем 1 (11) июня 1648 г. царский кортеж въехал в Москву. Отведав у ворот Земляного города традиционные хлеб и соль, Алексей Михайлович направился в Кремль. По пути он с удивлением отметил, как в разных местах через стрелецкие кордоны пытались прорваться и подбежать к нему некие люди. Приблизиться к экипажу, однако, не посчастливилось никому из пятнадцати или шестнадцати смельчаков. Всех перехватила стража. Так что об их намерениях государь так и не узнал, даже от жены, которую толпа чуть не зажала возле Кремля. Стрельцы выстояли и затем оттеснили разношерстную публику назад, к обочинам, получив в ответ град камней, ранивших кое-кого из придворных царицы. Во дворце Морозов от разъяснений уклонился, ограничившись обещанием повесить пойманных наглецов. Боярин еще не понял, что произошло в Москве за время отсутствия царской семьи.

А в Москве свершилась революция, похожая на английскую. И надзиравшая за столицей, боярская комиссия — князя П.И. и М.П. Пронские, окольничий И.А. Милославский, думные дьяки Чистой, Волошенинов и Елизаров — ее прозвала. Пока вельможный комитет заседал в кремлевских теремах, за стенами царской резиденции в приходах стихийно формировались народные комитеты, налаживалась связь между ними и обсуждалась программа действий. В итоге постановили попробовать вручить челобитную от всего мира лично царю или хотя бы царице. Для чего отобрали полтора десятка добровольцев, снабдили каждого копией прошения, распределили по точкам на царском маршруте, удобным для рывка через цепочку охраны. К концу месяца эти комитеты полностью контролировали Москву, в том числе и стрелецкие приказы, не сопровождавшие монарха в Троицу. О прелестях «плещеевщины» ведали все, покончить с ней мечтали тоже все.

Ничего удивительного в том, что все слои москвичей сплотились для достижения заветной цели, нет. Удивительно другое: как это талантливый политик Борис Иванович Морозов не сообразил, не почувствовал, что эксперимент с «эффективным методом» пора прескачать и удовлетвориться накопленной к тому моменту суммой?

Московские же революционеры оплошали в одном: не послали делегатов в лавру к стрельцам царского конвоя. Но эту ошибку они исправили в ночь с 1 (11) на 2 (12) июня. Увы, к утру пятницы Морозов уже не имел никого, кто бы его защитил. Стрельцы, вышедшие с царем из Кремля «за крестом» в Сретенский монастырь на поклон к чудотворной иконе Владимирской, подчинялись не первому министру, а лидерам восстания. В чем высокородный боярин и убедился вскоре. Хотя ряд источников и утверждает, что народ приступал к Алексею Михайловичу по дороге к обители, скорее всего, до завершения церемонии никто не отвлекал царя от божьего дела делами суетными. Лишь возвращаясь в Кремль, царь в какое-то мгновение обнаружил перед собой народное море, которое стрельцы и не думали разгонять. Только теперь юный монарх услышал, о чем бьют челом верноподданные: во-первых, «на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещеева, что от нево в миру стала великая налога и во всяких разбойных и татиных делах по ево Левонтьеву наученью от воровских людей напрасные оговоры»; во-вторых, о помиловании арестованных накануне.

Вот когда Морозов пожалел о промедлении, да было поздно. Он угодил в ловушку. Отдашь москвичам Плещеева — худо: тот со страху расскажет обо всем. Не отдашь, тоже рискуешь головой: обидчика отнимут силой и, как ни крути, язык у него развяжется. Колебания разрешил шурин Плещеева — глава Пушкарского приказа Петр Тихонович Траханиотов, умолявший пощадить сестриного мужа, что и посоветовал государю Морозов. Алексей Михайлович велел толпе расступиться, и, полагая, что ультиматум принят, народ пропустил царя, проводив процессию до Кремля. Расчет на крепкие ворота и стены главной цитадели страны не

оправдался. Караул проигнорировал приказ Морозова предотвратить проникновение черни в Кремль, и поток, устремившись за государем, без помех добрался до площади перед царским дворцом, заполонил все вокруг и притих в ожидании исполнения своей воли.

Немного погодя внушительная манифестация догадалась, что пребывает в заблуждении, и тогда Кремль оглушило мощное скандирование, требовавшее выдачи Плещеева. Потом зазвучали и имена Траханиотова с Морозовым. Простой люд запомнил, кто что-то нашептывал царскому величеству, общавшемуся с народом. Царю, сидевшему с боярами за столом, донесли о желании толпы, бездействии стрельцов и реальной угрозе разгрома царских палат. Морозов предпочел разрядить обстановку: освободив вчерашних узников, выслал на крыльцо настоящее посольство, как и положено, из трех человек (боярина, окольничего и думного дьяка) — М.М. Темникова-Ростовского, Б.И. Пушкина и М.Д. Волошенинова. Диалог, к сожалению, не состоялся. То ли боярин, то ли окольничий высокомерно упрекнул непрошенных гостей за «шумство» и «большое невежество», неосторожно крикнув стрельцам «тех челобитчиков имать». Всем троим досталось и от стрельцов, и от челобитчиков: избитые, в разодранном платье «послы» едва спаслись в покоях царского дворца.

В принципе восставшие москвичи могли легко занять государев дом и расправиться с неудобными лицами. Однако они не отважились на прямое оскорбление царского жилища, и потому продолжили давить на власть. Кто-то призвал крушить морозовские палаты, и все дружно поддерживали эту идею. Первым разорили, конечно же, кремлевский двор августейшего «дядьки», после чего разграбили владения Траханиотова, Чистого, Плещеева и нескольких купцов, прислуживавших Морозову. Не повезло Назару Ивановичу Чистому. Думный дьяк явно попал под горячую руку. Ведь охотились не за ним. Но за недостигаемостью главных виновников, спрятанных царем, растерзали главного помощника Бориса Ивановича, старого соратника Черкасского, специалиста по финансовым и международным вопросам.

По-видимому, гибель Чистого, а не погромы домов вынудила Морозова смириться с неминуемым. Позволить разъяренным бунтовщикам подобным же образом очистить от опытных управленцев всю российскую приказную систему он никак не мог, и около восьми-девяти часов утра 3 (13) июня («на утрене в 4 часу дни») Плещесва вывели из Кремля на Лобное место. Толпа тут же накинулась на него. Самосуд длился считанные минуты, которых несчастному хватило для разоблачения Морозова и Траханиотова — вдохновителей и организаторов пресловутой кампании по отъему у москвичей денег. Разумеется, народ опять замитинговал под башнями Кремля, настаивая на казни двух министров-подстрекателей.

Переговоры возобновились. С «Верху» на Красную площадь пожаловало, воистину, великое посольство — бояре Никита Иванович Романов, Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, Михаил Петрович Пронский в окружении многих окольничих и дворян. Депутацию светскую подстраховывало духовенство во главе с патриархом Иосифом и Ванифатьевым. Впрочем, час «ревнителей благочестия» еще не пробил, и протопоп Благовещенский играл в тот день роль вспомогательную, а не ведущую. Доминировал, и по праву, дядя царя, давний оппонент Морозова, снискавший огромную популярность среди народа. «Ход» Романовым спас Бориса Ивановича, ибо расколол мятежный лагерь. Умеренная половина повстанцев согласилась на посредничество Никиты Ивановича, радикальная в дипломатическую канитель не верила и прибегла к опробованной накануне мере — погрому боярских дворов. Пока одни в Китае и Белом городе опустошали терема Н.И. Одоевского, М.М. Салтыкова, А.М. Львова, Г.Г. Пушкина, М.М. Темкина-Ростовского, Г.И. Морозова, их товарищи у Лобного места нащупали взаимоприемлемый компромисс: Морозову и Траханиотову сохранялась жизнь на условии, что «впредь де им... до смерти на Москве не бывать и не владеть и на городех у государевых дел ни в каких приказах не бывать», а реальные властные полномочия берет оппозиция — Н.И. Романов и Я.К. Черкасский.

Широко известный эпизод с Алексем Михайловичем, расплакавшимся и чуть ли не на коленях умолявшим чернь не губить любимого воспитателя, не более чем легенда, в истоках имеющая государя, прослезившегося при целовании «Спасова образа». Для скрепления клятвой на иконе заключенной мировой он и покинул дворец, выйдя к толпе на «Пожар». Доводы о божьей каре тому, кто поднимет руку на близкого родственника, свояка помазанника Господа, приводил либо Романов, либо иной член царской делегации. Никита Романов вполне мог стать вторым князем Черкасским, то есть фактическим правителем при молодом, инфантильном племяннике, если бы те мужики, что разбойничали на боярских подворьях, не искали легких путей к победе.

Кого-то из них осенила «гениальная» мысль, что хоромы богачей лучше сжигать, чем разбирать по досточкам — и быстрее, и бескорыстнее. Вот и «загорелся на Трубе двор» в девятом часу дня (часу в первом пополудни), за ним другой... Дурной пример заразителен... О розе ветров, кривизне улочек и переулков, концентрации горючих материалов за частными заборами, похоже, и не вспомнили. Пламя стремительно распространилось по Белому городу, уничтожая все подряд — и боярские усадьбы, и дворянские, и дьяческие. К ночи аристократический квартал выгорел дотла — «от Неглины до Чертольских ворот», то есть Пречистенских, а за ним и дворянская округа «позади Белова города — от Тверских ворот по Москву реку да до Землянова города», «за Никитскими вороты от Федоровскаго монастыря все слободы и церковь Николы Чюдотворца Явленского, и стрелецкия слободы за Арбатскими и за Чертольскими вороты». Не пострадали разве что «у Трубы около Петровскаго Павлов монастырь, дворов с триста». Помимо того в пепелище превратились торговые ряды — Мучной, Солодяной, Житный, и государев кружечный двор в Китай-городе.

Понятно, что ретивых поджигателей начали ловить. Они с перепугу винили во всем Морозова с Траханиотовым, которые в это самое время пытались выехать из города в места ссылки, Борис Иванович — в Кирилло-Белозерский монастырь, Петр Тихонович — в Устюжну Железнопольскую. Боярин под До-

рогомиловой слободой столкнулся с ямщиками, узнавшими его, и кинулся обратно в Кремль, где и скрылся в царских покоях. Окольный благополучно выбрался из Москвы и поспешил в сторону Троице-Сергиевой лавры. Между тем утром 4 (14) июня москвичи, возмущенные вероломством двух министров, вновь вышли на Красную площадь добиваться справедливости — казни обоих. Вторую встречу на высшем уровне увенчала неприглядная сделка: дабы умиротворить радикальное революционное крыло, ответственным «за пожар» объявили Траханиотова. Морозова, свояка государя, в очередной раз простили. Привезти в Москву Петра Тихоновича откомандировали окольного С.Р. Пожарского. Князь настиг жертву в предместье Троицкой обители и с одобрения келаря, Симона Азарьина, позволил пленнику исповедаться, переночевать в лавре, а наутро там же причаститься. Днем они вернулись в столицу, и ближе к вечеру 5 (15) июня палач обезглавил Траханиотова¹.

Почувствовав себя отомщенным, навязав царю в докладчики Н.И. Романова, усадив в приказы Большой казны, Стрелецкий и Иноземский Я.К. Черкасского, большинство москвичей посчитало миссию восстания выполненной. Ликвидация «плещевщины» с гарантией ее неповторения ослабила краткосрочное межсословное единство. Отныне каждую из социальных групп волновало решение собственных проблем: дворян — «урочные лета», посад — закладчики, холопство — свобода выбора хозяина, крупных феодалов — дефицит рабочих рук. И очевидно, на какой почве назревал между ними раскол на две больших коалиции. Дворянству и городам убыточна утечка трудового элемента в «белые слободы» князей и монастырей, а духовная и светская аристократия, напротив, заинтересована в росте перебежчиков, готовых пахать на них в обмен на меньший налоговый гнет. Вдобавок московские дворяне здорово претерпели от зажженного холопами антибоярского пожара. Почему бы царю не воспользоваться этим и не предложить несчастным «погорельцам» вкупе с посадским движением взаимовыгодный политический союз: тандем получает от монархии законодательное упразднение «урочных лет» и закладничества;

монархия в лице Алексея Михайловича — согласие на амнистию Б.И. Морозова?

Не правда ли, перспектива для потенциальных сторошников государя слишком заманчивая. Только кто о ней замолвит слово перед лидерами двух сословий и поручится в том, что прощенный царский родственник во власть не вернется? Новая политическая структура — «Ревнители благочестия», предводитель которых протопоп Стефан Ванифатьев в течение 3—4 (13—14) июня активно общался с вождями посада и завязал ряд полезных контактов. Когда страсти поутихли, за четыре дня, с 6 (16) по 9 (19) июня, он с двумя или тремя товарищами — Никоном, Ртищевым и, возможно, Нероновым — смелым политическим маневром «украл» у Н.И. Романова с Я.К. Черкасским победу, а с нею и власть.

Во-первых, они проинформировали о намерениях царя посадское самоуправление и авторитетных среди дворян особ, во-вторых, состыковали обе группы друг с другом, ибо дворяне в революции активной роли не играли и, значит, не очень доверяли будущему партнеру из низов. Наконец, устроили общее собрание 10 (20) июня. На нем городовые дворяне, дети боярские, гости и «торговые люди» московских сотен и слобод выработали и подписали челобитную на высочайшее имя с требованием провести Земский собор для упорядочения и корректировки свода законов с последующим изданием общедоступной Уложенной книги: «Подшился бы государь ведать всемирные плач, призвал к себе, государю, московских дворян и городовых дворян же, и детей боярских, и московских гостей, и гостиние сотни, и черных сотен средние и меньшие стати, и всяких людей... и... от каких от продаж и от насилства стонут и плачут... оне сами про все про то государю скажут».

Какими мы располагаем основаниями для такой оценки роли партии Ванифатьева? Первое, логическое. Совещание с участием дворян и разночинцев, спустя неделю после восстания, без помощи извне пройти не могло. А выступить с подобной инициативой надлежало силе, уважаемой каждой из сторон. И кого одинаково внимательно выслушают как дворяне, так и посадские? Никто,

кроме «благочестивых» благовещенского протопопа, новоспасского архимандрита, нижегородского попа и царского камердинера, убедительным в те дни не выглядел. Даже Н.И. Одоевский, с 16 (26) июля 1648 г. глава Уложенной комиссии, ибо боярину найти общий язык с купцом, ремесленником или лавочником, в отличие от священнослужителя или «стряпчего у крюка», не так легко.

Основание второе, историческое. По данным приходно-расходных отчетов Печатного двора, с первого дня продажи «Книги о вере», с 22 июня (2 июля) 1648 г., спрос на нее имел ажиотажный характер. За два с половиной месяца народ раскупил две трети тиража (850 экземпляров). Уникальный случай, если не видеть в Ванифатьеве политической фигуры. Кстати, то, что «Книга о вере правой... в печать издана повелением царевым и тщательством благого духовника его Стефана Вонифатьевича, благовещенского нашего протопопа, во время благочестивное и тихое», для Москвы летом 1648 г. не секрет. И желание москвичей и гостей столицы побольше разузнать о мировоззрении тех, кто из краха сотворил викторию и снабдил государя устойчивой правящей коалицией, вполне закономерно. Тем паче, что летом 1648 г. единственный доступный для обывателя источник информации о таинственных «ревнителях» — это выше помянутая книга. Сразу отметим примечательное совпадение. Судя по отчетной документации печатников, к осени 1648 г. популярность группы Ванифатьева выросла существенно. «Книга о вере» уже плохо справлялась с функцией политпросвещения. Требовалось что-то более конкретное, наглядное. И какое событие той осени отвечало велению времени? Дебют Ивана Неронова в качестве проповедника в «церкви пречистыя Богородицы Казанския», что на Красной площади.

Основание третье, политическое. 3 (13) июня 1648 г. Б.И. Морозов оставил пост первого министра. В пользу кого? Н.И. Романова? Я.К. Черкасского? Формально, да. Фактически, нст. Как раз числа 9 (19) или 10 (20) июня в Кремле разразился скандал. Князь Яков Куденетович, главный судья центральных

приказов, по словам К. Поммеренинга, «не захотел принимать челобитных, а направлял их к Морозову». Причина, естественно, проста: распоряжения нового премьера дьяками и подьячими не исполнялись, ибо они реально подчинялись не ему, а кому-то другому. Черкасский демонстративно показал кому: Морозову. Но он ошибался, хотя сей демарш и ускорил отъезд из Москвы опального боярина. На рассвете, «за час до дни», 12 (22) июня отряд стрельцов повез Бориса Ивановича на Белозеро. А затем по городам и весям разослали иных соратников «царского дядьки», кроме тестя Алексея Михайловича — И.Д. Милославского. Даже Г.Г. Пушкина выдворили за пределы Москвы, из-за чего военные фабрики столицы и Тулы пришли «в запустение». В итоге в сентябре 1648 г. тульское предприятие вернули старым хозяевам — Марселису и Аккеме².

Увы, изгнания и служебные командировки не изменили ситуации. В октябре, как и в июне, по уверениям К. Поммеренинга, чтобы прошению дать ход, надлежало его поднести не князю Черкасскому, а «приверженцам Морозова», то есть И.Д. Милославскому, А.М. Львову, Г.Г. Пушкину (к тому моменту реабилитированному), А.Н. Трубецкому... И, ясно, что «приверженцев» возглавлял тот, кому доверяли участники июньского совещания. Методом исключения легко определить, кто именно — духовник Алексея Михайловича Стефан Ванифатьев. Разумеется, протопоп в управленческую рутину не вмешивался, рекомендуя царю, как быть, только по вопросам большой политики и по всем церковным.

Так, 27 июня (7 июля) 1648 г. до восьмидесяти челобитчиков от боярских холопов «просили о своем освобождении» у государя. Более чем вероятно, Алексей Михайлович переслал прошение духовному отцу, для которого тут особой дилеммы не возникло. Челобитная противоречила соглашению, достигнутому 10 (20) июня. Оттого оно и не рассматривалось. 3 (13) июля шесть заводчиков казнили, прочих оставили под стражей.

Свое первое стратегическое решение Ванифатьев принял незадолго до 8 (18) июля 1648 г., дня назначения преемником Н.И. Чистого думного дьяка Разрядного приказа М.Д. Волоше-

нинова, а не верного помощника убитого, дьяка Ерофея Иванова, прославившегося позднее под именем Алмаза Ивановича, откомандированного в Посольский приказ с Казенного двора еще зимой или весной 1646 г. За истекшие два года Алмаз Иванов хорошо изучил и внутреннюю кухню Посольского приказа, и дипломатические аспекты планировавшейся Морозовым антипольской войны, и даже в течение десяти дней (27.12.1646—06.01.1647) исполнял обязанности думного дьяка, главного судьи. Между тем 19 (29) июня, как мы помним, Григорий Климов привез в Москву долгожданный «лист» Богдана Хмельницкого.

Долгожданный для Морозова, но не Ванифатьева. Трагедия Бориса Ивановича заключалась в том, что «ревнители благочестия» спасли ему жизнь, а продолжать курс патрона не собирались. Хотя Морозов их выпестовал, марионетками «дядьки» царя они не являлись, ибо, во-первых, имели о государственной политике собственное мнение, во-вторых, более от боярина не зависели. А первоочередной государственной проблемой «ревнители» считали не Смоленск, а нравственность русского народа. Борьбе за нее война никак не способствует. Потому с освобождением западного форпоста Руси надлежало погодить до тех пор, пока русский народ не усовершенствуется настолько, что ничего подобного Шеиновой измене в третьей военной кампании против Польши не случится. Вот почему вместо «ястреба» Алмаза Иванова Посольский приказ возглавил «голубь» Михаил Волошенинов, с 27 ноября (7 декабря) 1644 г. второй думный дьяк Разрядного приказа, товарищ И.А. Гавренева. Ему, в недавнем прошлом подьячему и дьяку внешнеполитического ведомства (1635—1644), дважды посетившему Польшу в составе великих посольств (Львова в 1644 г. и Стрешнева в 1646 г.), и предстояло перенацелить деятельность учреждения с военного на мирный лад. Похоже, Ванифатьев очень спешил продекларировать всем — и польской шляхте, и мятежному Хмельницкому — новый международный курс России, если Волошенинов предстал в качестве главного дипломата страны раньше официального назначения — 4 (14) июля 1648 г. на переговорах с голландским послом К. де Бургом...³

Июньская революция привела к власти «ревнителей благочестия», и она же расчистила путь для осуществления программы Неронова, той самой, которую двенадцать лет назад нижегородские попы изложили в челобитной на имя патриарха Иоасафа. С другой стороны, перед Ванифатьевым широко распахнулись двери для привлечения в Россию украинских и греческих ученых монахов исправлять богослужебные книги по греческим образцам, желательно древневизантийским. Как легко догадаться, именно в этом нижегородцы поступились принципами ради государственной поддержки выдвинутой ими программы.

И снова совпадение. Осенью 1648 г. протопоп Казанской церкви Климент по настоятельной просьбе царя впустил к себе Ивана Неронова, дабы «учение... сладкое» народу внушать о единогласии, аскетичном и трезвом образе жизни, осуждать языческие игры и традиции. Между тем 30 сентября (10 октября) того же года Алексей Михайлович подписал грамоту на имя Зосимы Прокоповича, епископа Черниговского, предложив ему трех учителей-иноков Кирилла Замойского, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого «прислати к нам... для справки библии греческие на словенскую речь на время... кто из них похочет нам, великому государю, послужити».

Подчеркнем, желание русского государя привлечь к книжной справе малороссов, по всеобщему мнению, в вере далеко не благочестивых, нисколько не покорило и не возмутило Неронова. Наоборот, воодушевленный перспективой вещать в соборе у Кремля, «посреди торжища», где «мног народ по вся дни непрестанно... бывает», отец Иоанн как бы не заметил малороссийской угрозы и с головой окунулся в процесс перевоспитания русских людей. Так, компромисс, заявленный «Книгой о вере», обретал реальные черты. Впрочем, молодой царь отклика с Украины не дождался. Зато нижегородский поп к Рождеству Христову 1648 г. умудрился взбудоражить всю Москву, а по вопросу о единогласии и вовсе расколол ее жителей на меньшинство, «боголюбцев» одобрявшее, и большинство, метко окрестившее их «ханжами».

Кстати, в исторической литературе Неронова, применительно к 1648 г., часто именуют протопопом московского Казанского собора или просто «казанским протопопом». Однако еще С.А. Белокуров в монографии «Арсений Суханов» процитировал архивные документы, из которых видно, что протопопства в храме, возведенном Дмитрием Пожарским, нижегородский священник удостоился под новый 7158-й год, то есть перед 1 (11) сентября 1649 г. И еще 31 января (10 февраля) 1649 г. в ведомостях на получение царского подарка — шубы — он, по-прежнему, назывался «нижегородским попом». А приблизительную дату первой проповеди Неронова помогает установить «протокол» февральского Священного собора 1649 г., обнаруженный тем же Белокуровым: «... о том в ц[арско]м [граде] Москве уч[и]нила[сь] м[о]лва великая и всяких чинов православни[е] людие от церквей Бож[ии]х учили отлуча[тися] за долгим и безвременным пением».

Неронов и Ванифатьев — большевики XVII века — не призывали долго убеждать сомневающихся в собственной правоте. Вспомните, как в 1636 г. первый затребовал указа патриарха для «наведения порядка» в Нижнем Новгороде. В Москве история повторилась. По смыслу сохранившегося отрывка ясно, что созыв собора спровоцировали распоряжение государя о повсеместном введении в столичных храмах единогласия (по примеру Казанского собора) и реакция на вердикт москвичей — массовый бойкот приходских церквей. Распоряжению, конечно же, предшествовало проникновенное наставление нижегородского попа, что и подтверждает «Житие Неронова»: «И тако Иоанн в велицем граде Москве жити начат к общей всех пользе. Бяше же ему от сердечных к Богу теплоты обычай, яко егда прочитоваше народу святых книги, тогда бываху от очию его слезы, яко струя, и едва в хлипании своем проглаголываше слово Божественнаго писания, сказоваше же всякую речь с толкованием, дабы разумно было всем христианом. Також де и пение церковное устави пети и глаголати единогласно и благочинно. И от того времени во всех святых церквах единогласное и благочинное пение уставися, ово учением протопопов Стефана и Иоанна, ово же повелением царевым.

В чесом пособствова и богомудрый архимандрит Всемилоstitиваго Спаса, иже на Новом, именем Никон, иже потом бысть митрополит Великому Новуграду»⁴.

В митрополиты Никона хиротонисовали в марте 1649 г. Б.И. Морозов в преддверии войны с Польшей никогда бы не позволил подобного рода игр с огнем. Вот и получается, что «благочестивая» церковная реформа стартовала ориентировочно в сентябре — октябре 1648 г. Ее совместили с приездом в Москву депутатов Земского собора, чтобы те прослушали «лекции» отца Иоанна и разнесли по стране благовую весть. Храм на Красной площади ему подобрали не без умысла. Если не все, то большинство выборных от уездов и городов, естественно, в нем побывало, и неоднократно. А с открытием Уложенного собора Ванифатьев, конечно же, не медлил. Уже 16 (26) июля особое совещание высшей светской и духовной знати предписало «выбрати из стольников, и из стряпчих, и из дворян московских и из жильцов, из чину по два человека, также всех городов из дворян и из детей боярских взяти из больших городов, оипричь Новагорода, по два человека, а из новгородцев — с пятины по человеку, а из меньших городов — по человеку, а из гостей — трех человек, а из гостинных и из су-конных сотен — по два человека, а из черных сотен и из слобод, и из городов с посадов — по человеку». Кроме того, в тот день сформировали кодификационную комиссию (боярин Н.И. Одоевский, боярин С.В. Прозоровский, окольничий Ф.Ф. Волконский, дьяки Г. Леонтьев и Ф. Грибоедов) с заданием в архивах «на всякия государственныя и на земския дела собрать... государские указы и боярские приговоры», которые со «старыми судебниками справити». И по каким «статьям» резолюций царских или боярских «не положено», по тем «написать и изложить... общим советом» свои предложения, «чтобы московскаго государства всяких чинов людем, от большаго и до меньшаго чину, суд и расправа была во всяких делех всем равна».

Провинциальным делегациям велели приехать в Москву «на Семен день 157-го году», то есть к 1 (11) сентября 1648-го. А пока в глубинке решали, кому заседать на соборе, в Белокаменной тво-

рилось сущес безобразис: в течение июля-августа многих героев июньской революции арестовали и по надуманным обвинениям — мол, «играли в карты или зернь, или продавали табак и водку» или еще что-либо — выслали из Москвы «за сто первый километр». Зачем? Общепринятое мнение: партия Морозова мстила народным вождям за дни страха в июне. Вариант менее популярный: постарались избавить земские региональные депутатии от сношений с мятежными приходами. А что, если верно иное: не мстительность и недоверие к соотечественникам сподвигли Ванифатьева к репрессиям, а куда более «уважительные» причины.

Кого выпроваживали из столицы перед Земским собором? Тех, кто позвал и вывел тысячи людей на «баррикады». Все они пользовались в приходах большим авторитетом. Недаром, по свидетельству Поммеренинга, многие жалели об их ссылке и стремились добиться помилования. Но тщетно, ибо опальные вожди умели разговаривать с народом и, разумеется, могли составить неупуточную конкуренцию официальному царскому проповеднику — Ивану Неронову. Не дай Бог, из среды вчерашних бунтарей выйдет талантливый и достойный оппонент отцу Иоанну. О чем при таком раскладе будут участники собора рассказывать по возвращении домой? Не об одной правильной, «благочестивой» точке зрения, а как минимум о двух. И еще вопрос, за какой последует большинство русских земель.

Не от того ли Москву очистили от неблагонадежного элемента?! По крайней мере, в сентябре триста выборных дворян, посадских и стрельцов, представлявших все уголки российского государства, какой-либо весомой альтернативы Казанскому собору не имели, почему чаще посещали его, внимая словам почтенного помощника протопопа Климента. Тем не менее устранение потенциальных соперников не уберегло кампанию от фиаско. И москвичи, и гости столицы, осознав, чего от всех хочет Неронов, разочарованно отворачивались от священника. И хотя «прихождаху мног народ в церковь отвсюду» и, «не вмещатися... и в паперти церковной... восхождаху на крыло паперти», а то и «зряще в окна» соборные, только вряд ли с целью «послушаху пения и чтения

божественных словес». На службах в Казанском храме нередко присутствовал сам царь с огромной свитой. Вот поглазеть на государя, скорее всего, и стекалась с разных концов Москвы толпа. Кстати, о рождении царевича Дмитрия Алексею Михайловичу И.Д. Милославский сообщил там же под утро 22 октября (1 ноября) 1648 г. во время всенощной. Монарх лично подавал пример подданным, как надо выстаивать всенощные «бдения от вечера даже до последнего часа ночи», и не только по праздникам, но «по вся неделные дни», то есть воскресные. Однако подданные и государю не спешили подражать⁵.

Вместо того чтобы попробовать понять поведение народное, Ванифатьев, по-большевистски, обязал московских священников немедленно внедрить казанский опыт в своих приходах. Когда? По-видимому, в конце ноября 1648 г. Ведь параллельно царь апробировал грамоту, копии которой с декабря 1649 г. постепенно развезли по всем областям России [экземпляр для Белгорода датирован 5 (15), для Дмитрова — 20 (30) декабря 1648 г.]. Документ безапелляционно предписывал, чтобы все «мирские всяких чинов люди» с женами и детьми «в воскресенье и в господские дни и великих Святых к церквам божиим к пению приходили и в церкви божии стояли меж себя смирно, в церкви божии в пение никаких речей не говорили и слушали бы церковного пения со страхом и со всяким благочестием внимательно, и отцов своих духовных и учителей людей наказанья и учения слушали, и от безмерного пьяного питья уклонились и были в трезвости, и скоморохов с домрами и с гусльми, и с волынками и со всякими играми, и ворожей, и мужиков и баб, к болным и ко младенцом, и в дом к себе не призывали, и в первой день луны не смотрели, и в гром на реках и в озерах не купались, и с серебра по домом не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и карты, и шахматы, и лодыгами не играли, и медведей не водили и с сучками не плясали и никаких бесовских див не творили и на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили... и кулачных боев меж себя не делали». За нарушение запрета полагались батоги.

Алексей Михайлович, вернее, Стефан Ванифатьев исполнил то, о чем Иван Неронов с единомышленниками мечтал в далеком 1636 г. Но, как известно, гладко было на бумаге. Прихожане, сначала московские, затем и прочие, в подавляющем большинстве царскую волю проигнорировали так же, как и нероновское красноречие. Они проголосовали ногами, максимально сократив времяпрпровождение в церкви. Суеверные обряды и языческие обычаи тоже ничуть не пострадали, в отличие от «рейтинга» радикальных «боголюбцев», заметно опустившегося. Впрочем, политическая репутация осенью — зимой 1648 г. больше зависела не от церковных реформ, а от социальных. И здесь Ванифатьев никаких рискованных акций не предпринимал, в точности осуществив обещание, данное двум поддерживавшим его группам — дворянам и посаду.

С 3 (13) октября обе палаты собора — Высшая (Боярская дума, духовные архиереи) и «Ответная» (выборные из городов и уездов) — знакомились с проектом кодекса, подготовленным комиссией Одоевского. Особых возражений не возникло, ибо ключевые интересы сословий правящей коалиции оно учитывало. В главе первой, статья вторая гласила: «А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет». В главе девятнадцатой, статья тринадцатая утверждала: «А которые московские и городовые посадские тяглые люди сами или отцы их в прошлых годах живали на Москве и в городех на посадах и в слободах в тягле, и тягло платили... а ныне они живут в закладчиках за патриархом же, и за митрополиты, и за архиепископы, и за епископом, и за монастыри, и за бояры, и за окольниковыми, и за думными, и за ближними, и за всяких чинов людьми на Москве и в городех, на их дворах и в вотчинах, и в поместьях, и на церковных землях, и тех всех сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто живал напредь сего, безлетно же и безповоротно. И впредь тем всем людям, которые взяты будут за государя, ни за ково в закладчики не записыватися и ни чьими крестьяны и людьми не называтися». Попутно упраздняясь частная собственность на посадские и крестьянские слободы

(так называемые белые) в городах с предместьями и в ближайшем Подмосковье.

Умиротворение дворянства и посада позволило вернуть в Москву воспитателя царя. Если кто-то и опасался возрождения диктатуры Морозова, эти страхи развеялись уже спустя пять суток после появления 26 октября (5 ноября) 1648 г. боярина в столице. 31 октября (10 ноября) первый министр Я.К. Черкасский повздорил с ним, сидя за царским столом, и демонстративно ушел из дворца, создав повод для собственной отставки. О чем «в 4-м часу ночи» того же дня (незадолго до полуночи) И.А. Гавренев и известил князя. Три важнейших приказа тогда же поручили И.Д. Милославскому. Ванифатьев тем самым достиг двух целей: во-первых, не пустил во власть сторонника войны с Польшей, во-вторых, окончательно убедил поверившее ему московское большинство, что «плещевщина» не повторится. Отсюда и в целом терпимое отношение москвичей к церковным реформам отца Стефана, упрямо добивавшегося от прихожан подчинения уставу благочестия, провозглашенному Иваном Нероновым с амвона Казанской церкви.

В третий раз укротить непокорную Москву Ванифатьев попытался после того, как 29 января (8 февраля) земские депутаты единодушно одобрили окончательную редакцию Соборного уложения и на том завершили свою работу. Царский духовник, видно, не сомневался, что высшее духовенство не посмеет перечить царскому желанию, и 11 (21) февраля 1649 г. собрал «в средней» палате царского дворца патриарха, двух митрополитов, трех архиепископов, одного епископа, шесть архимандритов, девять игуменов, десять протопопов, не считая себя. В повестку дня внес единственный вопрос: «как лутче быти» с проблемой уклонения народа от «долгого и безвременного пения»? Подразумевалось, конечно же, одобрение Священным собором единогласия, с чем прихожанам придется-таки считаться. Уверенность в успехе укреплял визит в Москву патриарха Иерусалимского Паисия, гостившего в ней с 27 января (6 февраля) 1649 г. Уважаемый грек присоединил собственный голос в защиту единогласия.

Увы, затея с треском провалилась. Двадцать семь участников прений, отвергнув притязания благовещенского протопопа, постановили: «Как бы[ло] при прежних святителях митрополитех и патриархах, по всем приход[ским] церквам божественной службе быти по-прещи[ему], а вновь ничево не всчинати». И что же Ванифатьев, смирился с финалом, фактически запрограммированным? Какой там. Наоборот, впал в бешенство. «Муж благоразумен и... добродетелен» не постеснялся обругать и избранить почтенных старцев, отстоявших, между прочим, позицию большинства москвичей, а, в принципе, всей страны. Однако большевик — всегда и везде большевик. Кто не с ним, тот против него. Несогласные и вовсе — враги народа, по терминологии отца Стефана — «волки», «губители» исконного православия. Судя по жалобе патриарха и архиереев на высочайшее имя, оскорбительная для них сцена разыгралась в присутствии Алексея Михайловича и выглядела продолжением нравоучительного урока, когда главный протопоп России посетовал юному монарху на то, что «в московском государстве нет церкви Божии»!

Обиженное духовенство хотело засудить Ванифатьева по статье Уложенной книги о хулении «соборной и апостольской церкви», за что полагалась смертная казнь. Впрочем, на духовного отца государя, по совместительству, первого министра, она не распространялась. К тому же для первого министра вполне естественно именно так отреагировать. Если же еще учесть, что патриарх Иерусалимский Паисий в Москве не только за единогласие выступал, но и за Богдана Хмельницкого слово замолвил, то нервный срыв отца Стефана нетрудно и понять, и простить. Кстати, патриарх Иосиф это со временем и сделал⁶.

Дурную весть отцу Стефану сообщили 1 (11) декабря 1648 г. Вероятно, сам Михаил Волошенинов. В тот день в Посольском приказе расспросили трех «черных попов» с Афонской горы — Петрония, Палладия и Сильвестра. Они предупредили царских дьяков о скором прибытии в Москву патриарха иерусалимского Паисия. Но не это встревожило Ванифатьева, а факт сопрово-

ждения греческого архипастыря от молдавских границ до городка Веницы (Винницы) неким полковником гетмана Хмельницкого, который из Винниц умчался куда-то один, оставив патриарха дожидаться своего возвращения. Протопоп сразу заподозрил неладное — попытку запорожцев через одного из вселенских патриархов убедить Алексея Михайловича ввязаться в войну с Польшей. Надежда на то, что едет самозванец, рассеял второй распрос афонских старцев 19 (29) декабря. Их описание («ростом... средним, в плечах широк») совпало с внешними данными того, кто ранее под сим именем посещал Москву.

Наконец, 21 (31) января 1649 г. гонец Михайло Каленкин привез от воеводы Путивля Никифора Юрьевича Плещеева депешу, разъяснившую ситуацию. Паисий 5 (15) января достиг Путивля вместе с казацким полковником С.А. Мужилевским, тем самым, ехавшим с греческим гостем от Ясс. Полковника гетман «послал... с ним, патриархом... к... царю... Алексею Михайловичу... о... государеве великом деле заодно». Паисий и Хмельницкий встречались в Киеве. От себя курьер добавил, что Путивль покинул вслед за Паисием, которого обогнал у Севска, и на дорогу затратил десять дней. Теперь Ванифатьев уже не сомневался, с чем в Москву спешит иерусалимский владыка. Правда, для принятия контрмер у него имелись считанные дни из-за промедления Плещеева. Первой он наказал путивльского воеводу тремя днями ареста. Второй отправил в Калугу Ф.М. Мякинина приставом к Паисию и секретным ордером аккуратно разведать в беседах, патриарх «для чего... к государю едет — для милостыни ль или для иных каких дел». Третья, самая важная, касалась архимандрита Никона — единственного, кому протопоп мог доверить ее выполнение...

24 января (3 февраля) Мякинин и Паисий пересеклись в Калуге. 27 января (6 февраля) кортеж добрался до Москвы. 29 января (8 февраля) на квартиру патриарха в Чудовом монастыре пришел думный дьяк Волошенинов и поинтересовался целью визита. Паисий о ней поведал откровенно и без обиняков: «Как де он, патриарх, был в Киеве и приказывал от себя к гетману Хмельницкому, что он человек крестьянские веры, а, сложась з бусурманы, многие

христианские крови пролил, а ему де было о том мочно сослатца с царским величеством. И гетман де писал к нему, патриарху, что ему о помочи писать было неколи, а покаместа было им о помочи писать, и ляхи б их всех побили и веру искоренили, и он де по ссылке, с татары сложася против поляков, за православную христианскую веру стоял. Да гетман же Хмельницкой писал к нему, патриарху, что он ко государю о помочи писал, чтоб он, государь, ему, гетману, на поляков помочь велел учинить и войною на них с своей стороны послал и свои города, которые от московского государства к ним, поляком, отошли... изволил... у поляков отыскать (отымать? — *К.П.*), и он бы, гетман, все города и до Смоленска под государеву руку подвел. И он де, великий государь, помочи им, черкасом, учинити и городов у них взяти не изволил.

И после того был он, патриарх, у гетмана Хмельницкого у самова... А ныне они, гетман и все войско запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтоб он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, ему, государю, будут, как есть, каменная стена, и чтоб он, государь, им помочь учинил ратными людьми, а они, черкасы, ему, государю, вперед будут надобны... Он де, патриарх, как у них, черкас, был... всю их мысль видел, что они под государевою рукою быти желают».

Волошенинов доложил обо всем «на верх», откуда ответили несколько дней спустя, и весьма оригинально. 4 (14) февраля в Золотой палате Алексей Михайлович официально поприветствовал иерусалимского владыку, обменявшись с ним формальными любезностями и солидным перечнем подарков. Затем патриарха познакомили с архимандритом Ново-Спасским Никоном, который тут же буквально приклеился к «дорогому гостю», донимая с утра до вечера умной речью, московскими достопримечательностями, приятными прогулками... Паисий быстро разгадал истинный мотив радушной опеки: затруднить ему поиск при русском дворе сторонников войны с Польшей. И, похоже, Никон сумел помешать греческому патриарху выйти на того, в союзе с кем Паисий имел шанс нейтрализовать влияние Ванифатьева на царя. Ведь одному

духовному авторитету благовещенского протопопа противостояли бы и духовный, и светский авторитеты двух уважаемых государем персон — вселенского патриарха и Б.И. Морозова любимого воспитателя монарха, фактически приемного отца.

Впрочем, Паисий парировал интригу царского духовника еще оригинальнее. Осознав, что установить контакт с лицами, сочувствующими Хмельницкому, не получится, он попытался распропагандировать обходительного Никона. Уже 8 (18) февраля 1649 г. владыка адресовал Алексею Михайловичу лествичное письмо, расхваливающее «преподобного архимандрита Спасского» — прекрасного собеседника, «мужа благоговейного», «великому государю» верного. А просьбу оно содержало скромную — позволить Никону полную свободу общения с ним: «Да будет имети повольно приходить к нам беседовати по досугу, без запрещенія великого вашего царствія». Ни Ванифатьев, ни молодой царь подвоха в обращении патриарха не заподозрили и желание святейшего удовлетворили, полагая, что оба обсуждают проблемы церковные. Разумеется, различия в обрядах греческого и русского православия настоящий и будущий патриархи тоже рассматривали. Однако о политике дебатировали больше. И если царский духовник за полтора года привил Никону симпатию к греческой и малороссийской культуре, то иерусалимский иерарх за пару месяцев заронил в том же человеке серьезные сомнения в продуктивности политики самоизоляции от Украины, избранной Ванифатьевым. К концу марта Никон как минимум, во многом пересмотрел свое отношение к внешнеполитическому курсу Москвы, раз Паисий перед отъездом домой велел одному из членов свиты остаться в Москве. В списках посольства он значился «уставщиком Арсением».

О таинственной фигуре Арсения Грека, соратника патриарха Никона, написано немало, и, особенно, о странном повороте судьбы, когда Арсения, официально принятого в русскую службу учителем риторики, через два месяца обвинили в отступничестве от православия и чуть ли не в проповеди католичества на Руси, после чего сослали на Соловки «для исправленья православныя христианскія веры». В исторических трудах неизменно упомина-

ется факт «сдачи» монаха его же патроном, патриархом Иерусалимским Паисием. А вот причина жертвоприношения не ясна. Поверить в версию сановного путешественника, что по дороге назад, на русско-польской границе, в Путивле, он впервые от киевских иноков услышал о неприглядном прошлом старца — неоднократной смене вероисповедания (из православия в папизм, из папизма в ислам, из ислама в униатство, из униатства опять в православие) — нельзя, ибо «еретик и дьявол» о своих религиозных мытарствах по свету сообщил Паисию в Киеве в 1648 г. при знакомстве. И вселенский патриарх тогда раскаявшегося грешника «простил, и служить велел», взяв с собой в Москву «дидаскалом».

Что же побудило в действительности владыку подставить соотечественника под удар? Угроза куда более болезненного разоблачения, чем покровительство хорошо законспирировавшемуся «агенту» римского костела или страшных магометан. Возникла она и вправду в Путивле после встречи с тремя иноками «Киевского братцкого монастыря» Епифанием Славенецким, Арсением Сатановским и Феодосием при следующих обстоятельствах. Выехав из Москвы 10 (20) июня 1649 г. в компании со «строителем» столичного Троице-Сергиева подворья (Богоявленского монастыря) Арсением Сухановым, откомандированным на Восток Посольским приказом ради описания «святых мест и греческих церковных чинов», Паисий достиг Путивля 25 июня (5 июля). 27 июня (7 июля) там же проездом остановились три вышеназванных инока, отправленные в Москву митрополитом Киевским Сильвестром Коссовым в ответ на грамоту Алексея Михайловича от 14 (24) мая 1649 г. с повторной просьбой прислать к нему учителей, кои «божественного писания ведущи и еллинскому языку навычны, и с еллинского языка на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают». Славенецкий и Сатановский торопились в Москву учительствовать, Феодосий с «молсбной грамотой» о милостыни для родного монастыря. Сопровождал их москвич, «торговой человек Перфирей Зеркальников». Пока Зеркальников оформлял у воеводы Плещеева паспор-

та и кормежные документы, старцы беседовали с людьми из свиты Иерусалимского патриарха, возможно и с самим патриархом. 29 июня (9 июля) Паисий особой грамотой подкрепил «мольбу» братских монахов о щедром подаянии. О старце Арсении в ней — ни слова. 1 (11) июля он уведомил московского царя о международных новостях из Турции и Польши, отметив в постскриптуме усердие пристава — И.Ю. Тургенева. И снова об Арсении Греке ничего.

Однако в тот же день произошло что-то, вынудившее Паисия приложить к письму отдельный лист с перечнем вин несчастного «дидаскала», а наутро 2 (12) июля проинформировать обо всем спутника — Арсения Суханова, который не преминул от себя отослать особый рапорт. Этот рапорт и подсказывает, что произошло. Паисий от кого-то из подчиненных узнал важную подробность душевных бесед с тремя киевскими иноками: кто-то из ученой троицы проявил хорошую осведомленность, но не о прошлом, а о настоящем Арсения Грека — о службе переводчиком в штабе Богдана Хмельницкого. Опасность обнаружения возле Никона не папского или султанского «шпиона», а «связного» запорожского гетмана и побудила патриарха Иерусалимского немедленно нейтрализовать «учителя», подосланного Хмельницким, чтобы никто не успел бросить тень на репутацию Никона, потенциального союзника Украины в Кремле, 11 (21) марта 1649 г. не без помощи Паисия ставшего митрополитом Новгородским и Великолуцким, то есть де-юре заместителем патриарха Всея Руси. От того донос святейшего изобилует праведным гневом на «бусурманство» и «уныатство» еретика Арсения, а ключевая тема затронута вскользь: «Я его обрел в Киеве, и, зная он тот язык, говорил с полковником, и я взял его, а он не мой старец».

Полковник — это Силуян Андреевич Мужилковский, через которого Паисий вошел в контакт с вождем нарождавшейся казацкой республики. Но без Арсения Грека, владевшего «славенской» речью, диалог двух сторон едва ли бы состоялся. Знание помимо греческого и других «диалектов» (латинского и, возможно, турецкого), чему способствовали девять лет учебы в Венеции, Риме и Падуе, жизнь в Стамбуле, оченьгодились «черному попу»

из Греции, поселившемся по рекомендации польского короля в Киево-Могилянскую академию, когда в июне 1648 г. на всем Приднепровье утвердилась революционная запорожская власть. Подозреваю, что ученый монах в поле зрения Хмельницкого попал не случайно. Богдан Михайлович вполне мог знать о «подвиге» Арсения, излечившего от припадков каменной болезни Владислава IV, за что и удостоился высочайшего направления в Киев под крыло митрополита Сильвестра Коссова. Скромный инок, немало переживший и повидавший, едва не сделавший головокружительную карьеру (за два-три года из рядового монаха поднялся до кандидата в епископы Мофтонские и Коронские), освоивший в Падуе врачебную науку, как никто подходил на роль личного переводчика и медика гетмана Хмельницкого.

Сохранились сведения о привлечении Адамом Киселем — главным медиатором Речи Посполитой — к консультациям с Хмельницким о перемирии Сильвестра Коссова. Не монах ли Арсений, родом из Фессалии (г. Трикала), в качестве переводчика сопровождал митрополита Киевского на встречу с гетманом?! Так или иначе, а к приезду патриарха Паисия в Киев в середине декабря 1648 г. ученый грек вошел в доверие к Богдану Михайловичу. И гетман, посоветовавшись с иерусалимским владыкой, отпустил в Москву того, чьи знания и опыт должны были помочь склонить русский двор к вступлению в войну с Польшей, о чем в ту пору мечтало почти все население Украины. К сожалению, миссия Арсения Грека пресеклась на старте. Арсений Суханов про «дидакалу» известился от монаха Иоасафа, казначея Паисия. Тот, по-видимому, накануне вечером и переполошил хозяина, и ему же кто-то из киевлян неосторожно высказался об Арсении.

Иван Тургенев привез оба «извета» в Москву 25 июля (4 августа). Ученые монахи опередили его на тринадцать дней и положенный правилами расспрос в Посольском приказе уже прошли, ни о чем дискредитирующем старого товарища не обмолвившись. Однако угроза не миновала. Ведь они могли проболтаться и позднее, при любой подходящей оказии. Так что Тургенев поспел вовремя. Учителя риторики немедленно вызвали к судьям — Н.И. Одоев-

скому и М.Д. Волошенинову, которые к вечеру уличили монаха в том, что тот за короткий срок перебивал «униятом... бусурманом и потом... опять... униятом и во всем стал еретик и диявол», а в Россию заявился «еретическия плевелы сеять». Ночь и еще сутки арестант провел под охраной в доме Тимофея Степановича Владычкина, «в Белом городе, на Кулишках у Николы Подкопаива, у городовые стены». 27 июля (6 августа) государь вынес вердикт, почему-то довольно мягкий — ссылка на Соловки для исправления с отдачей «старцу доброму под крепкое начало».

Если мы вспомним, какой епархии до 1682 г. принадлежал Соловецкий монастырь, Новгородской, то можно подумать, что сам Никон позаботился о судьбе опального. Как раз нет. С 24 марта (3 апреля) 1649 г. он обретался в Великом Новгороде. Значит, Арсения спас кто-то другой, причем осведомленный о благосклонности к старцу митрополита. Кто же? Судя по всему, Б.И. Морозов, ибо отправкой на север «дидаскала» занялся не М.Д. Волошенинов, один из судей и светский хозяин Новгородского края, а дворецкий А.М. Львов, старый приятель Бориса Ивановича. А коли так, то контакт между греческим патриархом и русским боярином, по-видимому, все-таки состоялся. Определенно при посредничестве Никона, разумеется, сугубо конфиденциально, зато с любопытным результатом: обе стороны сочли за благо не торопить события, почему Никон и отлучился в Новгород, а Арсений обосновался учителем в Москве.

О наличии у старца высоких покровителей в Кремле летом 1649 г. свидетельствует и то, что перед самым его отъездом на Соловки, 30 или 31 июля (9 или 10 августа), в инструкцию для игумена Ильи вписали имя «старца доброго». Опять же кого-то при дворе очень волновало, чтобы ученый грек попал там, на острове, в хорошие руки. Этот кто-то не поленился навести справки и, взяв на себя функции монастырского игумена, конкретизировать, кому лучше надзирать за Арсением — «уставщику старцу Никодиму». 1 (11) сентября 1649 г. отряд Владычкина добрался до Соловецкой обители, а через двое суток пустился в обратный путь, чтобы 26 октября (5 ноября) в Москве отрапортовать перед дьяками

приказа Большого дворца о том, как его подопечного встретили на острове. А встретили настороженно, и прошло какое-то время, прежде чем монахи оценили кроткий и покладистый характер еще не старого, лет сорока, грека. Арсений легко приноравливался к нормам и обычаям тех мест, куда заносила судьба. Приспособился и к соловецкому распорядку, быстро вжившись в монашеский коллектив и завоевав уважение большинства монахов.

Конечно, и Никону, и Морозову пригодился бы специалист-полиглот, разбиравшийся в католичестве, исламе, православии по-гречески, знакомый с Богданом Хмельницким. Только ссора с Ванифатьевым грозила катастрофой: протопоп не простил бы Никону переориентацию на партию войны, возглавляемую Морозовым. Отец Стефан разозлился на патриарха Иосифа за неодобрение единогласия. За малейший признак сочувствия тем, кто ратовал за разрыв с Польшей, покарал бы жестче и безжалостно, по сути, хотя по форме опала выглядела бы благопристойно: неугодный по служебной надобности покинул бы Москву, причем надолго.

Насколько тема войны неприятна Ванифатьеву, хорошо все уяснили на отпускной аудиенции патриарха Паисия 6 (16) мая 1649 г. Внешние почести не обманули владыку. То, зачем он приехал в Москву, в ответной речи отсутствовало. По украинской проблеме царь предпочел отмолчаться. Однако Паисий через А.М. Львова и М.Д. Волошенинова настоял на обнаружении официальной позиции Алексея Михайловича. Требование удовлетворили через три дня, 9 (19) мая. Львов и Волошенинов навестили патриарха и огласили мнение государя: «У его царского величества с великими государями короли польскими... вечное докончанье. И его царскому величеству своих государевых ратных людей на помощь войску запорожскому за вечным докончаньем дати и войска запорожского з землями в царского величества сторону принятия нельзя, и вечного докончанья никакими мерами нарушить не мочно. А будет гетман Хмельнитцкой и все запорожское войско своею мочью у короля и у панов-рад учинятца свободны и похотят быть в подданстве за великим государем нашим... без

нарушения вечного dokonчaнья, и великий государь наш... его, гетмана, и все войско запорожское пожалует под свою царского величества высокую руку и принять велит». На худой конец, если поляки потопят революцию в крови и восстановят контроль над Малороссией, русский двор обещал гонимых и теснимых единоверцев у себя «принять без земель».

Процитированное — максимум, который партия мира, партия Ванифатьева, бралась исполнить. Важно подчеркнуть, что она не имела ничего против украинцев и объединения с ними. Ее не устраивало одно — война, война, как таковая, способная помешать задуманному «боголюбцами»-радикалами воспитанию церковью нового русского человека. Заметим, воспитания через насилие. Ни Ванифатьев, ни Неронов не собирались проповедями облагораживать прихожан. Для них проповедь лишь артподготовка. А главное оружие — запреты и страх наказания. Поэтому царский духовник избегал сотрудничества с «боголюбцами» умеренными, питомцами троице-сергиевского кружка, группировавшимися вокруг келаря лавры Симона Азарьина. Они, напомним, никуда не спешили и надеялись изменить поведение соотечественников именно проповедями, для чего при поддержке боярина А.М. Львова в московской типографии печатали книги житийного жанра. Народу грамотному предлагалось биографии читать, а неграмотному — воспринимать на слух из уст приходских священников или владеющих грамотой родных и друзей.

Сторонников Азарьина среди образованных людей, как духовных, так и светских, насчитывалось много. Радикалы же оставались в меньшинстве, зато выигрывали качественно, заручившись симпатиями царя Алексея Михайловича. Тем не менее дефицит сторонников ощущался постоянно. Прикомандирование к патриарху Паисию Арсения Суханова — наглядный тому пример. Ведь царский паломник — тоже из числа умеренных, около 1645 г. пожалованный в «строители» московского филиала Троице-Сергиевой обители, а еще ранее, с лета 1633 г. по весу 1634 г., служивший архидиаконом всероссийского патриарха, то есть Филарета Никитича. Похоже, Ванифатьев просто не отыскал

среди друзей Неронова достойного кандидата, коли посоветовал государю отправить на восток с культурными и политическими задачами человека из конкурирующего лагеря⁷.

Картина складывалась парадоксальная. Россия три года вынашивала сразу три стратегии дальнейшего развития — постепенного просвещения, принудительной аскетизации, военной мобилизации. Каждая в окружении царя нашла своего «адвоката» — А.М. Львова, С. Ванифатьева, Б.И. Морозова. Голос первой звучал слабо, третьей — громче, второй — еле уловимым шепотом. Для победы азарьинской линии требовались годы, морозовской — объявление войны Польше, ванифатьевско-нероновской... ничего, ибо этот проект — проект утопический, без шансов на реальное воплощение, и нижегородские страдания отца Иоанна 1636 г. предупреждали о том. Жаль, что и Неронов, и Ванифатьев не осмыслили поучительный опыт, а по-прежнему фанатично верили в успех. Хотя поле для деятельности в масштабах всей страны они вряд ли бы обрели, не будь политического катаклизма лета 1648 г., вдохнувшего в призрачное предприятие жизнь.

Наверное, Никон был единственным, кто из крайнего крыла «боголюбцев» стремился трезво оценить ситуацию. Оттого и доводы патриарха Паисия не проигнорировал, а взял на заметку. Прежде чем согласиться с ними или отвергнуть, он, несомненно, хотел увидеть финал задуманного товарищами эксперимента. А финал всецело зависел от того, чем закончится дуэль Ванифатьева с патриархом Иосифом по вопросу о единогласии.

Ни Хмельницкий, ни Паисий, ни сам патриарх Иосиф не подозревали, что поражение Ванифатьева на Священном соборе в феврале 1649 г. отложило русско-польскую войну на два года, а торжество концепции Б.И. Морозова поставило на грань краха. Уступив большинство упрямому протопопу, рекомендуй всем приходам единогласие, присовокупив к главной резолюции свое особое, скептическое мнение, «Переяславская рада» собралась бы гораздо раньше, а потери украинцев от патовой круговерти войны с Польшей свелись бы к минимуму. Однако в Москве с

осени 1648 г. дебаты о церковной реформе оттеснили на задворки судьбу Смоленска, из-за чего казачья республика угодила в западню. Непонятный «черкассам» русский нейтралитет сузил поле для маневра до двух вариантов: либо добиваться легализации в рамках Польши, либо по примеру Валахии, Молдавии и Крыма идти вассалом к турецкому султану.

Ясно, какое зло выглядело наименьшим — встраивание в христианскую дуалистическую шляхетскую республику третьей составной частью. Однако в Варшаве триединство Польши, Литвы и Украины всерьез не воспринималось. И никакие военные победы Хмельницкого не могли выбить из шляхты подлинный политический компромисс. Любое перемирие или мир в итоге оборачивались краткой передышкой между сражениями, нужной полякам для сколачивания новой армии взамен разгромленной. 19 (29) июня 1648 г. агент А. Киселя игумен П. Ласко убедил казачью раду в Чигирине предпочесть войне переговоры. Это первое затишье завершилось 16 (26) июля боем под Константиновым отрядов князя Иеремия Вишневецкого и Максима Кривоноса, вернувшегося с Левобережья. «Вторая война» оказалась не менее скоротечной. Падение крепости Бар 28—31 июля (7—10 августа), конфузия под Пилявцами 13—14 (23—24) сентября (вблизи Константинова) и капитуляция крепости Кодак на Днепре 21 сентября (1 октября) 1648 г. реанимировали в ноябре перемирие на три месяца, «до маслених запуст». Впрочем, мирный «конгресс» в Переяславле, «работавший» с 9 (19) по 16 (26) февраля 1649 г., успехом закономерно не увенчался: посол А. Кисель ничего интересного, кроме удвоения квоты на реестровых казаков (до 12—15 тысяч сабель) и свободы вероисповедания, Хмельницкому не предложил.

Между тем избранный на сейме 10 (20) ноября 1648 г. новым королем, брат Владислава IV Ян-Казимир 7 (17) января 1649 г. короновался в Кракове главой Польши и Литвы, но не Руси, а, кроме того, жаждал лично одолеть Хмельницкого в бою. Ему не хватало только дееспособного войска, почему всю весну в Польше велся тотальный набор солдат. «Скребли» по всем «сусекам» —

и дома, и за границей. Оттого на украинском фронте от Бара через Константинов до Гощи (резиденции А. Киселя) боевые действия около полугода ограничивались мелкими стычками. В Белой Руси наблюдалось то же. Отметить можно лишь две крупные акции: на севере казаки полковника М. Небаба овладели Гомелем, на юге хоругви князя И. Вишневецкого — крепостью Бар.

Кампания 1649 г. началась на исходе июня марш-броском казацко-татарской армии Хмельницкого к Збаражу (северо-восточнее Тернополя), где стояли части Вишневецкого, и окружением неприятеля 30 июня (10 июля). Около месяца поляки просидели в осаде, уповая на помощь короля. Ян-Казимир с основным корпусом 3 (13) августа вышел к городу Зборов (северо-западнее Тернополя), в четырех милях от Збаража. Но гетман упредил попытку деблокады атакой врага 5 (15) августа в момент переправы через заболоченную дорогу. Ожесточенное сражение внезапно затихло днем 6 (16) августа по инициативе крымского хана. Ислам-Гирей откликнулся на просьбу короля и взял на себя роль посредника. Уже 8 (18) августа 1649 г. Хмельницкий и Ян-Казимир подписали мирный трактат, учредивший украинскую автономию под протекторатом польского монарха. Граница между коронными землями и гетманскими пролегла по рекам Случь и Сож. Православие на территории Гетманщины получило статус главной религии.

Увы, Зборовский мир «вечное dokonчaньe» на польско-казацком рубеже не обеспечил потому, что в Варшаве не доверяли гетману и казакам, а в Киеве — королю и шляхте. Хотя до середины осени Богдан Михайлович излучал оптимизм и даже позволил себе едкие замечания в адрес подозрительно часто наезжавших в Киев и Чигирин московских курьеров и посланцев. Двум из «москвитов» — Василию Бурому и Марку Антонову — 9 (19) сентября 1649 г. он бросил упрек в лицо: «Ездите де вы не для росправы, для лазучества», после чего пригрозил отомстить Алексею Михайловичу за тщетные мольбы о помощи «ратными людьми» войною «под Путивль... на иные... украинные города и под Москву». Конечно, ни о какой войне с Россией гетман не ду-

мал, а православного соседа порицал от обиды за поразительную недалёковидность царя, обрекавшего его на противоестественные союзы то с мусульманами, то с папистами.

Несмотря на искреннее стремление и Яна-Казимира, и Хмельницкого избежать еще одного кровопролития, накопившаяся за десятилетия взаимная ненависть украинцев к полякам и наоборот сводила на нет все мероприятия по урегулированию конфликта. А. Кисель боялся ехать в Киев на воеводство без охраны. Король снабдил «миротворца» большим отрядом жолнеров, что возмутило киевлян. Гетман в ожидании узаконения польским сеймом зборовских «статей» мешал пропуску в «черкасские» города королевских старост («урядников»). Шляхтичей подобный шантаж, понятно, не мог не раздражать. Очень существенно на рост обоюдной неприязни повлияли дипломатические комбинации Варшавы и Чигирина. Хмельницкий обещал содействовать крымскому хану «из неволи свободитца от турецкого царя», для чего заранее разослал конфиденентов по вассальным Стамбулу княжествам для выяснения их готовности примкнуть к широкой антиосманской коалиции. Отправился казацкий посол и в Семиградское (венгерское) княжество, где правили потомки короля Польши Батория. В Польше данный факт многих встревожил: а не намерен ли вероломный «Хмель» в союзе с татарами, валахами, мутьянами, сербами, греками и шведами свергнуть Яна-Казимира и возвести на престол венгра Георгия или Сигизмунда Ракоци?! На таком фоне неувидительны интриги монарха Речи Посполитой по сраиванию татар и казаков с донским казачеством и турецким султаном. А какой вывод сделал Богдан Михайлович, разгадав игру ясновельможного государя? Верно: «Ему большое опасенья от поляков. Никакими де обычаи верить им и положитца на них крепко не уметь. Лутчая де дело, чтоб тех врагов наперед искоренить, потом над турецким промышлять»....

Уже к декабрю 1649 г. на польско-украинском кордоне наблюдалась переброска вооруженных «лятцких людей» к Люблину и Каменец-Подольскому, а казаки укрепляли оборону вблизи Винницы, Поволоча, Брацлава. К счастью, к весне на-

пряжение спало. Примечательна запись в «Летописи самовидца» (Р.А. Ракуши-Романовского) о 1650 г.: «Войско коронное з гетманами стояло под Камянцем-Подолским, не даючи жадной причины козакам до войны». Судя по оговорке автора, казаки желали воевать с поляками. Почему? Похоже, виной тому — статья зборовской конституции о лимите на реестровых казаков — не свыше сорока тысяч. Счастливчики ставились на довольствие у польского короля и подчинялись только гетману. А вот все прочие регистрировались мещанами, подведомственными королевским старостам, сменяемым раз в три года.

Поляки, в свою очередь, мечтали о реванше над казаками ради мести и возвращения контроля над утраченными имениями и холопами. Возглавляли воинственную партию князь И. Вишневецкий и Я. Радзивилл. По словам русского гонца Г. Кунакова, посетившего в декабре 1649 г. Варшаву, «во всех в польских и в литовских людех в шляхетстве и в мещанях про... Вишневецкого похвала великая, и все люди, от мала и до велика, без меры ево любят». Зборовский пакт польское общество встретило в штыки, грозя королю «рокошом», коли не отдаст булаву гетмана коронного Вишневецкому — единственному спасителю Речи Посполитой. Так что основания для войны в 1650 г. имелись, но она не вспыхнула. Не вспыхнула не вопреки, а благодаря усилиям двух государственных лидеров — польского короля и украинского гетмана. Однако к Рождеству 1650 г. общественные настроения и на востоке, и на западе «вскипели» до крайности, и «самовидец» радостно заметил: «Зимою почали давати жолнерове повод до войны!» И война разразилась.

Каплей, переполнившей чашу терпения, стала новость, долетевшая до Чигирина в середине ноября, о тайной миссии пана Белинского в орду для подкупа «татар на козаков». Первыми казацкий гнев почувствовали королевские старосты. Волна эмигрантов-чиновников тут же нахлынула на приграничье Московии и Польши. А вскоре, 8 (18) января 1651 г., Хмельницкому сообщили главное: сейм в Варшаве, наконец, проголосовал по зборовской конституции: «черкасом быть лейстровым, по-прежнему,

12000... и были б им, по-прежнему, под их справою в послушанье», то есть у поляков.

Гетман немедленно обратился за сикурсом к Ислам-Гирею, каковой под командою царевича нурадын Казы-Гирея покинул Бахчисарай 17 (27) февраля. А комбинация с польским подкупом, видимо, имела и место, и эффект. Татары решили защищать казаков, если шляхтичи будут их сильнее. При том, что над украинцами нависла нешуточная опасность угодить в тиски. Вишневецкий планировал наступать на Киев с запада, Радзивилл — с севера. Богдан Михайлович, догадываясь о том, попробовал разбить неприятеля по частям. Прикрыв литовское направление корпусом Мартына Небаба (Черниговский, Нежинский, Киевский полки, ополчение и ногойская орда), гетман повел костяк армии к Зборову через Константинов, южнее которого в течение февраля и половины марта шло ожесточенное сражение за Винницу. дождался крымского хана, и уже с ним атаковал войска Яна-Казимира, двигавшиеся от Сокаля, под Берестечко 18—20 (28—30) июня. В третий день баталии Ислам-Гирей выкинул фортель, обескураживший Хмельницкого: «На крымского хана неведомо какой страх нашол, что... покинув в таборе возы и наметы, побежал». Гетман кинулся за ним, настиг верст через двадцать, чтобы выслушать такое оправдание: «Он чинил не побег... гнал за своими татары, чтоб их перенять и уговорить, чтоб де к ним, черкасом, в обоз назад воротились». Разумеется, казачий вождь постарался урезонить союзника, призывал вернуться на поле боя. Хан вроде бы и не возражал, но под разными предлогами медлил. Конец колебаниям положил ливень. «Мокрым и в грязи итти на бой с поляки» никак нельзя. И Ислам-Гирей, не мешкая, со всей ордой поскакал к Константинову, не отпуская от себя Хмельницкого.

Казаки же, потеряв в одночасье конницу, предводителя и победу, забаррикадировались в обозе. Под защитой повозок они прогатили в трех местах заболоченную речку Гасловку и за десять дней разными партиями ушли на восток. 30 июня (10 июля) Ян-Казимир занял опустевший табор, после чего устремился к Киеву, куда с севера, опрокинув заслон полковника Небаба, прорвались

хорутви Радзивилла. В конце июля князь овладел городом. А королевское войско лишь 16 (26) августа вышло к Фастову, не рискуя штурмовать Белую Церковь — центр сосредоточения вновь сформированной казацкой армии. К тому же 10 (20) августа от болезни умер вождь польского реванша — князь Иеремия-Михаил Вишневецкий, и бремя реального руководства армией легло на отпущенного из плена по Зборовскому миру коронного гетмана Николая Потоцкого. Около месяца противники присматривались друг к другу, пробовали начать диалог. Однако тот не задался, и 13—15 (23—25) сентября поляки тщетно пытались вооруженным путем взять Белоцерковский бастион. Неудача, недостаток провизии и фуража, болезни, партизанские вылазки, а еще слух о приближении крымской орды, позднее подтвердившийся, склонили шляхетство на мировую, которую обе стороны и заключили 17 (27) сентября 1651 г.

По ней территория республики сужалась до Черниговского воеводства, список реестровых казаков сокращался вдвое, а в городах Брацлавского и Киевского воеводств размещались польские гарнизоны. Вот какими ужасными последствиями аукнулась Украине трусость или измена крымского хана под Берестечко. Впрочем, почему трусость или измена? Ведь Богдана Михайловича более чем странное поведение Ислам-Гирея несколько не разгневало и не оскорбило. Наоборот, осенью 1651 — зимой 1652 гг. гетман, как никогда, высоко ценил свою «дружбу» с Бахчисарем. Он даже не постеснялся, хотя и в вежливой форме, в письме А. Киселю послать Яна-Казимира куда подальше с его повелением от 3 (13) января 1652 г. «испытать верность» казаков совершением набега на Крым. «Не буду искать татар в диких полях или в лесах. Они сами ко мне придут. Лишь бы я им только сообщил. И при том на все злое в отношении ляхов», — написал Хмельницкий не кому-нибудь, а главе польской администрации на Украине. Что означала подобная дерзость? Принятие ультиматума Ислам-Гирея, каковым и была паническая ретирада из-под Берестечко. И ни польские сабли, артиллерия или ненастная погода «испугали» крымского царя. Хан, убедившись, что полунарек в Зборово

гетман проигнорировал или не понял, под Берестечко наметнул более прозрачно на то, до какой степени успехи Украины в войне с Польшей зависят от альянса с татарами. И, следовательно, вождю украинцев надлежало выбрать, наконец, с кем он далее продолжит сражаться за автономию — с настоящими братьями по оружию, крымчанами, перейдя под протекторат Стамбула, или в одиночку с иллюзорной надеждой на братство с православной Россией.

Три года русского равнодушия с неизменными ссылками на «вечное dokonчaньe» практически истребили эту надежду. Через кого только Богдан Михайлович не стучался в московскую «дверь»? Официальные московские послы, начиная с дворянина Григория Унковского (апрель 1649 г.), воеводы приграничных городов, московские подьячие и просто курьеры Посольского приказа, дети боярские, стрельцы и пушкарки «украинных» и замосковных крепостей, едущие в Москву купцы и мещане, патриархи, митрополиты, монахи, несколько собственных послов — боевых полковников... 11 (22) марта 1651 г. гетман по совету очередного посла Л.Д. Лопухина напрямую обратился к Б.И. Морозову: «заступити за нас» перед Алексеем Михайловичем.

Тщетно. Москва буквально издевалась над ним, предлагая прежде добиться от польских властей признания украинского суверенитета или выставляя себе в великую заслугу то, что неоднократно отклоняла просьбу Речи Посполитой о военной помощи против мятежных «черкасс». Примечателен крик души Богдана Михайловича, раздавшийся 10 (20) мая 1651 г. Беседуя с греческим монахом, старцем Павлом, о России, он воскликнул: «Я де посылаю ото всего сердца своего, а они лицу моему насмехаютца!» В последний раз луч надежды блеснул 14 (24) июля 1651 г. В Корсуни Хмельницкого приободрили два гостя из Москвы — митрополит Назаретский Гавриил и подьячий Григорий Богданов, вселив уверенность, что после пережитого казаками несчастья при Берестечко русские не замедлят прийти на подмогу. Назад Г. Богданов повез семь листов, адресованных царю и пяти самым влиятельным при дворе персонам — Ванифатьеву, Ртище-

ву, Морозову, Милославскому, Волошенинову. Стоит отметить, что Гавриил взял на себя поиск нужных слов для протопопа и молодого товарища великого государя. Хмельницкий им не писал, что лишний раз свидетельствует о том, кто именно мешал русско-украинскому объединению — царский духовник.

Что ж, и назаретянин заблуждался. Письма, предварявшие запорожское посольство, ни на йоту не пошатнули внешнеполитические приоритеты Москвы. Правда, с ответом она предпочла не спешить. Полковника Каневского Семена Савича Пыника «с товарищи» в конце сентября проинформировали, что официальную российскую позицию озвучит особый царский посол. Хмельницкий сразу же заподозрил неладное, почему и задорожил еще сильнее крымским партнером. Он догадался, о чем в Кремле постеснялись заявить открыто, и почти смирился с неминуемым — обращением Украины в вассала Османской империи. Отсутствие русского посла в ноябре и декабре 1651 г. не предвещало ничего хорошего. Тем не менее гетман желал услышать окончательный вердикт Кремля и для того 9 (19) января 1652 г. снарядил в дорогу еще одно посольство — наказного полтавского полковника Ивана Искру, которого сопровождал в Россию известный нам московский купец Порфирий Зеркальников, у Хмельницкого улаживавший по поручению царя торговые споры.

Оба прибыли в Москву 1 (11) февраля. Зеркальникова допросили не мешкая. Выяснили, что Искра поставит вопрос о принятии Украины под «государеву высокую руку» ребром, и... взяли тайм-аут. Полковник промаялся в Москве месяца с полтора, прежде чем 22 марта (1 апреля) встретился и с царем, и с Волошениновым. Похоже, опасения ухода запорожцев «к хану в Крым» породили серьезную оппозицию Ванифатьеву внутри царского кружка. Однако точка зрения протопопа возобладала, и думный дьяк Посольского приказа сообщил Искре: «Будет им от поляков учнет какое быть утеснение, и гетман бы и черкасы шли в царского величества сторону. И у царского величества в московском государстве земли великие и пространные и изобильные. Поселитца им есть где!»

Итак, Москва упорно не хотела воевать с Польшей. Зато гостеприимно приглашала к себе в подданство украинцев-эмигрантов в любом количестве. Хотя, по-существу, «нота» Ванифатьева означала одно — граница Османской империи скоро приблизится вплотную к Путивлю, Белгороду и Воронежу. Иван Искра вернулся в Чигирин в середине апреля⁸. Если бы он под каким-нибудь предлогом прожил в русской столице еще месяц-другой, то привез бы гетману вести совсем иные, по-настоящему радостные. Ведь победа Ванифатьева оказалась пирровой. Дни его управления Россией истекали. А имя преемника все чаще и чаще произносилось и в царском дворце, и в боярских теремах, и на торговых площадях. Народ видел в нем спасителя. Вот только от чего?..

К сожалению, отъезд митрополита Никона из Москвы в Новгород Великий в марте 1649 г. не позволил ему понаблюдать за страшным скандалом, разразившимся в Москве на пятом месяце «великой реформы». Процесс насаждения в провинции норм благочестия едва начался. Пока царские грамоты от 5 (15) декабря об искоренении пьянства, непотребного поведения, суеверий, языческих и азартных игр оформлялись в Разрядном приказе, развозились по городам, зачитывались воеводами на собраниях игуменов, черных попов и «мирских всяких чинов людей», время проходило немало. Так «государев указ» для Дмитрова датирован 20 (30) декабря 1648 г. Отчет дмитровского воеводы об обнаружении царской воли и обещании прихожан соблюдать перечисленные запреты получили в Москве 20 февраля (2 марта) 1649 г. Аналогичный рапорт из Костромы столичные чиновники зарегистрировали 20 (30) апреля 1649 г. А из сибирской глубинки «отписки» добивались года полтора-два: Тобольск о новых московских веляниях уведомился 11 (21) июля, Верхотурье — 20 (30) ноября 1649 г., Ирбит — 3 (13) января 1650 г.

И вдруг в момент неспешного распространения нероновских идей по всему государству «колыбель» благочестивости — Нижний Новгород — взбунтовалась против этих самых идей. 6 (16) апреля 1649 г. группа нижегородцев из дворян и посадских —

«Васко Пушкин с товарищи» — били в Разрядном приказе челом на протопопа Спассо-Преображенской церкви Нижнего Новгорода Конона Петрова, требуя «в протопопех быть не велеть» сему крайне агрессивному человеку. Кто такой Конон Петров? Друг и соратник Ивана Неронова, после переезда лидера в Москву координировал деятельность нижегородской ячейки «боголюбцев». Полгода «координирования» по принципу «кто не с нами, тот против нас» разозлили добрую половину горожан. Им надоело каждый день сносить брань и оскорбления священника, навязывавшего всем свой идеал жизни, сколотившего из приверженцев сеть шпиков («советников»), выявлявших «мимо поповских старост» нарушителей благочиния, обзывавшего несогласных с ним «кумиропоклонниками», «раскольниками христианской веры», «не христианами». В результате целая делегация с жалобой отправилась в Москву.

Для Ванифатьева и Неронова то было пренеприятнейшим известием. Причем оба с опозданием и, похоже, не от И.А. Гавренева узнали о ЧП. Думный дьяк явно хотел использовать скандал для дискредитации «ревнителей» в глазах царя. Ведь ропот Нижнего Новгорода означал, что насильственная «благочестивизация» обречена. Ее с тем же негодованием отвергнут везде. Гавренев не успел бросить тень на авторитет «ревнителей». Они, прослышав об угрозе, организовали челобитную в защиту Конона Петрова. Правда, очень торопились. Оттого прошение вышло анонимным: за протопопа заступался не кто-то конкретно «со товарищи», а некие «приходцких и уездных церквей попы и дьяконы, всяких чинов люди», сочинившие бумагу якобы еще в 156 году [до 1 (11) сентября 1648 г.]. Разрядный приказ подготовил свой доклад 10 (20) апреля, проча в судьи Ф.В. Бутурлина и С.В. Чаплина, адвокаты священника — 11 (21) апреля. Наличие контрображения помогло Ванифатьеву замаять скандал. 14 (24) апреля 1649 г. Алексей Михайлович перепоручил рассмотрение конфликта Новгородской четверти, то есть М.Д. Волошенинову. Михаил Дмитриевич, естественно, прикрыл приятеля Неронова.

Где бы митрополит Новгородский ни ознакомился с этой историей, финал кононовского усердия подкреплял правоту Паисия: церковная реформа — тупик; преобразит Россию только война за Смоленск. По дороге в Новгород весной 1649 г. Никон мог отметить первые плоды антипитейной, антиразгульной и антиязыческой кампании в деревнях и городах Подмосковья и Тверского края. Отсутствие в той или иной местности убежденного «ревнителя» превращало борьбу в профанацию. В лучшем случае воевода или староста публично сжигал изъятые в авральном порядке «домбры и гудки, и волынки, и сурмы, и всякие гудебные сосуды», да изгонял вон на неделю-другую компанию скоморохов с медведями и собаками. После отчета об исполнении высочайшего повеления привычное житье-бытье восстанавливалось: ремесленники изготавливали новые струнные и духовые инструменты, изгнанники, как и прежде, в праздничные дни веселили незатейливыми номерами крестьянский и мещанский люд. О победе над пьянством, знахарством, колядством и тому подобным никто и не помышлял.

В тех редких русских селениях, где все-таки обнаруживались идейные сторонники благочестия, обстановка быстро накалялась, после чего борец с пережитками прошлого либо умерял свой пыл, либо избитый и униженный подавался в бег. Последнее для весны 1649 г. еще не характерно потому, что Ванифатьев не сумел восторжествовать в главном вопросе — о единогласии. Почему упразднение единогласия — стержень реформы? По двум причинам. Во-первых, церковная служба — мера воспитательная, и важно, чтобы прихожанин улавливал любое слово, произнесенное священником. Во-вторых, длительность службы — мера страдательная — приучала обывателя к терпению и выдержке, качествам крайне необходимым каждому благочестивому человеку. И если табу на чародеев, плясунов, шахматы или карты не являлось болезненным для основной массы русского народа и к тому же легко преодолевалось, то ежедневное стояние в храме ради траты изо дня в день драгоценного времени на выслушивание одного и того же порождало трудный выбор. Что предпочесть — молитву в ущерб мирским делам или дела в ущерб общению с Богом?

Предки данную проблему решили просто: в будни дело — на первом месте; о душе и Боге думать нужно не мимоходом и на виду у всех, а сутками и в уединении, чему больше соответствовала монастырская келья. В итоге возникла традиция: приходская церковь кратко напутствовала мирянина на соблюдение заповедей в день грядущий; монастырь исправлял заблудшие и грешные души, ободрял отчаявшиеся. В обитель мирянин ездил специально для душевного очищения. Вот потому приходской церкви не возбранялось читать и петь тексты сразу двумя, тремя... пятью голосами, а в монастырской служба велась кем-то одним. Компромиссный вариант вполне всех устраивал, пока не забил в колокол Неронов, а разбуженный им Ванифатьев не попытался раздвинуть для новой теории рамки практического применения. Как на единогласие отреагировала Москва, Никон видел. Но Москва — город уникальный, столичный, слишком суетливый. Мнение провинции могло и не совпасть с мнением центра. А между тем именно от провинции зависела судьба затеянных перемен.

Хотя духовенство на соборе 11 (21) февраля 1649 г. отклонило узаконение единогласия, отец Стефан не смирился с волей большинства и поспешил оспорить ее, апеллировав к авторитету Константинопольского патриарха Парфения II. Тем более что и его оппоненты считали вердикт цареградского владыки приоритетным. Однако на пересылку корреспонденции в Стамбул и обратно понадобились бы месяцы, год, а то и полтора. Никон столько ждать не собирался. Не оттого ли и попросил Паисия с Морозовым повременить с активным сопротивлением политике Ванифатьева? После чего добился от царя для Новгородской епархии привилегии на эксперимент, и 5 (15) мая 1649 г., будучи в Новгороде, осуществил давнюю мечту Неронова: выпустил в свет полноценный реформаторский манифест. В нем положения об изживании пьянства, «бесовских игрищ», сквернословия дополнял ключевой пункт: «Чтоб в церквах божиих вечерни и заутрени, и обедни пели и псалмы и каноны говорили единогласно со всяким духовным прилежанием, и к обедни благовестили во 2-м часу дни».

Что ж, провинция действительно отличалась от Москвы. В Москве единогласие вызвало бойкот храмов. На просторах от Волхова до Белого моря посещаемость в церквях и соборах, если и снизилась, то не так заметно, как в столице, ибо мало кто из священников подчинился грозному требованию. Литургию, как при отцах и дедах, продолжали служить в несколько голосов. Разве что в Новгороде единогласием не пренебрегали, и то благодаря присутствию в городе митрополита. Впрочем, восьми месяцев Никону хватило, чтобы понять, насколько иллюзорны расчеты Ванифатьева и Неронова на торжество благочестия в масштабах Святой Руси. Это видно из грамоты холмогорскому поповскому старосте Трофиму Рогуеву от 17 (27) января 1650 г., продиктованной в Москве. Грамота посвящена избранию преемников на поповские и дьяконские вакансии. А венчает ее вот такой пассаж: «Да ты ж бы... попом и дьяконом, и причетником церковным по прежнему нашему указу заказал накрепко и смирял, чтоб они по кабакам не ходили и не пили, и не бражничали, и в домех питья не держали, а в церквах божиих пели и говорили единогласно по прежнему нашему указу, и никакова б безчинства у них не было»⁹.

И каким образом поп холмогорской Троицкой церкви должен победить то, с чем не справился за истекшие полгода? Похоже, никаким. Да и само распоряжение, слабо перекликающееся с основной темой, выглядит чистой формальностью. Создается впечатление, что Никон воспользовался оказией, дабы попутно отделаться от неприятной необходимости напомнить Рогуеву о борьбе с пьянством и многогласием, изъятиями, от которых избавиться едва ли возможно. Ровно через два месяца друг царя одним из первых убедится в том, насколько опасно настаивать на единогласии. 15 (25) марта 1650 г. в Новгороде вспыхнул мятеж против продажи за границу хлеба. Дворы богатых купцов подверглись разграблению. Воевода Ф.А. Хилков со страху спрятался у митрополита на софийском подворье. Власть в городе перешла к заседавшему в Земской избе комитету во главе с Иваном Жегловым, дворецким прежних митрополитов — Киприана и Афония. С Никоном у него отношения разладились до того, что архиерей

засадил оппонента в тюрьму под предлогом обнаружения какой-то «воровской книги и ключа в тетрадах». Подлинные причины ареста неизвестны. Однако в челобитной новгородцев царю кое-какая зацепка есть. Горожане митрополита винили в том, что тот «многие... неистовства и смуту в миру чинит великую, и от тое ево смуты ставитца в миру смятение». Не «выбивание» ли из народа батогами и «ослопьем» вредных привычек, благочестивой модели поведения не соответствующих, подразумевали авторы? Тогда ясно, почему они не перечислили прямо, какие неистовства творил Никон. Разве Алексей Михайлович признает «смутой великой» борьбу с пьянством, азартными играми, ненормативной лексикой, волхвованием, скоморохами, ну и заодно с многогласием?! Нет, конечно. Вот восставшие и выразили собственное недовольство митрополитом столь обтекаемо.

Зато они не церемонились, когда 19 (29) марта 1650 г. во втором часу дня, то есть утром, ворвались «на софейской двор» освобождать Гаврилу Нестерова, которого люди Никона притащили в «софийский» застенок за подстрекательство к штурму архиерейских палат, где укрылись «изменники» — воевода с митрополитом. Возмущенная толпа узника вызволила, после чего расквиталась с государевым любимцем. «Ослопом в грудь торчма ударили и грудь розшибли и по бокам камением, держа в руках, и кулаки били». Затем пленного повели на расправу в Земскую избу к Жеглову. По дороге кто-то остроумный и придумал оригинальное наказание: раз митрополит радеет о единогласии, то пусть отработает больной и избитый всю службу, от и до, как сам учил. По окончании крестного хода к иконе «Знамения пресвятыя Богородицы» в Знаменской церкви на Ильиной улице Никон, «час, стоя и сидя, слушал и святую литоргию с великой нуждею и спехом служил и назад болен, в санях взвалясь, приволокся».

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что новгородское восстание завершило процесс политической переориентации Никона, начатый беседами патриарха Паисия. И то, что после капитуляции 13 (23) апреля Новгорода митрополит хлопотал у государя о прощении мятежных горожан, не означает ли отчасти

акт благодарности за невольную помощь в разрешении крайне важной политической головоломки?! Кстати, бунт новгородский, как и повлиявшие на новгородцев события в Пскове, где восстание поднялось из-за многократного роста цен на хлеб, породили авантюрные действия главы экономического блока правительства И.Д. Милославского, в сферу компетенции которого Ванифатьев не вмешивался. По обыкновению, на рискованную акцию отважились из лучших побуждений, чтобы с меньшими затратами урегулировать возникшую размолвку с двором шведским из-за массовой эмиграции в Россию жителей Ингрии и Карелии, отошедших к Швеции по Столбовскому трактату 1618 г. В Стокгольме согласились на выкуп в размере 190 000 рублей, в том числе за счет экспорта 20 000 четвертей хлеба. Стоимость четверти зерна выводили по прейскуранту псковского рынка. Легко догадаться, почему хлеб в Пскове моментально подорожал в разы. Милославский попробовал сэкономить. Вот и сэкономил, спровоцировав социальный взрыв сразу в двух городах. Но если Новгород успокоился достаточно быстро, то с Псковом, пережившим ценовой шок, провозились дольше. Полтора месяца город осаждали, отразили три дерзких вылазки псковичей, а покорили, как и советовал Никон, милосердием. 21 (31) августа 1650 г. Псков покаянным крестоцелованием заслужил прощение царя. Как ни странно, «хлебный бунт» не отрезвил рационализаторскую голову царского тестя, и очень скоро история с экономией денег очень уж нестандартными методами повторится.

А что же Никон? Да, он убедился в правоте Паисия и Морозова, но помочь Борису Ивановичу до зимы не мог, активно содействуя умиротворению псковского мятежа. Добившись 13 (23) и 19 (29) мая амнистии почти всем «заводчикам» новгородской «гили», до сентября он ходатайствовал о том же для псковских бунтовщиков. 1 (11) августа встречался с епископом Коломенским Рафаилом, архимандритом Андроньевским Сильвестром и протопопом Черниговским Михаилом (Роговым). Их Земский собор, заседавший 4 (14) июля и 26 июля (5 августа), уполномочил вести диалог с восставшими. В итоге 12 (22) августа

гонiec привез Алекссю Михайловичу настойчивую рекомендацию митрополита проявить снисхождение и к псковичам «четырем человеком пущим вора». Так что не раньше декабря Никон покинул новгородскую епархию, чтобы по традиции перезимовать в Москве, подле молодого государя.

И вот странность. В отличие от предыдущей зимы, зима 1650—1651 гг. выдалась политически очень горячей. И все потому, что кто-то попытался воспрепятствовать официальному упразднению многогласия. 8 (18) декабря 1650 г. грек Фома Иванов доставил в Москву грамоту патриарха Парфения II от 16 (26) августа 1650 г. с ответами на четыре вопроса патриарха Иосифа. Главный из них звучал так: «Подобает в службе по мирским церквам и по монастырем честь единогласно?». Вселенский владыка начертал: «Подобает, и чтение быти со тщанием и вслух всем слышащим совершенным разумом единогласно, а не всем вместе... А певцем пети тропари по чину на правом и на левом клиросех по единому или по два, а не многим, а прочему народу слушати. А псалтырь чести не спешно и прочим слушати. И всякое бы чтение лучитца чести всем вслух, також де и на актеньє лучитца чести священнику или дьякону в божественней литоргии и народу в то время говорити «Господи, помилуй» по уставу церковному всем единым гласом с тихостию и с молчанием, а певцем пети одним». Того же дня лист патриарха перевели и внесли в царские покои.

Вроде бы все в порядке и пора созывать Священный собор. Но тут прямо-таки некстати в середине января 1651 г. из Чигирина приезжает очередной посол Хмельницкого Михайло Суличич с набившей оскомину мольбой: запорожскому войску «быть царского величества под высокою рукою». Ясно, какую заученную фразу предстояло продекларировать Волошенинову. И вдруг... 29 января (8 февраля) Алексей Михайлович пожелал уточнить у «черкас»: «Какими мерами и как тому быть, что гетману Богдану Хмельнитцкому и всему войску Запорожскому быти под его государевою высокою рукою? И где им жить — там ли, в своих городех, или где инде? О том с ними наказано ли?»

Вопросы более чем красноречивые. Задавал их человек либо очень глупый, либо впервые услышавший об обращениях украинцев. Полагаю, что верно второе. Монарху, чередующему занятия церковной реформой с отдыхом на охоте, некогда было вникать в проблемы малороссийского гетмана. Да, Алексей Михайлович интересовался Малороссией — ее культурой, особенно церковной и книжной. А вот политическая ситуация в крае государя не волновала. На это у него имелись первые министры и думные дьяки — до 1648 г. Морозов и Чистой, затем Ванифатьев и Волошенинов. Оба дуэта ограждали юношу от подобных государственных забот. Царь довольствовался тем, что подписывал грамоты и указы, присутствовал на дипломатических приемах и боярских думах, облекая в царскую волю советы старших. Разумеется, он выслушивал и речи послов, в том числе украинских, и доклады министров, среди прочего, и о мытарствах «черкасского» народа. Выслушивал, да не слышал. Выражаясь по-простому, вести с Украины в одно ухо царя влетали, в другое вылетали, и, увлеченный иными предметами, Алексей Михайлович быстро забывал о них.

Так бы и жил второй Романов в счастливом неведении и дальше, если бы кому-то из ближнего круга государя в середине января 1651 г. не понадобилось усомниться беспечного венценосца, равнодушного и черствого к бедам единоверцев — польских подданных. И кому же? Морозову?! Борис Иванович, судя по депешам Поммеренинга, склонял к тому воспитанника с начала 1649 г.¹⁰ Только тщетно. Слова министра, свалившего государство в революцию, уже не воспринимались воспитанником как истина в последней инстанции. Ванифатьев?! Естественно, нет. Ртищев?! По молодости лет не обладал нужным авторитетом, даже если и сочувствовал украинцам. Остается единственный кандидат — митрополит Новгородский Никон, возвратившийся в Москву убежденным сторонником войны с Польшей...

М. Суличич с товарищами опешил, когда того же 29 января (8 февраля) в Посольском приказе узнал, что неясно русскому государю. Послы не без обиды молвили: «Как гетману их, Богдану

Хмельницкому и всему войску запорожскому быти под царского величества высокою рукою, о том они не ведают. И от гетмана с ними о том ничего не наказано, а ведает то гетман!»

Если делегацию из Чигирина ответ государя обескуражил, то «ревнителей благочестия», напротив, не на шутку встревожил. К тому же Алексей Михайлович не ограничился простым любопытством к миссии Суличича, а чуть ли не сразу после приезда в Москву казаков велел, во-первых, послать к Хмельницкому спецкурьера — дьяка Лариона Лопухина, во-вторых, созвать чрезвычайный собор по «литовскому делу». Ванифатьев мгновенно сообразил, чем чревато для единогласия и реформы в целом «сборное воскресенье» в защиту Украины, и, пока Разрядный приказ (И.А. Гавренев) организовывал выборы в городах и уездах депутатов от дворянства и посада, постарался максимально ускорить проведение Священного собора, чтобы переключить внимание духовного сына с международной тематики на внутреннюю. Алексей Михайлович от любезного его сердцу дела уклоняться и не думал, собственноручно набросав повестку дня совещания из тринадцати параграфов.

Первым, разумеется, стояло «О единогласном пении в с[вя]тей Бож[ией церкви] в монастырех и в соборах...». Собор заседал один день — 9 (19) февраля 1651 г. в Кремле. Грамота патриарха Парфения лишила смысла какие-либо дискуссии, почему узаконение единогласия прошло вполне гладко. И теперь надлежало «по преданию святых Апостол и святых и богоносных отец и по уставу пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по всем градом, единогласно, на вечернях и на павечерницах, и на полунощницах, и на заутренях, псалмы и псалтырь говорить в один голос, тихо и неспешно... к царским дверем лицом. А... в которое время священник говорит ектенью, а певцы в то время не поют. А в которую пору певцы поют, и в то время священнику ектеньи не говорить... А псаломщику или псалтырнику також говорить ряд псалма и стих, сказав на крылос, и дожидатися, покаместа певцы допоют стих с припелом... Також на вечерни прокимны, а на заутрене «Бог Господь» со стихи пети, пережидаясь, и тропари, и

седалины сказывать и песни по чину, неспешно. И по них чести священное писание на поучение православным христианом. И пред литоргиею часы говорить единогласно ж, и во святей божественней литоргии ектеньи и возгласы... и прокимны со стихи.. пети такоже де... не вдруг, пережидаяся...»

Тем не менее уже 11 (21) февраля 1651 г. московская оппозиция нащупала лазейку, как обойти неудобный закон. Однако бдительность «боголюбца» попа Гавриловской церкви Иоанна спасла Ванифатьева от конфузии. Он буквально за руку в четвертом часу дня (около полудня) схватил в тиунской избе заговорщиков — попов Никольской церкви Прокофия, Лукинской церкви Савву и Савинской церкви, что на Арбате, Андрея. Троица явилась к тиуну — «интенданту» патриарха Иосифа, надзиравшему за соблюдением церковного благочиния в столице. Изба располагалась у храма Василия Блаженного («церкви Pokрова Богородицы, что на рву»). Вместе с человеком патриарха за порядком следила дюжина выборных — поповских старост и десятских дьяконов. Аналогичные «конторы» действовали и в провинциальных городах.

Так вот, три попа попросили у тиуна отсрочку до воскресенья в исполнении утвержденного на днях соборного акта, ибо хотели подать челобитную патриарху, «чтоб им с казанским протопопом в единогласном пении дали жеребей. И будет ево вера права, и они де и все учнут петь и говорить». Тиун не возражал, но поп Иоанн услышал о коварном плане. Тогда «ханжу» попробовали нейтрализовать силой слова. Сперва агитировали: «Заводите де вы, ханжи, ересь новую, единогласное пение и людей в церкви учите. А мы де людей преже сего в церкви не учивали, а учивали их в тайне... К выбору, которой выбор о единогласии, руки не прикладывать. Наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии бояром и околничим, любо ли де им будет единогласие». Потом запугивали: «Нам де хотя умереть, а к выбору о единогласии рук не прикладывать. Ты де ханжа еще молодой. Уж де ты был у патриарха в смирение, а ныне у патриарха в смирение будешь же!» Ни то, ни другое гавриловского попа не «образумило». Поколебавшись два

дня, 13 (23) февраля 1651 г. отец Иоанн донес об угрозе, нависшей над церковной реформой.

Огласка помешала патриарху Иосифу проверить единогласие на прочность жеребьевкой, и летом официальные извещения о новой норме разлетелись по стране в виде царских грамот и книжного варианта «Служебника», отданного в набор 13 (23) мая, отпечатанного 18 (28) июля 1651 г. Как их встретили в глубинке, нетрудно догадаться. Впрочем, пока в Москве с оптимизмом смотрели в будущее, и сам Алексей Михайлович уловку трех московских священников окрестил «дуростью наглою». Конечно, разоблаченная гавриловским попом интрига напоминала жест отчаяния в сравнении с той, которая плелась параллельно и куда более хитрой головой.

К концу февраля выборные из регионов съехались в Москву. Предвидя их патриотический энтузиазм, противники войны сыграли на опережение, предложив государю предварить светский форум церковным. Тому идея понравилась, и 19 февраля (1 марта) А.М. Львов внес на суд православных иерархов статьи «о литовском диле». Обсуждать предстояло, во-первых, «неправды» Речи Посполитой, во-вторых, челобитье «черкасс» о стремлении «под государеву высококую руку в подданство». «Неправд» авторы документа насчитали три: описки в титулах Михаила Федоровича, Филарета Никитича, Алексея Михайловича; некие «злые безчестья и укоризны» о трех Романовых и России в книгах, увидевших свет при короле Яне-Казимире; умышления шляхтичей «сопча» с Крымом «московское государство воевать и разорить». Четвертая вина поляков вытекала из первых двух: на сеймах они так и не приняли акт о казни лиц, оскорбивших в письменной форме русских самодержцев. Что касается украинцев, то документ подчеркивал неизбежность в случае молчания Москвы ухода Малороссии под протекторат турецкого султана.

«Патриарх с митрополиты и архиепископы, и со архимариты и со игумены» 27 февраля (9 марта) посоветовали монарху потребовать у поляков сатисфакцию в последний раз, и, буде король Ян-Казимир «не справитца и управы на виноватых... не даст»,

объявить республике войну. Маневр сработал. 28 февраля (10 марта) 1651 г. в Столовой палате при государе земским депутатам от разных сословий (знати, дворянства, посада, купечества) зачитали антипольские тезисы. Увы, прения мирян опоздали ровно на один день. За что бы уважаемое собрание ни проголосовало, компромиссная позиция духовенства уже завоевала симпатии набожного Алексея Михайловича. Государь воздержался от сенсационных и громких заявлений до возвращения из Варшавы посольства, которое М.Д. Волошенинов, конечно же, формировать и готовить к отправке не торопился.

6 (16) апреля из Чигирина примчался Л.Д. Лопухин с двумя грамотами от 11 (21) марта. Одна на имя Б.И. Морозова от Хмельницкого, другая — Алексею Михайловичу от митрополита Коринфского Иоасафа. Обе «слезно» молили о военной помощи украинскому народу. Из первой депеши видно, что «боярин Ларион Дмитриевич» невольно ввел в заблуждение и гетмана, и архипастыря. Дьяк, служивший в Казанском приказе, искренне считал, что проснувшийся у государя интерес к Украине — результат усилий Морозова, о чем и не преминул «изустно поведать» в ставке запорожского войска. Курьер, уехавший из Москвы до окончания соборов, похоже, нисколько не сомневался в победе новой внешнеполитической линии у себя на родине и заразил собственным воодушевлением братьев-казаков. Разочарование постигло Лопухина по приезде домой. 11 (21) апреля 1651 г. Алексей Михайлович пожаловал его в думные дьяки приказа Казанского дворца, и все. Официальной реакции на запросы гетмана и греческого митрополита не было¹¹.

Зато неофициальная реакция имела место. Выбирая между войной и церковной реформой, царь, естественно, поддержал реформу, веря в ее успех. Закон о единогласии только приняли. Надлежало посмотреть, как к нему отнесется народ, с какими препятствиями — серьезными или не очень — столкнется процесс распространения ключевой воспитательной нормы по московским землям. Война бы точно помешала ей утвердиться. Потому государь, скрепя сердце, послушался Ванифатьева и вроде бы охладел к

проукраинскому курсу. Даже откровенный саботаж с организацией «великого посольства» к королю Польши не замечал. Он ждал промежуточного итога реформы. Тем не менее об Украине думал и боялся того, о чем предупреждало докладное «письмо» депутатов собора — присоединения «черкасс» к Османской империи. Между тем игнорирование и дальше обращений Хмельницкого и иже с ним неминуемо приближало день присяги казаков на верность турецкому султану.

Помочь выйти из образовавшегося тупика могло одно средство — секретная дипломатия, то есть посылка в Чигирин втайне от всех человека с просьбой еще немного потерпеть. Поскольку просьба выглядела издевательски на фоне всех предыдущих ответов, то заикнуться о ней следовало тому, кому гетман доверял. Иными словами Алексею Михайловичу требовался «связной». И таковой нашелся... на Соловецком острове. Прочитируем крайне важный документ: «В прошлом во 159-м году, как мы были на Москве, и тогда казал государь царь и великий князь... из Соловецкого монастыря взять нам старца Арсения гречанина. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б безо всякого мотчанья того старца Арсения велели вывести нынешнем летним путем из Соловецкого монастыря в Сумской острог со всем ево келейным борошнем и велели б ему тут в Суме быть до зимнего пути до государева указу. А государева грамота об нем тотчас к вам будет в монастырь. А того б вам не учинить, чтоб того старца Арсения нынешним летним путем из Соловков не вывести в Сумской острог».

Перед нами содержательная часть грамоты митрополита новгородского Никона архимандриту Соловецкой обители Илье Пестрикову, написанной «в Великом Новгороде лета 7160 октября в 3 день». «В прошлом во 159-м году» переводим, как «до 1 (11) сентября 1651 г.». Согласно Новгородскому хронографу, опубликованному М.Н. Тихомировым, в Москву из Новгорода Никон выехал или получил царский указ о том 28 ноября (8 декабря) 1650 г. Этот, второй визит в столицу совпал с двумя соборами, посвященными двум конкурирующим проблемам — единогласию и войне с Польшей. Единогласие в

возникшем споре победило, и примерно тогда же Алексей Михайлович вспомнил об Арсении Греке. Скорее всего, не сам, а благодаря либо Никону, либо Б.И. Морозову. Гонец на север тут же не помчался, по-видимому, из-за казуса Шохова.

21 апреля (1 мая) брянский воевода Д.С. Великобогагин проинформировал Москву о желании казаков Хмельницкого по окончании весенней распутицы совершить марш-бросок к Рославлю, используя территорию Брянского уезда. Спрашивал, как быть. Гавренев и Милославский доложили о том царю, и Алексей Михайлович не пренебрег этим поводом намекнуть Богдану Михайловичу о готовности России не только словом, но и делом помочь украинцам. 28 апреля (8 мая) через Разрядный приказ воеводе велели «черкас» пропустить. Полковник черниговский Иван Шохов за дозволением пройти обратился в Брянск 23 мая (2 июня). Неделю обе стороны искали консенсус по условиям прохода. 31 мая (10 июня) Данила Степанович известил Гавренева обо всем и об ожидании Шоховым ордера гетмана для пересечения границы.

Каким образом Ванифатьев проведаль о секретной операции, неизвестно. Но 4 (14) июня 1651 г. из Москвы в Брянск полетело предписание отряд Шохова через Россию к Рославлю не проводить по причине того, что «в Брянском уезде ныне поля обсеены и луги огорожены, и в том с ними, с черкасы, учинитца ссора». А Великобогагин, естественно, за якобы неверную интерпретацию высочайшей воли удостоился порицания: «Ты то учинил не гораздо». Хотя озвучил государев вердикт Разрядный приказ, пролоббирован он не Гавреневым, Милославским или Морозовым, а благовещенским протопопом по очевидному мотиву: не дать Варшаве повода к ухудшению отношений с Россией. К счастью или нет, а грозный окрик не поспел. Шоховцы прошли через русскую землю и без боя 6 (16) июня 1651 г. овладели Рославлем.

Однако отныне на кордоне действовал запрет, который намекал Хмельницкому уже на другое — на торжество при русском дворе польской партии над украинской — и подталкивал казаков принять протекцию турецкого султана. Теперь лишь «связной» убедил бы гетмана в том, что равнодушие Кремля к бедам малороссов мнимое. Никон летом 1651 г. обрелся в Новгороде, куда

царь и отослал сигнал о вызове Арсения с Соловков. Грамота митрополита в обеих публикациях — И. Шляпкина 1915 г. и С.К. Севастьяновой 2004 г. — датирована 3 (13) октября 1651 г. Если же проанализировать всю подборку грамот, изданную в сериальном сборнике «Книжные центры Древней Руси», то нетрудно заметить, что монахи фиксировали на подлинниках время их доставки в монастырь. В канцелярии Никона год, месяц и день указали всего три раза — на грамотах от 28 февраля (10 марта) 1650 г., от 21 февраля (2 марта) 1652 г. и от 3 (13) октября 1651 г. Первую на острове зарегистрировали 14 (24) мая 1650 г., на второй обозначили только год — 7160 (1651), на третьей, нас интересующей, выведено: «160-го году октября в 3 день от митрополита из Новагорода».

Наблюдается явное противоречие. Ошибку помогает обнаружить текст письма. Никону важно, чтобы старца перевезли на материк «нынешним летним путем», не позднее. Если курьер покинул Новгород в первой декаде октября, то недели три на дорогу он затратит и на Соловки прибудет в конце месяца, когда навигацию прерывает ненастная холодная погода, то есть устанавливается тот самый «зимний путь». А вот отправка нарочного в первой декаде сентября (в первые дни нового 160-го года) позволяет тому появиться в обители в начале октября, и у игумена Ильи есть в запасе неделя-полторы для «летней» переброски «гречанина» в Сумской острог (юго-восточнее Беломорска). Похоже, в концовке с годами кое-какие из букв и цифр поистерлись, и кто-то из дошных монахов «отреставрировал» ее, ориентируясь на лучше сохранившуюся отметку на обороте столбца.

Итак, на исходе августа 1651 г. Алексей Михайлович санкционировал исполнение ранней договоренности с Никоном о вызове с Соловков Арсения. Царь колебался все лето, а решение принял, вероятно, под влиянием шести весточек из Чигирина, адресованных сразу и Ванифатьеву, и Ртищеву, и Морозову, и Милославскому, и Волошенинову, и ему самому, которые привез подьячий Григорий Богданов 7 (17) августа 1651 г. Они предупреждали, во-первых, о снаряжении гетманом в Москву «посланцов знатных людей... бити челом... чтоб великий государь святыя божии церкви... от еретических рук и от... поруганья оборонил»,

приняв Малую Русь «под свою государскую высокую руку», вторых, о неизбежности тесного союза Украины с одним из двух соседей — либо с крымским ханом, либо с московским царством. В Кремле поняли, что Хмельницкий фактически предъявляет ультиматум. Согласиться с ним официально мешал Ванифатьев. От того попробовали связаться с гетманом тайно, через сосланного на Соловки грека, и, пока тот доберется до Чигирина, под разными предложениями держать паузу.

20 (30) сентября 1651 г. делегация С.С. Пыника приехала в Москву. Полковника внимательно выслушали и пообещали ответить через особое посольство, которое Алексей Михайлович вскоре пришлет в Чигирин. 8 (18) октября казакам пожелали счастливого пути домой, и Посольский приказ неохотно взялся наметить, кого и с чем посылать на Украину. Выбрали Василия Васильевича Унковского. Ему предстояло довести до сведения гетмана, что русскую военную помощь «черкаassy» получат, если в Варшаве не казнят виновных в оскорблении трех русских «великих государей». Послами в Польшу планировались Ю.А. Долгоруков, Ф.Ф. Волконский и А. Иванов. 10 (20) октября царь проект утвердил. «И послам сказано было. А в Литву не ходили. А посланы в Литву посланники — Офонасей Осипов сын Прончищев да дьяк Алмаз Иванов». Унковский на Украину тоже не отправился. А дует Прончищев — Иванов появился 28 декабря (7 января), тронулся в путь 12 (22) января 1652 г. Правда, оба также не покинули бы Москву, не явись 24 декабря (3 января) в русскую столицу польский гонец с приглашением русских представителей на экзекуцию хулителей государева титула.

Обратим внимание: статус делегации снижен, число полномочных членов уменьшено. Кого же послушался монарх на сей раз? Партию мира или войны? Полагаю, и ту, и другую, ибо на коротком этапе осени — зимы 7160 г. от диалога с Варшавой и Чигириным стремились уклониться обе группы. А вот то, что царь одобрил вынужденную уступчивость Ванифатьева, отчетливо свидетельствует об августейших симпатиях на 10 (20) октября 1651 г.: Алексей Михайлович вполне настроился на союз с Украиной против Польши ради освобождения Смоленска. А это означало,

что к середине осени и юный государь ощутил обреченность курса на единогласие и полное искоренение с его помощью греховных народных привычек. Хватило пяти-шести месяцев реализации февральского закона в ближайших к Москве городах и селах, где «боголюбцы» чувствовали себя наиболее уверенно. Внедренное волевым нажимом единогласие «стреляло» вхолостую, никак не отражаясь на нравах или почти никак. Не очищало душу русского человека от скверны долгое стояние в церкви и регулярное внимание ясно изложенным напоминаниям прописных истин. Нравоучения и призывы «ревнителей благочестия» обыкновенно игнорировались. Ну а самых рьяных «солдат» Ванифатьева и Неронова прихожане, не боясь царского гнева, избивали и изгоняли отовсюду вон. В житии протопопа Юрьева-Поволского (ныне Юрьеvec) Аввакума Петрова сына Кондратьева неистовство толпы описано очень ярко: попы, мужики, бабы, «человек с тысячу и с полторы», выволокли автора из «патриархова приказа» и «среди улицы били палками и топтали, и бабы били ухватами... убили чуть не до смерти и бросили под избной угол». Воевода отвез несчастного домой, но и там собралось многолюдье, жаждущее расквитаться с «вором». Пришлось Аввакуму бежать в Москву, не отслужив и двух месяцев в чине протопопа. Аналогичный финал постиг и костромского протопопа Даниила, и муромского Логгина, и темниковского Даниила и, конечно же, не только их. К лету 1652 г. в Москве нашли приют многие «боголюбцы» радикального крыла, изрядно укрепив политический вес своего кумира — Ивана Неронова¹².

Впрочем, в октябре — ноябре 1651 г. крах церковной реформы еще не свершился, лишь забрезжил на горизонте, и авторитет Ванифатьева не упал, лишь пошатнулся. Почему Алексей Михайлович разрывался между двумя полюсами, сердцем болея за торжество благочестия, умом ратуя за смоленский триумф. Царь очень нуждался в добром совете того, кто разбирался и в вопросах веры, и в политике. Нуждался в Никоне, который осенью 1651 г. «сидел» в Новгороде, управлял епархией и ждал Арсения Грека, еще не подозревая, что надобность в нем за истекшие два-три месяца отпала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НИКОН

1 (11) декабря 1651 г. Алексей Михайлович отправился в Звенигород на поклон к Савве Сторожевскому. В обители чудотворца он провел минимум три дня. Тогда же и отважился пересечь Рубикон, всецело положиться на мудрость митрополита Новгородского. Прямо из Савво-Сторожевского монастыря гонец поскакал в Новгород за Никоном. Новгородский хронограф сообщает об отъезде владыки в Москву вечером 6 (16) декабря 1651 г. Это — ошибка. Митрополит оставил епархию 14 (24) декабря 1651 г. А в летописи, наверняка, отражена дата прибытия в Новгород царского курьера. 19 (29) декабря под Торжком Никон встретился с другим нарочным из Москвы с высочайшим требованием поспеть в столицу «на память Петра митрополита московского». Покинув обоз, новгородский архиерей за сутки преодолел последние версты и глубокой ночью, «за три часа до света», 21 (31) декабря 1651 г. приехал в Москву, где в Успенском соборе отслужил литургию в честь митрополита Петра, а потом уединился для беседы с царем.

В эти день-два и решилась судьба Отечества. Мы можем примерно реконструировать, о чем собеседники вели речь. Разумеется, с сетований на фиаско радикальной «боголюбческой» программы все началось. Затем настал черед двух других концепций преобразования России, символами которых при дворе являлись Б.И. Морозов и А.М. Львов. Похоже, государь и примкнул бы к плеяде талантливых писателей, книжников и проповедников во главе с келарем Троице-Сергиевой лавры Симоном Азарьиным, да то обстоятельство, что достичь желанной цели при жизни одного поколения не получится, удручало и угнетало Алексея Михайловича. Хотелось результата быстрого. Его сулила война с Польшей за Смоленск в содружестве с Хмельницким. Однако при данном

варианте пропадала духовная составляющая, имевшаяся у тех «боголюбцев», что думали книгами и проповедями день за днем, год за годом, приучать народ подражать образу жизни святых. Вот если бы как-нибудь совместить войну с нравоучением...

В отличие от Ванифатьева, Морозова или Львова, Никон знал, что ответить молодому царю. Он напомнил юноше о двух первых патриархах — Иове и Гермогене. Кем они были? Мучениками! А от кого претерпели? От поляков! Иова заточил в Старицкий монастырь Лжедмитрий I, протеже польских магнатов. Гермогена, благословившего Ополчения 1611 и 1612 гг. на борьбу с интервентами, осажденные шляхтичи уморили голодом в Чудовом монастыре. Нужно воспеть их нравственный подвиг, а еще лучше, торжественно перенести останки в усыпальницу первосвятителей московских — Успенский собор. Культ патриархов, погибших за православную веру от рук польских католиков-оккупантов, подействовал бы мобилизующе на народ при объявлении войны Речи Посполитой.

Алексею Михайловичу пришлось по сердцу мысли Никона. Царь воспринял на ура идею прославления двух героев-патриархов одновременно с выступлением на помощь братьям-украинцам. Потому молодой человек с благодарностью откликнулся на еще одно предложение митрополита: для ровного счета (Бог ведь троицу любит) перезахоронить вместе с патриархами и митрополита московского Филиппа Колычева, загубленного Иоанном Грозным. Государь согласился, невзирая на скрытый в нем подвох. Ведь канонизация Колычева, привлекая всеобщее внимание к неправоте, даже преступлению конкретного «великого государя» Рюриковича, принижала легитимность светской власти и, наоборот, возвышала значение церковной. Большой шум вокруг обретения трех новых мощей на фоне искреннего покаяния августейшей особы за безбожные деяния предшественника способствовал двойному государственному перевороту. Во-первых, главой государства становился патриарх, отодвигая в сторону царя. Во-вторых, престарелый действующий патриарх отрекался в пользу молодого и энергичного преемника. Иосифу поневоле пришлось бы уйти,

дабы Никон обрел статус, тождественный тому, которым обладал патриарх Филарет Никитич — лидер страны, воевавшей с Польшей за Смоленск. А именно Никону и предстояло возглавить вновь воющую за Смоленск Россию.

Далее события развивались в калейдоскопическом темпе. 23 декабря (2 января), в день святителя Филиппа Московского, Алексей Михайлович пожаловал новгородскому наставнику шестьсот рублей. А на завтра гонец из Польши уведомил о созыве королем Яном-Казимиром сейма для суда над неугодными Москве персонами. В Варшаву, не мешкая, отправили двух посланников — Прончищева и Иванова — настаивать на казни виновных, чего поляки, естественно, не сделают и тем самым дадут повод к разрыву. Едва оба уехали, пронесся слух из Чигирина: Хмельницкий в отсутствие московских гостей шлет за последним царским словом последнего посла — полковника Ивана Искру. С 1 (11) февраля он — в Москве. Ко двору не приглашается. На родину не отпускается. Мается от скуки, теряясь в догадках...

Тем временем Никон собирается в путь, на Соловки, за мощами святого Филиппа. Мощи Иова из Старицы царь поручил привезти митрополиту Ростовскому и Ярославскому Варлааму. За останками Гермогена отлучаться из Москвы не надо, понеже лежат рядом с Успенским собором — в Чудовом монастыре. Генеральную репетицию грандиозной церемонии устроили в Савво-Сторожевском монастыре, куда 16 (26) января специально всем двором отправились «для обретения мощей преподобного Савы чудотворца». Торжественное мероприятие провели 19 (29) числа. Недели за две до прощания с Москвой Никону сообщили из Новгорода, что Арсений «Гречанин», наконец, добрался до «софейского дома». Новость не вызвала никаких распоряжений, ибо тайная миссия более не требовалась. После избрания нового патриарха и возвращения Прончищева с Ивановым из Варшавы Ивану Искре объявили бы то, что ему хотелось услышать — о намерении царя заключить антипольский альянс с гетманом.

Не случайно перед отъездом Никон презентовал Стефану Ванифатьеву богато украшенную горностаевую шапку. Убеж-

дал, подкупая, не ссориться, не идти наперекор новому курсу и не вымаливать у царя что-либо в ущерб задуманному. Убеждал напрасно. 11 (21) марта 1652 г. Никон выехал из Москвы. Спустя одиннадцать дней полковнику Искре М.Д. Волошенинов зачитал совсем не тот приговор, на который казак уповал, а митрополит Новгородский готовился обнародовать. За почти семь лет ежедневного общения царский духовник хорошо изучил духовного сына и умел в нужный момент нажать на нужную струнку. Вот и нажал, вследствие чего и свое дело не спас, и чужое испортил.

Полковник Искра к середине апреля вернулся в Чигирин с вестью, приятной для Стамбула и Бахчисарая, а не «черкассам». Насколько Хмельницкому не хотелось в нее верить, можно судить по листу гетмана от 17 (27) мая 1652 г., адресованному воеводе Путивля Ф.А. Хилкову, с отчаянной просьбой: «Рач, Ваша Милость, причинится до Его Царского Величества, жеби Его Царское Величество... руку помощи нам давал противко неприятелем нашим». Понятна бессмысленность заклинания, ибо не мнением Хилкова дорожил государь, в угоду одному любимцу спутавший карты другого. Тот, другой, с 18 (28) марта по 19 (29) апреля в Вологде коротал дни до вскрытия льда на Сухоне и Двине. На досуге вел оживленную переписку с Алексеем Михайловичем и, похоже, о внешнеполитическом сюрпризе наперсника проведаль лишь по возвращении в Москву (в царских цыдулках о нем ни полслова)¹.

Отповедь, данная Искре 22 марта (1 апреля), разом подкосила все предприятие Никона. Царь собственноручно благословил Хмельницкого на присоединение к Турции. А без союза с Украиной Россия не рискнула бы воевать с Польшей. Посему миссия Прончищева и Иванова превращалась в пустую формальность, вояжи за мощами жертв интервентов и деспотов — в «апофеоз православия», религиозный праздник с антипольскими и антицарскими аллюзиями, зрелище завораживающее, но политически бесполезное. Ведь Никон претендовал на посох патриарха не тиранства ради, а чтобы освободить Смоленск...

Воистину, в России весной 1652 г. политическая жизнь была ключом. Пока Никон добирался до Соловков, в Москве конъюн-

ктура «за» и «против» него сменилась дважды. В минуту прощания с царем он — хозяин положения. И, предвидя скорый политический взлет митрополита, боярин А.М. Львов, огорченный выбором государя не в пользу троицких «боголюбцев», подал в отставку, якобы из-за болезни и «за старостию». 17 (27) марта прошение удовлетворили. Новым дворецким назначили окольного Василия Васильевича Бутурлина, тут же пожалованного в бояре. В итоге политическое влияние умеренных реформаторов снизилось почти до нуля, а контролируемое ими важное учреждение — Московский печатный двор — ожидала неминуемая «чистка».

Патриарх Иосиф тоже понимал, к чему все клонится, и без стеснений предупреждал подчиненных: «Переменить меня, скинуть меня хотят. А будет де и не отставят, и я де и сам за сором об отставке стану бить челом». Один из служителей, дьяк Федор Торопов не замедлил доложить о том В.В. Бутурлину. А в царском тереме уже вовсю шептались: «Николи де такого безчестья не было, что ныне государь нас выдал митрополитом».

Однако оппозиция поспешила с выводами, не учтя фактор Ванифатьева. Отец Стефан — боец, страстный и упорный. В пик Никону протопоп постарался и увлек царственного ученика не менее масштабной идеей поголовного обращения в православие всех иностранных специалистов. Именно в феврале—марте 1652 г. кампания по принуждению иноземцев к «перекрещиванию» достигла кульминации. Отряды стрельцов вламывались в дома офицеров, коммерсантов и мастеров в поисках русских слуг, найм которых Соборным уложением запрещался. Вдобавок по Москве разнесся слух, что поместья старослужащих немцев будут отчуждать обратно на государево имя, если они не примут греческое вероисповедание. Многие офицеры тут же затребовали паспорта для отъезда на родину, а 17 (27) марта домогались того же лично от государя. Несмотря на это, Ванифатьев поклялся Алексею Михайловичу, что к новому году, 1 (11) сентября 1652 г., в Москве неправославных немцев останутся единицы, о чем не без удивления сообщил в Стокгольм шведский агент И. Родес в депеше от 23 марта (2 апреля).

Не сим ли проектом «купил» благовещенский иерей досрочную отставку из Москвы полковника Искры? Как-никак, русско-польская война мешала успешному осуществлению столь смелого замысла. Ее надлежало если не отвратить, то, по крайней мере, отсрочить. Поразительна наивность второго Романова и в возрасте двадцати трех лет. Так, молодой человек искренне не подозревал, что сулит патриарху Иосифу помпезное перенесение мощей в купе с «очень вежливым задерживанием» украинского полковника в Москве, и удивился, даже расстроился, услышав от Василия Бутурлина откровения дьяка Торопова. «А у меня и отца моего духовного, Содетель, наш Творец, видит, ей ни на уме того не бывало. И помыслить страшно на такое дело!» — уверял государь Никона в одном из майских писем. Если Алексей Михайлович не сообразил, насколько разворачивающееся вокруг неминуемо подводит к избранию нового патриарха, то и о судьбоносности посольства Ивана Искры тоже вряд ли догадывался. Думая, что в очередном отказе гетману нет ничего страшного (до конца года от Хмельницкого придет еще кто-нибудь), царь отложил на месяц-другой объявление Польше войны, дабы успеть к визиту другого «черкасского» посла избавить офицерство русской армии от протестантского и католического духа.

Ванифатьев довольно ловко обманул духовного сына. Конечно, отец Стефан сознавал, что соблазнил государя химерой, что иностранцы ему этого не простят и возненавидят люто. Зато он умудрился добиться главного: трех «не будет» — не будет войны, не будет патриарха Никона и не будет повсеместного свертывания деятельности «боголюбцев»-радикалов. Впрочем, реванш протопопа базировался на зыбком фундаменте, на здоровье патриарха Иосифа. Чем дольше святейший проживет, тем меньше шансов у митрополита Новгородского возглавить российское духовенство. Увы, и месяца не прошло, как политическая фортуна опять «улыбнулась» засидевшемуся в Вологде владыке.

5 (15) апреля из села Тушино стрельцы понесли на руках в Москву мощи патриарха Иова, привезенные из Старицкого монастыря митрополитом Ростовским Варлаамом и боярином

М.М. Салтыковым. Тысячи москвичей высыпали на улицы встречать процессию. «От Тверских ворот по Неглиненския ворота и по кровлям, и по переулкам яблоку негде было упасть». Красную площадь, «Пожар», толпа заполнила целиком, «нельзя ни пройти, ни проехать». Во избежание давки царь ограничил проход в Кремль, что не очень помогло: останки «на злую силу пронесли в собор. Такая теснота была». Естественно, патриарх не явиться на торжество не мог и во встрече Иова участвовал, шествовал рядом с царем от девича Страстного монастыря до Кремля, обливаясь слезами, а потом лично проводил освидетельствование мощей. В итоге старик не выдержал нервного и физического перенапряжения. Заболел. Лихорадка мучила патриарха с неделю. На Вербное воскресенье — 11 (21) апреля — немного полегчало. Иосиф вышел на публику, сам «ездил на ослиати», но службу перепоручил митрополиту Казанскому Корнилию. Возможно, излишнее рвение в тот день и погубило главу церкви. На Страстной неделе состояние почтенного старца ухудшилось. Вечером в среду 14 (24) апреля он с трудом поднялся с постели, чтобы в течение часа пообщаться с государем и в последний раз благословить юношу. А в четверг 15 (25) апреля в половине восьмого вечера (в середине дня) скончался.

С тем и истекли «сто дней» Ванифатьева. Алексей Михайлович, хоть и оплошал с Искрой, от войны с Польшей отречься не планировал и военным лидером страны видел единственно Никона, коего и прочил на освободившийся патриарший престол. Разумеется, Ванифатьев попытался воспрепятствовать этому. Процитируем депешу И. Родеса от 28 апреля (8 мая) 1652 г.: «Говорили, будто митрополит из Новгорода, которого считали за весьма ученого, тоже скончался». Крайне актуальный слух, не правда ли. А кому выгоден? Ванифатьеву, следующему за Никоном претенденту на патриарший посох. Уловка, призванная ускорить выборы патриарха, государя не сбила с толку, ибо от Никона и князя И.Н. Хованского, светского напарника митрополита, вовремя пришла грамотка с текущими новостями.

А теперь предоставим слово протопопу Аввакуму: «Прежде его (Никона. — *К.П.*) приезда Стефан духовник молил Бога и постился неделю с братьей — и я с ними тут же — о патриархе, чтоб дал Бог пастыря ко спасению душ наших. И написали мы с митрополитом Казанским челобитную с подписями и подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб быть ему в патриархах. Стефан же не захотел и указал на Никона митрополита. Царь его и послушался». Итак, когда дезинформация о кончине соперника не сработала и монарх не созвал избирательный собор в отсутствие Никона, «боголюбцы» попробовали повлиять на царя посредством петиции. Аввакум вернулся в Москву не ранее июня 1652 г. Алексей Михайлович положил конец дискуссиям о самом достойном претенденте на высокий сан к 25 мая (4 июня). Следовательно, демонстрация друзей царского духовника безнадежно опоздала, и Ванифатьев потому на нее не откликнулся, что уже знал о государевой воле и бессмысленности какого-либо сопротивления. Неронов же с товарищами о том не ведал и, ожидая, но так и не дождавшись отмашки отца Стефана, ринулся в атаку по собственной инициативе. В атаку, заранее обреченную на неудачу. Похоже, в первой половине мая между царем и Ванифатьевым состоялся принципиальный разговор о будущем патриаршего престола, который и подвел черту под амбициями духовника и попутно под политическим кризисом, терзавшим Москву свыше двух месяцев².

В блаженном неведении о кипевших в столице страстях, Никон через Сийский монастырь, Холмогоры, Архангельск, пережив страшный шторм на Белом море, 3 (13) июня 1652 г. приплыл на Соловки. Три дня строгого поста и всенощных молитв увенчал молебен с водосвятием, праздничной трапезой и погрузкой мощей святителя Филиппа на судно. Вечером 7 (17) июня «флотилия» устремилась обратно, причем по новому, более короткому маршруту — к устью Онеги и по реке к Каргополю, потом озерами Лача, Воже, Белое, по Шексне и Волге к Угличу, откуда малыми речками Дубна и Яхрома — к Дмитрову. Данная водная магистраль сокра-

щала расстояние до Москвы с двух тысяч до тысячи четырехсот двадцати верст. Из них волоком и «людьми на носилках» — всего девяносто. К тому же ценную ношу благодаря транспортировке на судах «от повреждения в таком малом пути уберечь мочно».

Маршрут выдержали до дворцового села Рыбного (Рыбинск). Оттуда за мелководьем в сторону Углича спустились по Волге к Ярославлю. Через сутки, 30 июня (10 июля), пришвартовались у городской пристани. Далее — на повозках и пешком. 2 (12) июля миновали Переславль-Залесский, утром 4 (14) июля пришли в Троице-Сергиеву лавру. Никон так спешил, что единственную многолюдную встречу с молебным пением имел лишь в Каргополе, вторую — уже в Троице, третью — в селе Воздвиженском. В дворцовую вотчину народ стекался отовсюду на поклон святому Филиппу. Здесь митрополит два дня ожидал царского позволения приехать в Москву. Вечером 6 (16) июля, получив таковое, он примчался в столицу и... узнал, наконец, о медвежьей государевой услуге.

Полковника Искру из московского государства Алексей Михайлович все-таки выставил, не устояв перед напором Ванифатьева. Выставил с отказом в настойчивой просьбе о подданстве. Правда, в конце мая, видно, не без вмешательства Б.И. Морозова спохватился и откомандировал в Чигирин Василия Унковского, судя по всему, с инструкциями полугодовой давности, которые странно выглядели на фоне завершившейся ничем миссии Прончищева — Иванова. В Варшаве дуэт «прогостил» менее месяца — с 21 февраля (2 марта) по 15 (25) марта. В Москву вернулись в первой декаде мая 1652 г. Хотя И. Родес датировал их возвращение в столицу 30 апреля (10 мая), судя по «отписке» самих посланников они в этот день только пересекли границу и заночевали в Вязьме. На суд в Варшаву, как и предполагалось, никто из значимых фигур длинного списка уличенных в оскорблении царского величества не явился. Посему никакой резолюции власти Речи Посполитой не приняли, о чем в Чигирине, наверняка, известились раньше, чем в Кремле. И коли так, то запоздалый визит Унковского в июне — июле 1652 г. скорее разозлил Хмельницкого, чем приободрил. Недаром

генеральный писарь войска Запорожского Иван Выговский не скрывал от посланника остроту момента: мол, ныне «люди многие станут гетмана наговаривать, чтоб к турецкому или х крымскому подначальны были». Похоже, фраза приглашена. Не «станут», а уже советуют идти под крыло басурманской империи.

Разгромив 23 мая (2 июня) в битве под Батогом польскую армию гетмана коронного Мартына Калиновского, казаки опять столкнулись с дилеммой, как быть. Надежды на автономию в рамках Польши белоцерковский режим окончательно похоронил. Россия без конца уклонялась от союза. Татары, напротив, худо-бедно, а поддерживали иноверцев-«черкас» и раз от раза все прозрачнее намекали на заинтересованность в более прочном объединении. Хмельницкому поневоле пришлось сделать первый шаг — женить сына Тимофея на дочери молдавского господаря Василия Лупула. Свадьба состоялась летом 1652 г. Господарь согласился на нее под жестким нажимом султана и крымского хана. При московском дворе прослышали о том 15 (25) июля. Воевода Путивля Ф.А. Хилков сообщил приятную в кавычках новость.

Если Никон и думал исправить ошибку царя посылкой в Чигирин старца Арсения, то «отписка» Хилкова быстро пресекла подобный оптимизм. Понимание, что Хмельницкий все для себя решил, ввергала в отчаяние. Между тем в Москве в середине июля творилось светопреставление в связи с ажиотажем вокруг мощей святителя Филиппа. Люди всех сословий и от мала до велика прославляли героя дня — митрополита Новгородского, инициатора публичного царского покаяния за злодеяния предков и воспевания нравственного подвига патриархов, замученных ненавистными поляками. Трое суток, с 6 (16) по 9 (19) июля, останки Колычсва бережно несли от Воздвиженского до Москвы в сопровождении важных особ, во главе с митрополитом Казанским Корнилием и князем А.Н. Трубецким. Москвичи встречали процессию вне городских стен, за Сретенскими воротами, у села Напрудного. Алексей Михайлович — вместе со всеми. До Кремля шагали долго, десятки, если не сотни больных и увечных осаждали свя-

щенную ношу, уповая на чудо. И по словам самого царя, кое-кому посчастливилось исцелиться. Торжество омрачила лишь смерть почтенного митрополита Ростовского Варлаама. Больной, он тем не менее отважился участвовать в великом событии и не рассчитал собственные силы...

Восемь дней мощи пролежали в Успенском соборе, доступные всеобщему обозрению. Молебны, колокольный звон и ежедневная радость по поводу излечения нового хворого или инвалида в течение целой недели будоражили воображение народа разных чинов и званий. На царя поголовное преклонение перед Филиппом Колычевым произвело неизгладимое впечатление. Отныне замученный «прадедом» митрополит для него — патриарх, никак не меньше, о чем он нет-нет да и обмолвится устно или письменно. 17 (27) июля останки святого торжественно переложили в серебряную гробницу и установили у придела Дмитрия Салунского. Наступал черед главного политического события — избрания патриарха. И тут имелась одна загвоздка.

Первые пять патриархов — Иов в 1589 г., Игнатий в 1605 г., Гермоген в 1606 г., Филарет в 1619 г., Иоасаф в 1634 г. демократически или не очень избирались Священными соборами. Шестой же удостоился высокого сана иным порядком. Не вполне ясно, зачем И.Б. Черкасский упразднил традиционную так называемую выборную форму и ввел жребий. Почти полтора года духовного верховенства блюстителя патриаршего престола митрополита Крутицкого Серапиона (ноябрь 1640 — март 1642) свидетельствуют либо о серьезном межклановом соперничестве внутри архиерейства, либо об отсутствии предпочтительной для князя кандидатуры. В итоге возникло новое правило — жеребьевка «посредством получения 3 раз имени патриарха среди 40 или 50 духовных лиц», чьи прозвания «смешаны во многих закрытых записках или же запечены в хлебе». Хотя для Родеса оно — «обычное», реально применялось лишь раз — 20 (30) марта 1642 г. Не сорок и не пятьдесят, а шесть «жеребьев», спрятанных в запеченном хлебе, разбили на две части, после чего выпули по одному из каждой, а затем из двух финалистов архиепископ Суздальский

Серапион вытащил победителя — Иосифа, архимандрита Спасо-Симонова монастыря.

В 1652 г. предстояло выявлять патриарха аналогично. Кстати, на жеребьевке могли настаивать Ванифатьев с Нероновым, рассчитывая на промах «заклятого друга». Но до конца мая, когда Алексей Михайлович расставил все точки над «i» в вопросе о том, кто будет патриархом. А закон Черкасского, естественно, отменили. Новый «чин избрания» возродил прежнюю норму: собор выдвигает несколько персон, из которых потом утверждает угодную государю. Именно так 22 июля (1 августа) 1652 г. в Успенском соборе российское духовенство избрало Никона. В список внесли двенадцать претендентов — митрополитов Никона, Корнилия, архиепископов Маркела (Вологодского), Мисаила (Рязанского и Муромского), Макария (Псковского и Изборского), архимандритов Ферапонта (Изборский Чудов монастырь), Сильвестра (Московский Андрониев), Гермогена (Звенигородский Савво-Сторожевский), Стефана (Нижегородский Печерский), Иону (Ростовский Богоявленский), Иосифа (Суздальский Спасский), игумена Павла (Боровский Пафнутьев). «И от тех избранных в Соборней и Апостольстей церкви Успения пречистые Богородицы с молебным пением... великий государь... Алексей Михайлович... с... богомолцы своими с митрополиты и архиепископы и со всем освященным собором избираша в московское государство... на патриаршество Никона, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук».

Сообщить Никону о соборном вердикте и позвать в Успенский собор полагалось дворецкому боярину В.В. Бутурлину, окольничему И.И. Ромодановскому, думному дьяку М.Д. Волошенинову и двум архиереям, Серапиону, митрополиту Крутицкому (Сарскому и Подонскому), и Мисаилу, архиепископу Рязанскому. Мисаил, к сожалению, не смог, почему одного архиерея подменили два архимандрита — Чудова и Новопасского монастырей. Избранник, согласно разработанному царем церемониалу, пребывал на повгородском подворье. О чем он там размышлял за час или два до приезда сановной делегации, мы не знаем. Но размышлял, это — точно. Иначе бы не изумил всех «капризом» в духе Бо-

риса Годунова: ни с того ни с сего отказался от патриаршества. Попытки образумить митрополита самостоятельно цели не достигли. Потребовалось особое царское приглашение, озвученное А.Н. Трубецким и А.М. Львовым, чтобы Никон приехал в Успенский собор для объяснений. Впрочем, и на виду у монарха владыка категорически не желал становиться патриархом, невзирая ни на какие аргументы и укоры. Переубедил архипастыря последний довод Алексея Михайловича: «царь прислонися к земли и припадаше со всем народом со слезами молиша». Сцена граничила с оскорблением высочайшей персоны, почему Никон, хотел или не хотел, а «не возмогах терпети, зряще» государя, распростершись ниц, и капитулировал, выдвинув условие: «Дадите слово ваше... держать... Евангельские Христовы догматы и правила святых Апостол и святых отец... Аще обещаете ся неложно и нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго, елико вам возвещать буду о догматах Божиих и о правилех... и сего ради... не могу отрекатися от великаго архиерейства». Знать и духовенство вслед за самодержцем дали такое обещание. 23 июля (2 августа) свершился акт наречения, а 25 июля (4 августа) 1652 г. митрополит Казанский и Свияжский Корнилий рукоположил собрата в патриархи Всея Руси.

А теперь попробуем понять причину, из-за которой Никон вдруг заартачился. По аналогии с Годуновым и в исторической науке, и в общественном сознании укрепилось мнение, что царский «собинный друг» набивал себе цену, выдавливая из монарха абсолютную покорность как в духовной сфере, так и политической. Иоганн Родес в дспеше от 20 (30) октября 1652 г. именно так и выразился: избранник стремился «обладать властью, авторитетом и силой, какими обладал Его Царского Величества господин дед Филарет Никитич». Однако для сосредоточения в собственных руках диктаторских полномочий Никон не нуждался в примитивном шантаже. Алексей Михайлович резервировал за ним патриаршее место как раз для того, чтобы тот де-факто превратился в государя — военного лидера страны на период войны с Польшей. И воинственный дед, создавший

прецедент, служил бы шестому патриарху щитом от нареканий сомневающихся и недовольных.

К сожалению, молодой царь в энтузиазме июльских дней не подозревал о крахе планов по освобождению Смоленска в 1652 г. В отличие от Никона. И если война не состоится, то резонен вопрос: а зачем тогда митрополиту Новгородскому баллотироваться в патриархи? Чем он займется на высоком посту? Церковной реформой, которая трещит по всем швам?! Или возьмет под опеку друзей Азарьина?! Или просто поплывет по течению?! А чем оправдает свое бездействие в глазах государя? Упреком за опрометчивую высылку Искры?! Или выдумкой о каких-то объективных препятствиях?! Если учесть все это, демарш Никона уже не выглядит театрально, по-годуновски. Намечается куда более драматическая коллизия: почти три недели главный соискатель взвешивал все «за» и «против» получения им патриаршего посоха и в конце концов не счел заманчивую перспективу для себя заманчивой. И тогда выходит не ради власти, а во избежание неприятного разговора об оплошности, допущенной монархом, Никон связал Алексея Михайловича, а заодно и весь двор, клятвой беспрекословного подчинения.

Ну а то, что новый патриарх понятия не имел, что делать дальше, нетрудно догадаться, ответив на простой вопрос: когда перенесли в Успенский собор из Чудова монастыря мощи Гермогена? Нет смысла перелистывать Дворцовые разряды и прочих документальный официоз. Определенно можно утверждать одно: до 17 (27) июля 1652 г. к ним не прикасались. Переместили позже³. Только почему-то без той помпы, какую устроили Иову и Филиппу. Мало того. Похоже, чуть ли не втайне. И потому источники не зафиксировали дату важного события. А причина прозаична. Гермогену — жертве польских интервентов — предстояло увенчать кампанию по обретению святых мощей. Шумом вокруг Иова московский народ разогрели, с помощью Филиппа Колычева убедили облечь политической властью патриарха Никона. Для разжигания антипольской и антикатолической истерии, подъема патриотической самоотверженности готовили день памяти Гермо-

гена. Праздник, увы, не сложился. Отмена русско-польской войны автоматически отменила и третье православное торжество: акцентировать всеобщее внимание на виновниках страданий узника Чудова монастыря было уже нецелесообразно.

Какую же все-таки стезю предпочел Никон после интронизации? Как и следовало ожидать, привычную, хорошо знакомую. Он поддержал курс Ванифатьева — Неронова. По едкому замечанию Аввакума, патриарх привечал их, «как лиса: наше вам да здравствуйте!» Насчет «лисы» неистовый протопоп перегнул. Не вина патриарха в том, что «сердечное согласие» между ними продлилось три месяца — срок для Аввакума, конечно, ничтожный, хотя и за столь малый период патриарх трижды посодействовал старым товарищам.

Во-первых, 11 (22) августа ввел «полусухой» закон: «Во всех городех, где были наперед сего кабаки, в болших и в менших, быти по одному кружечному двору. А продавать вино в ведра и в кружки, а чарками продавать — сделать чарку в три чарки и продавать по одной чарке человеку, а болши той указной чарки одному человеку продавать не велели... А в Великой пост и в Успенской, и в воскресенье во весь год вина не продавати. А в Рождественской и в Петров посты в среду и в пятки вина не продавати ж. А священнического и иноческого чину на кружечные двory не пускать и пить им не продавать... А продавать в летней день после обедни с третьяго часа дни, а запираť за час до вечера. А зимою продавать после обедни ж с третьяго часа, а запираť в отдачу часов денных».

Во-вторых, двумя мерами изолировал иностранные землячества от православной Москвы, сведя к минимуму их влияние на жителей столицы. Для начала, вероятно, в августе распорядился, «чтобы нехристи... не смели бы больше.... ходить в русском платье под страхом, что все непокорные, встреченные на улице в таком платье, будут раздеваемы до нага стрелыцами и так бросаемы в тюрьму». А в сентябре предписал всем иностранцам «в течение 4-х недель... выехать из-за городской стены и Земляного вала и поселиться в чистом поле около полумили от Земляного вала».

В конце месяца дьяки Земского приказа уже вовсю межевали участки под дворы в новой иноземной слободе «за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы-реки». Частные дома в черте Москвы, принадлежавшие иноверцам, спешно продавались. Две евангелические кирки, построенные возле Земляного вала, сломали за один вечер стрельцы. Протесты и жалобы со стороны гонимых сподвигли Никона на единственную уступку — дать им не четыре, а восемь недель на сборы. В результате число «неверных», принявших православие, заметно увеличилось.

В-третьих, из имевшихся в августе — октябре 1652 г. трех архиерейских вакансий две получили друзья Неронова. 8 (18) августа Макарий, казначей митрополита Казанского Корнилия, хиротонисован в митрополиты Новгородские и Великолуцкие. 17 (27) октября епископом Коломенским и Каширским стал игумен Боровского Пафнутьева монастыря Павел. Корнилий с 1647 г. по 1649 г. в ранге игумена управлял Макарьево-Желтоводским монастырем, расположенным под Нижним Новгородом. Обитель эта — альма-матер многих «боголюбцев» кружка Неронова. Постриженниками ее были и Павел Коломенский, и Симеон Тобольский. Корнилий и Симеон в архиереи выбились еще при Ванифатьеве: первый 13 (23) января 1650 г., второй — 9 (19) марта 1651 г. Причем Симеон в архиепископы пожалован из игуменов Пафнутьева монастыря в Боровске, а преемствовал ему казначей Желтоводского монастыря Павел, будущий епископ Коломенский.

Но самое примечательное состояло в том, что Павел Коломенский — не просто «боголюбец», а «собинный друг» Ивана Неронова, сблизившийся с ним в далекие двадцатые годы, когда оба в нижегородском сельце Кирикове, приселке богатой вотчины Б.И. Морозова Лысково, внимали «учению и разуму» у местного иерея Анания, весьма искусного «в Божественном писании». Иерей тот приходился отцом Иллариону (1632—1707), игумену Флорищевой пустыни, с 1681 г. архиепископу, затем митрополиту Суздальскому и Юрьевскому. Старшего сына Анания, Петра, Неронов потом пригласил к себе в Москву, в клир Казанского

собора. А Илларион, в миру Иван, в декабре 1652 г. нашел приют в Коломне, где постригся в монахи и в марте 1653 г. дослужился до иеродьякона и ризничего епископа Коломенского. Отец братьев Ананий в ту пору давно монашествовал под именем Антония в Спасо-Юнгинском монастыре под Козьмодемьянском, не подозревая, что его звездный час впереди.

Из всех трех роковым оказалось именно кадровое решение. Оно нарушило существовавший доселе баланс между иерархиями беспартийными и теми, кто симпатизировал «боголюбцам». И очень скоро Никону придется изощряться в искусстве интриги, чтобы выскользнуть из собственноручно сконструированной западни. В какую же ловушку он себя загнал? Мы обнаружим ее, ознакомившись с персональным составом высшего духовенства России на осень 1652 г.

Итак, Московская патриархия опекала помимо своих особых патриарших владений двенадцать епархий — четыре митрополии (Новгородскую, Казанскую, Ростовскую, Крутицкую), семь архиепископств (Астраханское, Тобольское, Псковское, Рязанское, Тверское, Суздальское, Вологодское) и одно епископство (Коломенское). Прибавим сюда архимандрита Троице-Сергиевой лавры и духовника царя. Это и будет высший синклит Русской православной церкви. А теперь посмотрим на партийный расклад внутри архиерейского сообщества. На 25 июля (4 августа) 1652 г. «ревнителями благочестия» являлись из четырнадцати четверо или пятеро. Естественно, Стефан Ванифатьев, а также митрополит Казанский Корнилий, архиепископы Суздальский и Торусский Серапион (хиротонисован в октябре 1634), Тобольский и Сибирский Симеон. Архиепископ Вологодский и Великопермский Маркел (хиротонисован в январе 1645 г.) благодаря сближению с Нероновым после 1649 г. сочувствовал движению.

Митрополии Новгородская и Ростовская пустовали. Митрополит Сарский и Подонский (Крутицкий) Серапион (хиротонисован в январе 1637 г.), архиепископы Псковский и Изборский Макарий (хиротонисован в ноябре 1649 г. из архимандритов Псково-Печерского монастыря, до 1643 г. архимандрит Псков-

ского Снетогорского монастыря), Тверской и Кашинский Иона (хиротонисован в декабре 1642 г.), Астраханский и Терский Пахомий (хиротонисован в июне 1641 г.), епископ Коломенский Рафаил (хиротонисован в декабре 1618 г.), архимандрит Троице-Сергиевский Адриан (рукоположен в августе 1640 г., питомец, как и Серапион Суздальский, Толгского Пресвятой Богородицы монастыря, где игуменствовал с 1635 г. по 1640 г.) исповедовали традиционные взгляды. Архиепископ Рязанский и Муромский Мисаил (хиротонисован в апреле 1651 г.), ризничий митрополита Никона, считался креатурой нового патриарха. Если вывести за скобки Симеона Тобольского и Пахомия Астраханского, из-за дальности епархий от Москвы крайне редко наезжавших в столицу, то видим, что при форсмажорных обстоятельствах «боголюбцы» способны делегировать к царю с челобитьем в лучшем случае пять влиятельных духовных лиц (включая И. Неронова), а Никон во главе с собой — семь.

В августе — октябре Рафаил Коломенский отпросился на покой, уступив место закадычному приятелю Неронова. Тогда же помощник Корнилия Казанского Макарий, монах Спасского Казанского монастыря, занял богатейшую Новгородскую кафедру. Липль Ростовскую митрополию взял под контроль не «ревнитель» — архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря Иона, возведенный в сан 22 августа (1 сентября) 1652 г. И теперь партия Никона состояла из шести знатных челобитчиков, а Ванифатьева с Нероновым — из семи. И по числу, и по красноречию, и по энергичности, и по сплоченности преимущество отныне принадлежало противникам войны⁴. Устоит под их нажимом Алексей Михайлович или нет, если потребуется. Вот о чем пока не задумывался патриарх московский, а следовало.

Между тем 23 октября (2 ноября) царский двор отлучился из столицы в село Коломенское отметить день святого великомученика Дмитрия Селунского. За городом отдыхали четыре дня. Интересно, сопровождал ли государя Никон. Ведь вечером того же 23 октября (2 ноября) в Москву приехал митрополит Навпакты и Арты Гавриил Власий с полномочиями от патриархов Констан-

тинопольского, Иерусалимского, Александрийского, господаря молдавского и гетмана украинского. Новости от Хмельницкого, легко догадаться, волновали Никона в первую очередь. Путивлянин Иван Видуев предупредил московский двор о близости греческого гостя 22 октября (1 ноября), и Алексей Михайлович перед отъездом успел указать «митрополита принять и двор дать и о корму выписать».

Государь возвратился в Кремль в первом часу дня 27 октября (6 ноября) 1652 г., то есть около девяти или десяти часов утра. Однако грамоты двух патриархов — Цареградского и Иерусалимского, господаря и гетмана Власий предъявил Волошенинову 25 октября (4 ноября). Тогда же думный дьяк с помощником Алмазом Ивановым, очевидно, и выслушали «экзарха». Слушал, вообще-то, Иванов. Михаил Дмитриевич Волошенинов, переживший в конце лета апоплексический удар (вероятно, инсульт), «лишился части своего ума» и с тех пор руководил Посольским приказом номинально. Так что Алмаз Иванов первым понял, что война с «Литвою» все-таки состоится...

Митрополит в деталях изложил беседу с Богданом Михайловичем, лист которого от 24 сентября (4 октября) лаконично сообщал: все важное архипастырь сообщит «изустно». И вот о чем Гавриил поведал: «Я з гетманом казачьим говорил... для чего он имеет с собою татар... И он сказал мне, [что] я де то делаю поневоле, чтоб мне победити недругов своих, потому что великий государь, царь московский и прочие — единоверные христиане, а мне не помогают.

И я спрашивал его, что, просил ли он помочи.

И он сказал, [что] писал де я многожды, и они мне сказывают — ныне да завтра, а николи в совершение не приведут. И сказал, что де ныне есть время, толко б они похотели взять Смоленск и иные свои городы, и имел бы и меня своим, и был бы де под его произволением во всем». И еще гетмана крайне беспокоили слухи о готовности поляков для привлечения России против Украины «отдати Смоленск самовольно» второму Романову, и якобы соглашение о том уже достигнуто.

Стоило Никону узнать о сетованиях Хмельницкого, в ту же минуту внешнеполитический курс русского государства развернулся на сто восемьдесят градусов: от мира — к войне с Польшей, от дружбы с «боголюбцами» — к разрыву с ними, от равнодушия к судьбе Малороссии — к военному союзу с ней. Иванов моментально снарядил и отправил в Чигирин спецгонца — подьячего Андрея Ардабьева — звать в Москву еще одно посольство. А чтобы не русский царь, а украинский гетман выглядел инициатором приезда курьера, митрополит Гавриил 27 октября (6 ноября) зафиксировал на бумаге исповедь двухдневной давности и переслал документ в Посольский приказ Иванову.

Разумеется, Ванифатьева с Нероновым о скорых переменах не торопились извещать. Впрочем, они быстро почувствовали неладное: патриарх «друзей не стал и в Крестовую пускать», сиречь в приемный покой Патриаршего дворца. Второй настораживающий сигнал прозвучал в виде распоряжения стряпчему Афанасию Ивановичу Нестерову ехать в Варшаву «продолжать требовать казни» тех, кто оплошал с титулом московского государя. Этот спецгонец покинул Москву к середине декабря. Очевидно, не прежде, чем Ардабьев отчитался об успешном исполнении своей миссии. В Чигирин он прискакал числа 10 (20) ноября. Путивль по дороге назад миновал 22 ноября (2 декабря). Правда, далеко Нестеров не уехал. Дьяка вернули, чтобы повысить статус посольства.

16 (26) декабря в Москве встретили «черкасского» посла — Самуила Богдановича Зарудного с кредитивной грамотой гетмана от 12 (22) ноября. 17 (27) декабря запорожская делегация удостоилась публичной аудиенции в Кремле, после чего «на Казенном дворе», а не в Посольском приказе, через оружейничего Г.Г. Пушкина вновь предложила Алексею Михайловичу «приняти под свою государеву высокую руку» Украину. И заверила, что при положительном ответе «черкассы» «тотчас от бусурманов, от крымских татар, отстанут». Григорий Гаврилович попросил немного обождать, намекая, что теперь им разочаровываться не придется.

И точно. Не прошло трех дней, как царь назвал имена тех, кому предстояло в Варшаве вручить ультиматум. Суть угрозы

такова: Россия сохранит нейтралитет, если поляки обезглавят виновных в оскорблении царского величества или откажутся в ее пользу от восводств Смоленского и Черниговского, а украинцам гарантируют автономию на условиях Зборовского мира. А членами Великого посольства назначили двух князей, Бориса Александровича Реппина и Федора Федоровича Волконского, а также дьяка Алмаза Иванова. В праздник Богоявления («святых трех королей») 6 (16) января 1653 г. Зарудный с товарищами простился с Алексеем Михайловичем и на другой день устремился домой с хорошей для предводителя вестью: царь «принял под свое покровительство Хмельницкого со всей его армией». Ну а Никон недели через полторы собрался в другую сторону — на северо-восток, во Владимир...⁵

Из окончания письма патриарха Никона царю от 27 января (6 февраля) 1653 г.: «Бога моля о вашем государеве многолетнем здоровье и о душевном спасении, благодарственне покланяюсь за милость вашу и [лю]бовь к нам. А я, богомолец ваш, и Стефан... поп еще живы. Генваря в КЗ (27. — *К.П.*) день в 7-й час... отчине во граде Владимире, в Рождестве... литургии. Писал своєю грешною рукою». Довольно короткий текст послания целиком посвящен рассуждению о любви к человеку. А за перо взяться патриарха побудила какая-то «неначаемая радость», посетившая главу церкви во время литургии в соборе Богородицко-Рождественского монастыря Владимира. А каким, собственно, ветром занесло Никона во Владимир на четыре дня — с 23 по 27 января (со 2 по 6 февраля) 1653 г., да еще в компании с протопопом (отточие из-за лакуны) Стефаном? Загадка!

Впрочем, если вспомнить, что от Владимира до Суздаля — рукой подать, то ничего странного в данном факте нет. Суздаль — резиденция почтенного и уважаемого архиепископа Серапиона. Духовник государя — тоже особа почтенная и уважаемая (оттого и упомянут в «цыдулке» на высочайшее имя — *см. примечание*). Так почему бы трем почтенным и уважаемым архипастырям не сойтись вместе в гостях у самого хвораго и не поговорить о

наболевшем. Не обязательно в Суздале. 26 января (5 февраля) Никон навестил монастыри Цареконстантиновский, Боголюбков и Покровский в устье реки Нерли, 28 января (7 февраля) по пути в Юрьев-Польский — Свято-Успенский Косьмин монастырь у села Небылое на реке Яхроме (здесь отстоял обедню). В келье любого из них три духовных лица могли уединиться на часок-другой. Но, скорее всего, историческая встреча состоялась во Владимире, и именно ожиданием Серапиона Суздальского можно объяснить длительное проживание в нем Никона, истратившего солидную сумму на подаяние нищим и монашеским братствам окрестных монастырей.

Перед патриаршим «кормлением» восьмидесяти восьми рождественских иноков, похоже, и застигла первосвятителя новость о прибытии суздальского архиерея. Тут же втроем и обсудили наболевший вопрос — надвигающуюся войну с Польшей. Все знали, что 26 декабря (5 января) туда помчался гонец по фамилии Мордасов с официальным запросом, где и как польская сторона намерена рассмотреть с русскими великими послами претензии Москвы. А неофициально — сыграть в русскую рулетку: прощупать, как отнесутся к нему поляки — вежливо или грубо? Отпустят на родину или посадят под замок?

От реакции Варшавы зависело не только, поедут ли послы на запад, но и сроки объявления войны Речи Посполитой. В случае ареста курьера Боярская дума соберется по сему поводу уже этой весной. Какую позицию займут «боголюбцы», гадать не приходилось: конечно же, крайне отрицательную! И патриарх сам же за полгода до того серьезно укрепил их позиции. Теперь он торопился разными средствами ослабить соперников. И для начала попробовал убедить двух умудренных жизнью ветеранов движения не возмущаться и не протестовать против войны, позволить России воспользоваться уникальным шансом, сулящим скорое освобождение Смоленска. Судя по всему, аргументы патриарха нашли понимание и у Ванифатьева, и у Серапиона Суздальского (вот она истинная «неначаемая радость»!), хотя архиепископ до кризиса, разразившегося через месяц, не дожил (православная

церковь чтит память архиерея 25 февраля). Ну а благовещенский протопоп обещанное исполнил и в кульминационный момент ни во что не вмешивался.

В ночь на 28 января (7 февраля) Никон покинул Владимир и в объезд, через Юрьев-Польский, где в соборной церкви приложился к образам, Александрову Слободу, вечером 29 января (8 февраля) приехал в Троице-Сергиеву лавру. Отслушав всенощную и отслужив наутро обедню, за казенный счет отпотчевал обедом братию (архимандрит, два келаря, казначей, двадцать два попа, семь дьяконов, триста двадцать пять старцев, включая и восемь соборных) и к исходу 30 января (9 февраля) возвратился в Москву, из которой уехал 22 января (1 февраля). Резонно поинтересоваться причиной остановки в Троице. Не для беседы ли на ту же актуальную тему с архимандритом Андрианом, келарем Симоном Азарьевым, казначеем Калинником и келарем в отставке Александром Булатниковым?!

Легендарный инцидент с «памяткой», «ядом», который «отрыгнул» Никон, потряс Москву примерно через три недели, в Великий пост 1653 г., и с XIX столетия неизменно изучается историками с точки зрения реформы православных обрядов, якобы стартовавшей тогда же. Особняком стоит версия Лобачева С.В., считающего, что Аввакум, сочиняя «житие», за давностью лет перепутал ход событий и датировал Никоновы нововведения 1653 г. по ошибке. Реально же перемсну в обрядах патриарх обнародовал на соборе весной 1654 г. А Неронов с единомышленниками в опалу угодил за чрезмерно независимую проповедческую деятельность вообще и непокорность Никону, в частности. Эта новая концепция призвана устранить изъяны традиционной трактовки, не объясняющей главное: во-первых, почему с группой Неронова расправились очень жестко, даже жестоко летом 1653 г., если обрядовая реформа и критика ее «боголюбцами» имели место ранней весной того же года? Чего выжидал Никон? Во-вторых, почему «нижегородцев» высылали из Москвы, вменяя им в вину дисциплинарные проступки, а не сопротивление преобразованиям патриарха?

Лобачев попытался сгладить противоречия. Однако... Вряд ли обоснованно видеть в Никоне изувера и садиста, сурово карающего вчерашних соратников только за то, что они не пожелали пресмыкаться перед ним. Да и Алексей Михайлович не такая уж марионетка, чтобы не защитить того, чьими проповедями возторгался совсем недавно, если ссора между близкими ему людьми вспыхнула из-за разнovidности крестных знамений и поклонов. Нет, тот накал страстей, который наблюдался в стане правящей партии «боголюбцев» в июле — августе 1653 г., спровоцировали разногласия на порядок принципиальнее, чем спор об обрядовых нормах, при всей их важности для православного человека середины XVII века.

К тому же «памятку» Никона все же верно относят к концу февраля 1653 г., ибо помимо Аввакума о том же хронологическом промежутке упоминает второй герой событий — сам Иван Неронов. Прочитируем источники. «Житие» Аввакума: «Когда поставили его патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пускать! А скоро и яд отрыгнул. В Пост Великий прислал памятку в Казанскую к Неронову Ивану... А в памятке Никон писал: “Год и число. По преданию святых апостолов и святых отцов не подобает в церкви творить поклоны на коленях, но в пояс бы вам творить поклоны, а еще тремя перстами креститься”. Мы ж, сойдясь меж собой, задумались. Чуем, быть зиме. Сердце озябло. Ноги дрожат. Неронов оставил мне церковь, а сам скрылся в Чудов и неделю в келейке молился. И там ему от иконы голос был во время молитвы: “Время пришло страдания! Подобает вам неослабно страдать!”

Он мне о том плача сказал. Потом сказал коломенскому епископу Павлу... потом Даниле сказал, костромскому протопопу, потом и всей братье сказал. Мы же с Даниилой написали из книг выписки о сложении перстов и поклонах и подали государю. Много написали. Государь же, не знаю где, скрыл их».

Из письма И. Неронова С. Ванифатьеву от 13 (23) июля 1654 г.: «Воистинну... не своею волею, но по благословению Божию... во 161 году на первой недели великаго поста гласу пришедшу от образа Спасова сице: “Иоанне, дерзай! И не убойся до смерти!

Подобает ти укрепити царя о имени моем. Да не постраждет днесь Русия, яко же и юниты"!»

Перед нами два дополняющих друг друга свидетельства о нависшей над древнерусскими обрядами угрозе «на первой неделе Великого поста» 1653 г. то есть с 21 по 27 февраля (с 3 по 9 марта). Недаром Неронов вспомнил униатов, а Аввакум подчеркнул, что беда пришла скоро после возведения Никона в патриархи. Следовательно, «памятку» «собинный друг» государя обнародовал по окончании Масленицы 1653, а не 1654 г. Понять зачем, помогает наблюдательный Родес. Из депеши от 10 (20) марта 1653 г.: «Со дня на день ожидали возвращения посланного в Польшу гонца. Но он до сих пор не прибыл. Его промедление не предвещает ничего хорошего. Здесь ходит также слух по городу, что он арестован в Польше, и, сверх того, что все русские купцы, бывшие в Смоленске, задержаны с их товарами... Как только это известие распространилось, знатнейшие господа, но особенно господин Микита Иванович Романов, которого... вообще никогда не требуют в Кремль, когда что-нибудь важное происходит, заседали вместе 1—3 дня и очень прилежно занимались некоторыми в высшей степени важными для государства делами...

Здесь недавно патриарх сделал совершенно неожиданно визит господину Миките Ивановичу Романову... Во время этого визита он укорял упомянутого господина, что за причина, что он не является, когда другие знатные господа ходят в Кремль, и почему он так долго остается холостым. На что упомянутый господин Романов отвечал, что господин отец патриарх отлично знает, из какого рода он происходит, и если бы он пришел в Кремль и в Думу, то с ним должны бы поступить сообразно его роду. А если бы он женился, то и ему, и его будущей супруге должны бы оказать подобающие почести и дать место. На что патриарх очень его упрашивал, чтобы он обещал ему жениться, а что касается места в заседании сообразно его роду, то пусть он об этом не беспокоится. Об этом позаботится он (патриарх) и доставит ему, что ему надлежит от Бога и по праву. На что господин Романов обещал ему это (жениться). После чего они дружелюбно разстались»⁶.

Обратите внимание, на каком фоне Никон внедрял поясные поклоны и троеперстие. Москву взбудоражила новость об аресте русского гонца в Варшаве и русских купцов, торговавших в Смоленске. Боярская дума на экстренном совещании обсуждала вопрос о войне с Польшей. По признанию Алексея Михайловича, «сие благое дело» возникло перед ним в «161 году первыя неделю понеселник великого поста, февраля в 22 день» (если 22-го, то во вторник). Совещания, консультации тет-а-тет, размышления наедине длились ровно три недели. Вердикт государь огласил «в понедельник третьи недели... великого поста, марта в 14 день». Несомненно, единодушием окружение царя не порадовало, если глава династии колебался три недели, а правительству понадобился союз с закоренелым, зато очень влиятельным оппозиционером — Н.И. Романовым. Резонно поинтересоваться нам и мнением группы Ивана Неронова, лидер которой в 1632 г. войну с поляками отважно осудил, не убоившись ни гнева сурового Филарета Никитича, ни ссылки за полярный круг. И что же мы видим? В момент критический, когда каждый голос на вес золота (в Москву из Астрахани привезли даже архиепископа Пахомия), Иван Неронов промолчал. Промолчал не потому, что подобно Ванифатьеву предпочел воздержаться. Промолчал, отлучившись в Чудов монастырь, где неделю искал ответ на другой вопрос: сопротивляться или нет — и если да, то как — обрядовой реформе Никона? Молитвы настроили на сопротивление, после чего «боголюбцы»-радикалы подготовили царю для апелляции обширный цитатник из священных книг в пользу земных поклонов и двоеперстия.

Однако с поднесением справки вышла осечка. Не случайно «житие» Неронова о сем эпизоде не пророчило ни слова, а Аввакум почему-то ограничился двусмысленной фразой о сокрытии государем поданной бумаги, не сообщив о реакции Алексея Михайловича: сокрыл, отвергнув? обещав подумать? ничего не сказав? или... Судя по всему, произошло именно «или», то есть нероновцы слишком поздно обнаружили, что их одурачили. Ужасная «Памятка», задевшая за живое сторонников древневизантийских обрядовых форм, была отвлекающим маневром. Она переключила

внимание фанатичных противников войны с Польшей на тему, еще более им дорогую. И пока «пацифисты» «вооружались» для защиты обрядовой старины, Никон, во-первых, добился от русской знати одобрения новой внешнеполитической линии — на военный реванш, во-вторых, избавил царя и колеблющихся членов Боярской думы от антивоенной агитации Неронова и его друзей, в-третьих, уточнил характер встревожившей общественность «памятки», декларативный, никого ни к чему не обязывающий. Так что повод для жалоб царю отпал сам собой.

Кстати, расчеты на солидарность Н.И. Романова из патриотических соображений, похоже, не оправдались. По крайней мере, за войну в Думе он не проголосовал, если уже 11 (21) марта патриарх в отместку за нелояльность публично сжег у себя во дворе ящики с иноземной одеждой, Романову принадлежавшие, а потом распустил по городу сплетню о «содомском грехе» Никиты Ивановича. А вот оппозиционную стойкость лагеря «боголюбцев» интрига Никона пошатнула. «Ревнители» из числа высших иерархов препятствовать битве за Смоленск не собирались и, убедившись в мнимости обрядовой реформы, тотчас успокоились. В отличие от когорты протопопов...

Вечером 14 (24) марта из Варшавы прискакал, наконец, Давыд Мордасов, развеяв тревогу, поднятую вокруг него и купцов. Поляки от диалога с Москвой не уклонились, почему великому посольству надлежало исполнить формальность — съездить на запад и вручить властям Речи Посполитой неприемлемый для них ультиматум. А вердикт Боярской думы о переводе страны на военное положение взялись осуществлять, не дожидаясь возвращения послов. 19 (29) марта И.А. Гавренев огласил царскую волю о вызове к 20 (30) мая отовсюду стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов «обеих половин» в Москву на генеральный смотр. Усилиями Г.Г. Пушкина оживлялось военное производство. В мастерских активно лили новые пушки и чинили старые. Изготавливались дополнительные партии мушкетов. На пороховых мельницах «намолачивали» взамен отсыревшего сухое «огневое зелье». 22 марта (1 апреля) обрусевшему голландцу Андреасу Виниусу,

незадачливому компаньону Марселиса и Аккемы, владельцев подмосковных железных заводов, царь велел без промедления ехать в Голландию для найма военных специалистов, закупок военных материалов и, вот подлинная сенсация, табака. Без курительного зелья солдаты «в поле никак не могут обойтись». Посему норма, запрещавшая в угоду «боголюбцев» табачную торговлю, на период военных действий смягчалась: компания Виниуса обзавелась привилегией на раздачу курева военным в государевых кабаках. Прибыль коммерсант надеялся извлечь из роста продаж спиртного курящим клиентам.

Тем временем из Чигирина Б.М. Хмельницкий откомандировал еще одно посольство в Москву — полковников Кондратия Дмитриевича Бурляя и Силуяна Андреевича Мужиловского. 23 марта (2 апреля) гетман подписал сразу пять кредитивных грамот — на имя Алексея Михайловича с официальной просьбой о военной помощи («чтоб ваше царское величество... совету и помощи дати изволил и не пропускал веры нашия православные и церквей восточных в поругание»), трех бояр — Б.И. Морозова, И.Д. Милославского, Г.Г. Пушкина — и патриарха Никона. От бояр и патриарха требовалось замолвить нужное слово перед государем. Судя по всему, Хмельницкий по-прежнему считал лидером проукраинской придворной группировки при московском царе Бориса Ивановича Морозова, к Никону адресовался из вежливости и об истинном политическом раскладе в Кремле имел смутное представление. Он явно боялся, что все может в одночасье опять перемениться не к выгоде малороссов, и именно так, превратно, истолковал весть о посреднической миссии великого посольства Б.А. Репшина. О ней уведомили главу запорожской республики официальные гонцы русского монарха стольник Яков Лихарев и подьячий Иван Фомин. И думая, что в Москве вновь верх одерживают полонофилы, гетман поспешил с отправкой своих дипломатов к московскому двору, чтобы помочь Морозову переубедить царя.

Бурляй и Мужилковский приехали в Москву 21 апреля (1 мая) 1652 г. и быстро поняли, что тревоги вождя неосновательны. Алек-

сей Михайлович принял их на другой день, а выслушали люди, к войне с Польшей относившиеся положительно — С.В. Прозоровский, Б.М. Хитрово, Л.Д. Ларионов и Алмаз Иванов, причем снова не в Посольском приказе, а на нейтральной территории — «на Казенном дворе». Ответ на сентенцию, что «миритца де черкасы с... поляки не хотят для того, что они в правде своей николи не стоят, и... просят, чтобы великий государь... велел... гетмана... со всем войском запорожским принять под свою государеву высокую руку», получили уже спустя сутки, 23 апреля (3 мая). Не от кого-нибудь, а от самого патриарха. Формально к «великому господину» они пожаловали за благословением. Реально ознакомились с дальнейшими планами России, в которых «великому посольству» к королю Яну-Казимиру отводилась не самая главная роль.

Тем не менее никаких письменных заверений посланникам не вручили. 7 (17) мая на прощальном приеме у Алексея Михайловича в «Столовой избе» думный дьяк Ларион Лопухин им объявил, что для беседы «о тех делех» к гетману с ними отправятся русские посланники — дворянин Артамон Сергеевич Матвеев и уже побывавший на Украине подьячий Иван Фомин. В поднесенной украинцам царской грамоте значилось то же. Вот тогда-то Бурляй и Мужилковский рискнули в нарушение привычного порядка обратиться напрямую к патриарху, моля, «дабы была едина вера и едино сочетание». Никон откликнулся 14 (24) мая грамотой на имя Хмельницкого: «Егда... царского величества верный посланник к вам приедет, и вам бы его словесем, кроме всякого сомнения, веру яти. Еже бо он возглаголет к вам, сия истинна суть. Наше же пастырство о вашем благом хотении ко пресветлому великому государю нашему его царскому величеству ходатайствовати и паки не перестанет».

Итак, Москва не снабдила недоверчивых «черкасс» неопровержимым доказательством скорого вступления в войну против Польши на стороне Украины. Поразительно, но и Матвеев на встрече с гетманом в Чигирине 4 (14) июля даже конфиденциально, «в другой светлице», ни о чем таком не проговорился. Единственно отдал выше упомянутую грамоту Никона,

осторожно намекавшую о желании Москвы признать казаков подданными московской державы. На словах же долго распроставаясь о миролюбии Алексея Михайловича, стремившегося без кровопролития уладить конфликт между двумя народами — «то ваше междоусобье... успокоити через своих царского величества великих послов». Впрочем, вряд ли Хмельницкого, знакомого с отчетом Бурляя и Мужилковского, речи русских посланников очень огорчили. Гетман, наверняка, догадался, что москвичи неспроста темнят, и должно в ближайшие недели ожидать нечто иного, совсем не того, о чем они тут разглагольствовали. Ведь Бурляй и Мужилковский не могли не знать о мобилизационной лихорадке, охватившей московское государство, о намеченном на вторую половину мая генеральном смотре русской армии, о выборной кампании среди дворян — по два депутата от города, объявленной 2 (12) мая. Наконец, при них свершилось удивительное событие — присвоение патриарху Никону титула «великий государь».

Точная дата неизвестна, но очертить временные рамки можно: не ранее 7 (17) и не позднее 12 (22) мая, когда в протоколе присма украинских послов Г.Г. Пушкиным и Л.Д. Лопухиным Никон назван «великим государем святейшим». Возможно, все-таки 8 (18) мая, ибо в расходной патриаршей книге 1652—53 гг. Никон впервые назван «великим государем» 9 (19) мая — в день отлучки из Москвы в села Владыкино, Озерецкое и в Дмитров. Разумеется, в грамоте Хмельницкому от 14 (24) мая новый титул присутствовал. Увы, «черкасам» не довелось застать мероприятие ключевое в этом ряду — Земский собор «о литовском и о черкасском делех», который заседал 25 мая (4 июня) 1653 г., после Пасхи «на седьмой недели в среду». Как писал Алексей Михайлович Б.А. Респину: «Мы, великий государь, со отцем своим и богомолцем Никоном, патриархом московским и всаа Руси, на том соборе многое время разговор чинили и всех чинов людей допрашивали — что, принимать ли черкас. И о том всяких чинов и с площадных люди все единодушно говорили, чтоб черкас принять... И мы о том отложили до вас».

Перед нами очередная загадка. Все свидетельствует о страшной спешке — и совмещение смотра войск с «черкасским» собором, и избрание депутатами только дворян, и провозглашение Никона «великим государем», и шарахания с датой земского совещания. Первые два депутата — из Коломны — приехали в столицу 15 (25) мая. Было ясно, что к 20 (30) мая кворум не соберется, почему в тот же день Никон отсрочил форум на две недели, до 5 (15) июня. Однако к вечеру 24 мая (3 июня) в Разрядном приказе зарегистрировалось до половины делегаций (из Юрьева-Польского, Переславля-Залесского, Рузы, Ржева, Зубцова, Твери, Старицы, Вязьмы, Ростова, Кашина, Дмитрова, Бежецка, Углича, Коломны, Калуги, Медыни, Каширы, Алексина, Рязани, Козельска, Серпухова, Торусы, Болхова, Воротыньска, Солова, Одоева, Лихвина, Севска, Волоколамска, Верей, Крапивны). И что же? Утром 25 мая (4 июня) всех «двойников» вызывают в Кремль и интересуются их мнением о будущем Украины. Между прочим, к концу дня число депутатов увеличилось еще на восемь (от Мещовска, Гороховца, Муром, Белого). Но они уже не заседали в кремлевских палатах. Зато в решающую минуту зачем-то понадобилось распахивать окна и двери и спрашивать мнение «площадных людей», сиречь толпы, оказавшейся подле царского дворца. Народ единодушно вотировал за войну и объединение с Украиной, после чего все затихло в ожидании особ, посланных к польскому королю.

Как же все это понимать? Полагаю, истина состоит в том, что Никон торопился с наступлением на Смоленск, которое хотел начать буквально на другой день после собора: по окончании генерального смотра полки двинутся вперед, на запад. Армии надлежало выйти к Смоленску внезапно, застигнуть неприятеля врасплох, и, тем самым, гарантировать капитуляцию города в кратчайшие сроки. Что же сорвало замысел? По-видимому, напоминание кем-то из смышленных депутатов о судьбе «великого посольства», покинувшего Москву 30 апреля (10 мая). С этим посольством приключился престранный казус. 24 апреля (4 мая) Алексей Михайлович велел послам ехать, тогда же в церкви после

молебна простился и с Борисом Александровичем Репниным, и с Федором Федоровичем Волконским, и с Алмазом Ивановым. Однако 30-го в дорогу отправились двое. Князь Волконский вдруг захворал, почему товарищи его в семи верстах от столицы, «на Сетуне», прервали движение в ожидании «государева указа», который 2 (12) мая привез подьячий Ефим Юрьев с письмом Лариона Лопухина, управлявшего Посольским приказом вместо Волошенинова. Думный дьяк, во-первых, распорядился продолжить путь, во-вторых, уведомил о замене больного Волконского окольничим Богданом Матвеевичем Хитрово, который догнал коллег 16 (26) мая у пустоши Заозерье, в тридцати пяти верстах от Вязьмы. 24 мая (3 июня) послы пересекли у речки Поляновки русско-польский рубеж и вскоре встретились с польским эскортом в семьдесят сабель под командой Казимира Дукшита.

А теперь вспомним, какого числа Никон созвал чрезвычайный собор — 2 (12) мая, и кто такой Б.М. Хитрово — племянник Б.И. Морозова. Очевидно, что патриарх медлил с созывом дворянских депутатов до отъезда трех послов из Москвы. Болезнь Волконского оказалась неприятным и опасным сюрпризом, раз место боярина в срочном порядке занял окольничий и родственник Морозова, который по какой-то причине не взял с собой в престижный вояж никого из членов семьи. В отличие от трех других послов. Б.А. Репнина и А. Иванова сопровождали сыновья — Афонасий Борисович Репнин и Дмитрий Алмазович Иванов. Волконский хотел свозить в Польшу Дмитрия Андреевича Волконского (не племянника ли?). В итоге никто из Волконских или Хитрово никуда не поехал, и не потому ли, что Федор Федорович и Борис Матвеевич знали о главной тайне сего посольства — посольства смертников?

Никон приносил в жертву «великих послов» со всей святой внешнеполитической целесообразности. Миссия Репнина усыпляла бдительность польской шляхты и Яна-Казимира, повышала шансы на освобождение Смоленска малой кровью. Пленом, узилищем, возможно, смертью нескольких десятков дипломатов патриарх платил за сохранение жизни сотням, если

не тысячам русских воинов, призванных осаждать Смоленск. Оттого Артамон Матвеев, кстати, пасынок Алмаза Иванова, не уведомил о русском секрете Богдана Хмельницкого. Патриарх и посланника не предупредил, и гетмана уберег от нечаянной утечки информации в Варшаву. А Б.М. Хитрово по просьбе дяди отважно рискнул собственной головой для общей пользы и во благо отечества...

Увы, злосчастный вопрос все испортил. Алексей Михайлович воспротивился нависшей угрозе над командой Репнина. Не помогла и апелляция к улице, где стояли те, кому или таким, как они, придется погибать ради безопасности русских послов. Молодой государь настаивал, и Никон сдался. Процитированным письмом царь постарался развеять нервное напряжение, которое после «заболевания» Волконского, конечно, возникло внутри посольства. 5 (15) июня молодой Романов устроил грандиозный банкет для всех депутатов, и участвовавших в историческом заседании, и пропустивших кульминационный момент: «у стола... велел быть выборным городовым дворянам двойникам». А генеральный смотр войск превратился в генеральную репетицию, которую Алексей Михайлович с большим удовольствием растянул на две недели. С 13 (23) июня по 28 июня (8 июля) «за Земляным городом на поле к Девичью монастырю» «стольники, стряпчие и дворяне московские, и жильцы» демонстрировали монарху разные экзерциции и воинскую выправку. Увенчала этот праздник напутственная речь, зачитанная думным дьяком Семеном Заборовским перед роспуском всех по домам⁷.

12 (22) июля Алексей Михайлович с придворными отправился в Коломенское на отдых. Вот тогда-то, скорее всего, Никон и нанес свой знаменитый удар: засудил муромского протопопа Логгина за то, что «похулил образ Господа нашего Исуса Христа, и Пресвятыя Богородицы, и всех святых». Смее утверждать, то был не превентивный, а ответный удар, ибо патриарх нисколько не сомневался в том, что репинскую защиту на Земском соборе инспирировал Иван Неронов. Улик, естественно, не имел. А повторения аналогичной истории с антивоенным подвохом не

исключал. Думая оградить царя от подобной заботы со стороны друзей «боголюбцев», Никон и вознамерился очистить Москву от миролюбивых протопопов.

К тому же и лимит на шарахания Москва исчерпала 22 июня (2 июля) 1653 г. В этот день Алексей Михайлович исполнил, наконец, то, о чем русского государя «черкасские» казаки умоляли пять лет: письменно подтвердил собственное соизволение «принять под нашу царского величества высокую руку» украинские земли. С чего вдруг? Потому что 20 июня (1 июля) в Белокаменную прискакал курьер из Путивля от Ф.А. Хилкова с очень тревожной вестью из ставки Хмельницкого, датированной 3 (13) июня 1653 г.: «Был де у гетмана от турецкого царя посол и дары де многие от царя привез. И гетман де дары принял... и... того турецкого посла отпровадил в Умань. Для того, [что] ожидает... своих посланцов... Будет де совершенной государской милости... с посланцы... не будет», то идти Украине в «слуги и холопы турецкому царю». И «то де учинитца... поневоле». А с чем ехали в Чигирин Бурляй, Мужилковский и Матвеев с Фоминым, мы видели выше. После майского Земского собора фактор внезапности уже не играл первостепенную роль. Так что Никон не возражал против того, чтобы Алексей Михайлович открыл потенциальному союзнику тайну: Россия практически готова к войне вместе с казаками, «ратные наши люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца».

Уведомить Богдана Михайловича о том и о времени вступления России в войну (возвращение из Польши посольства Б.А. Репнина) поручили стольнику Федору Абросимовичу Лодыженскому. Ему выпала миссия того самого второго, альтернативного Матвееву, посланника. И ехать пришлось очень быстро, чтобы обе аудиенции в Чигирине разделял минимальный срок — всего шесть дней. В итоге Хмельницкий сохранил приверженность Москве, отклонив османские соблазны. Однако любой малейший шаг вспять под влиянием московских «голубей» мог разом все перечеркнуть: слишком уж долго русская сторона испытывала терпение украинской. Между тем в распоряжении мирной партии

имелось пол-года, как минимум, и Никону не стоило полагаться на русский авось.

Неронов — талантливый проповедник, темпераментный спорщик, обаятельный собеседник — не чурался политической интриги. Вспомним хотя бы эпизод 1636 г. с челобитной патриарху Иоасафу. Умел отец Иоанн, когда требовалось, изобретать нестандартные ходы. Особенно если открытому обличению чего-либо ситуация не благоприятствовала. Вот и войну с Польшей осудить публично не рискнул. Народ-то весь «за». Следовало искать окольные пути противодействия, чувствительные если не для народа, то, по крайней мере, для царя Алексея Михайловича. Заступничество за Реинина — один из вариантов — произвело желаемый эффект. Военная кампания 1653 г. не состоялась. Какая оригинальная идея сорвет вторжение в Польшу в 1654 г.? Этого Никон решил не выяснять и поспешил изолировать молодого государя от неугомонных протопопов, Неронова в первую очередь.

Отсутствие антивоенных лозунгов и протестов не позволило выслать «нижегородцев» из Москвы на вполне законных основаниях. Уроки 1632 г. Неронов усвоил хорошо. Тогда патриарх попробовал вывести соперника из себя, для чего и пригодилась жалоба муромского воеводы на Логгина, отчитавшего при свидетелях супругу градоначальника за пользование белилами, которыми, как кто-то заметил, и святые иконы пишутся. Отсюда и вывели хулу на «образ Господа нашего». Казанский протопоп на правах товарища обвиняемого надзирал за объективностью процесса. Разумеется, Никон вовсю провоцировал оппонента, а в финале отправил несчастного священника под арест. Только тщетно. Неронов не подставился, оспаривал что-либо корректно и даже на брошенное патриархом то ли в пылу прений, то ли умышленно оскорбление в адрес царя («мне де и царская помощь негодна и не надобна; да таки де на нее и плюю и сморкаю»!) отреагировал спокойно: «Владыко! Не дело говоришь! Все святити собори и благочестивыя власти требовали благочестивых царей и князей и весь царский сигклит в помощь к себе и православной христианской вере!»

Никон потерпел поражение, но не капитулировал. В тот же день закинул вторую наживку. Митрополит Ростовский Иона на встрече с Иваном Нероновым и Ермилом, протопопом Ярославским, «умилно» завел речь о бесчестье патриархом царского имени. «Я де... хотел с места бежать», — подытожил архиерей. Этот крючок адвокат муромца заглотнул моментально. Ведь митрополит Иона — не «боголюбец», то есть свидетель — неангажированный. Двойное разоблачение — и Нероновым, и Ионой — должно открыть Алексею Михайловичу глаза на «собинного друга». Два «великих государя» рассорятся. А там, глядишь, и до опалы святейшего недалеко. Прежде чем идти к царю, Неронов посоветовался с Ванифатьевым. У духовника, похоже, затея коллеги восторга не вызвала. Тем не менее отец Иоанн отважился «возвестить» второму Романову «неподобныя словеса патриарха». И ловушка тут же захлопнулась.

По высочайшей воле собрался Священный собор. Сцену в Крестовой, где держал ответ Логгин из Муром, видели единицы. Оттого так много значило, что скажет Иона Ростовский. А Иона принародно помялся, помялся да и выдохнул: «Патриарх Никон таких слов не говаривал!» И сколько бы потом Ермил из Ярославля или некий старец Акакий не подтверждали правду Неронова (Акакия, кстати, и не спрашивали), им, как соратникам отца Иоанна, веры, увы, не было. А главный герой, осознав, что теперь выглядит для всех клеветником, взорвался и излил ужасную тираду на виновника своего позора. Ему бы промолчать, лучше покаяться, а он припомнил и перечислил все прегрешения Никона — от жестокого обращения с подчиненными до неблагодарности Стефану Ванифатьеву и нападок на Соборное уложение 1649 г. Под конец совсем распалился и обругал всех участников собрания за потакание патриарху — «празднословцу» и «лжесоставнику». Понятно, какой вердикт вынесло обиженное духовенство. Оратора тотчас упекли под караул в Новоспасскую обитель, а к ночи вывезли за город, в Симонов монастырь.

Примечательно, что Неронов в повествовании о конфликте с патриархом датировал собственный арест 15 августа. Очевидно,

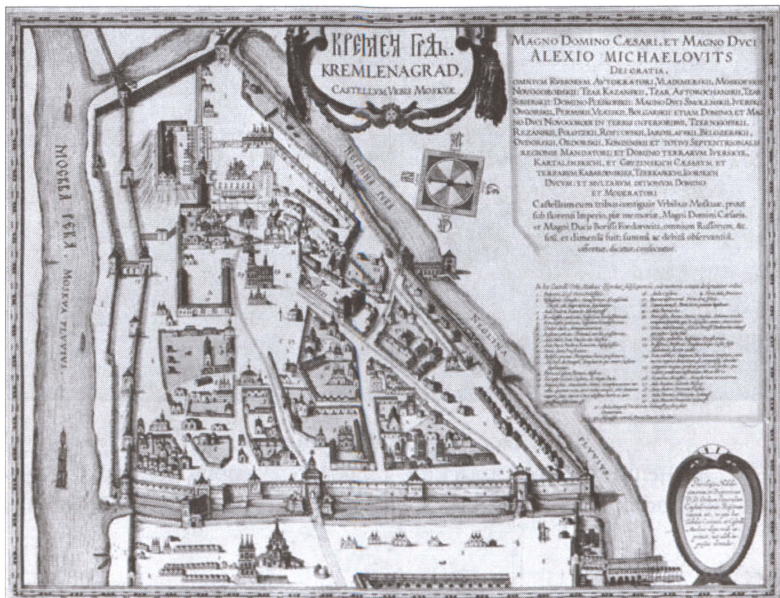
это — описка, и свободу протопоп утратил 15 (25) июля. Тогда чрезвычайный собор собрался того же числа, а иск против Логгина в патриаршем дворце рассматривался либо 12 (22), либо 13 (23) июля 1653 г. В промежутке Неронов мог съездить в Коломенское, или Алексей Михайлович вернулся в Москву⁸. В общем, Никон выжил с политического олимпа самого неудобного оппонента за три дня. Алексей Михайлович не препятствовал этому, во-первых, из солидарности с патриархом, во-вторых, из высших государственных соображений, в-третьих, ради собственной Неронова пользы. Протопопы-пацифисты покидали довоенную Москву за дисциплинарные провинности, значит, временно. В Москве военной их деятельность граничила бы с государственной изменой. А тут уж не ссылка бы им светила, а гораздо хуже. Не дай Бог, эшафот...

В тюремной келье Симонова монастыря, в полном одиночестве Иван Неронов просидел семь дней. На восьмой, видимо, 23 июля (2 августа) 1653 г., протопопа доставили в Кремль. В палатах царя Бориса Годунова побили для острастки, затем в Успенском соборе новый митрополит Крутицкий Сильвестр лишил его сана. Вероятно, через десять дней, 4 (14) августа, Никон с ведома царя распорядился о месте ссылки — Вологодский уезд, Спасо-Каменный монастырь у Кубенского озера. Еще полторы недели ушло на сборы. 13 (23) августа 1653 г. изгнанник двинулся в путь, провожаемый друзьями и прихожанами. Среди прочих возле телеги до окраин столицы шагал и легендарный Аввакум. Через два столетия его восславят как «великого апостола» раскола, мужественного и негибаемого борца за исконную русскую веру, мученика старообрядца.

Скажи это Никону кто-нибудь в 1653 г., патриарх сильно бы удивился. Кто такой Аввакум? Неприкаянный поп Рождественской церкви села Лопатино, 23 марта (2 апреля) 1652 г. по протекции Неронова поставленный протопопом Входоиерусалимско-Спасского собора Юрьева-Поволского, не прослуживший в нем и двух месяцев. Любимчик Неронова, не очень уважаемый

Царь Алексей Михайлович. Гравюра 1676 г.

План Московского Кремля (Кремленаград) эпохи царствования Алексея Михайловича

Царь Алексей Михайлович и Никон,
архиепископ Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа,
митрополита Московского. Художник А.Д. Литовченко. 1886 г.

Герб патриарха Никона. Гравюра 1659 г.

✠ Нѣкогдаже до крѣпости архієпископства
Градъ Москвитинъ Іоаннъ Пятый Имѣемъ
Новгородъ Російскій Дѣла рѣшѣ

Автограф патриарха Никона

*In KITAYGRAD, id est, in intimâ Vrbe,
numeris suis hæc notata loca designantur.*

- In TZAR GRAD, notata sunt haec*

- Vimina portarum in exterioribus*
Habitat

- SKOR ODVAI das netas habet.

1. *Alani Duri fortis.*
2. *Aque salis du Fortis.*
3. *Exum humeris.*

План Москвы. Середина XVII в.

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.
Сийский иконописный подлинник. XVII в.

Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче.
Шествие патриарха на ослиати. Художник В.Г. Шварц. 1865 г.

Церковь Двенадцати апостолов
и Патриаршие палаты в Московском Кремле

Икона Кийский крест с предстоящими
(слева — император Константин, царь Алексей Михайлович,
патриарх Никон, справа — императрица Елена,
царица Мария Ильинична). Изограф Иван Салтанов. 1670-е гг.

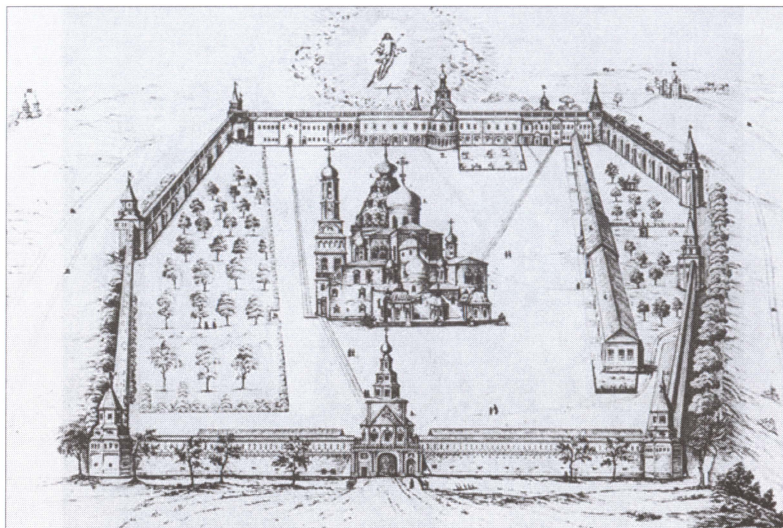

Патриарх Никон в домашнем облачении.
Литография по рисунку Ф.Г. Солнцева. 1850-е гг.

Патриарх Никон предлагает новые богослужебные книги.
Начало раскола 1654 г. Художник А.Д. Кившенко. 1880 г.

Воскресенский Новоиерусалимский монастырь в 1852 г.

Патриарх Никон с братией
Воскресенского монастыря.
1660-е гг.

Патриарх Никон
в Новом Иерусалиме.
Художник В.Г. Шварц. 1867 г.

Вид на храм Воскресения Христова
в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Рисунок XVIII в.

Елеонская часовня
в Новом Иерусалиме. Рисунок
Н.А. Мартынова. 1880-е гг.

Скит Никона в Воскресенском
Новоиерусалимском монастыре.
Гравюра 1888 г.

Во времена раскола (изъятие по описи старопечатных книг).
Художник С.В. Иванов. 1900-е гг.

Патриарх Никон. Художник С.Д. Милорадович. 1900-е гг.

Суд на патриархом Никоном. Гравюра по рисунку А. Земцова. 1892 г.

Лишение сана патриарха Никона.
Художник С.Д. Милорадович. 1900-е гг.

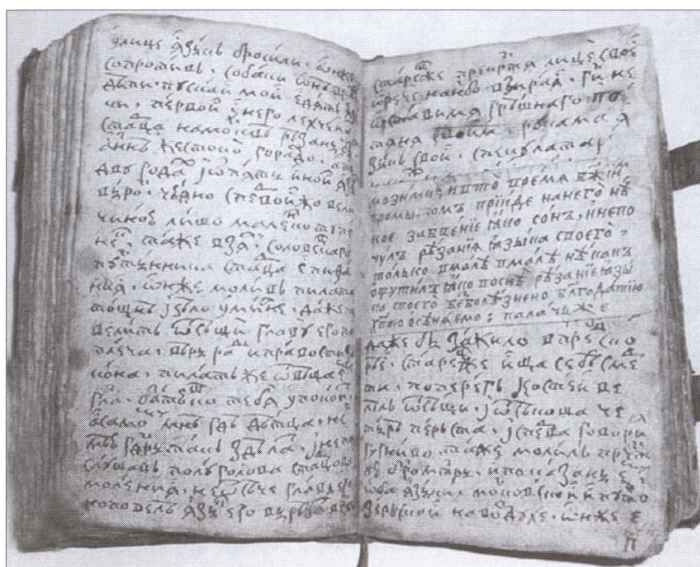

Черный собор. Восстание Соловецкого монастыря против новопечатных книг в 1666 году. Художник С.Д. Милорадович. 1885 г.

Расправа воеводы Мещеринова над участниками Соловецкого восстания. Лубок начала XIX в.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. XVII в.

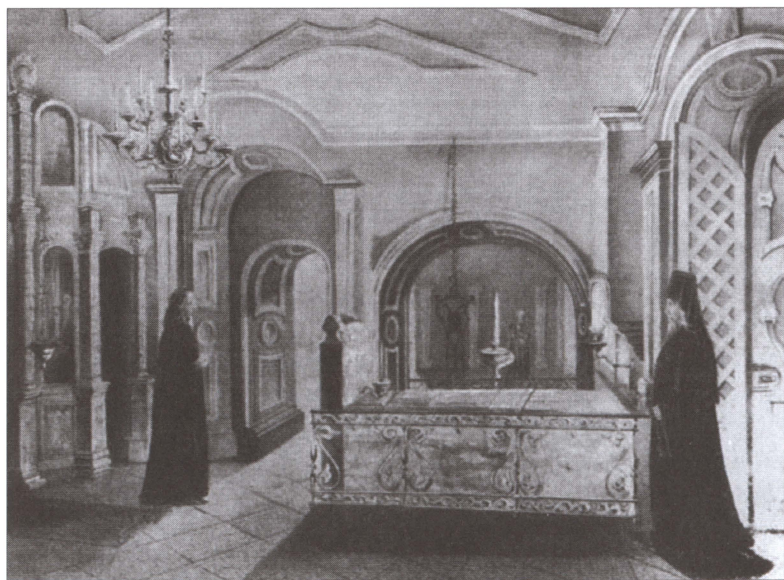

Сожжение протопопа Аввакума 14 апреля 1682 года в Пустозерске.
Художник П.Е. Мясоедов. 1897 г.

Смерть патриарха Никона. Гравюра 1870-х гг.

Гробница патриарха Никона
в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Гравюра XIX в.

«боголюбцами» из-за фанатичной преданности «хозяину». Царю известный, но не личными заслугами, а похвалами Неронова... Характерный штрих. После ареста отца Иоанна «нижегородцы» написали челобитную в защиту кумира. Аввакум, конечно же, участвовал в сочинении бумаги. Однако Никон велел схватить не его, а двух других персон — протопопа костромского Даниила (попа из Ярославля, в протопопы собора Пречистой Богородицы Федоровской в Костроме пожалованного того же 23 марта (2 апреля) 1652 г.) и вологжанина Семена Бебехова. Первый, похоже, челобитную подавал, второй писал. Даниила взяли под стражу сразу. Семен успел сбежать. Правда, вскоре явился с повинной.

А что же Аввакум? Любимчиком Неронова власти не заинтересовались. И ему никто не мешал явочным порядком попробовать возглавить казанский приход. Вечером 13 (23) августа он, единственный в храме протопоп, ссылаясь на прецеденты замещения им Неронова, вознамерился провести всенощную в Казанском соборе. Но подобная наглость возмутила весь казанский клир. Священники отвергли притязания выскочки, избрав своим «начальником» Петра Ананьева, сына прежнего наставника Неронова из села Кириково, родного брата будущего митрополита Суздальского Иллариона. А фавориту отца Иоанна предложили ведать тем «крылосом», которым тот управлял до тех пор. Аввакум отказался.

Кстати, бузил с горя он с самого утра. Проводив в дорогу «батюку», в приделе Казанского собора, посвященном святому Аверкию Иерапольскому, пытался подменить попа Амвросия. Произнес «полущницу», погнал пономаря бить в колокола благовест. Затем зашагал к дверям самого собора, где, стоя на паперти, внушал прохожим разные нравоучения. Наконец, вошел в храм, желая занять место учителя. Не получилось. И тогда гордый волжанин в ночь на воскресенье устроил свое, «сушильное всенощное бдение» во дворе Неронова. В пику казанцам. Переманив от них больше тридцати прихожан. Молитва в сарае! «Ананьевцы» не замедлили с отмщением, сообщив, невзирая на поздний час, о дерзкой выходке самому патриарху. Рассвет 14 (24) августа все

фрондеры встретили на патриаршем дворе, откуда протопопа без всяких расспросов, зато закованным в железо, отослали в Андроньев монастырь, где в подвальной «клетушке» Аввакум протомился десять дней.

Безусловно, его ожидала суровая расправа. Только не за приверженность Неронову, не за стойкость в истинной вере, а за... хулиганство. Ведь Аввакум пусть во гневе, назло заносчивым товарищам, но осквернил православное богослужение. Позорный жребий попа-расстриги, во искупление греха упрямого в монастырской глуши, теперь маячил перед ним впереди. Перспектива, естественно, не радостная, особенно для того, кто еще недавно гордился ролью помощника знаменитого Неронова. Другие узники — Даниил из Костромы, Логтин из Муром — теряли сан за убеждения. А он за что? За уязвленное самолюбие?!

Недели через полторы после ареста Аввакум предстал перед судьями. Дело представлялось ясным. Много вопросов не задавали. В списке значился и про челобитную о Неронове, адресованную царю от казанской братии. Вопрос дежурный. А вот ответ судей удивил. «Писал ее Данило Костромский, да я!» — выпалил без пяти минут расстрига-протопоп, после чего выбралил всех недоброжелателей отца Иоанна. Естественно, приговор в тот день не огласили, ибо о новых обстоятельствах надлежало донести Никону. А патриарх понял что к чему без дополнительных уточнений. Посаженная под караул группа протопопа Даниила — ходатаев за Неронова — единодушно приписала авторство текста Бебехову. Так что молодой священник откровенно врал, беря чужую вину на себя. О чем поп казанской церкви Иван Данилов в конце сентября не преминул известить Неронова: «Семен Бебехов сослан в Боровской монастырь... А оправил де его Аввакум, протопоп, что [мол] челобитную складывал яз де Аввакум, а Семен писал, того не ведаю!»

Спустя годы Аввакум в «житии» напишет: «В Никитин день.... меня... привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступив к патриарху, за меня упросил. Не стригши, отвели в Сибирский приказ».

Здесь все верно, кроме глагола «упросил». Алексей Михайлович не заступался за Аввакума. Протопоп видел, как царь подошел к патриарху, но вряд ли слышал, что оба обсудили накоротке. Мемуарист увязал факт этой беседы со своим помилованием и решил, что оно — результат вмешательства монарха. Однако государь ничем не смог помочь никому из опальных «боголюбцев», даже почитаемому им Неронову. Никон отнял священнический чин у всех. У всех, за исключением Аввакума. Следовательно, и амнистировал будущего вождя 15 (25) сентября тоже Никон. Впрочем, почему амнистировал? Патриарх придумал, причем еще 1 (11) сентября, достойную кару дерзкому, отважному и честолюбивому «адъютанту» Неронова — «за ево многое безчинство» откомандировал с семьей на край русского света, «в сибирский город на Лену», прививать живущему в глухомани обывателю старозаветное благочестие. Не 15 (25), а 16 (26) сентября устами царя Никон всего лишь оставил на волю архиепископа Тобольского Симеона выбрать, где протопопу «в Сибири, в Тобольску или... в выном городе, быти у церкви». Свыше десяти лет продлится не научный эксперимент. Героем, но не победителем возвратится Аввакум в Москву, чтобы возглавить движение, неминуемо обреченное на поражение⁹.

К 25 сентября (5 октября) 1653 г. — дню встречи царем великого посольства Б.А. Репнина в Троице-Сергиевой лавре — разгром активного ядра радикального крыла «боголюбцев» завершился. Протопопа из Костромы Даниила выслали в Астрахань, муромского Логгина — на родину, в деревню под надзор отца, романовский Лазарь спрятался в Савво-Сторожевском монастыре. Стефан Ванифатьев «всяко ослабел», по едкому замечанию Аввакума, недоумевавшего по поводу отстраненности от вспыхнувшей баталии прежнего лидера, некогда пламенного борца за благочестивость и чистоту веры. Почему-то на то, что «ослабел» не только благоуспенский протопоп, но и все архиереи-«боголюбцы», даже друг Неронова — епископ Коломенский Павел, мемуарист-старообрядец не обратил внимания.

Никон торжествовал. Великие послы приехали с официальным отклонением посреднических услуг России, фактически ее ультиматума. На радостях патриарх 28 сентября (8 октября) пожаловал Алмаза Иванова в думные дьяки, поручив ему руководство Посольским приказом на период войны с Польшей. А 1 (11) октября в Грановитой палате царского дворца состоялось второе, на сей раз полноценное заседание Земского собора. Так как теперь никуда не спешили, то к ранес избранным депутатам от дворян присоединились аналогичные делегации от городских посадов и стрелецких «приказов» (полков), а также высшее и среднее духовенство. Вопрос не обсуждали, проголосовали единственный: «Против польского короля война весть... гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку» великому государю Алексею Михайловичу. Голосовали «по чинам, порознь». Отдельно стольники, затем стряпчие. И далее по очереди — дворяне, дьяки, жильцы, офицеры, купечество, ремесленные мастера, стрельцы. Тут же царь уполномочил дворецкого В.В. Бугурлина ехать в Чигирин и приводить к присяге украинский народ, а стольнику Р.М. Стрешневу велел сообщить долгожданную новость Хмельницкому и черкасской старшине.

Родион Матвеевич в компании с дьяком Мартемьяном Бредихиным из Москвы на Украину отправился 13 (23) сентября после приема Алексеем Михайловичем 29 августа (8 сентября) посла Хмельницкого — Герасима Яковлевича Яцкевича. «Черкасская» миссия хотела поторопить москвичей с военной помощью, русская — ускорить акт объединения двух народов. Стрешневу доверили заранее проработать с Хмельницким все детали исторической церемонии. 2 (12) октября посольство достигло Путивля, Чигирина — 13 (23) октября. Правда, с гетманом оно встретилось лишь через два с половиной месяца — 26 декабря (5 января).

Половину лета и всю осень запорожское войско в союзе с татарами отражало под Баром очередной карательный рейд поляков во главе с Яном-Казимиром. И в очередной же раз крымчане в трудный для неприятеля момент зашатались, продав королю,

блокированному в Каменец-Подольском, свой нейтралитет за сто двадцать тысяч червонцев золотом и привилегию «около Львова и по Залесью... имать полон в селех и в деревнях, кроме городов». Казаков тоже не обидели, выторговав для них мир по статьям Зборовского трактата с добавлением коварного пункта: по весне всем сообща идти воевать московское государство. Так хан напомнил Хмельницкому об обещании, данном им при реке Буг в начале похода, «быть под ево, хановою, рукою». Гетман намек понял и потому предпочел отмолчаться, используя передышку для окончательного урегулирования отношений с Россией. Ведь еще в первых числах ноября в Бар из Москвы прискакал украинский гонец Л. Капуста с радостной новостью. В Чигирине от Стрешнева и Бредихина Богдан Михайлович услышал уже официальное уведомление о том, что Алексей Михайлович берет запорожскую республику «под свою царского величества высокую руку», и о скором приезде «великого посольства» В.В. Бутурлина. Проблема присяги разрешилась просто: запорожский вождь предложил провести ее в Переяславле в праздник Богоявления. Русские посланники не возражали и 29 декабря (8 января) довольные покинули столицу Украины.

Посольство Бутурлина из Москвы тронулось в путь 9 (19) октября, почти два месяца — с 1 (11) ноября по 20 (30) декабря — ожидало в Путивле возвращения Хмельницкого с днестровского фронта. В день переговоров Стрешнева с Хмельницким добрались до Прилук. В избранный для торжественного действия город — Переяславль — въехали 31 декабря (10 января). Хмельницкий туда явился под вечер 6 (16) числа. Так что совместить светский праздник с церковным не удалось. Центральное событие свершилось два дня спустя, 8 (18) января 1654 г.: около полудня на площади под барабанный бой «собралось великое множество всяких чинов людей... Потом... гетман вышел под бунчуком, а с ним судьи и ясаулы, писарь и все полковники. И стал гетман... речь... ко всему народу говорить: ...уже 6 лет живем без государя в нашей земле в беспрестанных бранех и кровопролитиях з гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь божию... Что уже

вельми нам всем докучило и видим, что нельзя нам жити боле без царя. Для того ныне собрали есмя раду... чтоб есте себе с нами обрари государя из четырех, которого вы хотите. Первый царь есть турский, который многижды через послов своих призывал нас под свою область. Второй — хан крымский. Третий — король польский, которой, будет сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может. Четвертый есть православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексей Михайлович... которого мы уже 6 лет безпрестанными молении нашими себе просим... Той великий государь... милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислати изволил...

К сим словам весь народ возопил: волим под царя восточного, православного... Потом полковник переяславской Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал: все ли тако соизволяете? Рекли весь народ: вси единодушно. Потом гетман молил: буде тако! Да господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою! А народ по нем вси единогласно возопил: Боже, утверди, Боже, укрепи, чтоб есми вовеки вси едины были!»

Далее «на съезде дворе» В.В. Бутурлин огласил Хмельницкому и полковникам царскую волю, после чего все перешли в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы, где поклялись «быти... под государевою высокою рукою навеки». Церемонию омрачил небольшой спор. Казаки потребовали от боярина публичной клятвы от имени царя, что черкас «польскому королю не выдавать, и за них стоять и вольностей не нарушеть». Бутурлин, не имея на то полномочий, отказался. Убедившись в неисполнимости пожелания, гетман и старшина прекратили пререкания и присягнули московскому царю, более ни на чем не настаивая. День закончился поднесением Хмельницкому в той же «съезжей избе» привезенных из Москвы знаков гетманской власти — знамени, булавы, мантии, шапки.

Помимо Переяславля В.В. Бутурлин в течение января лично наблюдал за крестоцелованием жителей еще трех городов — Киева, Нежина, Чернигова. В прочих поселениях, как крупных,

так и малых, за принятием казаков и мещан в русское подданство смотрели двадцать три стольника, стряпчих и дворян из числа членов посольства, посланных в разные концы Украины 14 (24) января, в день отъезда Бутурлина из Переяславля. В Москву отчет о Переяславской раде вечером 17 (27) января привез А.С. Матвеев. И тут же по распоряжению отчима помчался дальше к Звенигороду, куда часом другим ранее отправился и царь, поклониться мощам Саввы Сторожевского. Стрелецкий полковник догнал государя в селе Хорошево под утро 18 (28) числа. Монарх в восторге пожаловал «сеунщику» шапку и кафтан с собственного плеча и, не мешкая, подписал указ о выступлении трехтысячного авангарда под команду Ф.С. Куракина и Ф.Ф. Волконского из Путивля в Киев и Чернигов.

Хотя с 5 (15) октября в стране постепенно набирали темп мобилизационные мероприятия, а 23 октября (2 ноября) в Успенском соборе молодой самодержец устами Алмаза Иванова объявил о своем намерении лично «итти на недруга своего, полскаго и литовскаго короля Яна-Казимира», оптимизм Никона к зиме несколько поуменьшился. Шведский агент И. Родес 20 (30) декабря сообщал в Стокгольм: «Некоторые знатные господа очень противятся этому предприятию и отсоветывают его Его Царскому Величеству, и представляют ему, что легко зажечь пожар, но нельзя так же скоро его потушить». Сам дипломат не меньше русских пацифистов сомневался в успехе: «И на этот раз дело будет так, как было под Смоленском с русским полководцем Шеиным, ввиду того, что у них мало хороших офицеров... генералы неопытны, а нижние чины очень плохо обучены». Над придворными, грезившими о триумфе, сравнимом с победами Александра Македонского, он снисходительно подсмеивался.

Впрочем, не скепсис друзей вечного оппозиционера Н.И. Романова и не пессимистические прогнозы заезжих иностранцев питали тревожный настрой патриарха. Они всего лишь вхолостую сотрясали воздух, никак не тормозя реализацию великого плана. Посему «господин Отец» и тех, и других игнорировал, позволяя себе иногда в сердцах первых обзывать «трусами» и «из-

менниками русской веры». А вот то, что зарождалось на берегах Кубенского озера, представляло серьезную опасность. Никон заблуждался, если думал ссылкой в Спасо-Каменный монастырь очистить политическую сцену России от Неронова. Напротив, обитель, подконтрольная архиепископу вологодскому Маркелу, неожиданно быстро превратилась во второй после Москвы политический центр России.

Здесь стремительно набирал политический вес настоящий лидер оппозиции — Иван Неронов. Он, желая уберечь движение «боголюбцев» от медленного угасания, искал лозунг, способный если не превзойти по популярности программу Никона — война за Смоленск преобразит Россию, то, по крайней мере, заметно укрепить позиции «ревнителей благочестия». И такой лозунг нашелся. Пригодилась февральская «памятка» Никона о замене земных поклонов поясными, а двуперстного крестного знамения троеперстным. Полгода назад она здорово переполошила команду Неронова, хотя, как выяснилось, «выстрелила» с иной целью. Теперь о ней, никем и нигде не соблюдаемой, практически забыли. Тем паче, что за непослушание никто никого не карал. Что ж, не настала ли пора «бумерангу» вернуться обратно и поразить того, кто запустил «игрушку»?

Политическое воскресение Ивана Неронова состоялось в воскресенье 6 (16) ноября 1653 г. Хватило одного открытого письма царю-батюшке, чтобы «великий государь» Никон больше не спал спокойно. Разумеется, насолил разжалованный протопоп действующему патриарху не фактом отправки послания, а содержанием документа, изобразив и себя, и своих товарищей — «заточенных и поруганных, и изгнанных и крыющихся страха ради» жертв Никона — мучениками «правых ради веры», уважаемых прежними патриархами и государем Михаилом Федоровичем, ныне волнующихся, «дабы благочестие истинне в поругании не было». В этом первом обращении к Алексею Михайловичу автор не упомянул обрядовые новшества, зато намекнул на них страстным призывом: «О, благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церкви! Паче бо сия настоящия брани и сыны

церковныя погубляющия: аще бо сия брань не уставлена будет и церквам мир не предан будет, крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание владыки нашего Бога велия погибель и тщета будет!»

Какой брани боится Неронов? Внутрицерковной?! А может, с Польшей?! Ведь речь идет о «церквях», а не о «церкви». Конечно, не «брани» с католиками хотел избежать опальный протопоп, а распри с братьями-черкассами, православными, но с другими обрядами, греческими — поясными поклонами, троеперстием и т.д. Миновал месяц, как Земский собор провозгласил курс на объединение двух народов. А как уживаться-то мы будем, если большинство украинцев за десять лет (спасибо митрополиту киевскому Петру Могиле!) пообвыкли молиться не так, как русские? Вот о чем спрашивал Неронов фактического главу московской державы и... осторожно, ненавязчиво подталкивал к тому, чтобы тот февральскую «шутку» с обрядами повторил, только теперь уже всерьез.

Никон вопрос Неронова услышал и ответил довольно скоро — в середине декабря, когда забрал Московский печатный двор из ведения приказа Большого дворца и подчинил непосредственно себе. Благо дворецкий В.В. Бутурлин находился тогда в Путивле. Зачем патриарху напрямую управлять типографией, если им не готовится что-либо важное в данной области? А именно публикация богослужебной литературы с какими-то принципиальными изменениями. Для изменений нужно созвать священный собор. И верно, таковой собрался где-то между 29 января (8 февраля) и 16 (26) апреля 1654 г. Если учесть, что процесс приема типографского имущества Никоном завершился к февралю, а второе письмо Неронова датировано 27 февраля (9 марта) 1654 г., то, полагаю, можно согласиться с мнением С.В. Лобачева, по примеру соборов 1649 и 1651 гг. уязвавшего заседание 1654 г. с одним из воскресений первой недели Великого поста — либо предварявшим, либо замыкавшим ее, то есть 5 (15) или 12 (22) февраля 1654 г. Историк предпочел 12-е, обосновав выбор посещением государем в тот день «действия в соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы».

Однако в Успенском соборе проводились соборы, избиравшие патриархов. Те, что решали текущие проблемы церковной жизни — и в 1649 г., и в 1651 г. — совещались в присутствии Алексея Михайловича в царском дворце в «Средней» (она же Золотая) палате. Оттого в книге выходов первых трех Романовых примечания достойна не процитированная выше фраза, а другая: «Февраля в 12 день... после обедни был государь царь... Алексей Михайлович... у государыни царицы... Марьи Ильичны в Золотой полате. А у них государей был патриарх со властью, и бояре, и околничие, и думные дворяне, и дьяки, и гости, и гостиныя сотни торговые мужики с дары»¹⁰.

Термин «властью» подразумевает всю церковную иерархию — митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, протопопов. Иными словами, Священный собор в полном составе, которому ничто не мешало по окончании поздравлений царской четы с рождением царевича Алексея Алексеевича в Золотой палате царицы, в соседней Средней Золотой палате подебатировать на предмет обрядовой реформы.

Собор 1654 г. знаменит расправой с епископом Коломенским Павлом за якобы несогласие с инициативой Никона. Это — неверно. Епископ Павел пострадал не за критику нововведений патриарха, а за разжигание в стране гражданской войны в преддверии войны с врагом внешним. Тезис о гонении за убеждения опровергнуть легко. Перечислим участников собора, выделив курсивом тех, кто предложения Никона не поддержал, а значит, проголосовал против: митрополиты Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сербский Михаил, архиепископы Вологодский Маркел, Суздальский Софроний, Рязанский Мисаил, *Псковский Макарий, епископ Коломенский Павел*, архимандриты монастырей *Троице-Сергиева Андреян*, Чудова Ферапонт, Новоспасского Никон, Симонова Илья, Андронникова Гермоген, Богоявленского «из-за торгу» Серапион, Соловецкого Илия, игумены монастырей Знаменского Варлаам, *Борисоглебского в Переславле Антоний*, протопопы церковью соборной Пречистой Богородицы Иоанн, *соборной Благо-*

вещенской Стефан, соборной Архангельской Никифор, Спасской (Преображенской) Григорий, Сретенской Петр, Рождества Богородицы Андреян, *Вознесенской Иоаким*, Никольской Климент, Рождества Христова Трофим, Спасской, «что у государя на сених», Александр, Покровской, «что на рву», Артемий, Александра Невского чудотворца Феодор, *Черниговской Михаил*.

Из тридцати двух духовных лиц шесть итоговый протокол не подписали и за то ничего не претерпели. В том числе и М.С. Рогов (Рогуев), протопоп кремлевской церкви черниговских чудотворцев князя Михаила и боярина Феодора. С легкой руки автора «Записки о жизни Ивана Неронова» Михаила Стефановича давно считают жертвой Никона. Ведь якобы Неронов в 1657 г. обвинил в лицо патриарха в том, что тот «черниговского протопопа Михаила проклял дерзостно и скуфью с него сняв» за «недельное» двоестроичие в «Кириловой книге», изданной в 1644 г. Московский печатный двор Рогов покинул летом 1651 г. по мотивам, нам неизвестным. Никон в ту пору управлял Новгородской епархией, и уволить «справщика» без санкции А.М. Львова не сумел бы. Что касается черниговского храма, то в нем протопоп Михаил прослужил до конца жизни, в «скуфье», и, будучи черниговским протопопом, 17 (27) февраля 1654 г. порадовал Соловецкий монастырь вкладом на общую сумму в пятьдесят рублей. Не спутали ли биограф протопопа казанского одного справщика с другим, то есть с Иваном Наседкой, который действительно конфликтовал с патриархом Никоном, за что и угодил в опалу осенью 1652 г.?!

А соборный протокол 1654 г. не подписали именно шесть, а не семь оппозиционеров, ибо епископ Павел резолюцию завизировал, правда, с дополнением: «Смиренный епископ Павел Коломенский и Коширский, а что говорил на святем соборе о поклонех, и тот устав харотейной во оправдание положил здесь, а другой писмянной». Ремарка, не обеляющая, а обличающая архиерея и того, кто стоял за его спиной. Что не понравилось Павлу Коломенскому? На собор патриарх вынес шесть положений, корректирующих русский обряд по образцу греческому (малороссийскому): двери на литургиях отворять на «великий выход»; воскресную литургию

начинать в два, а не в шесть или семь часов дня; мощи святых располагать под престолом; священникам с амвона без риз не петь и не читать; в великую четырехдесятницу всем кланяться в пояс, а не с коленопреклонением; службы вести на антимирах, ничем их не покрывая.

Вот из всего этого епископ из Коломны «забраковал» только поклоны. Почему? А потому, что все прочее прихожанина не касалось или не очень волновало. Задеть за живое русского мужика могли исключительно перемены в поклонах и форме крестного знамения. Можно не сомневаться, Павел Коломенский готовился опротестовать сразу два новшества. Однако Никон перехитрил оппозицию, ограничившись поясными поклонами. Патриарх явно предлагал «боголюбцам» компромисс: унификации с украинскими обычаями подлежит все, кроме крестного знамения. Судя по результату, «боголюбцы» — участники собора либо согласились с Никоном, либо неодобрительно промолчали. Павел Коломенский, наверняка, тоже бы примкнул к тем или другим, если бы не имел инструкцию Неронова: заострить внимание народное на упразднении земных поклонов и двоеперстия. Не посягательство Никона на второе, ослабило силу демарша, хотя «протестант» возмутился и устно, и письменно, предъявив вдобавок вещественные доказательства — «устав харотейный» и какую-то древнюю рукопись.

Неронов в Спасо-Каменном монастыре ожидал вестей о соборе с великим нетерпением. Стоило ему сообщить, что в Москве духовенство рекомендовало богослужебные книги «исправить против старых харатейных и греческих» экземпляров, он, не выясняя подробностей, тут же взялся за сочинение второго послания государю, от 27 февраля (9 марта) 1654 г. Заклеймив «сонмище иудейско», поднявшее руку на исконное православие, он потребовал созыва «собора истинного» с делегированием на форум не только архиереев, но и монастырского руководства, протопопов, монахов, попов, дьяконов и добродетельных прихожан «всякого чина». Впрочем, добрые три четверти письма автор посвятил защите коленопреклонения и двоеперстия: «Отцы преданное коленное покланяние попираемо и крестнаго знамения сложение перст

перекусмо, и ново некако сказуемо не от писания!» Естественно, о братьях-украинцах Неронов не упомянул, зато в изобилии ссылался на разные авторитеты, в том числе на святителя Филиппа, митрополита московского и Максима Грека.

Если подлинный адресат ноябрьского обращения — не царь, а патриарх Никон, то и февральское предназначалось не Алексею Михайловичу, а его подданным. Из-под пера опального протопопа вышел манифест, предсказавший русскому народу гибель, коли тот не вступится за русское православие, не отразит чуждые иноземные влияния на вековые традиции, веру сберегающие. Земные поклоны и двоеперстие красноречием Неронова приобретали характер ключевых «бастионов», падение которых вело к деградации Святой Руси. «Всяко благочестие преста и чадом церковным везде плачь!» — напишет пламенный трибун в тот же день Стефану Ванифатьеву, приславшему, похоже, с тем же курьером, отеческий совет старому товарищу прекратить борьбу и покаяться. Царский духовник явно выполнял просьбу самого патриарха, искавшего примирения, а не ссоры.

Увы, Неронов рвался в бой. Благо «людие же от многих градов начаша приходити к нему на посещение». Под опекой благожелательного к Неронову архиепископа Маркела в Спасо-Каменном монастыре паломники свободно общались с изгоем, внушавшим устно и письменно, что царю нужно «первое со враги церкви брань сотворить. Потом на иноплеменник да идет!» Послание Алексею Михайловичу копировалось добровольными помощниками под присмотром фактического секретаря Неронова игумена Феоктиста и через приезжавших в обитель почитателей отца Иоанна развозилось в разные концы страны. Эти проповеди смущали умы всех верующих, вынуждая каждого выбирать наименьшее из двух зол — русско-украинское слияние за счет ослабления православных традиций или неизбежность древнерусского благочестия в ущерб территориальному расширению родной державы. Отчаянные воззвания, исходившие с Вологодской земли, раскалывали Россию на два лагеря. Но благодаря хитрости Никона должного впечатления не производили. Ведь на двоеперстие никто не поку-

шался. В глазах большинства россиян Неронов выглядел нелепо, обвиняя патриарха в том, чего он не совершал. Впрочем, боевой клич проигнорировали не все. Многие насторожились, предчувствуя нехорошее со стороны святейшего владыки. А кто-то, в целом меньшинство пока ничтожное, и за упразднение земных поклонов, и за гонения на «еретиков» уже был готов встать под знамена непокорного протопопа.

Если возбудить массовое народное негодование в 1654 г. нероновцы не сумели, то Никона напугали по-настоящему. Не видя эффективного способа нейтрализовать антивоенную оппозицию, ловко игравшую на народной набожности, патриарх растерялся и ответил сопернику стандартно — ужесточением репрессий. Получилось и смешно, и страшно. Наверняка, «боголюбцев» позабавил запрет Неронову обращаться к государю в письменной форме, переданный спасо-каменному затворнику через Ванифатьева. Нельзя царю, пиши царице, и 2 (12) мая 1654 г. отец Иоанн побеспокоил Марию Ильиничну нарочно верноподданническим письмом — почти без нравоучений, зато с неисчислимыми жалобами на несправедливую опалу и мольбами о заступничестве перед супругом за невинно пострадавших. Автор, словно издеваясь, намекал адресату и иже с ним, чем крепок — не царскими милостями, а народной симпатией. Ну а нравоучения и агитацию ему ничто не помешало в тот же день развернуть в депеше «юзнику» Стефану Ванифатьеву. И что любопытно. О двоеперстии в ней — ни слова, о поклонах — совсем чуть-чуть, о «богопротивнике» Никоне — две трети текста. Неронов заклеил патриарха с разных сторон — и как мучителя, и как лжеца, и как узурпатора («царь-государь положил свою душу и всю Русию на патриархову душу»).

Судя по документу, лидер «боголюбцев», ознакомившись с подробностями собора, быстро перестроился, исправив допущенную оплошность. Обряды на время отошли на второй план. А весь обличительный запал целиком сосредоточился на порочности патриарха, который аналогичную гибкость проявить не смог. Наоборот, опрометчиво подверг остракизму епископа Коломенского Павла. Попытку образумить иерарха предпринял, да успехом та не

увенчалась. Упрямство друга Неронова вывело Никона из себя, и слуги по его воле Павла, «из мантии обнажи, жестоце и на лютая бисния и наказания предаде». А затем, понимая, что епископ ни за что не отступит, а продолжит протестами разжигать народное недовольство, глава русской церкви в нарушение традиций и закона сам, без соборного решения, лишил узника сана и сослал на Онежское озеро, в Палеостровский Рождественский монастырь. Несчастный мгновенно обрел мученический ореол, и, естественно, Неронов в письмах и Марии Ильиничне, и Ванифатьеву не преминул наряду с иными упомянуть и сей грех патриарха.

Конспиративная активность Неронова, крайне тревожившая Никона, породила еще один «смех» — неряшливую книжную справку. Безусловно, патриарх и без «вологодских» «советчиков» прекрасно понимал, что унификация украинских и русских обрядов при объединении двух народов неизбежна. Провести ее аккуратно и приемлемо для каждой из сторон он и собирался, для чего вскоре после интронизации вызвал из Новгорода в Москву Арсения Грека. В середине сентября 1652 г. «киевлянин» пополнил штат черных попов домашней крестовой церкви патриарха с годовым окладом в размере десяти рублей. Пополнить пополнил, но служить в ней не довелось, по-видимому, ни дня. Никон тут же отправил двух старцев — Зосиму и Арсения — в Новгород для закупки на патриарший счет в казенных и частных библиотеках греческих и латинских книг и манускриптов. Отобрали свыше ста инкунабул рукописных и печатных — от откровений Иоанна Златоуста и Григория Богослова до размышлений Плутарха. А еще восемнадцать русских «Грамматик». И, похоже, монах Зосима в той миссии играл роль поручителя перед новгородцами за благонадежность мало кому ведомого грека.

Возвращение обоих совпало с хорошими вестями из Чигирина, привезенными митрополитом Навпакты и Арты Гаврилой Власием. Союз Руси с «черкассами» становился реальностью. Повышалась и актуальность работы Арсения. Ему без проволочек выделили особый «кабинет» — «золотую палату» дворца Бориса Годунова. Здесь старец изучал и анализировал первоисточники,

обнаруженные в Новгороде и Москве (патриаршей библиотеке), монастырях Юрьевом, Хутынском (под Новгородом), Троицком и Иосифо-Волоцком (под Москвой), переводил и выписывал необходимые цитаты в особые тетради. Понимание того, что и где придется исправлять, складывалось медленно и постепенно. Важно отметить, что Никон Арсения нисколько не торопил. Более того, позволил отвлекаться от архивных изысканий на преподавание греческого и латинского языков в особой школе для юношества, учрежденной при Чудовом монастыре. Практически Арсений этой школой заведовал. Так что исследование, готовившее почву для великой церковной реформы, не обещало быть скорым. В том числе и по объективным причинам. Ведь ученый не думал ограничиться сокровищами ведущих «древних российских книгохранилищ». «Из прочих градов и честных монастырей» тоже надеялись достать интересный материал. А 7 (17) июня 1653 г. в Москву приехал из долгих странствий Арсений Суханов с подробным описанием греческих обрядов, которые строитель Троицкого подворья наблюдал лично в разных святых местах Османской империи, не исключая Иерусалима. Разумеется, третью часть «Проскинитария» с «чиновником», «како греки церковной чин и пение содержат», тотчас приобрели к делу.

И примерно через месяц, не позднее середины июля 1653 г., Никон предпринял шаг вполне закономерный и, главное, подтверждающий вывод о том, что форсирование обрядовых преобразований никем не планировалось. Не успевшему толком отдохнуть, Суханову поручили вновь отлучиться на турецкий юг, на Афон, к старцам, дабы приобрести у них тексты подлинных греческих православных уставов. В путь троицкий монах тронулся в октябре 1653 г. Накинем год-полтора, необходимые для вояжа туда и обратно. Затем еще полгода — на творческое осмысление Арсением и патриархом всего собранного по заданной теме. Вырисовывается ориентировочная нижняя временная граница созыва реформационного собора — весна или осень 1655 г. Увы, идеальный вариант не осуществился.

Собор этот, как мы знаем, прошел в конце зимы 1654 г., когда Суханов едва добрался до молдавской столицы — Ясс (цели путешествия — Афонской горы — старец достиг в середине апреля 1654 г.). Церковные проблемы «власти» обсудили впопыхах, на поименное голосование вынесли лишь шесть центральных, прочие вотировали «списком» под красивой формулой: «исправити против старых харатейных и греческих» образцов. Иными словами, выбор текстов для корректировки богослужебных книг отдавался целиком на волю патриарха. А кому полномочия передоверил Никон? Конечно, тому, кто уже полтора года детально вникал в вопрос — Арсению Греку. И вполне логично, что «киевлянин» в марте 1654 г. на правах главного справщика возглавил коллектив московских печатников. Он — единственный хотя бы более или менее знал, что и как надо менять в подлежащей переизданию литературе. Правда, разобраться до конца во всех тонкостях греко-русского перевода старец не успел. Между тем, покровитель его распорядился выпустить первые две книги — «Служебник» и «Скрижаль» — максимально быстро, к осени. Обе взяли в набор в апреле, для второй дата известна — 25 апреля (5 мая) 1654 г.¹¹ Но разве по силам одному человеку, к тому же иностранцу, за столь краткий срок свершить что-либо подобное, особенно если ему не все ясно в том, что предстоит сделать?

Неронов, хорошо осведомленный о московских событиях, окрестил «справщика» «лукавым чернецом», однако сам, оказавшись на месте Арсения, вряд ли исполнил бы труднейшее задание лучше. К тому же в цейтнот «гречанин» попал опять же с легкой руки того же Неронова. Попал в одночасье. В октябре 1653 г. Никон провожал на Восток Суханова, явно не подозревая, что через три месяца будет пороть книжную «горячку». И не порол бы, смирись спасо-каменный «гость» с новым патриаршим курсом. К сожалению, отец Иоанн не смирился и в ноябре бросил сопернику вызов. Никону пришлось выбирать: либо под нарастающим натиском ревнителей старины проявить выдержку и, защищая Арсения от нападков, дожидаться, пока ученый отыщет «золотую середину» межконфессионального объединения; либо попробовать внедрить

основы реформы, пусть и в сыром виде, в текущем году на волне всеобщей радости в связи с освобождением Смоленска, когда голос оппозиции заметно поутихнет. Патриарх несколько не сомневался в грядущей победе и выбрал второе, выведя за скобки один пункт — троеперстие. Этот выбор неминуемо отразился на качестве книжного продукта, вместившего в себя множество смешных ляпов, корявых словосочетаний и убогих транскрипций. Над ними частенько иронизируют. Нередко возмущаются преступной небрежностью. Порой не исключают злого умысла. Мол, субъективный фактор сыграл негативную роль. А если объективный?..

14 (24) февраля 1654 г. Алексей Михайлович обнародовал дату прощания с Москвой — в Троицин день, 14 (24) мая 1654 г. 27 февраля (9 марта) из Москвы в Вязьму отправился «наряд» — артиллерия русской армии. Командовал им боярин Ф.Б. Долматов-Карпов. Параллельно у Новодевичьего монастыря на поле вновь разбили военный лагерь, где солдаты и офицеры ежедневно упражнялись в оружейных и строевых экзерцициях. 15 (25) марта сюда наведалься царь с грузинским царевичем и послами Хмельницкого «смотреть рейтарского и солдатского ученья». Послы — Семен Зарудный и Павел Тетеря — в Москву пожаловали 12 (22) марта уладить правовой статус Малороссии в составе России — то, о чем старшина просила В.В. Бутурлина в день присяги.

Как и обещал управляющий Большого дворца, все притязания «черкасс» Кремль удовлетворил без заминки, в том числе и особые «привилеи» на выборность всех чинов — от гетмана до рядового «урядника», собственный судебный порядок, на сношения с иноземными государствами при уведомлении царя о каждом контакте, на реестровое казачество в шестьдесят тысяч сабель. Соответствующую грамоту Алексей Михайлович подписал 27 марта (6 апреля) 1654 г. Подтверждая нерушимость уклада жизни, сложившегося у украинцев «духовного и мирского» звания, она автоматически гарантировала и неприкосновенность религиозной

практики, устоявшейся в Киевской митрополии. Так что рано или поздно, а различия в обрядах двух народов спровоцировали бы конфликты. Обязательство не трогать самобытность «черкасс» вынуждало Москву во имя укрепления образовавшейся смычки принести в жертву свои обычаи и каноны. Для человека с улицы это была цена за освобождение Смоленска, воскрешавшее веру русской нации в себя. Но сочтет ли он подобное объяснение достаточным, Никону еще только предстояло узнать.

23 апреля (3 мая) патриарх именем царя назначил командующим южной группы войск, сосредотачивавшейся в Брянске, А.Н. Трубецкого, предписав не медлить с отъездом и выступлением полков в поход через Рославль. Через три дня боярин покинул столицу, благославляемый москвичами. Северную группировку со ставкой в Новгороде с ноября формировал В.П. Шереметев. Сам Алексей Михайлович, как глава центральной, с многочисленной свитой и частью соединений двинулся к Вязьме 18 (28) мая 1654 г. Перед тем, естественно, царь посетил два монастыря — Троице-Сергиев и Савво-Сторожевский. Никон остался в Москве за хозяина. А Неронов... А Неронов оказался неправ. Мрачные прогнозы протопопа на поверку обернулись заурядным блефом. Речь Посполитая воевать сразу и с Россией, и с Украиной не могла. Посему польский фронт рухнул в первые дни кампании. Обиженный крымский хан ничем не пособил новому союзнику поневоле. Детище князя И.Б. Черкасского — Белгородская засечная черта надежно прикрыла русский тыл от разорительных рейдов татарской конницы. Лучшие польские хоругви завязли в кровопролитных боях с «мужиками» под Житомиром и на Буге, под Уманью и Винницей, которые за спиной на русской границе имели семитысячный корпус В.Б. Шереметева со штаб-квартирой в Белгороде.

Цепная реакция капитуляций польских городов перед тремя русскими армиями началась 1 (11) июня. Почин положили крепости Белая и Невель. 3 (13) июня эстафету принял Дорогобуж. Почти не встречая сопротивления, центральная группировка 26 июня (6 июля) достигла Смоленска. В отличие от 1633 г.

гарнизон напрасно уповал на помощь извне. Король не обладал резервами для переброски их на белорусский театр военных действий. Тринадцатитысячный легион гетмана Януша Радзивилла, хотя и порывался проскочить малыми отрядами к крепости, неизменно спотыкался о русские заслоны. Более того, «москалии» контратаковали и отогнали «литовских ратных людей» далеко на запад, к Борисову, взяв по дороге Оршу, Копысь, Шклов. В ночь на 16 (26) августа состоялся штурм Смоленска. Шляхтичам посчастливилось отбиться, но успех слишком дорого стоил. Окончательно убедила поляков в бессмысленности обороны ретирада Радзивилла. 10 (20) сентября они выкинули белый флаг, и 23 сентября (3 октября) русская армия вошла в город.

Пока основные силы брали на шпату Смоленск, северная и южная группы при содействии черкасских казаков освободили все белорусские земли на правом берегу Западной Двины и левому берегу Днепра. Ключевые города тоже. 17 (27) июня пал Полоцк, 12 (22) июля — Мстиславль, 13 (23) августа — Гомель, 26 августа (5 сентября) — Могилев. Шклов разоружился 31 августа (10 сентября). Замешкались лишь с Кричевым, Витебском и Старым Быховым. Первый открыл ворота в конце сентября. Второй 17 (27) ноября взяли после штурма. Третий устоял. Алексей Михайлович в этой кампании набирался боевого опыта под Смоленском, раскинув царский шатер вблизи цитадели 5 (15) июля. В другие места не отлучался. Впрочем, и смоленского «пороха» ему хватило, чтобы проникнуться уважением к ратному подвигу своих подданных и, что очень пригодится в будущем, научиться дорожить плодами их побед. Ну а в сентябре 1654 г. царь радостно извещал патриарха о полной виктории русского оружия, не задумываясь о том, что адресату не до восторженных реляций с полей брани. У него церковная реформа застопорилась, причем в самый ответственный момент. Однако на сей раз процесс подкосили не интриги неугомонного Неронова, а силы природы, заразившие Москву страшной болезнью — чумой.

Беда нагрянула оттуда, откуда не ждали. Никон вроде бы предусмотрел все. И фортуна святейшему как будто тоже благоволила.

По крайней мере, до лета. Самая хорошая нечаянная новость весной приехала из Спасо-Каменного монастыря. Неронов чрезмерной ревностью к благочестию «достал» архимандрита Александра. До знакомства с лидером радикального движения тот сочувствовал «боголюбцам». Ссылку опального протопопа к нему в обитель почел за честь. Отца Иоанна не приютил, а окружил всяческой заботой, как самого дорогого гостя: и келью подобрал просторную, и войлок на полу постелил лучший, и слугой снабдил, а о питании и говорить нечего — «ис поварни прибавочныя ествы» приносились регулярно. Понятно, что о соблюдении «епитимии», назначенной патриархом (в хлебе муку сеять), никто и не заикался. Какая мука, когда монастырь наводнили ходоки «от всех четырех стран» (сторон света). «Многих градов люди и дворяня» шли к Неронову за праведным словом, и архимандрит Александр, вероятно, гордился тем, что его заштатное хозяйство вдруг превратилось в столицу оппозиционной России.

Правда, порядки в «столице» идеально благочестивыми не были. И пьяные водились, и постились с нарушениями, и богослужение велось не как надо. Разумеется, дотошный вождь «боголюбцев» занялся искоренением недостатков, деликатно обращая внимание архимандрита на них. Александру это не очень нравилось, но из уважения к «узнику» он распоряжался об исполнении слезных молений. В середине января архимандрит по каким-то нуждам уехал из монастыря на полтора месяца. Вернулся к 25 февраля (7 марта) и обнаружил раскол среди монахов на тех, кто постится по Неронову (с неупотреблением рыбы), и противников сего самоистязания. К протопопу примкнуло большинство, даже келарь Феодосий, почему меньшинству рыба просто не выдавалась. Александр хотел отменить произвол, да Неронов «умолил» не настаивать на «рыбном столе». И архимандрит, хозяин монастыря, тогда разнес запретное блюдо потихоньку по кельям всем желающим. На том сочувствие «боголюбцам» у него и закончилось. А образовавшееся двоевластие Александр ликвидировал 24 марта (3 апреля) 1654 г. После службы предложил монахам выбирать между Нероновым и официальными «властя-

ми», то есть пятью попами и двумя дьяконами, выступившими с архимандритом единым фронтом. Они отца Иоанна невзлюбили за вечные придирки и планы расширить их круг обязанностей. Монахи на открытый бунт не осмелились, после чего в обители возродился привычный образ жизни. Неронова, дабы больше не смущал никого, заперли в одиночной келье и никуда не пускали, даже в церковь. Несчастного келаря Феодосия, не раскаявшегося, избили и посадили на цепь.

В письме Неронова Алексею Михайловичу от 27 февраля (9 марта) есть такой пассаж: «И еще ты молю, государь, помилуй грешника. В пустыню всемилостиваго Спаса, к моим родителем, ослободи мя, плакати мою грешную душу». Судя по описанию игумена Феоктиста, рыбный скандал в Спасо-Каменном монастыре случился в субботу третьей недели Великого поста, то есть 25 февраля (7 марта) 1654 г. Не ссора ли с архимандритом Александром и понимание своей уязвимости побудили протопопу просить царя о другом пристанище? Молодой государь не откликнулся. А Никон не замедлил, прочитав «клевету» Спасо-Каменного архимандрита. Еще бы. Неронов собственными руками из друга «боголюбцев» сотворил врага (в 1655 г. Александр станет епископом Коломенским, в 1657 г. — первым Вятским епископом). Почему же не продолжить полезное начинание в ином монастыре? Только где-нибудь на отшибе московского государства, чтобы поклонники Неронова не стекались туда потоком, а конспиративная корреспонденция добиралась до адресата максимально долго. Двум этим условиям вполне отвечал Кандалакшский Рождественский монастырь, в верстах двухстах от Колы (ныне Мурманск). Туда патриарх в середине июня 1654 г. и велел перевести протопопу.

1 (11) июля архимандрит Александр получил патриарший указ, быстро собрал Неронова в путь, и 11 (21) или 12 (22) июля отец Иоанн приехал в Вологду. Здесь, во-первых, встретился с Логгином из Муром, во-вторых, на другой день по приезде в соборной церкви произнес эмоциональную проповедь против «новых еретиков» — Никона и иже с ним. Разумеется, помощник воеводы дьяк Савва Завесин в считанные часы выпроводил зна-

менитость из города. Впрочем, протопоп умудрился выкроить время, чтобы написать воззвание к «царствующаго града Москвы и прочих градов и всех купно стран братии» от 13 (23) июля. А в нем завещал «боголюбцам» стоять до конца в своих убеждениях: «Возмогайте же о Господе, молю вас, в державе крепости его!»

Тем не менее ссылка за полярный круг лидера больно была по всей партии «ревнителей старины», и Никон оправданно надеялся на заметное ослабление оппозиционного нажима осенью, когда с Московского печатного двора по приходам всех «четырех стран» русской державы повезут тираж новоизданных «Служебника» и «Скрижали». Широкая презентация двух книг, в прямом и переносном смысле, последовала бы сразу за приемом патриархом «сеунчика» из главной армии с известием о капитуляции Смоленска. Что ж, «сеунчик» — стольник Юрий Иванович Ромодановский — с доброй вестью из Смоленска поскакал 23 сентября (3 октября) 1654 г. Правда, не в Москву, а в окрестности, на перехват царской семьи, два месяца кочевавшей из села в село, из монастыря в монастырь.

10 (20) июля 1654 г. в реляции Иоганна Родеса появился тревожный постскрипtum: «Около 14 дней тому назад двор боярина Василия Петровича Шереметева... был окружен сильной стражей, потому что в нем в короткое время умерло друг за другом свыше 30 человек. Сначала на это не было обращено внимания... но через некоторое время то же самое обнаружилось в других местах... в разных домах и дворах, и вчера 2 боярских двора были заперты и к ним поставлена сильная стража, и снаружи... дворы вымазаны дегтем и ворванью. Так что теперь достаточно очевидно, что это — чума, которая начинает свирепствовать в этих местах». Болезнь распространилась по Москве стремительно. Смертность росла день ото дня. Угроза нависла даже над царской семьей. Поэтому Никон, как бы ни хотел того, а 24 июля (3 августа) покинул столицу, увозя царицу, царевича и царевен «в Троицкой Сергиев монастырь от морового поветрия».

А что означала эвакуация из Москвы Романовых? Сигнал к массовому бегству. За стены Земляного вала бросились все, кто

мог. Кто не мог, забаррикадировались за высокими заборами и молились о спасении. Беднота во всем винила патриарха, который еще в безмятежную пору первых дней июля задумал изъять и публично сжечь религиозную живопись, исполненную в европейской (французской или польской) манере. Стрельцы успели только перепугать москвичей внезапными обысками домов, а слуги на патриаршем дворе выскребсти несколько «лиц» на конфискованных иконах. Красочному аутодафе помешал страшный мор. Горожане сперва перешептывались о каре Господней за святотатство, а 25 августа (4 сентября) взбунтовались и потребовали ответа у светской власти — бояр М.П. Пронского и И.В. Хилкова, а кроме того, помянули недобрым словом Арсения Грека. Похоже, в толпе преобладали прихожане, внимавшие проповедям нероновцев. К счастью, не бояре воевали с ликами святых и реабилитировали «чернеца». А тот, кто столь неуклюже порадел о чистоте православия, как и не причастный к иконоборчеству «киевлянин», отсутствовали. Пошумев, недовольный люд разошелся.

На первый месяц осени и нового 7163 года выпал пик морового поветрия. Чума унесла десятки тысяч жизней, не щадя ни подлых, ни благородных. Столица потеряла до двух третей населения. Жизнь в городе совсем замерла. Не запирались на ночь даже ворота... 11 (21) сентября умер Михаил Петрович Пронский, на другой день — Иван Васильевич Хилков. 13 (23) сентября скончался архиепископ Суздальский Софроний, не прослужив архиереем и года. Тогда же «постригся и преставися» черниговский протопоп Михаил Стефанович Рогов. Кремлевские соборы, приказы, стрельческие полки, боярские усадьбы опустели. Опустела и Московская типография, печатные станы которой не стучали с 3 (13) августа 1654 г. Коллектив ее вымер или разбежался. Арсения Грека Никон вывез с собой, и старец сопровождал августейший кортеж, с июля по сентябрь 1654 г. скрывавшийся в Троице-Сергиевой обители, а с сентября — в Калязинском монастыре¹². В результате в октябре — ноябре, когда страна радовалась смоленскому триумфу, а оппозиция растерянно помалкивала, рассылать из Москвы в епархии было нечего. Благоприятный момент для приобщения населения

к новым обрядам патриарх не использовал. Не по своей вине. Увы, церковная реформа из-за чумы откладывалась на 1655 г. Отсрочка, конечно же, играла на руку нероновцам. Они обретали шанс найти эффективное «противоядие» курсу Никона. Да и повсеместное воодушевление от возвращения Смоленска весной будет уже не таким поголовным и всепрощающим, как осенью.

«Моровое поветрие на Москве октября с 10 числа милостию Божиею учало тишеть и болные люди от язв учили обмогаться», — уведомили Никона в середине месяца выжившие московские командиры И.А. Хилков и Алмаз Иванов. Хорошая новость сулила скорое окончание карантина. А пока царская семья перебралась из Калязина в Вязьму, куда 21 (31) октября из Смоленска приехал Алексей Михайлович. Никон прожил подле Романовых недолго. К декабрю он покинул двор, чтобы осмотреть Смоленск, посетить Новгород и ближайшие монастыри. О чем патриарх размышлял в пути или в тишине провинциальных обитателей?

В Москву он вернулся 3 (13) февраля 1655 г., настроенный весьма решительно. В который раз бескомпромиссность Неронова обернулась против него же. Никон, понимая, что «боголюбцы» затихли на время и скоро возобновят крестовый поход в защиту древних обрядов, счел бессмысленной прошлогоднюю уступку по крестному знамению. Простой на печатном дворе тоже играл на руку немедленному внесению в тексты «Служебника» и «Скрижали» самой болезненной поправки — о троеперстии. 2 (12) февраля 1655 г. в разоренную чумой русскую столицу приехал один из вселенских греческих патриархов — Макарий Антиохийский. Беседы с ним укрепили Никона в намерении покончить с обрядовой проблемой раз и навсегда.

В первое воскресенье Великого поста, 4 (14) марта 1655 г., в Успенском соборе по окончании обедни, прочитав проповедь — «положенную на этот день беседу об иконах» — и прокричав анафему любителям европейской живописной манеры, святейший великий государь московский вдруг «стал говорить о крестном знамении». Вторую проповедь, о недозволительности двуперстно-

го варианта, увенчало приглашение к стоявшему рядом патриарху Макарию также высказаться по сему поводу. И грек, разумеется, поддержал собственным авторитетом красноречие русского коллег: «В Антиохии, а не в ином месте, верующие во Христа были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни на Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии, ни в земле казаков никто так не крестится, но всеми тремя перстами вместе».

Мнение двух патриархов слушало все московское духовенство («игумены монастырей, священники и диаконы») и «все жители с женами, дочерьми и детьми в лучшей одежде». Ну, про «всех жителей» очевидец события — Павел Алеппский, конечно, преувеличил. Однако столпотворение в соборе и за стенами храма наблюдалось порядочное. Уцелевшим москвичам вкупе с приезжими Никон напомнил очень важную вещь — «в земле казаков», которую царь-батюшка принял «под свою высокую руку», осеняют себя тремя перстами, а не двумя. И по свидетельству греческих архипастырей, это — правильно. Между тем страна готовилась ко второй военной кампании, и не без оснований уповала на новые победы русской армии. Покорять или освобождать Алексей Михайлович, «прогостивший» в Кремле всего месяц, с 10 (20) февраля по 11 (21) марта 1655 г., собирался Белую Русь. Там тоже православный мир крестился по черкасскому образцу.

В принципе вопрос, заданный Нероновым полтора года назад, патриарх теперь переадресовал тем, от кого и зависел ответ. Только присовокупил к нему собственное мнение. Вторым свою позицию о троеперстном знамении сформулировало высшее духовенство через три недели. Протокол этого собора либо не сохранился, либо еще не обнаружен в архивных россыпях, а изложение в общем виде находим в предисловии к «Служебнику» 1655 г.: «Сию святую книгу “Служебник”, во всем справя и согласну сотворя древним греческим и славенским, повелеша в царствующем... граде Москве напечатати в лето 7163». Кроме того, на заседании присутствовал Павел Алеппский. К сожалению, точную дату мемуарист не зафик-

сировал, упомянул лишь, что собрались на пятой неделе Великого поста, но не в воскресенье, а значит, в один из дней с 25 по 31 марта (с 4 по 10 апреля) 1655 г. Зато он законспектировал повестку дня: украшать или нет агтиминсы «изображениями и... надписями»? Во время приношения святых даров вынимать из просфоры (священного хлеба) девять частей, а не четыре? Заменить несколько слов в молитве «Верую во единого Бога»? Прикладываться ли чаще к иконам? Причащаясь, вкушать помимо вина и кусочки хлеба (антидор)? Креститься тремя перстами, а не двумя? «Ляхов», принимая в православие, не перекрещивать? «За» проголосовало большинство, хотя нашлись и воздержавшиеся. Павел Алеппский презрительно отозвался о фрондерах как о людях «грубого нрава и тупого ума».

А еще архидиакон греческого патриарха написал вот что: Никон «перевел служебник литургии с греческого языка на русский, изложив в нем обряды и проскомидию в ясных выражениях, доступных пониманию детей, согласно подлинной греческой обрядности. Он напечатал этот служебник в нескольких тысячах и роздал их по церквам всей страны». Все верно. 20 (30) сентября 1655 г. первый завод «Служебника» — тысяча двести штук — увидел свет. С опозданием ровно на год. Арсений Грек даже умудрился подчеркнуть кое-что для книги из привезенных Арсением Сухановым в феврале 1655 г. пятисот греческих манускриптов. 24 сентября (3 октября) в книжной лавке на Никольской улице продали первый экземпляр. Впрочем, спустя месяц, 26 октября (5 ноября), распространение приостановили. Глава церкви и государства пожелал откорректировать «95 четверток». «Ис печати те четвертки вышли... во 164-м году генваря в 5 день», то есть через два с половиной месяца. 7 (17) января 1656 г. книга начала расходиться по рукам.

Далее патриарху оставалось терпеливо ожидать реакции народа: примет или не примет выстраданный им компромисс — земли в обмен на обряды? Увы, терпеливого ожидания как раз и не получилось. Иван Неронов преподнес очередной сюрприз: 10 (20) августа 1655 г. сбежал из Кандалакшского монастыря.

С тремя единомышленниками «в 4-м часу ночи в маленьком карбасе поехали морем». Вместе пережили и погоню, и страшный шторм. Первые кров и пищу обрели на Соловках у архимандрита Ильи. Отдохнув, поплыли на материк, спеша в Москву. Там старого товарища приютил Стефан Ванифатьев.

«И многа молва быть в Руси Иоанна ради»! Почему? Потому что Никон поднял на ноги всех и вся на поиск опасного смутьяна. А игумен Кандалакшского монастыря Феодосий и архимандрит Соловецкой обители Ильи за утрату бдительности лишились права на отправление божественной службы. Нет, не верил Никон в русский народ, не доверял ему. Боялся, что Неронов яркой проповедью переманит десятки тысяч, сотни на свою сторону и вовлечет всех в мятеж, ослабляющий, а то и сокрушающий боевой дух русской армии. Надеялся не допустить катастрофы изоляцией пламенного оратора от непросвещенной и несознательной паствы. Оттого потребовал от духовных и светских приказных всех уровней с надлежащим рвением искать и найти заклятого врага московского государства.

Хотел как лучше. А вышло наоборот. Объявлением Неронова во всероссийский розыск Никон обеспечил оппонента бесплатной политической рекламой. Ну, кого летом 1655 г. волновала судьба кандалакшского узника? Поредевшую когорту старых соратников, вологодскую родню да добрых знакомых в разных краях, кои отец Иоанн когда-либо посещал. А спустя полгода, под занавес военной кампании 1655 г., похоже, только отшельники в забытых Богом скитах не знали, что соперник номер один патриарха, обманув монастырских надзирателей, вырвался на волю и сейчас где-то разворачивает сопротивление «еретическим» реформам святейшего «великого государя». По всей державе московской в городах и «в всях» население, проведав от начальников о сыском аврале, дивилось отчаянной отваге и самоотверженности гонимого за правду протопопа. Ловить и выдавать беглеца властям мало кто думал. Большинство, как водится на Руси, жалело исчезнувшего вождя «боголюбцев». А от жалости до сочувствия и реальной помощи не так далеко.

10 (20) декабря 1655 г. Алексей Михайлович триумфатором возвратился в Москву. Армия под командованием царя за истекший год хорошо потрудились, чтобы максимально облегчить команде Алмаза Иванова консультации с коллегами из Речи Посполитой по завершению русско-польской войны на условиях, приемлемых для обоих государств. Во-первых, за зиму и весну она содействовала украинцам при отражении польского продвижения на Умань и остановила контрнаступление гетмана литовского Я. Радзивилла на Смоленск мужественной обороной Нового Быхова, Могилева и Витебска. Неприятель сумел овладеть Копысью, Оршей и Дубровно. На том реванш и застопорился. Во-вторых, освободив в мае потерянные города, в июне царские войска возобновили поход на запад и за полтора месяца очистили от поляков всю Белоруссию и часть Литвы, взяв 3 (13) июля Минск, 31 июля (10 августа) — Вильно, а 6 (16) августа — Ковно (Каунас). В-третьих, во взаимодействии с казаками в сентябре осадили Львов, но из-за распыления сил не успели принудить столицу Западной Украины к капитуляции до появления на Буге крымских орд. Зато, отбив в ожесточенном сражении 8—11 (18—21) ноября у Озерной (под Тернополем) натиск татар, русско-украинский корпус во главе с Хмельницким добился от хана к ночи четвертых суток сражения прекращения кровопролития, после чего 12 (22) ноября гетман заключил с недавним партнером пакт о ненападении. Таким образом, военные и огромную территорию для дипломатического торга отвоевали, и свежее испеченного южного союзника Польши из игры вывели. Чинам из Посольского приказа оставалось нейтрализовать польско-шведское сближение и «выкупить» у шляхты то, ради чего затевали войну — Смоленск, Чернигов и Украину. Однако не из пустой похвальбы или бравады в марте 1654 г. какой-то стольник предвещал Иоганну Родесу, что царь прославит себя «не меньше, чем Александр Македонский»¹³. И точно, для сравнения с античным героем покорения Смоленска и Украины маловато. Вот если к ним прибавить княжество Литовское и обе Польши — малую и великую, да в придачу заполучить под русский скипетр области

турецкие с православным населением, то подвиг будет вполне под стать древнегреческому.

Понятны рыцарские грезы молодого и неискушенного Романова. Но зачем им потакал политически грамотный Никон? Он ведь не мог не сознавать, что претензии на польскую корону, не говоря уже о балканских территориях, абсолютно иллюзорны...

Внешняя политика Никона 1655—1656 гг. утратит свою загадочность, доселе будоражащую воображение историков и романистов, когда мы прекратим, повествуя о международных отношениях России середины XVII столетия, выводить за скобки фактор Неронова. Воздадим должное тому, кто постоянно и здорово действовал на нервы патриарха. Чем занимался опальный протопоп с ноября 1653 г.? Вербовал под «боголюбческие» знамена новых приверженцев, крича повсюду об угрозе, которую святейший несет исконной православной вере. Число согласных с трибуном очень медленно, но росло. Никон, видя это, боялся мятежных проявлений с их стороны, подрывающих боевой дух воюющей армии, и думал, как нейтрализовать опасную тенденцию.

Главное событие — рассылка проукраинских «Служебников» по епархиям — ни осенью 1654 г., ни весной 1655 г. не состоялось. Посчитает ли народ Смоленск и Украину достаточной компенсацией за земные поклоны и двоеперстие, пока никто не ведал. А патриарх, судя по всему, не исключал отрицательный ответ, и оттого прибег к маленькой хитрости — кампанию 1655 г. продекларировал, как поход на Вильню и Варшаву за польской короной для царя Алексея Михайловича. Кроме того, открыто заговорили и о грядущем освобождении православных, угнетаемых османами. Иными словами, подданным московского государя желали внушить: вскоре русская держава расширится настолько, что доля тех, кто крестится тремя перстами, превысит число предпочитающих двоеперстие. Тут хочешь-не хочешь, а придется реформироваться.

То, что Москва балансировала на грани, к лету выяснилось со всей определенностью. Дипломатическая активность и военные

приготовления могущественной Швеции достигли пика. В Стокгольме долго выбирали, с кем и против кого «дружить». Многие склонялись в пользу военного сотрудничества с Польшей. Однако Ян-Казимир настаивал на бескорыстной шведской помощи, чем весьма обидел потенциального союзника. В итоге молодой король Карл X Густав решил ни с кем не ссориться, а спасти поляков от русских, а русских — от конфликта с Габсбургами и Бурбонами, которым поглощение Речи Посполитой москвитами очень бы не понравилось. К тому же в Кремле воевать с северным соседом тоже не стремились. Более того, русские войска не нарушили суверенитет герцогства Курляндского, о коем шведы пеклись больше всего, хотя герцог — вассал Польши — и пособлял сюзерену в меру сил своих. Наконец, Россия во имя сохранения мира с давним торговым партнером уступила шведам крепость Динабург, южнее Риги, которую в мае осадил А.Л. Ордин-Нащокин. После отхода русских по приказу из Москвы шведский гарнизон вошел в город 9 (19) июня 1655 г.

Вторжение шведских армий в Польшу началось в середине июля. Сопротивления они не встречали. 15 (25) июля на речке Нотец, притоке реки Варта, ополченцы Познанского и Калишского воеводств преклонили колена перед шведским королем, как протектором Речи Посполитой, и через неделю впустили неприятельские полки в Познань. 29 августа (8 сентября) без боя капитулировала Варшава. Краков сперва оцетинился, но решимости хватило дней на десять: 9 (19) октября 1655 г. старая столица республики также отворила ворота шведам. В Литве князь Я. Радзивилл с группой магнатов 17 (27) августа в Кейданах столкнулся с агентами рижского губернатора М. Делагарди о шведском протекторате над княжеством. 10 (20) октября 1655 г. литовцы подписали окончательный вариант соглашения.

Важно подчеркнуть, на территории, оккупированные русскими войсками, шведы не претендовали. Конечно, недоразумения и мелкие стычки в местах соприкосновения русских солдат и шведских случались. Тем не менее объективные причины для развязывания русско-шведской войны отсутствовали. Отсутствовали

до конца октября. И, смею утверждать, они бы и не возникли во все, не сбеги Иван Неронов из поморского монастыря в Москву. Никон, политик трезвомыслящий, нуждался в Литве, как и в коронных землях, занятых шведами, года на два, на период, пока русский народ привыкал бы к новым церковным обрядам. Потом, разумеется, Москва вернула бы Варшаве «великое княжество», чтобы реанимировать пошатнувшееся европейское равновесие. И Стокгольму по дружбе порекомендовала бы ограничиться самым необходимым, а на основе прочего и Литвы возродить независимое государство, лояльное Швеции и России.

Напомню, 20 (30) сентября Арсений Грек отпрапортовал об изготовлении первого тиража «Служебника», который через месяц патриарх, обнаружив серьезные изъяны, отправил на доработку. Примерно тогда же ему сообщили об оплошности братьев Канда-лакшского монастыря. По горячим следам Неронова не поймали. Где затаился вождь «боголюбцев», что затевает, глава русской церкви понятия не имел, зато нисколько не сомневался, что рано или поздно соперник возобновит борьбу с ним. И, скорее всего, в атаку ринется в момент развоза по приходам главной богослужебной книги. Повторимся еще раз. Никон, увы, в мудрость русского мужика не верил и считал, что верноподданническое чувство простых смертных надо чем-то подпитывать. Смоленском и Украиной «собинный друг» царя подкупал население городов и деревень в 1654 г., Великим княжеством Литовским — в 1655 г. Что будет отвлекать прихожан от агитации Неронова в первой половине 1656 г., когда священники зачитают им «Служебники» нового образца, а впечатление от прошлых побед перестанет быть ярким и воодушевляющим?

Знаменитый «Потоп» Карла X Густава, перекрывший русским полкам дорогу на запад, сузил Никону поле для маневра до двух направлений — северного и южного. Впрочем, война за Крым с могущественной Османской империей выглядела форменной авантюрой. Значит, сражаться предстояло за Ингермонландию и выход на просторы Балтики, то есть с дружественной Швецией за ревизию Столбовского договора 1618 г. Триумф русского оружия

на Неве, в Эстляндии и Лифляндии, безусловно, заглушил бы правоучительный глас Неронова и всех бойцов-проповедников, уже им рекрутированных.

В воскресенье 7 (17) октября в Москву торжественно въехало австрийское посольство Аллегретто Аллегретти, в воскресенье 28 октября (7 ноября) 1655 г. — шведское Густава Бьелке. И посредников, и союзников приняли с подобающим «великим почетом». Далее, как и полагалось, изолировали на отведенных каждому подворьях до возвращения в столицу Алексея Михайловича. А затем разразился скандал. 29 ноября (9 декабря) шведы упрекнули хозяев в том, что те закрыли границу у Пскова, вынуждая курьеров скакать в объезд, через Нарву. Алмаз Иванов сослался на неведение, и, определенно, не лукавил. По крайней мере, в отписках октября — ноября 1655 г. псковские воеводы Иван Хилков и Меркул Крылов ни о каком гонце, выпровоженном ими обратно, за кордон, не сообщали. Напротив, 9 (19) ноября 1655 г. приняли Самуила Бока с двумя сопровождающими, который вез Бьелке корреспонденцию от Карла X Густава. По обыкновению, псковичи по прошествии двух-трех дней отправили трех шведов к Москве под охраной пристава Демида Воинова, а стрелец Захар Руковишников помчался вперед, чтобы предупредить о нарочном столичное начальство. Опять же по правилам, Воинову надлежало возле Москвы притормозить до получения позволения пересечь линию Земляного вала. Обыкновенная пустая формальность, но не в ноябре 1655 г.

Руковишников вручил воеводский рапорт главе Посольского приказа 23 ноября (3 декабря), тот доложил о нем С.Г. Куракину, блюстителю царского трона в отсутствие царя, после чего собралась Боярская дума. И, «слушав сей отписки, боярин князь Григорей Семенович Куракин с товарищи, доложив великаго государя святейшаго Никона... приговорили свейского гонца на дороге до государева указу остановить и давать ему и с людьми корм и питье по указу и писать о указе ко государю». 26 ноября (6 декабря) в Тверь и Торжок полетело строгое предписание: шведов задержать. Торжок Самуил Бок миновал благополучно. Боярский, вернее,

патриарший вердикт он выслушал в Твери 30 ноября (10 декабря). Отдых шведов на постоялом дворе два стрельца мгновенно превратили в домашний арест. И просидела троица под караулом, «сердитую», почти месяц, пока Москва 21 (31) декабря не включила «зеленый свет».

Задержка Бока — первая антишведская акция на высшем уровне. Зачем Никон помешал приезду курьера, не вполне понятно. Предлог, использованный патриархом (надо снестись с монархом), имевшим необъятные полномочия, смехотворен. Владыка не пустил Бока в Москву по другой причине. И она как-то связана с решением идти на шведов войной, которое еще, правда, предстояло обговорить с Алексеем Михайловичем. Не боялся ли Никон, что в сумке гонца есть что-то, способное затруднить беседу с августейшим питомцем? Так или иначе, а к 23 ноября (3 декабря) 1655 г. патриарх свой выбор сделал, и Иван Неронов мог поздравить себя и товарищей. Психологическое давление на «собинного друга» в течение двух лет увенчалось успехом. Главный оппонент «ревнителей благочестия» совершил-таки роковую ошибку, рискнув биться сразу на два фронта, увлекая Россию в явно несправедливую и ненужную ей войну, какими бы красивыми фразами она ни обосновывалась.

Кстати, в те осенние дни отец Иоанн жил очень близко от Никона, возможно, даже наблюдал за терзаниями верховного пастыря. На досуге беседовал с Ванифатьевым, а еще «со многими христороубцы и духовною братию». И никто не донес о нем святейшему «великому государю», в том числе и сам Алексей Михайлович, по приезде в Москву известившийся от любимого духовника о конспиративном житье прежнего казанского протопopa. Царь пожалел проповедника, естественно, не подозревая о страхах Никона. Ведь владыка обосновывал вторжение в Прибалтику в высоком штиле — защитой «православных подданных шведского короля, у которых нет ни духовенства, ни церквей», страдающих от притеснений протестантов. Молодой государь не спорил и собирался по весне идти на Ригу.

Между тем Неронов также готовился к кульминации поединка с патриархом. 25 декабря (4 января) он постригся в монахи в соборной церкви Данилова монастыря Переславля-Залесского. Архимандрит обители Тихон нарек инока Григорием и поручил под опеку старца Феофана. До первой декады февраля чернец Григорий не покидал Москву, менял жилища, общался «многих градов з духовными братьями», наверняка, поздравил Ф.М. Ртищева, 12 (22) января пожалованного в окольничие и главой приказа Большого дворца, после чего вдруг сорвался с места и поспешил на родину, в «пустыню ко Всемилоствому Спасу, рекомую Игнатьеву». И поразительное совпадение. 30 января (9 февраля) 1656 г. архиепископ Псковский Макарий и епископ Коломенский Александр получили в типографии для распространения по приходам каждый по пятьдесят «Служебников». 7 (17) февраля 1656 г. печатников посетили сразу пять архиереев. Митрополит Новгородский Макарий взял двести экземпляров, архиепископы Вологодский Маркел, Рязанский Мисаил, Суздальский Иосиф — по сто, архиепископ Тверской Лаврентий — пятьдесят. А самым первым отличился митрополит Ростовский Иона, забравший свои сто штук из партии, забракованной Никоном, как раз накануне 26 октября (5 ноября) 1655 г. Вместе с ним за пятьюдесятью «Служебниками» явился человек из Троице-Сергиевой лавры.

Реформа стартовала, и Григорий Неронов, сбивая новым именем шпионов патриарха со следа, похоже, торопился опередить преосвященного Маркела, дабы к возвращению архиепископа попытаться настроить вологожан на нужный оппозиционный лад. А кто смущал умы на Рязанщине, в Тверском крае, в окрестностях Ростова и Суздаля? Не те ли самые «духовные братья», навещавшие изгоя в московских кельях Ванифатьева и других добрых людей высокого ранга?! Никон в феврале 1656 г. обладал скудной информацией об активности нероновцев, если вообще обладал. Но драматизм ситуации ощущал, и потому 24 февраля (5 марта), в первое воскресенье Великого поста, воспользовался традиционным преданием анафеме всех еретиков и государевых

изменников для проповеди «о разности... в крестном знамении» с порицанием тех, кто уклоняется от троеперстия.

В исторических трудах под влиянием автора «Истории русской церкви» Макария Булгакова часто с этим днем связывается первое публичное проклятие высшими иерархами — патриархами московским и антиохийским — поклонников двоеперстия. Однако очевидец события — Павел Алеппский — зафиксировал обычную церемонию оглашения архидиаконом и певчими анафемы «всем еретикам и... на всякого, кто изменяет или изменил царю». Ничего нового в нее не приносилось ни клиром, ни Никоном, ни Макарием, которые, кстати, никаких грозных заявлений не делали. Да и в проповеди патриарх всея Руси не столько осуждал противников реформы, сколько призывал их одуматься. Стоит обратить внимание и на дату — 24 февраля (5 марта). «Служебники» едва попали в руки приходских священников, а раскольническая деятельность «боголюбцев» в епархиях еще не развернулась в полную силу.

Пройдет около месяца, прежде чем тревожные вести о попытках единомышленников Неронова в разных уголках страны возбудить народное недовольство греческими обрядами достигнут Москвы и ввергнут Никона в панику. Представьте, канун Пасхи 1656 г., отмечавшейся 6 (16) апреля. До лета, когда русские полки двинутся на Ригу и в дельту Невы, месяца два. До прибытия «сеунчика» в Белокаменную с ключами от покоренных прибалтийских крепостей — и того больше. Между тем радикально-«боголюбческая» пропаганда в провинции ширится. Вот-вот «прелестные» речи сторонников Неронова спровоцируют чернь на мятеж, и катастрофа 1648 г. повторится... Причем патриарху в апреле нечем парировать агитационный запал оппозиции. В его распоряжении всего одно средство — административный ресурс. Им он и попытается закрыть образующуюся, как ему кажется, брешь.

23 марта (2 апреля) 1656 г. патриарх Антиохийский Макарий выехал из Москвы в обратный путь. Из-за распутицы расстояние до Болхова одолел за полторы недели. Здесь встретил Пасху, а 8 (18) апреля прочитал послание царя, умолявшего Макария срочно вернуться в Москву «для присутствия на новом,

тайном соборе», посвященном неким «тайным» церковным проблемам. Гонца откомандировали за греками внезапно вечером 4 (14) апреля. Что же стряслось? Несомненно, Москву переполошил «еретик» Неронов, и так уж вышло, что авторитет вселенского патриарха Антиохийского — это все, чем располагал Никон в ту пору в качестве контрагитации. Для подкрепления властного окрика Священного собора хотя бы каким-то весомым аргументом греческий коллега патриарху московскому и понадобился.

17 (27) апреля миссия антиохийцев вновь расквартировалась на Московском подворье Кириллова монастыря и застряла там более чем на месяц, до 29 мая (8 июня). Почему, если хозяева Кремля просили и умоляли «пожаловать к нам в город Москву без замедления»? Возникло обстоятельство, побудившее Никона рискнуть и отсрочить осуждение Неронова. Павел Алеппский назвал три мотивации посылки курьера в Болхов, три предмета для дебатов на «тайном» соборе: «во-первых, вопрос о крещении ляхов, во-вторых, дело митрополита молдавского, и, в-третьих, отлучение ерестика, вновь явившагося у них». Митрополит молдавский и был тем чрезвычайным обстоятельством. Заметим, по первому пункту московское духовенство высказалось еще весной 1655 г., высказалось положительно. С какой целью продублировали вердикт годовой давности, не совсем понятно. Скорее всего, чтобы наполнить смыслом проживание в Москве «всех архиереев страны», за которыми, как и за патриархом Антиохийским, гонцов отрядили также накануне Пасхи.

Спустя три недели большинство митрополитов, архиепископов, архимандритов, игуменов съехались в столицу. И 23 апреля (3 мая) всех их — митрополитов Новгородского Макария, Казанского Корнилия, Ростовского Иону, Архиепископов Вологодского Маркела, Тверского Лаврентия, Суздальского Иосифа, Псковского Макария, Астраханского Иосифа, рукоположенного по ходу собора 4 (14) мая, епископа Коломенского Александра, двадцать два архимандрита, семь игуменов, одного строителя и одного наместника — пригласили в патриарший дворец. О чем дискутировали? Опять же о том, что уже решили на предыдущем

соборе, — об отказе от двоеперстия. Чтобы мероприятие не превратилось в абсолютное дежавю, Никон разнообразил повестку дня чтением книги «Скрижаль», сборника статей греческого иеромонаха Иоанна Нафанаила с толкованием «о всяких вещех и о божестве, и о крестном знамении». Перевел ее на русский язык Арсений Грек. Она играла роль вспомогательного материала при «Чине Божественной литургии», то есть «Служебнике». Тираж отпечатали еще в октябре 1655 г. и разместили на складе до лучших времен, до дебюта в приходских церквях «Служебника».

День за днем цвет российского духовенства выслушивал главу за главой, после коротких дебатов признавая «безпорочность» каждой. Увенчала странную процедуру резолюция с проклятием в адрес тех, кто предпочел двуперстие новому канону. Примечательно, что Никон подкрепил публичные чтения ярким и пространным выступлением в защиту троеперстия. Причем не удержался от лукавства, когда свой приватный разговор с Макарием Антиохийским 12 (22) февраля в Чудовом монастыре о святом Мелетии Антиохийском выдал за принародный, а факт обычной анафемы всем еретикам, состоявшейся 24 февраля (5 марта), приукрасил вымыслом об анафематствовании тогда же почитателей двуперстия сразу тремя греческими иерархами — патриархом Макарием, митрополитами Сербским Гавриилом и Никейским Григорием. Благодаря хронике Павла Алеппского и записной книге выходам патриарха 1655—1658 гг., мы знаем, что это — неправда. Между прочим, греческие гости не участвовали в заседаниях собора, почему патриарху московскому сошли с рук его фантазии.

«Скрижали» хватило, чтобы занять внимание высшего духовенства, на две недели. Покончив с книгой, обратились к правильности крещения поляков. Вопрос уладили за сутки, назначив прения на «воскресенье перед Вознесеньем» 11 (21) мая 1656 г. На сей раз Никон в мифотворчестве не нуждался, и патриарха Макария не забыли пригласить на форум. Собором 1655 г. особым порядком откорректировали семь обрядовых норм. Что ж, Никон в запасе имел еще пять параграфов для имитации бурной соборной деятельности. К счастью, они негодились, ибо

8 (18) мая 1656 г. в Москву приехал тот, кого ожидали, — митрополит Сучавский и Молдавский Гедесон с грамотой господаря Георгия-Стефана от 15 (25) марта, ходатайствующий по примеру украинцев о принятии Молдавии под покровительство России.

Кстати, быстрота передвижения дорогого гостя, визит которого организовал Богдан Хмельницкий, приятно удивила кремлевский двор. Яссы Гедесон с напарником — боярином, вторым логофетом господаря Григорием Ненулом («Няеловичем») — покинул 16 (26) марта. Путивля достигли 16 (26) апреля 1656 г. Никон известился о том 27 апреля (7 мая), в разгар дебатов по «Скрижали». Комкать и свертывать им же инициированные чтения важной толковой книги патриарх не считал удобным, почему 1 (12) мая именем царя приставу молдаван черниговцу Даниилу Старунову предписал снизить темп вояжа так, чтобы к столице подъехать не ранее 11 (21), а лучше 12 (22) мая. Однако священный собор «Скрижаль» одолел скорее, чем думалось, высочайшее ограничение тут же отменили, и господарские посланники разместились в отремонтированных палатах старого Денежного двора (на Варварке, функционировал при Иоанне Грозном) прежде намеченного срока.

11 (21) мая Гедесон и Ненул сообщили в Посольском приказе Алмазу Иванову, «о чем они к царскому величеству присланы». 13 (23) мая после аудиенции у государя делегация обрела право на контакты с официальными лицами, после чего Никон выжал из этого козыря максимальный эффект. Во-первых, он в ближайшее воскресенье, 18 (28) мая, провел заключительное и главное заседание чрезвычайного собора, ради которого всех иерархов и свезли в Москву. Рассматривалось персональное дело Ивана Неронова. Из пятидесяти присутствовавших сорок одна персона проголосовала за отлучение чернеца Григория Неронова «с ево единомысленики от святыя церкви». На два голоса Никон возлагал большие надежды. Слову вселенского патриарха Макария Антиохийского априори доверяли десятки тысяч верующих, в том числе и из числа колеблющихся. Гедесон, митрополит Молдавский, представлял православную общину, стремившуюся к унии

с Россией. Исповедовали соплеменники митрополита греческий вариант православия. Тем самым осуждение Неронова Гедеоном также подталкивало многих прихожан, симпатизировавших «боголюбцам», воздерживаться от активных действий ради укрепления единства возникающей буквально на глазах великой общности православных народов.

А то, что вхождение Молдавии в Россию не просто декларация, Никон наглядно продемонстрировал всем 22 июня (2 июля) и 7 (17) июля 1656 г. В первый день в Успенском соборе на верность России присягнула светская часть депутации (полтора десятка персон) во главе с логофетом Григорием Ненулом, во второй — митрополит Гедeon. Боярин со свитой целовал крест из рук архиепископа Тверского Лаврентия и протопопа собора Михаила. Гедeона благословлял сам Никон в присутствии тех же двух помощников. Предполагалось, что князь Георгий-Стефан произнесет клятву у себя дома, в Яссах, по приезду туда специального русского посла — думного дворянина Ивана Ивановича Баклановского. Разумеется, никакой посол в Молдавию не отправился. Никон не планировал воевать еще и с Турцией помимо Польши и Швеции¹⁴. А торжественные акции, устроенные в июле в Успенском соборе, являлись не более чем вторым элементом контрпропаганды, тормозящей рост сторонников Неронова и выигрывающей время, пока из Прибалтики не подоспест сокрушительная для нероновцев новость о торжестве русской армии над шведской.

В четверг на Вознесенье 15 (25) мая 1656 г. Алексей Михайлович двинулся с войсками в Смоленск, откуда намеревался повернуть на север, к Риге. Проводы длились два дня. В первый день оба патриарха благословляли царя в Москве, 16 (26) мая продолжили прощание в загородном селе Никона, в семи верстах от столицы. Трапезничали в окружении царской свиты до позднего вечера. В город возвратились к рассвету. Павел Алеппский сопровождал Макария повсюду, за два дня «зрелищ», видно, вымотался совершенно и в субботу 17 (27) мая отдыхал, вследствие чего в «дневнике» архидиакона возник пробел. Соборное заседание,

отлучившее Неронова от церкви, он проспал. Оно состоялось ранним утром 18 (28) мая в Крестовой палате под звон колокола, благовестившего к воскресной литургии в Успенском соборе. Со службой немного припозднились и не только из-за этого. Прежде архиерей русского патриарха зачитал с амвона «протопоповы вины», а певчие и духовные «власти», в том числе и Никон с Макарием, пропели иноку Григорию анафему.

Высшие иерархи протомились в Москве до 2 (12) июня 1656 г. На последней встрече все заверили собственноручно протокол обсуждения книги «Скрижаль» с добавлениями, намеченными патриархом московским к печати. Отредактированный «завод» Арсений Грек издал 30 июля (9 августа) 1656 г. А первые шесть экземпляров Маркел Вологодский купил 26 июля (5 августа) того же года. Очевидно, Никон распорядился продавать книгу, не дожидаясь выпуска двенадцати дополнений, включая деяния двух соборов — 1654 и 1656 гг. (второе под занавесом «Слово отвещателю»). В отличие от «Служебника», «Скрижаль» массового читателя не имела. Ею интересовались те, кого простые ответы на сложные вопросы не удовлетворяли. И в таком качестве она стала третьим доводом убеждения против программы ультра-«боголюбцев» наряду с актом отлучения Неронова и молдавским «спектаклем».

Репрессивный метод тоже применялся. Но вряд ли правомерно вменить в вину Никону гибель Павла Коломенского. Наоборот, перевод узника в том же 1656 г. с острова, затерянного посреди Онежского озера, в окрестности Новгорода, в Хутынский Спасо-Варлаамиевский монастырь, под присмотр архимандрита Евфимия вполне походит на смягчение условий содержания, а не ужесточение. Не патриарх всея Руси посоветовал другу Неронова прикинуться хородивым, чтобы не сидеть в четырех стенах, а бродить на воле и проповедовать. Через месяц-полтора подобных прогулок Павел исчез, пропал без вести, и то, что нероновцы тут же списали трагедию на убийство, инспирированное Никоном, характеризует их не с лучшей стороны. Если Никону и требовалось кого-то устранять подобным образом, то никак не Павла Коломенского, а... читатель догадывается кого. Только смерть или

арест Неронова могли ослабить оппозицию обрядовой реформе. К тому же кто выиграл от исчезновения «блаженного» епископа? Никон или скромный инок Игнатьевой пустыни?..

Правда, Неронов маскироваться умел очень хорошо. Хотя в записке игумена Феоктиста и утверждается, что патриарху донесли, где прячется монах Григорий, в действительности люди Никона обнаружили и чуть не поймали Неронова по чистой случайности. Искали-то старца Феофана, опекавшего Григория на первых порах после пострижения. За ним боярский сын Иван Козлов нагрянул в дом попа Воскресенской церкви усадьбы Лукьяна Унковского, в Телепшинском стане Вологодского уезда, которого тоже звали Григорием. Похоже, москвичи не сразу поняли, кого еще застигли помимо переславского старца — самого Ивана, вернее Григория Неронова. Увы, сыщики и опомниться не успели, как толпа местных крестьян, которую привели «шурья» попа Григория, «Онофрейко да Кондрашка Кириловы», ввалилась в избу. Несколько минут сутолоки и неразберихи два «беглых чернца» использовали, чтобы выскользнуть наружу и уйти «неведомо куды». В итоге отряд Козлова возвратился в Москву ни с чем, и 20 (30) августа 1656 г. Никон разослал по всем городам, уездам, монастырям московского государства грамоту с повелением обоих старцев отыскать и, заковав, доставить в Москву.

В описанном выше эпизоде с заступничеством крестьян есть одна неясность, а именно, кого, сломя голову, бросились вызывать мужики. Разумеется, биограф Неронова уверенно заявил, что народ спасал вождя «христолюбцев». Однако в официальном документе, грамоте Никона от 20 (30) августа 1656 г., крестьяне фигурируют как сила несознательная. Они не отняли, не вырвали из рук стражи двух старцев, а всего лишь «ноймать не дали», «с попова Григорьива двора отпустили». Иначе говоря, по недоразумению помешали Козлову исполнить свой долг. И о каком недоразумении может идти речь? О путанице имен. Ведь и попа волостной церкви, и опального монаха звали Григорием. Высока вероятность, что хлебопашцы Унковского ринулись спасать священника местной церкви, а не заезжего «чернеца». На помощь-то позвали «шурья»

воскресенского иерея. Умышленно или нет, а братья «Кириловы», женатые на сестрах попа Григория, перехитрили и односельчан, и команду Козлова. Под шумок возникшей сумятицы Неронов и Феофан, взяв с собой дьячка Воскресенской церкви Андрея, крещеного татарина, ушли из дворянской «вотчины». Около полугода лидер гонимого движения скитался по российской глубинке, шагая от города к городу, от деревни к деревне, видя воочию, как жители «градов» и сел воспринимают никонианские «Служебники» и вводимые ими новшества, как реагируют на агитацию против реформы. Монашеское одеяние на монахе-паломнике сему неплохо способствовало. И вот ориентировочно поздней осенью 1656 г. он вдруг решает прекратить скитания и устремляется в Москву. И не для какой-то конспиративной работы, а для встречи с Никоном, и больше того — для покаяния.

Что же произошло? Русские войска овладели Ригой? Очистили от шведов Ингрию и дельту Невы? Отнюдь. Порадовала Москву единственно рать князя А.Н. Трубецкого, 12 (22) октября принудившая к капитуляции Юрьев (Дерпт). На прочих направлениях русские войска потерпели полное фиаско. В Карелии не увенчалась победой четырехмесячная осада (с июня по октябрь) Корелы (Кексгольма). На Неве после пяти месяцев блокады (с июня по ноябрь) устоял Орешек (Нотебург, ныне Шлиссельбург). За Ригу боролись и вовсе полтора месяца, с 19 (29) августа по 5 (15) октября. По дороге пришлось повозиться с Динабургом и Кукенойсом. Первая крепость после штурма пала в ночь с 30 на 31 июля (9 на 10 августа), вторая — в ночь с 13 (23) на 14 (24) августа 1656 г. Предопределило рижский конфуз отсутствие флота. А дерзкая вылазка гарнизона 2 (12) октября ускорила день ретирады главной армии, при которой обрелся и Алексей Михайлович. Через Полоцк, Витебск и Смоленск 26 ноября (6 декабря) царь перевел свою ставку в Вязьму, где обосновался до конца года¹⁵.

Как видим, пропагандистский «снаряд» главного калибра поразил не «боголюбцев», а самого застрельщика шведской кампании — патриарха Никона. Повторить триумф предыдущих двух лет Россия не смогла, да и не могла изначально, ибо без кораблей

воевать с северным соседом наступательно было нереально. Поражение в Прибалтике существенно повысило авторитет Неронова. Дополнительные дивиденды ему сулили и дипломатические игры московской дипломатии вокруг Литвы и польской короны. 12 (22) августа 1656 г. австриец А. Аллегретти открыл в Вильно мирный конгресс, надеясь покончить с русско-польской войной, чего искренне желали и по обе линии фронта. Понятно, что на первых конференциях и русские, и поляки требовали все. Сокращая, шаг за шагом, список претензий, среди прочих, и русскую инициативу об избрании польским вице-королем царя или царевича, Н.И. Одоевский и И.-К. Красиньский к 28 августа (7 сентября) нащупали компромисс: русская военная помощь в обмен на Смоленское и Новгород-Северское воеводства плюс присягнувшие в 1654 г. Москве украинские земли. По «черкассам» делегации запросили санкцию у своих государей, почему «съезды» прервались на три недели.

Первым 20 (30) сентября озвучил реакцию своего монарха Н.И. Одоевский: либо Россия арендует на двадцать лет «всю Литву с Белою Русью и Украиною», либо сейм избирает в ближайшем будущем Алексея Михайловича вице-королем («обранным государем») Речи Посполитой, ужимающейся до Польши и Литвы. Ультиматум, абсурдный и заведомо невыполнимый, мгновенно застопорил переговорный процесс. Еще месяц цесарцы тщетно пытались исправить ситуацию. Поляки пообещали избрание за восстановление территориальной целостности республики. Но глава русской делегации не мог нарушить царскую, вернее патриаршую волю. Наконец, 24 октября (3 ноября) 1656 г. Аллегретти предложил оппонентам ограничиться перемирием до созыва Польского сейма, уполномоченного вершить судьбу польского трона. С чем и русские, и поляки согласились. Яну-Казимиру финал конгресса развязал руки для борьбы за изгнание шведов из оккупированных воеводств. А чему радовался Алексей Михайлович, узнав о перемирии? Перспективе укрепления своего главного врага?! Или химерным обещаниям добиться избрания русского царя королем польским?!

Впрочем, основная ответственность за провал конференции в Вильно лежит на патриархе московском. Это он, будучи фактическим лидером государства, предпочел отсрочить урегулирование русско-польского конфликта, и потому подогревал честолюбие молодого Романова грандиозными проектами. Только зачем? Очередная загадка, мучающая историков, и парадоксальная, если опять же внешнюю политику рассматривать отдельно от внутренних. Внутри же России, между прочим, весной, летом и осенью 1656 г. народ знакомился с изменениями в церковном уставе и выражал собственное мнение по каждому пункту и в целом. Десятки, а то и сотни активистов от партии «боголюбцев» помогали им не совершить ошибку. Никон подобной армии самоотверженных агитаторов не имел. Его козыри — Смоленский триумф, Переяславская рада, разгром католичества в Литве, а еще скорое освобождение православных в Ингрии и Молдавии, признание русского протектората католиками Польши.

Заключение мира с поляками осенью 1656 г., в разгар поединка с пероновцами за симпатии большинства русских людей, на фоне скромных результатов похода против Швеции, в одночасье сдувало «мыльный пузырь» достижений патриарха до двух аргументов — смоленского и украинского, зато не мнимых, а настоящих. Однако Никон боялся, что этого мало, недостаточно, что Виленский мир разочарует обывателя и в итоге подстегнет рост числа сторонников чернеца Григория. «Собинный друг» царя думал Виленским перемирием подстраховаться, выиграть дополнительные полгода для привыкания прихожан к обрядовой реформе. Год 1657-й быстро рассеял иллюзии святейшего владыки и со всей очевидностью обнажил печальный факт: кумир Алексея Михайловича допустил второй после шведской авантюры стратегический просчет, катастрофически осложнив международное положение России.

К сожалению, Никон не часто выезжал за стены Земляного вала, и практически никогда, чтобы посмотреть, чем и как живет российская провинция. 1656 г., реформационный, не стал бы исключением, кабы не одна хворь. 1 (11) сентября патриарх по-

кинул Москву, желая присутствовать при освящении соборного храма в Иверском монастыре, втором любимом его детище после Ново-Иерусалимской обители на реке Истра. Ехал с официальным визитом, с большой свитой, почему отклоняться куда-либо от главного маршрута не планировал. 6 (16) сентября добрались до Твери. И тут Никон слег. Проболел почти с месяц. Пойдя на поправку, скрашивал досуг общением с горожанами под видом раздачи милостыни. Раздавал самым разным людям — нищим, узникам тюрем, вдовам, раненым солдатам, монастырским старцам. Поднимался ли кем-либо из счастливчиков вопрос о новых обрядах? Наверняка, хотя источники, зафиксировавшие размеры подаваний, о темах коротких бесед умалчивают.

И вот любопытное следствие тверского недуга. Ретируясь от Риги, Алексей Михайлович захотел свидеться с наставником в Вязьме. 18 (28) октября Никон поспешил в тыловую штаб-квартиру русской армии. По дороге заглянул в село Тургиново, прежнюю вотчину Н.И. Романова, и в Иосифо-Волоцкий монастырь, северо-восточнее Волоколамска. 5 (15) ноября достиг места встречи, где история с хождением в народ повторилась. Царя ждали ровно три недели, и патриарх не сидел сложа руки, знакомился с образом жизни горожан, окрестных крестьян и монахов. Около 6 (16) декабря он простился с монархом и устремился к Торжку, Вышнему Волочку, в Иверский монастырь, на берега Валдайского озера. Но не через Тверь, а нехоженой тропой — старицкой. 16 (26) декабря храм на Валдае освятили, и патриарх, побыв несколько дней среди монастырских иноков и крестьян, повернул назад, в Вязьму. И вот примечательный нюанс. Опять по новому пути — озеро Селигер, Нилова пустынь, Осташково, Селижарово, Ржев. Из Вязьмы напрямик направился в Москву, посетив Можайск, Лужецкий монастырь и Боровск. 4 (14) января 1657 г. Никон возвратился в столицу. Возвратился крайне удрученным и подавленным.

Неронов немногим его опередил, совершив перед тем тот же подвиг — окунулся в гущу народной жизни. Поглубже, чем патриарх, и не в каретах, а пешком или на телегах. Не смущая

собеседников блестящей свитой, а в одиночестве или в скромной компании подобных ему бродяг. Однако с тем же удручающим для себя результатом. Оба по иронии судьбы, независимо друг от друга, зато параллельно наблюдали за тем, как подданные православного царя «проголосовали» за церковную реформу. И то, что чернец ни с того ни с сего заторопился с покаянием в Москву, а святейший владыка явился туда же в отрешенном состоянии, свидетельствовало об одном. Невзирая на энергичное сопротивление радикалов-«боголюбцев», Никон «плебисцит» выиграл. Крестьянство в деревне, посадские в городе в большинстве своем формулу — обряды за землю — приняли, и не прочь были креститься троеперстно, кланяться в пояс, вкушать антидор, шествовать вокруг храмов по-иному, если граница московской державы на западе отодвигалась за Смоленск и Днепр. Приверженцев старины, дорожащих обрядовой незыблемостью, обнаруживалось слишком мало. И, это уже неприятно поразило соперника Неронова, ни рижский конфуз, ни блеф с польско-литовским и молдавским престолами никак не влияли на набиравшую мощь тенденцию. «Образумить» всех мог разве что военный разгром России с утратой завоеваний 1654 г., который в декабре 1656 г. на горизонте еще не просматривался.

Впрочем, монах Григорий пришел в Москву не к Никону, а к царю. И не за прощением или милостью, а за реваншем. 11 (21) ноября 1656 г. в столице скончался инок Савватий, смилившийся с поражением и крахом жизненных идеалов Стефан Ванифатьев. Военные триумфы 1654 и 1655 гг. окончательно убедили царского духовника в правоте Никона. В зимние месяцы 1655 г. он пробовал усовестить отца Иоанна, сбежавшего из поморской ссылки. Напрасно. Даже совет посредством пострижения попытаться обуздать гордыню и страсти, терзавшие изнутри пламенного «боголюбца», тот не отринул по причине полезности этой идеи для продолжения политической борьбы. Проводив с сожалением «старого брата и друга» из Москвы в феврале 1656 г., Ванифатьев полностью отдался строительству заложенного царем Михаилом Федоровичем Божиюдомско-

Покровского монастыря на юго-восточных окраинах Москвы, за Яузой-рекой. Старец Сергей закупал материалы, контролировал сроки и качество работы, отчитывался перед заказчиком. А заказчик — духовник самого царя, если позволяло здоровье, спешил за стены Земляного вала увидеть собственными глазами, как день ото дня возводится и хорошеет последнее любимое детище. Если бы Ивана (Григория) Неронова пример старшего товарища воодушевил на аналогичное самоотречение...

Какой реванш замышлял оппонент патриарха? Все очень просто. То, чего не захотел сделать народ — революционным путем положить конец церковной реформе, имел право упразднить царь-батюшка, которого, кстати, узурпатор Никон совсем оттеснил от реальной власти. Посеять между «собинными друзьями» зерна недоверия, соперничества. За этим вернулся в Москву отшельник Игнатьевой пустыни в январе 1657 г.¹⁶

«Кто есмь окаянный аз? Со вселенскими патриархи раздор творити не хошу, ниже противен буду!» Эта мысль вроде бы образумила Григория Неронова. Посоветовавшись с верными соратниками-москвичами, лидер старообрядцев взял в руки новомодную «Скрижаль» и зашагал в Кремль, во дворец патриарха. За окном стояло 4 (14) января 1657 г. Москва ожидала возвращения из Вязьмы Никона и Алексея Михайловича. Подойти к царю и «изрыгнуть» свой «яд» Неронов мог только под видом раскаявшегося новообращенного. Посему не следовало мешкать, ибо один из дуэта — патриарх — утром приехал в Москву. И вот еще вчера заклятые враги встретились у Крестовой палаты. Никон направлялся в Успенский собор к литургии, заметил постороннего инока, поинтересовался: «Что ты за старец?»

«Его же ты ищещи! Той аз есмь казанской протопоп Иоанн, а во иноцех старец Григорий», — ответил Неронов. Как ни странно, патриарх не удивился явке с повинной, молча кивнул, призывая идти вместе с ним. Отслужив обедню, пошли обратно в Крестовую. Там и состоялась примирительная беседа. Судя по описанию игумена Феоктиста, Неронов излил немало упреков по адресу того,

кто «муками обложил и з детьми разлучил» поборников исконной старины. Никон нисколько не возражал. Затем «заблудший сын» обратил внимание собеседника на книгу «Скрижаль» и произнес самое важное: «Патриархи тебе писали... что креститься тремя персты подобает, непокоряющихся под клятвою и отлучением устроити заповедоша. Аще ты с ними соглашался. Аз сему не противен. То чаю, смотри, чтоб истинна была! Аз убо под клятвою вселенских патриарх быти не хочу».

Пассивность Никона поразительна. Опальный монах, признав реформу, реформатора, не стесняясь, обличает, обвиняет, порицает. За все — за жестокость, за властолюбие, за гордыню, за пренебрежение заповедями Христа. И патриарх смиренно сносит эту филиппику. А в какой-то момент вдруг восклицает: «Не могу, батюшко, терпеть!» Сцена невероятная, и можно заподозрить летописца из оппозиционного лагеря в ее преднамеренном искажении, да дата красноречива. Январь 1657 г. Никон под впечатлением увиденного и услышанного в дни четырехмесячного путешествия по северо-западному краю. Он убедился в том, что греческий обрядовый канон русскими людьми не отвергнут и постепенно приживается в городах и деревнях. Причем, в общем-то, без оглядки на пропагандистскую шумиху из-за литовской, польской, молдавской короны, не говоря о балтийских просторах. Как следствие, патриарх осознает и ненужность затеянных им вышеперечисленных проектов. Однако из них лишь молдавский России ничего не стоил. За него расплатился весной 1658 г. недалековидный Георгий-Стефан низложением с господства по воле турецкого султана, разгневанного двурушничеством своего вассала.

А вот польско-литовские и прибалтийские дипломатические кульбиты Никона обернулись для московского государства подлинной западней, выпутаться из которой без великой жертвы оно никак не могло. И с каждым днем, неделей, месяцем промедления цена этой жертвы неуклонно возрастала. В январе 1657 г. от Москвы требовалось пока еще немного: извиниться перед Стокгольмом, условиться о возмещении ущерба и возобновить

антипольское содружество. Вариант уклонения спасал царскую честь, но за счет бессмысленного кровопролития. Бессмысленного от того, что нежелание русских мириться подталкивало шведов к урегулированию отношений с поляками, после чего России грозила война на два фронта. И тогда ей некуда деваться, кроме как принять кондиции Швеции, чтобы бросить все силы на защиту Смоленска и Украины.

Понимал Никон, какая опасность нависла над страной? Судя по диалогу с Нероновым, понимал и очень хорошо. Потому и впал в депрессию. Дилемма — сказать царю правду или не сказать — представлялась святейшему неразрешимой, ибо в любом случае Алексею Михайловичу предстояло разочароваться в духовном наставнике, и разочароваться настолько, что вопрос об отстранении Никона от власти за допущенные непростительные промахи возник бы со всей неизбежностью. А что означала политическая отставка патриарха? Шанс для противников церковной реформы повернуть все вспять, умелыми интригами переманив в свой стан молодого государя. Во избежание чего, похоже, Никон и предпочел не самое лучшее — промолчать. О чем свидетельствует тот же разговор с Нероновым. Когда чернец осмелел до того, что начал критиковать греческие обряды, перекладывая ответственность за чуждые Руси заимствования на коварного Арсения Грека, Никон впервые встрепенулся и заспорил: «Лгут де на него, старец Григорий! То де на него солгал, по ненависти, троецкой старец Арсений Суханов, что в Сергиеве монастыре келарь». Конечно, Арсения Суханова патриарх обидел напрасно. Солгал о тезке келаря Паисий Иерусалимский. Тем не менее оживление святейшего владыки для защиты младшего партнера по реформе достойно примечания. Неронов замахнулся на святое и тут же получил отпор. Уяснив, насколько уступчив оппонент, «боголюбец» легко сменил тему, переключившись на неприглядность средств, коими патриарх управлял русское православие. И опять услышал многообещающий вздох: «По грехом не могу терпеть! Прости Господа ради!»

Что ж, то, чего хотел Неронов, легализации, он добился. Никон позволил ему свободу проживания в столице (монах выбрал

Троицкое подворье) и обеспечил всем необходимым. Ежедневно в Крестовой палате патриарх выкраивал час-другой для беседы с якобы раскаявшимся соперником. Через десять дней, 14 (24) января 1657 г., в Москву возвратился Алексей Михайлович. По сему поводу в Успенском соборе отслужили благодарственный молебен. По окончании царь заметил стоявшего поблизости Неронова, весьма обрадовался и не преминул попросить Никона благословить старца. Пришлось патриарху напомнить венценосному другу, что надо подождать до формальной реабилитации. Ведь Неронов отлучен от церкви. Эту церемонию провели в воскресенье 18 (28) января, а на другой день, 19 (29) января 1657 г., глава династии повелел отпраздновать Татьянин день, именины сестры Татьяны Михайловны, календарно выпадавшие на 12 (22) число. К сему дню Григорий Неронов и приурочил генеральную атаку.

На всенощной «в соборной церкви у Спаса вверху», то есть в Верхоспасском храме царского дворца, когда Никон облачался подле алтаря, а монарх подошел к Неронову, кроткий старец и произнес «ядовитое» сетование: «Доколе, государь, тебе дотерпеть, такову Божию врагу? Смутил всю рускою землею и твою царскую честь пограл. И уже твоей власти не слышат. От него врага всем страх!» Алексей Михайлович смутился и отпрянул от любезного чернеца, который, с невозмутимым видом после службы «патриарху рече: «Время мне, владыко, в пустыню отъити». И ушел спустя несколько дней, выпросив у недруга амнистию ссыльным «юзникам» своим, взяв от него же солидную милостыню для родной обители, и торжествующе предупредив на прощание: «Я старых де добрых и держюся «Служебников», то есть дореформенных.

Неронов общался с царем пять лет, Никон вдвое дольше, и оба так и не разглядели в нем наличие внутреннего стержня. Воспринимали безвольным мальчишкой, запросто поддающимся постороннему влиянию. Главное, в нужный момент шепнуть ему на ухо нужные, задевающие за живое, слова. Вот Неронов и «шепнул», а Никон боялся дать повод подобным шептаниям. В итоге ошибся и тот, и другой. Алексея Михайловича в первую очередь волновали не царские prerogatives, не личная слава, а интересы

дела. Во имя высокой цели он послушно исполнял рекомендации старших по возрасту, опытных и лучше знающих единомышленников. До 1651 г. таким был Ванифатьев, и царь, искренне ратуя за искоренение в земле русской небагочестивых порядков, безропотно подчинялся духовнику. После краха «христоролюбивых» идеалов его увлекла программа Никона — воздействовать на народные нравы военной победой и «братанием» с более стойкими в защите православия «черкассами». Естественно, теперь царь видел главнокомандующего в патриархе, которому и не перечил. А коли изредка и перечил, то опять же не из каприза, а радея о пользе дела.

Правота Никона подтвердилась в первую военную кампанию 1654 г. Россия овладела Смоленском, а посредством русско-украинского боевого сотрудничества начался процесс проникновения украинской культуры в русскую, в том числе и в области конфессиональной. Так что Алексею Михайловичу сомневаться в верности избранной стратегии не приходилось. Просчеты, обнаружившиеся в конце 1656 г., являлись тактическими. Полагаю, царь с пониманием отнесся бы к откровениям Никона об ошибочности войны со Швецией и срыва мирного конгресса в Вильно. Патриарх получил бы полный карт-бланш на скорейшее заключение мира и со Швецией, и, по возможности, с Польшей, не считаясь ни с чем, даже с уроном для царской чести.

Кстати, в интересах дела Алексей Михайлович не утаил от Никона лицемерия Неронова, проинформировал о предпринятом чернецом «в Татьянин день» выпаде. Но патриарх, угнетенный общей безрадостной перспективой, не разгневался и не осудил неутомонного монаха, даже не пристыдил при расставании. Только 20 (30) января 1657 г. отлучился в Покровский монастырь, «что на убогих дому», дабы у могилы Стефана Ванифатьева посокрушаться и пожалеть старца Григория, одержимого фанатичным упрямством. О визите Никона к мощам инока Савватия доброжелатели уведомили Неронова. Он догадался, что к чему, и, видно, оттого перед отъездом открыто заявил о приверженности старым обрядам. Дерзость строптивца и на сей раз владыку не рассердила.

Святейший явно переживал серьезный душевный кризис и слабо интересовался происходящим вокруг.

К сожалению, дисциплинированный Алексей Михайлович не сразу обратил внимание на глубокую апатичность Никона. Фактически целый год — 1657-й — страна безмятежно плыла по течению. Перемирие с Польшей никто не старался трансформировать в «вечное докончание». Дипломаты по инерции соблазняли шляхту и польскую, и литовскую выгодами избрания Алексея Михайловича польским королем после Яна-Казимира. Война с королем Карлом X Густавом приобрела позиционный характер. Шведы разоряли русское приграничье, тщетно осаждали Дерпт и Гдов. Русские аналогичными рейдами опустошали окрестности Нарвы, Орешка, Корелы и Выборга, не сумев взять ни одной крупной крепости. Но самым роковым образом самотек повлиял на ситуацию в Украине. Хмельницкого встревожили конфиденциальность русско-польской комиссии в Вильно и слухи о наметившемся каком-то «сердечном согласии» («о миру сходстве») между извечными врагами. Готовясь к худшему, он возобновил контакты с Крымом, условился о взаимопомощи с дунайскими княжествами, откликнулся на авансы шведского двора, а в январе 1657 г. открыто нарушил перемирие, откомандировав полк Антона Ждановича к венгерскому князю Ракоци, воевавшему в союзе с королем Карлом X Густавом против Яна-Казимира. Естественно, действия гетмана в пику Москве вызвали смятение в старшине.

Так, отец генерального писаря И. Выговского, Остафий Выговский, в беседе с Ф.В. Бутурлиным в мае 1657 г. о «черкасском» вожде выразился недвусмысленно: «Богдан Хмельницкой добре опалел», как узнал о недопущении своей делегации к переговорам в Вильно. В запальчивости грозил даже разорвать русско-украинскую унию. Еле убедили, «чтоб того не учинить». 5 (15) июня в Чигирине Иван Выговский подтвердил тот факт, что «с свейским королем, и с Ракоцею Венгерским, и с мутьяны, и с волохи гетман соединился», но «не для чего иного, только на славу и честь, и хвалу... его царского величества». Богдан Михайлович, несмотря на болезнь, приковавшую к постели, с Бутурли-

ным пообщался с глазу на глаз 9 (19) июня и, «сердитуя», без дипломатичных околичностей бросил в сердцах: «Шведы де люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, на чом слово молвят. А царское де величество над... войском запорожским учинил... немилосердие свое, смиряся с поляки, хотел... нас отдати поляком в руки!» А потом, не стесняясь, лаконично охарактеризовал «мудрый» внешнеполитический курс московского царя: «То мне, гетману, в диво, что... великому государю... бояре добро-го ничего не порадят. Коруною польскою еще не обладали и о миру в совершение еще не привели, а с другим панством, с шведы, войну всчали!»

Впрочем, уже 13 (23) июня в знак примирения Хмельницкий предложил выступить в роли посредника между Россией и Швецией, не сомневаясь, «что швед к мирному договору будет послушен». А по урегулировании конфликта рекомендовал всем сообща навалиться на Речь Посполитую и не питать иллюзии на избрание Алексея Михайловича ее королем: «По лукавому их вымыслу на вспокоенье то они замыслили!» Увы, в Кремле политическое завещание украинского лидера большого энтузиазма не вызвало. А 27 июля (6 августа) 1657 г. гетман Хмельницкий умер, оставив и народ, и верных соратников в шатающемся состоянии. Тому же генеральному писарю Ивану Остафьевичу Выговскому, ближайшему confidentу Богдана Михайловича, посвященному во все тайны чигиринского двора, регулярно и исправно информировавшему о самом важном русский двор, не просто было сориентироваться — на кого теперь равняться? Как всегда, на Москву?! Как с осени, на Стокгольм?! А может, на Стамбул, Бахчисарай или поумневшую за годы революции и войны Варшаву?! Между тем Выговский обладал высоким авторитетом среди старшины и казачества, и именно от него зависело, куда двинется Украина без Хмельницкого.

Благодаря виленскому зигзагу московской дипломатии (претензии на польский трон) прежняя ясность в одночасье испарилась. Казаков пугала перспектива основания триединой Речи Посполитой — польской, литовской, украинской — под скипетром

Алексея Михайловича. Ведь русский царь не вечен, а преемника ему выберет та же католическая шляхта, ненавидевшая православных «черкасс». И выберет, наверняка, того, кто возьмется за ликвидацию государственной конструкции, выстроенной под московским давлением, то есть упразднит автономию Малой Руси. И что дальше? Очередная тотальная гражданская война?! Не лучше ли тогда прямо сейчас, играя на противоречиях Москвы и Варшавы, выторговать у «панов-рады» те же рамки ограниченного суверенитета, зато дарованных по доброй воле самих магнатов?! Сим маневром Украина, во-первых, сорвет избрание королем русского кандидата, во-вторых, предотвратит усугубление польско-черкасской неприязни в случае установления московского протектората, в-третьих, лишит польско-литовских «ястребов» повода кричать о национальном унижении, ущемлении Россией шляхетской вольности и навязанности извне равноправия Польши и Литвы с Украиной.

Колебания непогрешимого Хмельницкого видели все сподвижники первого гетмана. Чем бы они закончились, помешала узнать смерть вождя. Так что осиротевшим полковым командирам войска Запорожского выпало самим решать дилемму — сохранять верность России или нет. И немудрено, что они после того, как исполнили последнюю волю кумира, провозгласив на время гетманом сына, Юрия Богдановича Хмельницкого, а регентом при нем Выговского, раскололись на две фракции — «левобережную», пророссийскую, и «правобережную», антироссийскую. Антироссийский выбор неминуемо означал диалог с Варшавой, ибо искать покровительство у мусульман (турок и татар) или протестантов (шведов) никто в православной старшине, конечно же, не думал. А первым об «отложении к полякам» заикнулся полковник Брацлавский Михаил Зеленский незадолго до созыва рады, избиравшей гетмана. Инициативу, как неуместную, дружно осудили. Посему выборы 26 августа (5 сентября) 1657 г. спор о судьбе Малороссии не омрачил. Полковники, сотники, атаманы и бурмистры объявили гетманом «на Юрасово место» Ивана Выговского, вручили победителю булаву, пожалованную Хмельницкому царем

московским, и поклялись «служить... вечно» великому государю Алексею Михайловичу. Юрия Богдановича забаллотировали потому, что, во-первых, он «в молодых летех», во-вторых, «войска де запорожсково ему не управить». И вряд ли кто-либо подозревал, что для «счастливого» соперника юного отпрыска Хмельницкого гетманская булава окажется тоже не по плечу.

Ивана Выговского и тех, кто пошел за ним (а это, кстати, и Ю.Б. Хмельницкий), принято обличать, как предателей украинского народа, виновников кровопролитной и разорительной гражданской войны, знаменитой Руины. Им приписывают некий корыстный мотив в «отложении к полякам». Мол, продались за поместья, титулы и привилегии. Верно, подобное впечатление складывается, когда упускается из вида непосредственная связь итогов конгресса в Вильно поздней осенью 1656 г. со смутой в головах казаков, возникшей полгода спустя, летом 1657 г. Поведение великого гетмана в те месяцы, которое в российских исторических трудах комментируют в отрыве от демаршей князя Одоевского, безусловно, подлило масла в огонь. Оно послужило «маяком» для тех, кого разочаровали закулисные политические игры Москвы в литовской столице. Герои Желтых Вод, Корсуня, Берестечко, не забывавшие о пяти годах непонятного равнодушия обитателей Кремля к их борьбе, столкнулись с очередным загадочным хитроумием московской власти, и у многих чаша терпения переполнилась. Она бы переполнилась и раньше, если бы не мудрость Богдана Хмельницкого, не раз смягчавшая накал страстей и спасавшая казаков от опрометчивых действий. Политика гетмана весны 1657 г. имела ту же цель — переждать, пока москвичи, которых по каким-то внутренним причинам опять занесло не туда, разберутся в обстановке и «вырулят» на правильную дорогу. Богдану Михайловичу не хватило примерно двух лет, чтобы уберечь родину от губительного размежевания на два враждебных лагеря. И не вина Ивана Выговского, а беда, что он не имел ни таланта, ни авторитета «хозяина», дабы аккуратно провести вверенный ему народ по краю пропасти.

В течение всего 1657 г. Москва так и не дезавуировала свои претензии на польскую корону, и как минимум не разъяснила черкасской старшине подлинную поддержку домогательств чужого престола. Правда, то, что еще в августе могло пресечь сползание к трагедии, в октябре 1657 г. катастрофически опоздало бы. Раскол казацкой верхушки на «поляков» и «русских» стал свершившимся фактом, и несчастный Выговский спешил угадать, какую из партий стоит возглавить. Присзд в первой декаде сентября в Чигирин Артамона Матвеева напряжения не разрядил, ибо посланник ничего нового по польской проблеме с собой не привез, а от имени царя попросил нового гетмана разведать у шведов, на каких кондициях те не прочь примириться. Как видим, в Москве к советам Хмельницкого прислушались. Жаль, что не ко всем.

Помимо прочего, Матвеев еще предупредил о скором визите в Киев высокой московской делегации в составе боярина А.Н. Трубецкого, окольничего Б.М. Хитрово и думного дьяка Л.Д. Лопухина. Ехали все трое «для царского величества великих дел». Каких, не конкретизировалось. Однако от гетмана требовалось собрать в столице воеводства всю старшину и по пять депутатов «изо всякого полку и изо всех чинов». Кроме того, царь, откликаясь на запросы о помощи «ратными людьми», посылал таковую под командой князя Г.Г. Ромодановского.

Эти-то две вроде бы заурядные новости и сподвигли «польскую» партию на открытое выступление. Недели через полторы после приема Выговским Матвеева жизнь в черкасских городах сбил с накатанной колеи лист полковника Миргородского Григория Лесницкого, известившего всех, с чем Трубецкой и Ромодановский придут на раду в Киев. Во-первых, запорожское войско сократят до десяти тысяч сабель с переводом излишних людей либо в солдатские и драгунские полки, либо в мещане. Затем царь обложит все население новой податью — десятиной с человека, а доходы с малороссийских «аранд и с мельниц» отберет в свою казну. Параллельно на 25 сентября (5 октября) намечался созыв всеукраинской рады, но не в Киеве, а в Корсуне (на полпути между Чигириным и Киевом). Митинги горожан прокатились по

всюду, и... везде большинство категорически не верило обвинениям Лесницкого и с порога отвергало идею части полковников о подданстве другому государю — крымскому хану или польскому королю. О том, что события развивались не по сценарию, задуманному пропольской партией, свидетельствовал перенос открытия Корсунской рады на две недели. Волна народных протестов не вписывалась в него, и именно она сорвала настоящую попытку государственного переворота.

А не допустили простые украинцы вот что: Иван Выговский, возмущенный вышеописанными «пунктами» Алексея Михайловича, складывает с себя полномочия гетмана под предлогом, что «он де в неволе... быть не хочет», ведь русский царь желает «прежние их вольности отнять». Члены рады отказываются принять отставку лидера, голосуют за то, дабы «за прежние свои вольности стоять всем заодно», после чего решают выйти из подданства России и искать иного покровителя. Обсуждаются два варианта — крымский и польский. Слово дается польскому послу Казимиру-Станиславу Беневскому, который обещает от имени короля узаконить украинскую автономию на ближайшем сейме. Естественно, польская альтернатива тут же утверждается. Агент киевского воеводы А.В. Бутурлина, капитан Андреян Чернышев, будучи в Корсуне накануне рады, сумел проникнуть в тайну провалившегося путча. Досадно, что воевода невнимательно выслушал рапорт офицера и в грамотке государю от 9 (19) октября поведал о секретном совещании в узком кругу приверженцев Выговского как о всеобщей раде.

К счастью, на настоящем собрании присутствовал Николай Юдин, официальный наблюдатель от путивльского воеводы Н.А. Зюзина, «друга и приятеля» Выговского. Этот очевидец за протоколировал следующее. 11 (21) октября состоялась «рада на поле. И гетман клал булаву и гетманство здавал. И, положиа булаву, поехал из рады вон. И начальные люди, угнав его, просили, чтоб он был у них гетманом по прежнему. И он им в том подался. И на том слове в то число и розъехались». 12 (22) октября рада заседала «в Корсуне, во дворе». Выговский обосновывал мотивы отстав-

ки — недоверие к нему великого государя Алексея Михайловича, отчитавшего гетмана за самовольный союз «черкасс» с Ракоцы, подозревавшего старшину в готовности изменить Москве. Гетман, сокрушаясь о том, поинтересовался мнением товарищей. Полковники Павел Тетеря (Переяславский), Григорий Гуляницкий (Нежинский), Мартын Пушкаренко (Полтавский), Петр Дорошенко (Прилуцкий), Матвей Патцкеев (Ирклиевский) рекомендовали под царским величеством быть «неотступно». Возразили им трое, в том числе Михаил Зеленский и Иван Богун, настаивавшие на опасности для украинской вольности боярского произвола под видом царской опеки. Выговский первых похвалил, вторых приструнил: «Нам от царского величества по своей присяге и за ево государскую милость отступить и помыслить нельзя».

Судя по всему, перед Юдиным разыграли спектакль. Осознав, насколько велико в народе неприятие польского проекта, Выговский дал задний ход, а в оправдание устроенной в городах провокации через путивльского «друга» уведомил московский двор о расколе внутри старшины. Пусть в Кремле считают оппозицию автором одиозных «пунктов» Алексея Михайловича. В Кремле так и посчитали, ознакомившись 5 (15) ноября 1657 г. с расспросными речами Николки Юдина. «Отписку» воеводы киевского А.В. Бутурлина, отправленную 10 (20) октября, в Москве получили 23 октября (2 ноября) 1657 г. К сожалению, ее противоречие обстоятельной «путивльской» хронике событий, похоже, не позволило отнестись к ней серьезно, хотя и та, и другая царю зачитывались¹⁷. В результате доказательства «шатости» Выговского ускользнули от взора Алексея Михайловича, и ему пришлось устраивать дополнительную проверку второму черкасскому гетману на верность России. На то потратили четыре месяца, драгоценные четыре месяца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Выбор Выговского в пользу Польши к середине сентября 1657 г. наряду с русско-шведской войной и хрупким виленским перемирием в предвкушении призрачной польской короны вплотную приблизил Россию к повторению чего-то подобного смоленскому позору 1633 г. Тем не менее «великий государь» Никон никак не реагировал на тревожные сигналы со всех сторон. Как будто ему было все равно... Можно не сомневаться, впавший в прострацию патриарх довел бы страну до национальной катастрофы, не стой рядом с ним другой «великий государь», из династии Романовых. Алексей Михайлович, лично участвовавший в освобождении Смоленска, общавшийся со многими «черкасами» Малой и Белой Руси, гордившийся званием избавителя православных от польской тирании, знавший о высокой цене этого избавления, поначалу с недоумением воспринимал демонстративную пассивность того, кто вдохновил всех на славное предприятие.

Если на первых порах упадок духа патриарха легко объяснялся рижским конфузом, то со временем бездействие святейшего превратилось в загадку, никому не понятную, даже августейшему ученику. Царь деликатно не докучал наставнику неудобными вопросами, избегал неприятных коллизий, задевавших самолюбие Никона, скрупулезно соблюдал публичный церемониал, подчеркивавший верховенство главы церкви. И даже больше. В течение 1657 г. дважды навестил важные для владыки мероприятия в патриарших подмосковных резиденциях — 30 апреля (10 мая) «оклад» хором в селе Троице-Голенищево подле Воробьевых гор, 16—18 (26—28) октября освещение соборного храма в Воскресенском монастыре на реке Истре. Кроме того, постоянно интересовался самочувствием первосвященника в периоды отлучек

того из Москвы в окрестные усадьбы. За пять дней — с 21 (31) по 25 мая (4 июня) — в село Воскресенское «со здоровьем» приезжало два царских гонца — стольник Иван Жданович Кондырев и Петр Дмитриевич Скуратов. В середине июня, в двадцатых числах июля и сентября, в первой декаде декабря на стройплощадку русского Нового Иерусалима с тем же являлся стольник Алексей Петрович Головин. Однако Никон словно не замечал высочайшего ободрения. Исправно служил по праздникам и воскресеньям, в храмах московских и загородных литургии, вечерни, заутрени и всепощные. Разъезжал по патриаршим селам Владыкино, Чернево, Нахабино, Троице-Голенищево, Красное (Воробьево) и Воскресенское. На Истре, где сооружался знаменитый архитектурный ансамбль, жил по два и три дня, не считая перечисленных выше длительных посещений на пять и более суток. А обязанностями главными — государственным управлением, в принципе, не занимался.

В середине октября Алексей Михайлович присутствовал на общем соборе духовной и светской знати. Обсуждали учреждение новых епархий. Постановили создать в Белгороде митрополию, в Смоленске и Мстиславле — архиепископство, в Вятке и Перми — епископство. Вакансии заполнили тут же. Митрополита Крутицкого Питирима перевели в Белгород, архиепископа Суздальского Филарета — в Смоленск, епископа Коломенского Александра — в Вятку. От патриарха зависело, когда им переезжать на кафедры. Никон распорядился об отъезде только епископа Александра, и то не сразу, а 5 (15) декабря 1657 г. Филарет аналогичное предписание ожидал не меньше полугода, а Питирим так и не дождался. Митрополия Белоградская и Обоянская возникла в мае 1667 г. Исполнение Никоном воли высших слоев московского общества примечательно. Он и не думал ее претворять в жизнь. Епископству же Вятскому и Великопермскому «повезло» исключительно потому, что патриарх рассорился с Александром Коломенским, который скептически отзывался о реформе обрядов и подчас фрондировал, помогая втайне нероновцам, но не Неронову. За что и поплатился почетной ссылкой из Москвы в Вятку.

А Алексею Михайловичу игнорирование «собинным другом» мнения высшего духовенства и Боярской думы плюс оскорбившая его клеветническая акция на Украине, по всей видимости, открыли глаза на печальную действительность. Если он продолжит попустительствовать любимому наставнику, то все закончится очень плохо. И жертвы, понесенные в боях за Смоленск, Могилев, Вильно, Ригу, Украину, окажутся совершенно напрасными. Никона надлежало отстранить от власти, и чем скорее, тем лучше. Но прежде не мешало разобраться с тем, каким образом выводить государство из западни, в которую оно попало по вине православного архипастыря.

Знаменательно, что 18 (28) октября 1657 г. датирована высочайшая грамота, извещавшая запорожских казаков об отмене вояжа к ним А.Н. Трубецкого, Б.М. Хитрово и Л.Д. Лопухина в виду благополучного преодоления войском анархического периода «междущарствия». Иными словами, на посольство, спровоцировавшее кризис, вроде бы возлагалась роль коллективного регента до избрания нового гетмана. Так Алексей Михайлович дебютировал в качестве самостоятельного политика. Именно самостоятельного, ибо молодой Романов поступил не в духе официального великодержавного курса, на который ориентировался прежде, вынужденно замещая патриарха. К примеру, 23 февраля (5 марта) 1657 г. Боярская дума собралась, чтобы удовлетворить интерес шведского двора о судьбе посольства Г. Бьелке и очертить русский мирный максимум и минимум. Председательствовал Алексей Михайлович. Решили послов не отпускать до конца войны. Верхнюю планку мирных кондиций подняли до «Лифлянской земли и Корелы», нижнюю снизили до семи крепостей — Дерпт, Корела, Копорье, Нарва, Орешек, Ивангород, Новый городец. Хотя на ту пору царский штандарт развивался лишь над Дерптом и Новгородком «немецким»...

Теперь, полгода спустя, Алексей Михайлович остерегался переборщить, понимая, что на кону жизнеспособность русско-украинского союза. Скорей всего, государь повел себя ответственно не без влияния старшего товарища — окольничего и дворец-

кого Ф.М. Ртищева. Федор Михайлович наладил регулярную корреспонденцию с украинскими городами. Не он ли первым обрисовал августейшему другу критичность положения в казацкой республике, взбудораженной ультиматумом якобы московского царя? И тем самым сподвигнул к переосмыслению политической стратегии, избранной «собинным другом». Во всяком случае, с середины октября ситуацию на Украине Алексей Михайлович отслеживал с большим тщанием. Важнейшие сообщения докладывались ему незамедлительно. Посланника Выговского, есаула Юрия Миневского, поднесшего челобитье запорожцев от 9 (19) октября об утверждении в должности нового гетмана, по высочайшей воле 8 (18) ноября подробно расспросили о контактах старшины с королем шведским, о подстрекательских происках поляков, о «бунте» Грицко Лесницкого и об осуждении Антона Ждановича, воевавшего в войсках Ракоци.

11 (21) ноября на аудиенции московский государь Выговского гетманом признал, а заверенный печатью документ поручил отвезти в Чигирин Б.М. Хитрово. Впрочем, дипломатическая миссия окольничего не была основной. Алексея Михайловича насторожило отсутствие на черкасской челобитной автографов выборщиков, неучастие в раде казаков из Запорожской Сечи, вести об их мятеже, будто в поддержку Лесницкого, неотправка Выговским посредника к шведам, обещанная Артамену Матвееву, готовность гетмана к еще одному переизбранию на «большой раде». И, естественно, он наказал Борису Матвеевичу обстоятельно разведать, насколько серьезна угроза отпадения Малой Руси от Великой. Ведь без прочного русско-черкаского союза обесмысливалась обрядовая церковная реформа. Она просто теряла привлекательность для большинства населения московского государства. Так что уход Украины обратно к Польше или кому-либо другому неминуемо оборачивался торжеством Неронова, кстати, такой финал и предрекавшего.

27 ноября (7 декабря) Юрий Миневский с товарищами откланялся царю в Золотой палате. 29 ноября (9 декабря) 1657 г. не мешкать с отъездом велено Хитрово с напарником — стольником

И.А. Прончищевым. Они отсутствовали в Белокаменной почти четыре месяца. До Переяславля, где встретились с Выговским, добрались в двадцатых числах января. Гетман прискал к ним через три недели. В середине февраля Хитрово и Выговский побеседовали тет-а-тет. Иван Остафьевич произвел хорошее впечатление на посла. Однако, в первые дни проживания в Переяславле, 25 января (4 февраля) 1658 г., под Полтавой отряд из местных казаков и запорожцев под командой полковника Мартына Ивановича Пушкаренко и кошевого атамана Якова Барабаша разбил полторатысячное воинство Ивана Богуна, спешившего покарать Пушкаренко. Тот открыто обвинил в измене пана Выговского, который якобы «помирился с ляхами и с ордою... взятъем и огнем хочет разорить всю Украину». С помощью Хитрово конфликт быстро погасили мирным путем. Как выяснилось ненадолго.

Зато мятеж полтавчан и сечевиков, если и не запятнал репутацию гетмана, все же положительную роль сыграл. Борис Матвеевич убедился, что общественная атмосфера в «черкаской» земле слишком накалена. И во многом по вине Москвы, чья война со шведами — соратниками казаков по борьбе против шляхты — непопулярна и непонятна. Она наряду с претензиями Алексея Михайловича на польскую корону вносила разлад в ряды защитников украинского православия. Претензии, правда, к весне 1658 г. благодаря польской волоките и бесконечным отсрочкам созыва сейма выглядели малореалистичными. В отличие от сражений за Лифляндию и Карелию. Споры о московских амбициях в Прибалтике, да и в Польше тоже, подтачивали веру украинцев в надежность недавно обретенного союзника и покровителя, разочаровывали их в старшем русском брате. Опасную тенденцию следовало пресечь, покончив с войной, непопулярной в России не меньше, чем на Украине. А это означало отстранение от власти ее инициатора — Никона.

Хитрово вернулся в Москву 25 марта (4 апреля) 1658 г. То, что он доложил в царских палатах, вполне совпало с настроениями Алексея Михайловича. Государь с осени постепенно склонялся к неизбежности прекращения войны со шведами. Уже

в середине октября 1657 г. он не возражал против «прорыва» блокады, в которой Бьелке, Эссен и Крузенштерн очутились после принудительного переезда 24 мая (3 июня) 1656 г. из престижных палат Посольского двора в Кремле, в Замоскворечье, на двор иноземца Христофора Рыльского. Разоруженные тогда же, полуголодные из-за снижения вдвое кормовых рационов, они вдруг обрели право послать в Стокгольм гонца — гоф-юнкера Конрада фон Барнера («отпущен... с Москвы» 21 (31) октября 1657 г.). Под Рождество Бьелке со товарищи удостоился новой милости — в караулах осажденного шведского уголка встали стрельцы стрелянного полка, то есть личная стража Алексея Михайловича. В общем, царь ждал только отчета Хитрово и возвращения из шведской столицы откомандированного туда курьера, чтобы начать действовать. Потому Никону дали спокойно отпраздновать «великим государем» два церковных торжества — Вербное воскресенье 4 (14) апреля и Пасху 11 (21) апреля. Впрочем, намек на скорые перемены молодой Романов не удержался, сделал и в первый день, и во второй. В неделю Вайи по дороге от Покровского храма (Василия Блаженного) в Кремль под арку Спасской башни «ослятю» с восседающим на нем Никоном под уздечку вел Б.И. Морозов вместо царя. А в «великий день» Алексей Михайлович поручил, во-первых, приставу Якову Загряжскому с дьяком Ермолаем Ключковым и переводчиком Василием Баушем съездить на двор Рыльского «со здоровьем», во-вторых, ключнику Сергею Боркову отнести шведам с августейшего стола несколько блюд «с еством и с питьем».

31 марта (10 апреля) Барнер у Нарвы пересек русскую границу и 16 (26) апреля примчался, наконец, в Москву с королевскими полномочиями для Бьелке на ведение переговоров, максимум о прелиминариях, минимум о созыве мирного конгресса. И 18 (28) апреля 1658 г. процесс стартовал: послы попросили о встрече, а царь тут же через Р.М. Стрешнева велел Алмазу Иванову и Ефиму Юрьеву наутро ехать в Замоскворечье. Консультации продолжались одиннадцать дней — с 19 (29) по 30 апреля (10 мая). Настойчивое желание русских тотчас согласовать предваритель-

ные условия мира успехом не увенчалось. Молодому монарху нелегко давалось понимание, что Швеция так быстро подпишет трактат лишь на основе довоенного статус-кво. Посему 30 апреля (10 мая) обе стороны столковались о малом, о месте и времени открытия конгресса — окрестности Нарвы в первой декаде июня. Боестолкновения между двумя армиями с 21 (31) мая приостанавливались. Алексей Михайлович в нетерпении назначил членов русской делегации уже 23 апреля (3 мая) — боярина И.С. Прозоровского, думного дворянина А.Л. Ордин-Нащокина, стольника И.А. Прончищева.

И как же отнесся Никон к сенсационной весте о налаживании самим царем русско-шведского диалога на взаимоприемлемой основе? Патриарх ожил. Политическую апатию словно ветром сдуло. Святейший «великий государь» потребовал от младшего по возрасту коллеги немедленно дезавуировать данные шведам обещания. Алексей Михайлович решительно отказался. Откуда такая уверенность? Да, источники надежно хранят тайну приватной беседы Никона с царем о смене последним внешнеполитического курса России. Правда, вряд ли при ней кто-либо присутствовал, чтобы проинформировать о деталях потомков. Детали знали двое. Однако ни один, ни другой не рискнул афишировать подоплеку взаимной ссоры. А то, что великая ссора случилась не раньше и не позже, а в мае 1658 г., видно по поведению главы династии, отразившемуся в тех же Дворцовых разрядах.

На Пасху 11 (21) апреля 1658 г. Никона пригласили за царский стол. 18 (28) апреля 1658 г. любимца патриарха, архимандрита Ново-Иерусалимского Истринского монастыря Стефана, рукоположили в архиепископы Суздальские и Торусские, преемником переезжавшего в Смоленск Филарета. Будь «собинные друзья» в конфликте, придворная хроника выглядела бы иначе. А именно так. 5 (15) мая 1658 г. родного брата близкого патриарху боярина Никиты Алексеевича Зюзина, Григория Алексеевича Зюзина велено привезти из Путивля, «сковав, к Москве». «Того ж дни пожаловал государь в комнату [царевича Алексея Алексеевича] боярина князь Ивана Петровича Пронского». 7 (17) мая 1658 г.

два великих посольства — Н.И. Одоевского и И.С. Прозоровского — обязали в кратчайший срок выехать в Вильно и под Нарву добиваться «мирного поставленья» с польскими комиссарами и швейскими послами. 16 (26) мая 1658 г. у опекаемого Никоном царевича Алексея Алексеевича появился «дятка» — И.П. Пронский. И еще, с 11 (21) мая 1658 г. царь начинает чаще уединяться в селе Покровском, возвращаясь в Москву ненадолго, как правило, по делу или для участия в важном придворном церемониале. Вследствие чего 20 (30) июня случится форменный скандал. Торжественно встретив грузинского царя Теймураза Давыдовича, «того ж дни пошел государь в село Покровское».

Нетрудно заметить, Алексей Михайлович с 5 (15) мая с патриархом весьма недоброжелателен, и, если опала Г.А. Зюзина для святейшего владыки — мелкий мстительный укол, то внедрение в окружение престолонаследника царского соглядатая, превращение его через полторы недели в главного воспитателя царевича, удар по самолюбию Никона очень чувствительный. И бегство в Покровское при каждом удобном случае тоже говорит о многом. Увы, хрестоматийные описания падения деспотичного первосвященника на праздник Пресвятой Богородицы святых Ризы, то есть 10 (20) июля 1658 г., некорректны. Во-первых, потому, что от власти Никон самоустранился без малого за полтора года до этого, со дня прибытия в Москву из «иверского» путешествия по стране, после чего Алексей Михайлович поневоле замещал патриарха, ведя государственный корабль в фарватере, святейшим государем назначенном. И никто, даже царь, до февраля — марта 1658 г. не помешал бы главному «кормчему» вернуться на «капитанский мостик» российского судна. Но тот так и не захотел.

Во-вторых, опять же никто не препятствовал бы Никону взяться за «штурвал» и в марте — апреле 1658 г., если бы он, признав прошлые ошибки, поддержал намерения царя в шведском вопросе. Патриарх не поддержал и не разъяснил почему. Отстаивание им своей непогрешимости стало фатальным. Его больше не подпустили к государственному рулю.

В-третьих, кульминация политического кризиса припала на первые дни мая, а не июля 1658 г. Сравним еще раз весеннюю хронику. До 18 (28) апреля отношения царя и патриарха в целом нормальные. После 5 (15) мая возникает неприязнь, с романовской стороны точно. Какое ключевое событие свершилось между крайними датами? Соглашение с Бьелке о мирной конференции! Конечно, от Никона таили, зачем Алмаз Иванов и Ефим Юрьев чуть ли не ежедневно отлучались из Кремля на южные окраины города. Это весьма облегчалось тем, что с 20 (30) апреля Никон уединился в любимом Воскресенском, где гулял «по деревням разных помещиков» и, самое любопытное, готовился к речному путешествию по Москве-реке до Коломны. По-видимому, в устье Истры, недалеко от Звенигорода, старец Игнатий со дня приезда патриарха в «Новый Иерусалим» спешно оборудовал струги всем нужным для предстоящего вояжа.

Между тем в столице царь 27 апреля (7 мая) распорядился шведов «перевести с того двора в Китай на князь Львов двор Шляковского и ружье отдать и быть до отпуску не взаперти, на воле... Перевести их в четверг апреля в 29 день и послать с конюшни под послов корету, а под королевских дворян и под лутчих людей их верховые лошади против их приезду. А в пятницу быть им у бояр в ответе». Кстати, на дворе князя Льва Александровича Шлякова в 1655—1656 гг. квартировали австрийцы А. Аллегретти. А пятница выпадала на 30 апреля (10 мая), когда Бьелке, Эссен, Крузенштерн с Н.И. Одоевским, П.В. Шереметевым, Д.П. Львовым и обоими посольскими дьяками официально зафиксировали достигнутые договоренности о перемирии и открытии мирного конгресса в окрестностях Нарвы.

Можно не сомневаться, Никон узнал о том не от государя, а от своих слуг, наблюдавших в четверг 29 апреля (9 мая) торжественную процессию переезда «свейского» посольства через Москва-реку. 30 апреля (10 мая) гонец прискакал в Воскресенское, и... приятное плавание в Коломну пришлось отменить. 1 (11) мая восемь стрельцов-плотников из приказа Василия Пушечникова, делавших «черваки», и дорогомилевских ямщиков, возивших

глину «в струги на очаги», рассчитали. Скорее всего, в первый день мая патриарх и возвратился в Москву (увы, казначей в расходной книге эту дату не отметил). Правда, не стоит думать, что Алексей Михайлович скрытничал в намерении порвать с Никоном. Отнюдь. За десять апрельских дней в Воскресенское от государя «со здоровьем» приезжали дважды — стольники князь Федул Федорович Волконский и Федор Прокофьевич Соковнин. Почему не Головин, догадаться просто. Дабы не проболтался о царском секрете. За четыре визита 1657 г. Алексей Петрович привык и к доброму слову патриарха, и к регулярному презенту в пять рублей. Так что вполне мог согрешить излишней откровенностью.

Впрочем, миссии стольников не единственное подтверждение сохранения высочайшей благосклонности к Никону до мая 1658 г. Царь в послаблениях шведам ограничился необходимым минимумом, который требовался дипломатическим протоколом. Обеспечения дипломатов провизией они не касались. Здесь по-прежнему ориентировались на порядок, введенный Никоном с 16 (26) июня 1656 г. — половина от первоначальной нормы. Без одобрения святейшего владыки его корректировать, похоже, не планировали. Алексей Михайлович осуществил то, на что имел право и неделей раньше, только 5 (15) мая: увеличил шведским гостям «подневной корм и питье, и пряные зелья мая с 5-го числа против прежнего, по чем им довано с приезду их в прошлом во 164-м году». Значит, накануне случился некий форс-мажор, ускоривший принятие монархом решения в пику Никону.

Этим форс-мажором и был разговор двух «великих государей» о русско-шведских отношениях в период между 1 (11) и 5 (15) мая 1658 г. Определенно, возмущенный патриарх учинил выволочку венценосному «сопляку», затеявшему без совета с наставником пересмотр всей внешнеполитической линии России? А «соплек» возьми да и дай суровому ментору отповедь в духе: «Хватит. Я в ваших советах больше не нуждаюсь!» Вот вам и ссора, вот и крах «собинной» дружбы, а заодно и демонтаж политического верховенства патриарха. И все, отныне московской

державой единолично управлял и по собственному разумению искал выход из ловушки двух войн «великий государь» Алексей Михайлович.

К сожалению, Никон, не осознав сего, попытался пообщаться с монархом еще раз, чего тот более не желал, почему и зачистил в Покровское. Скрывался там от нечаянного столкновения где-либо с первосвятителем, того добивавшимся. Патриарх тоже покидал Москву. Во Владыкино или Красное — на сутки, в дорогое Воскресенское — на несколько дней. Книга расходов зарегистрировала три отлучки в село, где сооружался монастырь, — 10 (20), 25 мая (4 июня) и 11 (21) июня. Причем в третий раз патриарх прогостил там до 20 (30) июня. И, разумеется, стольники «со здоровьем» в «Новый Иерусалим» уже не являлись. Даже на освещение Спасо-Преображенской церкви в июне. В Москву Никон из третьей поездки вернулся в день встречи грузинского царя, и тем же вечером царь московский демонстративно укатил обратно в Покровское. Патриарху бы смириться и набраться терпения. Он же, увы, опрометчиво торопил роковую развязку, и она не замедлила произойти.

6 (16) июля Теймураза Давыдовича пригласили на высочайшую аудиенцию, ради которой Алексей Михайлович простился на время с укромным Покровским. Кто же знал, что Б.М. Хитрово, продираясь сквозь толпу, стукнет ненароком «по голове палкою без пощады» князя Дмитрия Мещерского, а услышав, кому пострадавший служит, врежет ему по лбу умышленно еще раз. Окольничий, отведя душу, не подумал, что снабдил Никона уважительным предлогом настаивать на свидании с монархом. Естественно, патриарх оплошностью Хитрово воспользовался и запросил у венценосца сатисфакции не без надежды на визит во дворец, куда его, кстати, на пир с грузинами не позвали. Алексей Михайлович, чувствуя, к чему клонит Никон, воспротивился тому, пообещав удовлетворить патриаршую обиду опосля, то есть по возвращении в Покровское. В результате государь «в той день со мною не виделся» — проговорился о сокровенном сам святейший в письме патриарху Иерусалимскому Дионисию в 1665 г.

Понимая, что другой такой благоприятной okazji не представится, Никон принялся всячески давить морально на бывшего воспитанника, склоняя к общению тет-а-тет. Благо раньше 10 (20) июля Романовы Москву не покинули бы, ибо на 9 (19) июля Посольский приказ наметил вторую аудиенцию — посланнику Великого княжества Литовского. А с ночи 7 (17) до полудня 8 (18) июля в Казанском соборе патриарх служил вечерню и литургию в честь образа Казанской Богородицы. Обыкновенно, царь на ней присутствовал. Однако на сей раз не отважился, боясь проникновенных речей бывшего наставника. И два гонца архипастыря, просившие самодержца прийти в собор, вернулись из царских палат ни с чем. Тем не менее Алексей Михайлович поступил неприлично, не как истинный лидер православной державы, проигнорировав столь серьезное церковное мероприятие. И он рисковал навлечь на себя повсеместное осуждение, сделав исключение правилом, то есть уехать из столицы, не поклонившись драгоценной реликвии, подарку персидского шаха, святой ризе Пресвятой Богородицы. Ее день чествовался 10 (20) июля. А вечерню накануне, всенощную и заутренню на рассвете читал тоже патриарх.

Но, видно, государь панически страшился любой маломальской беседы с Никоном, раз предпочел оправдать в глазах москвичей свою повторную неявку на важное священнодействие высочайшим гневом на того, кто возглавлял и действие, и русскую церковь. Патриарх тщетно вновь дважды посылал во дворец пресвитера, рассчитывая на диалог с венценосцем в Успенском соборе. Ни провинность Хитрово, ни долг верующего не усовестили монарха, не вынудили пренебречь всем и прийти в центральный храм страны хотя бы под утро 10 (20) июля. Вместо него перед всенощным бдением в патриарший дворец пришел спальник Юрий Иванович Ромодановский и отчитал августейшим именем святейшего владыку за самовольно присвоенный титул «великого государя», которым отныне ему запрещалось писаться и называться. Отчитал, конечно же, несправедливо, больно уязвив Никона.

Патриарх ответил мгновенно и не менее болезненно, предупредив царя через спальника, что уйдет «из Москвы вон». Ромодановский отправился в соседний дворец, а Никон, потрясенный царским лицемерием, затворился в собственной келье, и, в результате, всеобщую отслужили без первых лиц государства. К литургии первосвященитель явился уже с твердым намерением проучить неблагодарного монарха. Мольбы подчиненных не перечить царской воле, хозяина не образумили. Последняя обедня ничем не отличалась от прежних, обыкновенных. Но по ее завершении Никон присел на стул и начертал письмо на высочайшее имя об оставлении им патриаршего престола. Во дворец цыдулку отнес ризничий архиерей Иов. Только Алексей Михайлович вернул лист назад без каких-либо комментариев.

Лишь тогда глава православной церкви решился на крайний шаг. Огласив многолюдному собранию проповедь о должности архипастыря, он объявил себя «недостойным святительства», повинился в разных прегрешениях, попросил у всех прощения и, уведомив о «напрасном гневе царском» на него, произнес: «Отселе не буду вам патриархом!» Не сходя с амвона, Никон снял богатые священные одежды, из-за попыток архиереев и клира помешать переодеться в монашеское платье, вышел в ризницу. Там надел черные мантию и клобук и, опираясь на деревянную клюку, зашагал из собора прочь. Но прихожане преградили ему путь, оттеснили к амвону, где ему и довелось просидеть немалое время, пока митрополиты Крутицкий Питирим и Сербский Михаил докладывали царю о случившемся¹.

Днем 10 (20) июля 1658 г. закономерный финал увенчал один политический кризис. И им же начался другой. Никон ринулся ва-банк, дабы пробиться на прием к Алексею Михайловичу. Фактически же выкручивал воспитаннику руки. Ведь что означало: «Отселе не буду патриархом»? Необходимость избирать преемника. И это на фоне незавершенных войн с Польшей и Швецией, подозрительных шатаний на Украине. Неронов, похоже, и не мечтал о подобной любезности со стороны заклятого врага.

«Боголюбцы» рассчитывали низложить «дьявола» посредством царского указа, убедив в своей правоте государя. А чтоб тот сам подал в отставку... Тем лучше. Закаленные репрессиями и скитаниями по российской глубинке соратники чернеца Григория могли в любой час развернуть мощную и эффективную агитацию в пользу кандидата, способного без особой волокиты покончить с обрядовыми экспериментами незадачливого Никона и возродить прежнее величие «ревнителей благочестия».

Алексей Михайлович намек «собинного друга» понял хорошо, когда Питирим Крутицкий донес о готовности владыки не в шутку, всерьез уйти из Кремля и, по-видимому, из Москвы. Тишайший до последней минуты не верил в искренность патриаршей угрозы. Тем не менее Никон посмел шантажировать царя, ставя под удар и церковную реформу, и смоленскую победу, и переяславскую присягу. Отсюда колебания монарха в течение нескольких часов и посылка А.Н. Трубецкого в Успенский собор за объяснениями. Компромисс, к сожалению, не сумели найти. Никон сетовал на несправедливый царский гнев и боярские обиды «церковному чину». Князь упрекал за претензии на политическое лидерство. Препирательства патриарх прервал просьбой еще раз отнести государю письмо с уведомлением об отставке. Трубецкой не сопротивлялся. Вернулся с высочайшим запретом на отречение и выезд из Москвы. Никон отверг первое, согласившись на второе, и пешком отправился к Спасской башне, а оттуда через Красную площадь по Ильинке к подворью Ново-Иерусалимского (Воскресенского) монастыря. Вечером патриарху Трубецкой с Родионом Стрешневым привезли хорошую новость: царь обещал встретиться с первосвященником.

Однако 11 (21) июля никто не приехал на Воскресенское подворье из Кремля за его постояльцем. То ли Алексей Михайлович передумал, то ли, по-прежнему, колебался. Утром 12 (22) июля 1658 г. Никон запряг две коляски и, погрузив в одну из них вещи, поспешил к Истре. Едва расположился в любимой резиденции, как приехали от Алексея Михайловича два посла — А.Н. Трубецкой и Л.Д. Лопухин. То, с чем они пожаловали, подвело черту под

заочной дуэлью царя с патриархом. Государь, во-первых, просил о благословении для себя и семьи, во-вторых, для местоблюстителя патриаршего престола митрополита Крутицкого Питирима, в-третьих, тому, «кому изволит Бог и пресвятая Богородица быти на ево место патриархом». Таким образом, глава династии на патриарший шантаж ответил своим шантажом: не покоришься, выберем тебе преемника! Но, увы, нашла коса на камень. Смирить гордыню и потащиться обратно в Москву с понурой головой проигравшего Никон не пожелал. Он благословил и Питирима, и того, кто станет новым пастырем. В итоге на плечи Алексея Михайловича в дополнение к двум внешнеполитическим проблемам свалилась и одна внутренняя — судьба церковной реформы. Зато устраивать в Покровском русский Версаль более не требовалось...

Между тем Григорий Неронов был тут как тут. Прослышав о ссоре царя с Никоном, чернец из Игнатьевой пустыни осенью 1658 г. пришел в Москву на «дни многи», чтобы добиться «церкви мира и церковным чадом покоя». Переводя на конкретный язык, ускорить избрание патриарха, ибо Романов почему-то не спешил созывать высшее духовенство на Священный собор. И, похоже, ревностные «боголюбцы» «осадили» августейшую особу по всем правилам политического искусства, если она в апреле 1659 г. первой протянула руку примирения, воспользовавшись занудством воскресенского отшельника.

Никона оскорбила поездка на Вербное воскресенье 27 марта (6 апреля) 1659 г. на «осляти» от Василия Блаженного до Кремля митрополита Крутицкого Питирима. В Москву тут же полетел письменный протест. Монарх откликнулся откомандированием на Истру думного дворянина Прокопия Елизарова и думного дьяка Алмаза Иванова. 1 (11) апреля дуэт известил обиженного иерарха, что Питирим сел на «ослятю» по царскому повелению, после чего сообщили то, о чем «от великого государя с ними наказано». И вот что ответил хозяин: «К возвращению на прежней святительской престол и в мысли у него нет... Только имени патриарха не отрицался и ныне не отрицается». Заключительная ремарка — это все, чем соизволил Никон помочь царю, позвавшему «великого ар-

хиерея» в Москву. По крайней мере, теперь Алексей Михайлович мог оправдывать отсрочку выборов неясностью правомочности здравствующего патриарха. И дабы не попасть впросак, прежде чем выбирать очередного главу церкви, надлежало уточнить статус предшественника.

Старец Григорий озабоченность государя принял во внимание и мобилизовал сторонников на юридическое обоснование недееспособности патриарха «истринского». Ну а царь до осени не терял надежды переубедить настырного «собинного друга». 17 (27) мая Никона навестил Дементий Башмаков, дьяк Приказа тайных дел, личной канцелярии государя. Привез из Москвы царские гостинцы — вино, муку пшеничную, мед, рыбу — и разрешение занять понравившийся владыке дворцовый земельный участок под новый монастырский огород. А еще посетовал на интриги злокозненных людей, которые распускают слухи, будто царь запретил духовным и светским чинам посещать Воскресенскую обитель. Монарх обещал приструнить сплетников. В общем, у Алексея Михайловича затеплилась надежда на то, что избирать никого не придется. Никон, выдержав паузу, появится в Москве и отвлечет нероновскую рать на себя, защищая от их посягательств постепенную украинизацию церкви. А он тем временем постарается быстрее гарантировать необратимость обрядовой реформы прекращением двух войн — с Польшей и Швецией.

Хороший план, которому не довелось осуществиться. Владыку собственный престиж волновал больше, чем благо государства. Потому в августе 1659 г. он в Москву приехал, но не служить, а за позволением пожить вдали от столицы в своих монастырях — Иверском на Валдае и Крестном (Кийском) на Онеге подле Белого моря. На третий день под вечер царь и патриарх пообщались. При боярах обсудили погоду, здоровье и душевное спасение, на половине царицы и детей — иные секреты («тамо умедлиша, яко четыре часа ночи»). Простились дружески. Однако Алексей Михайлович, конечно же, понимал, что «собинный друг» фактически предает его, оставляя в одиночку противостоять и Неронову, и Карлу X Густаву, и Яну-Казимиру, и Ивану Выговскому. Да, и

гетману Украины тоже. Холодного душа «лесницких» рад хватило месяцев на десять. Подозреваю, что хватило бы на срок вполне продолжительный, если бы не июльский скандал в Москве.

Разумеется, Выговский негласно наводил мосты и с Польшей, и с Крымом. И старый соратник Хмельницкого, герой войны полковник Павел Тетеря весной 1658 г. с Беневским на черкасско-ляхском кордоне не только межгосударственную границу вычерчивали. Однако антишляхтетский настрой рядового казачества и мещанства плюс всевластие на Москве Никона, вдохновителя и организатора Переяславского союза, существенно снижали привлекательность и королевской, и ханской альтернативы. О самоизоляции патриарха от проблем большой политики в Чигирине поди и не догадывались. Московский двор славился своей закрытостью, и проникнуть в кремлевские тайны многочисленные малороссийские миссии, опекаемые двумя-тремя русскими приставами, шансы имели призрачные. Так что, когда в мае — июне 1658 г. Выговский «смирлял» «огнем и мечем» полковника Пушкаренко, повторно взбунтовавшегося под теми же разоблачающими гетмана-изменника лозунгами и при содействии тех же запорожцев Якова Барабаша, Иван Остафьевич, возможно, негодовал искренне. Как и пол-Украины, расколовшейся на два лагеря. Левобережье сочувствовало Пушкаренко, требовавшему для пресечения измен размещения царских воевод по городам. Правобережье подобное покушение на казацкие вольности категорически отвергало. Москва пробовала предотвратить междоусобье, разослав гонцов с царскими грамотами ко всем участникам конфликта. Тщетно. Ни Пушкаренко, ни Выговский о примирении не помышлял, и короткая гражданская война, к тому же с привлечением татар, состоялась. 4 (14) мая гетман выступил в поход, 15 (25) июня вернулся, разорив Полтаву и казнив Пушкаренко. А спустя еще полтора месяца в Чигирине узнали о странной сцене в Успенском соборе.

Затворничество в Воскресенском монастыре Никона, фигуры для русско-украинского партнерства знаковой, для запорожской старшины означало одно: мирная партия в Кремле опять возоб-

ладала над военной. А казаки помнили, что ее судьба Украины не очень тревожила. За Смоленск и мир с Польшей она спокойно отдала бы «черкасы» на растерзание полякам. Будь Выговский даже трижды русофилом, угроза, нависшая над родным краем (мнимая, как покажет будущее; но кто ж о том ведал в июле — августе 1658 г.), выпуждала лидера малороссов действовать быстро, на опережение. Пока поляки не сообразили, что случилось в Москве, как вариант, следовало склонить их к добровольному признанию украинской автономии в рамках Речи Посполитой и объявить России войну.

Иван Остафьевич к русофилам не принадлежал, от того душевных мук не испытывал и уточнять позицию нового московского правительства не стремился. Да и, как нельзя кстати, подоспела новость об избрании Алексея Михайловича в первой декаде (середине) июля на польском сейме преемником Яна-Казимира при гарантии избранником территориальной целостности шляхетской республики. Ну, чего еще колебаться?.. Уже 16 (26) августа 1658 г. казаки с татарами под командою Данилы Выговского атаковали русские посты под Киевом, намереваясь осадить, а коли повезет, то и взять город. На штурм пошли 23 августа (2 сентября). Однако воевода В.Б. Шереметев отстоял центр Украины. В Варшаве маневр гетмана оценили. 6 (16) сентября 1658 г. в Гадяче послы Яна-Казимира кастелян Вольнский К.-С. Беневский и кастелян Смоленский К.-Л. Евлашевский подписали с Иваном Выговским трактат, даровавший Украине самостоятельность под протекцией польской короны и равноправность православной веры с католической.

И все же преемник Богдана Хмельницкого ошибся, совершив политический фальстарт. Ведь соотечественники гетмана с выводами не спешили. Не убедившись в коварстве Москвы, большинство отречься от братского союза не собиралось. Первые баталии под Киевом это продемонстрировали со всей очевидностью. Защитники города (русские Шереметева, «черкасы» полковника Василия Дворецкого) сражались отчаянно, а противная сторона — довольно вяло. Казакам не хотелось воевать с единоверцами, и многие либо

бежали с поля боя, либо поднимали руки вверх. И так на всем фронте от Киева до Полтавы. В итоге осеннее наступление Выговского на Белгород захлебнулось 14—19 (24—29) сентября под Каменной, повторное на Киев — 26—31 октября (5—10 ноября). А восьмидесятичному «полку» Г.Г. Ромодановского понадобилось полторы недели для очищения от выговцев мятежных районов на Левобережье от Миргорода до Пирятина. 23 октября (2 ноября) отворил ворота Миргород, 29 октября (8 ноября) разоружились пирятинцы, после чего остатки верных гетману войск полковника Гуляницкого заперлись в Варве. Осадой этой крепостицы с 6 (16) по 30 ноября (10 декабря) 1658 г. и завершилась первая кампания против Выговского. Гетман запросил пощады².

Вот тут-то и сказалось отсутствие рядом с Алексеем Михайловичем мудрого и авторитетного советника. Неофит в делах управления, царь учился сему искусству на собственных ошибках. В 1658 г. он оплошал по-крупному дважды. Первый раз, когда из лучших побуждений (лишь бы избежать внутриукраинской распри!) амнистировал Выговского. Вторым промахом стало страстное желание замириться со шведом с каким-нибудь земельным приращением для России. Потому на конференциях в Валиесари, под Нарвой, открывшихся 17 (27) ноября 1658 г., главенствовал не боярин Прозоровский, а думный дворянин Ордин-Нащокин, мечтавший о русском плацдарме на Балтийском море. Настаивая на уступке Москве либо Ивангорода, либо Орешка (Нотебурга), Афанасий Лаврентьевич завел конгресс в тупик. Шведы категорически отвергали ревизию столбовских границ. 25 ноября (5 декабря) Нащокин запросил у царя дополнительных полномочий. И вот он, господин Случай. В Москве после непростых консультаций Алмаз Иванов убедил Алексея Михайловича в том, что ликвидация второго фронта сейчас важнее портов на Балтике. 7 (17) декабря монарх позволил, чтобы в Валиесари «по самой по последней мере с швейскими послы помирились по столбовскому договору». 11 (21) декабря гонец вручил санкцию Ордин-Нащокину. Но... тот уже обсудил с Бьелке вариант перемирия с сохранением добытых завоеваний и практически не встретил с

той стороны возражений. Правом на заключение прочного мира, крайне нужного России, любимчик государя, грезивший о море, естественно, не воспользовался, и 20 (30) декабря 1658 г. обе делегации условились о трехлетней передышке в войне.

Афанасий Лаврентьевич прекрасно понимал, что результата достиг слишком скромного, и боялся вызвать недовольство государя. Оттого и осмелился на лукавство. Посылая 21 (31) декабря в Москву с «радостной» вестью жильца Семена Ивановича Бестужева, предупредил, что в реляцию послы не вписали срок действия соглашения, а потому, «буде про то в Посолском приказе спросят, и ему б сказать, что учинено перемирие на дватцать лет». Бестужев исполнил все в точности, и уловка, похоже, помогла. Алексей Михайлович 26 декабря (5 января) засиял от восторга, услышав от курьера о двадцати годах. Потом, правда, энтузиазм поубавился. Не воевать двадцать лет обязалась лишь Россия, а Швеция — три года. Тем не менее монарх на хитреца не разгневался. Воевода, конечно, сплутовал, да не обманул. Посему царскую милость Ордин-Нащокин не утратил, а вот стране пойманный им «журавль в небе» аукнулся большой кровью, причем еще до истечения трехлетней паузы.

Имелась у второго Романова и третья ошибка, формальная. На переговорах с поляками в Вильно тема избрания польским королем Алексея Михайловича без каких-либо гарантий главенствовала, как и прежде. Между тем послы из Варшавы пожаловали на финальный раунд только 16 (26) сентября, единственно для того, чтобы выиграть время для подхода к столице великого княжества литовских войск гетмана П. Сапеги и польских гетмана Гонсевского. Поляки достигли намеченной диспозиции 27 сентября (7 октября), литовцы — в первых числах октября. Впрочем, разгром русской армии под Вильно не состоялся по вине воеводы виленского Ю.А. Долгорукова. Стоило 9 (19) октября 1658 г. послам разъехаться ни с чем, 11 (21) октября россияне первыми атаковали неприятеля, решив бить по частям. Начали с Гонсевского, которого и сокрушили наголову, пленив самого гетмана. А Павел Сапега, услышав о баталии, ретировался к Неману.

Победу омрачило одно. Возобновление войны с Польшей спровоцировало в областях Литвы с католическим большинством партизанскую войну. И Долпоруков, осознав это, 19 (29) октября повел костяк армии в безопасные православные районы. 7 (17) ноября 1658 г. они, а вместе с ними и русское посольство Н.И. Одоевского, добрались до Шклова, откуда позднее из-за нехватки провизии перебазировались под Смоленск. В результате Москва более не контролировала половину княжества Литовского. Гарнизоны в Вильно, Гродно, Ковно, Минске, Слониме, Новогрудке и иных городах на западе Белой Руси фактически перешли на осадное положение. Понятно, что такой финал от инструкций Одоевского никак не зависел. Поляки, заполучив на южном фланге союзников в лице Выговского и татар, уклонились бы от диалога по-существу при любом раскладе. К тому же часть казаков обороняла города на востоке Белой Руси — Мстиславль, Рославль, Чаусы, Кричев, Старый Быхов, покоренный полком Ивана Нечая в 1657 г. Теперь их предстояло снова освобождать. Чему посвятили целую кампанию, кампанию 1659 г.

Медленно, шаг за шагом, отряды окольничего Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского изгоняли сторонников шляхетского гетмана из смоленских городов. К лету заняли все, кроме Старого Быхова. Этот крепкий орешек на Днепре помимо храброго Нечая оберегал брат Выговского Самойла. Приковать к себе русских сумели на полгода. Но в ночь на 4 (14) декабря 1659 г. измученный блокадой гарнизон капитулировал, не выдержав штурма. И Нечай и Самойла Выговский попали в плен. Ну а гетман Выговский в 1659 г. попытался взять реванш, заручившись помощью крымского хана и польских наемников. 7 (17) февраля «преlestными писмами» принудил к сдаче Миргород, затем блокировал Зеньков. Под ним и застрял. Россия ответила выдвижением мощной двенадцатитысячной группировки князя А.Н. Трубецкого в дополнение к зимовавшему у Лохвиц войску Г.Г. Ромодановского и Ф.Ф. Куракина аналогичной численности. Объединенная армия 20 (30) апреля осадила Конотоп, ставку полковника Г. Гуляницкого.

Здесь и произошло генеральное сражение. Выговский не просто кинулся на выручку своему представителю на Левобережье, а намеревался уничтожить русскую армию как боевую единицу. Однако положиться мог разве что на татар и поляков. Казаки шли в бой крайне неохотно. Оттого и конотопская битва, длившаяся несколько дней, с 28 июня (8 июля) по 10 (20) июля, превратилась в пиррову победу гетмана. Она вымотала татар и поляков — истинных избавителей Гуляницкого. Ханская кавалерия заманила и порубила в засаде авангард С.Р. Пожарского. Немецкие «рыцари» отбросили к Конотопу заслон Г.Г. Ромодановского. Сообща «иноземцы» четыре дня безуспешно прорывали русские шанцы близ городских стен и в конце концов заставили Трубецкого 2 (12) июля ретироваться к Путивлю. Затем дня четыре налетами тревожили ошетилившийся пушками и мушкетами русский обоз, медленно откатывавшийся на восток. Потери понесли невосполнимые. Так что финал трехнедельной осады Гадяча в июле-августе поляками, татарами и казаками вполне логичен: слухи о разбойных рейдах донского казачества на крымском побережье увели Мехмеда IV Гирея домой. Боеспособность обескровленных шляхтичей упала почти до нуля. Казаки воевали из-под палки. И нет ничего удивительного в том, что А.Н. Трубецкой, перейдя в контрнаступление 4 (14) сентября, с противником практически не сталкивался. Уже 24 августа (3 сентября) в русское подданство возвратился Переяславский полк Тимофея Цецюры, 1 (11) сентября — Нежинский Василия Золотаренко, 3 (13) сентября — Лубенский Якова Засадко. К 7 (17) сентября за Россию «проголосовали» все черкасские полки, в том числе и «заднепровские». Так что 27 сентября (7 октября) 1659 г. Трубецкой занял Переяславль без боя, под звон колоколов. Там 17 (27) октября гетманскую булаву от отрешившегося Выговского унаследовал избранный на казацкой раде Юрий Хмельницкий. Лояльность «черкасс» простиралась до того, что размещение русских гарнизонов в Нежине, Чернигове, Брацлаве и Умани помимо Киева никто не опротестовал.

Стоит, правда, обратить внимание на время успешного окончания украинской кампании. В августе, когда Никон беседовал

с царем, все выглядело не столь благостно. Украина, на счастье Неронова, казалось, простилась с Россией всерьез и надолго. А раз так, то обрядовая реформа выглядела ненужной и напрасной. Ничто не мешало избрать нового патриарха из среды ревнителей старины. К тому же под Конотопом погибло много молодежи из родовитых боярских фамилий (249 человек). Горе заметно поубавило оптимизма среди высшей аристократии и повысило «рейтинг» партии мира, сиречь, Неронова. Партизанская анархия в Литве, хрупкое перемирие со шведами, отвоевание поляками в марте первой крупной крепости — Гродно, лишь подливали масла в огонь праведного гнева «боголюбцев». И в такой момент Никон поступил не лучшим образом, предпочтя помощи государю и государству «каникулы» в отдаленных монастырях — Иверском до рождественских праздников и в Крестном (Кийском) до новогодних, то есть до сентября 1660 г. О чем, разумеется, потом пожалел. И неспроста в 1665 г. в письме патриарху Константинопольскому Дионисию факт встречи с монархом в августе 1659 г. будет им скрыт, а отъезд на Валдай, затем на Онегу оправдан августейшим предписанием поселиться в Калязинском монастыре во избежание «больших смятений». Хозяина «подвел» Шушерин, изложив в «житии» патриарха события тех дней беспристрастно. Ведь он не подозревал о всех политических хитросплетениях того лета, в очередной раз судьбоносного для московской державы³.

По-видимому, рядом с Алексеем Михайловичем в ту критическую минуту остался единственный государственный муж, твердо веривший, как и царь, в правоту начатого Никоном дела и необходимость довести его до конца. Федор Михайлович Ртищев. Но ему еще аукнется опрометчивая солидарность с другом юности.

Увы, Неронов в течение 1659 г. в действиях Никона обстоятельств, позволявших сместить строптивого первосвященника с престола, так и не обнаружил. Зато чуть ли не вся Москва — и светская, и духовная — желала этого. Общественное настроение — фактор весомый. В угоду народному мнению возникшее препятствие преодолели известным способом — лжесвидетельством. Очевид-

цам ухода Никона из Успенского собора надлежало заявить, что тот поклялся «впредь не быть патриархом». Обещание нарушить нельзя, значит, можно и нужно переизбрать.

Кстати, не в ту ли пору, как отбракованный вариант дискредитации Никона, родилась легенда о поражении Новгородского митрополита на выборах 1652 г.? Мол, сам Бог забаллотировал нечестивца, ибо жребий, не в переносном, а в прямом смысле, пал на некоего иеромонаха Спасо-Юнгинского монастыря Антония. И наперснику царя сильно повезло, что скромный инок не захотел нести бремя духовной власти. Кто такой Антоний? Да священник из предместий морозовского села Лысково, наставник Неронова и Павла Коломенского. Естественно, заготовка не пригодилась. Слишком мало лет миновало со дня патриаршего избрания, и публика помнила, что жеребьевка тогда не проводилась. А вот в XIX веке истина подзабылась, и архимандрит Ново-Иерусалимской обители Аполлос (А.М. Алексеевский) в какой-то из старообрядческих рукописей вычитал сию сенсацию и использовал в своем биографическом очерке о Никоне. И прославился Антоний, в миру Ананий, в отечественной историографии как счастливый соперник самого царского «собинного друга», которому благородно и уступил место. Позднее историки разобрались в ошибке. Однако и по сей день нет-нет да и всплывает в каком-нибудь научном труде утверждение о самоотверженности нижегородского учителя Ивана Неронова.

К Рождеству 1659 г. чернец Григорий заручился согласием митрополита Крутицкого Питирима свидетельствовать, как надо, о происшествии 10 (20) июля 1658 г., после чего о том поставили в известность главу династии Романовых. Проиигнорировать откровение блюстителя патриаршего престола монарх не мог, и в январе 1660 г. идея созыва священного собора удостоилась, наконец, высочайшего одобрения. А пока архиереи, архимандриты, игумены и протопопы съезжались в столицу, к «студеному морю» помчались с предупреждением об опасности два курьера. Первого 15 (25) января послал боярин Н.А. Зюзин, второго немного позднее — царь. Государев нарочный — стольник М.С. Пушкин — прискакал в Кийский монастырь 24 февраля (5 марта) 1660 г.

Никите Алексеевичу Никон ответил, что «мы рады о покое своем и ни малы печальны есми». Матвея Степановича напутствовал иначе: «Патриарха поставить без нево, он не благословляет!.. Потому, что де он, патриарх, сам жив и благодать Святого Духа с ним. Оставил де он престол, а архиерейства не оставливал... Будет де великий государь изволит ему, патриарху, быть в Москве, и по ево... указу он... новоизбранново патриарха поставит и... пойдет в монастырь!» 6 (16) марта в столице уведомились, на каких условиях Никон согласен отойти в сторону, и... отмахнулись от них. Общественность, в том числе духовная, мечтала о ниспровержении Никона. Посему присутствие или отсутствие в Москве главного героя никого не волновало, как и то, зарекался Никон возвращаться или нет. «Карфаген» собирались «разрушить» по-любому. Но, конечно, предпочтение отдали бы вердикту с безукоризненным обоснованием.

И все бы хорошо, если бы накануне совещания в игру не вмешался кто-то, кого Неронов не учел в своих расчетах. Этот кто-то обладал большим политическим влиянием. Оно уравнило авторитет «боголюбцев», и в итоге свидетели демарша Никона в Успенском соборе почти не боялись говорить правду. Первым 13 (23) февраля допросили архимандрита Ново-Спасского монастыря Иосифа. Тема клятвы даже не поднималась. 14 (24) февраля нашумевшее событие вспоминали девять человек — архимандрит, три игумена, три протопопа, соборный ключарь и митрополит Сербский Михаил. Никто не обмолвился о патриаршем зароке.

Дата допроса Питирима точно не известна. Скорее всего, 15 (25) февраля. Коли так, то оппонент Неронова пересхитрил соперника, ибо митрополит Крутицкий первым добавил к общепризнанному восклицанию («отселе вам не буду пастырь») при словье: «Аще де и помышлю быти патриарх, и я де анафема буду!» Повторил за ним, причем неуверенно, «глухо», только один — архиепископ Тверской Иоасаф. Следовательно, с беседами в предыдущие два дня поспешили умышленно, упреждая исповедь Питирима. Нероновцы спохватились слишком поздно и, предчувствуя неминуемое фиаско, обзавелись запасным вариантом.

Обратились за содействием к князю А.Н. Трубецкому и думному дьяку Л.Д. Лопухину. Они в Успенском соборе в ключевой момент не были. Зато конфиденциально общались с Никоном в Воскресенском монастыре вечером 12 (22) июля. Вот тогда он якобы обоим и заявил: «Впредь де... в патриархах быть не хочет. А толко де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема!» «Сказку» эту сановники продиктовали 15 (25) февраля.

Спустя сутки, 16 (26) февраля, собор торжественно открылся. Алексей Михайлович лично призвал участников судить по справедливости. В рутину выслушивания и сопоставления «писменных скасок», внесенных боярином П.М. Салтыковым, высший синклит погрузился на другой день. Ох, как же большинству хотелось уличить Никона в вольной или невольной опрометчивости. К «барьеру» пригласили всех опрошенных архиереев и иереев за разъяснениями. Без особого эффекта. 19 (29) февраля собственную версию и опять не в унисон с питиримской сообщил архимандрит Богоявленского монастыря Киприан. Наконец, в течение 20—22 февраля (1—3 марта) к дознанию привлекли весь клир Успенского собора и патриарших служителей, до полусотни человек. И никто о «клятвенных словесах» не заикнулся, кроме священника Федора Терентьева. В общем, интрига с «анафемой» провалилась, с чем высшее российское духовенство и смирилось. Однако это не предотвратило провозглашение собором 27 февраля (8 марта) 1660 г. патриаршего престола вакантным по причине превышения Никоном срока дозволенной с него отлучки «без богословны вины» — шести месяцев. Как легко догадаться, соборное постановление оспорить мог и Никон, и таинственный поклонник опального владыки, доказав либо наличие в никоновом «отшествовании» с московской кафедры «богословны вины», либо ошибку в интерпретации нормы, заимствованной из распоряжений Вселенских соборов. Вторая особа именно так и сделала.

Разумеется, Неронов не поленился вычислить, кто же встал на пути триумфа «боголюбцев». Кандидатов имелось двое — либо царь Алексей Михайлович, либо дворецкий Федор Михайлович Ртищев. Борис Иванович Морозов на роль отважного поединщика

не подходил по возрасту и состоянию здоровья. Болел давно и серьезно. На кого же, в итоге, подумал вождь оппозиции? Естественно, на Ртищева, не допуская и мысли, что второй Романов сможет когда-либо обойтись без поводыря. Партийную принадлежность главного судьи приказа Большого дворца чернец Григорий прощупал в последнюю зиму Никонова правления. Похоже, специально в беседе с окольным членом отозвался о «Служебнике» 1655 г. и помечтал о священном костре для подобной литературы. Ртищев доверия не оправдал, донес о крамольных речах почтенного старца патриаршим инквизиторам, которые тут же нагрянули на двор Неронова и арестовали «духовных неких мужей». Пока у тех выпытывали, где и как их кумир сжег или собирался сжечь богослужебную книгу, виновник происшествия нанес визит патриарху и без труда выхлопотал для пострадавших постояльцев освобождение из узилища. Ну а Федор Михайлович, «Иуда», тогда же пополнил черный список врагов истинных «боголюбцев».

Через два года, зимой 1660-го, неприязнь к ближайшему советнику монарха переросла в ненависть. Ну кто помимо него посмел бы склонять Алексея Михайловича к неисполнению решения священного собора об избрании нового патриарха? Не сам же государь сообразил найти ренегата среди единодушно проголосовавших за выборы шести митрополитов, восьми архиепископов, двух епископов, двадцати девяти архимандритов, тринадцати игуменов, четырех протопопов, одного ключаря и одного иеромонаха? Того, кто внимательно прочтет то самое шестнадцатое правило, на которое поспешно сослался собор, и отыщет в нем какую-либо нестыковочку. А изучить древние манускрипты взялся не кто-нибудь, а ученый киевский иеромонах Епифаний Славинецкий. Опять же «черкасец», к коим весьма благоволил Ртищев. И не стоит забывать, что Федор Михайлович контролировал в ту пору не только обширное дворцовое хозяйство, но и личную канцелярию самодержца — приказ тайных дел, учрежденный около 1654 г. на базе приказа Большого дворца. И структура эта после самоустранения Никона автоматически обрела статус высшей властной инстанции московской державы.

Три месяца царь под разными предлогами избегал прислушаться к рекомендации собора, будто выжидал чего-то. 20 (30) марта возобновил сессию, чтобы, во-первых, ознакомить духовенство с ответом Никона, привезенным Матвеем Пушкиным, во-вторых, дать слово трем греческим иерархам — митрополиту Фивскому Парфению, архиепископам Хиосскому Кириллу и Погонианскому Нектарию. Увы, кондиции патриарха собрание проигнорировало. Греки, поколебавшись, примкнули к мнению россиян о шестимесячной просрочке. Несмотря на то, весенние дебаты выкроили время для переговоров с Епифанием Славинецким, и к лету иеромонах удовлетворил чаяния защитников Никона.

26 мая (5 июня) 1660 г. ученый старец внес протест на февральский вердикт высшего духовенства, в марте одобренный греческой трицией: собор «не обретох бо сицевых правил, яже бы архиерея, самоволно убо оставшаго престол свой, архиерейства же не отрекшагося, отчюждали архиерейства и священства». Понятно, что от Славинецкого потребовали более конкретной аргументации. И она не замедлила поступить на всеобщее рассмотрение 15 (25) июня. Киевлянин выстроил логически безупречную конструкцию. В пресловутом шестнадцатом пункте первого и второго Вселенских соборов речь идет об архиереях-епископах. Архиереи иных рангов — архиепископы, митрополиты и тем паче патриархи — там не упоминаются. Так что они под шестимесячный лимит отсутствия на архиерейском посту не попадают. Посему Никон — патриарх всея Руси и архиепископ Московский — осужден незаконно.

Хотя благодаря Славинецкому Никон, вернее, Алексей Михайлович в баталии и победил, ее финал не внушал оптимизма, ибо, невзирая ни на что, 14 (24) августа 1660 г. собор настоятельно порекомендовал без всяких ссылок на церковные уставы избрать нового патриарха. И вердикт этот вместе со всеми подписал Епифаний Славинецкий. Что ж ученый муж опять передумал? Или прикладывал руку поневоле, остерегаясь не угодить общественному мнению России? Тем не менее партию выиграл царь. Серьезных оснований для отрешения Никона собор не предъявил.

Потому Алексей Михайлович организацию выборов заморозил на срок, выгодный ему. А вот судьбу самого Никона совещание высшего духовенства прояснило. Шанс помириться с государем воскресенский строитель летом 1660 г. утратил окончательно, ибо теперь хозяин Кремля в помощи святейшего не нуждался и мог откладывать избрание преемника Никона столько, сколько требуется. Продолжительность тайм-аута, в свою очередь, зависела от финала русско-польской войны. Мирный договор с включением как минимум Левобережья в состав России означал выдвижение в патриархи сторонника обрядовой реформы и утверждение в России троеперстия. Потеря «черкасс» неминуемо влекла за собой и торжество Неронова. Первосвятителем по высочайшей воле избирали бы кандидата от «боголюбцев», который и реабилитировал бы двоеперстие.

Понимал ли, на каком распутье стояла страна в 1660 г., чернец Григорий. Безусловно. Однако не в Алексее Михайловиче видел того, кто ожидал, чем завершится военная драма. Иначе бы не обременил царя в сентябре 1660 г., когда Никон вновь обосновался в любимом Воскресенском, верноподданнической челобитной, умолявшей «даждь нам учителя и пастыря, могущаго укрепить благочестие... кроткаго и смиреннаго сердцем... подражающаго своего владыку Господа нашего Иисуса Христа... верна и непостыдна... гнев Божий утолити могущаго... примирити нас к Богу могуща... победителя страstem». Мольбу сопровождал солидный перечень мотивов и ссылок на церковные авторитеты в доказательство непозволительности дальнейшего промедления с избранием нового патриарха. Государь в ответ промолчал⁴. Неронов не удивился тому, подозревая вмешательство недоброжелателя, то есть Ртищева. Бедный Федор Михайлович, возможно, и не предполагал, какие тучи сгущаются над его головой. Между прочим, к счастью для России. Ведь если бы лидер «боголюбцев» понял, что ошибается, тучи, боюсь, нависли бы над головой другой...

В 1661 г. борьба за посох патриарха московского приутихла. И враги, и друзья, и временные союзники Никона, все осознавали,

где в ту пору решалось будущее церковной реформы. На просторах Белой и Малой Руси. Неронов ничего не предпринимал, внимательно отслеживая новости с украинской передовой. Склонять воевод к измене себе дороже. Оттого главный расчет строился на неопытность и запальчивость нового правящего тандема. Основания для того имелись. Русско-шведское перемирие за два года так и не трансформировалось в надежный мир, высвобождающий немалые военные силы для переброски на польский фронт. Шведофоб А.Л. Ордин-Нащокин с 27 октября (6 ноября) 1659 г. в Пюхестекюлэ, с 30 марта (9 апреля) 1660 г. в Кардиссе (оба под Дерптом) тщетно выбивал из Б. Горна Ингерманландский край, а, по крайней мере, Ивангород и Ямбург. Партнер на пересмотр Столбовского трактата не склонился. На том с 3 (13) апреля 1660 г. процесс и заглох.

В отличие от русских поляки проявили гибкость и, согласившись на довоенное статус-кво, подписали в Оливе 23 апреля (3 мая) 1660 г. мирный договор со Швецией. Солдаты, сражавшиеся в Ливонии и Пруссии, не мешкая, зашагали на восток. 18 (28) июня при Полонке (под Ляховичами) подкрепленная резервами польско-литовская армия разгромила войска князя И.А. Хованского, зимой смелым рейдом овладевшие Гродно и Брестом, после чего осадила Борисов и Могилев, с налету взяла Мстиславль и Кричев. Контрударом из Смоленска полки Ю.А. Долгорукова прервали победное шествие поляков и, во взаимодействии с отошедшими 26 июня (6 июля) к Полоцку частями Хованского, в середине октября выгнали неприятеля ретироваться от Могилева. Однако стратегическая инициатива отныне в Белоруссии принадлежала Речи Посполитой. Поход на Варшаву, как средство убеждения шляхтичей к миру, так и не состоялся.

Ситуация на Украине развивалась еще более катастрофически. Устремившемуся на Львов В.Б. Шереметеву под Межибожем путь преградили коронные хоругви и крымская конница. Воевода маневрировал к Любару, где противник и настиг русских. Весь сентябрь «обоз» Шереметева отражал вражеские атаки, ожидая

помощи от казаков гетмана Ю. Хмельницкого и шаг за шагом отходя к Чуднову. Там-то 18 (28) сентября поляки благодаря многотысячной татарской орде и сумели зажать в плотном кольце рать воеводы. Даже «черкассы», подоспевшие 23 сентября (3 октября), не преодолели сей заслон, также угодили в окружение и, понеся серьезные потери в бою 27 сентября (7 октября), окопались в трех милях от блокированного союзника, в селе Слободище.

Стоит напомнить, что сражение разгорелось на территории Правобережной Украины, где идее автономии в рамках Польши сочувствовало большинство. Юрий Богданович, похоже, слишком поздно заметил, как из предводителя запорожского войска превратился в заложника полковников Правобережья. Они ловко обыграли себе на пользу то равновесие, которое возникло после неудачных штурмов поляками русского и украинского таборов. Пока гетман 30 сентября (10 октября) отправлял гонца в Москву, взывая о подмоге, почитатели Выговского в украинском стане — генеральный обозный Тимофей Шкуратенко (Носач), полковники Григорий Гуляницкий и Григорий Лесницкий — прозондировали мнения крымского царевича (пурадын-султана) о татарском нейтралитете, коронного гетмана С. Потоцкого о реанимации Гадячской конституции. Первый выйти из игры не думал, второй идею сделки одобрил. Поставив Хмельницкого перед свершившимся фактом, старшина 7 (17) октября 1660 г. добилась от него подписания бумаги по шаблону 1658 г. Потоцкий исключил из кондиций один пункт — триединство польской монархии. Украина Великим княжеством Русским не становилась.

Присяга «черкасс» польскому королю обрекла русских на голодную смерть, ибо их прорыв 4 (14) октября на соединение с казаками провалился. Оттого В.Б. Шереметеву выпало испытать ту же чашу, что и боярину Шеину под Смоленском в 1633 г. 23 октября (2 ноября) он капитулировал. Гетман Потоцкий пообещал отпустить всех, конечно же, без оружия в Путивль, если русские войска будут выведены из Киева, Переяславля, Нежина и Чернигова. Командиры четырех гарнизонов подчиняться Шереметеву и не собирались. Впрочем, первыми слово нарушили

победители. Татары, невзирая на протесты шляхтичей и даже попытки сопротивления, напролом вломились в русский лагерь и разобрали солдат по рукам — 23 октября (2 ноября) украинцев, не признавших Слободищевский сговор, 24 октября (3 ноября) россиян. Панская стража сумела спасти от басурманской неволи офицерский корпус во главе с Шереметевым, который на годы очутился в польском плену.

Как видим, Украина к ноябрю 1660 г. вновь отпала от России. Впрочем, весть эта недолго радовала Григория Неронова. 7 (17) декабря в Москве ознакомились с официальной реакцией Левобережья на события под Слободищами. Шурин Богдана Хмельницкого, Яким Самко, наместник Белоцерковский, с 15 (25) октября в Переяславле координировал мобилизацию казаков, настроенных пророссийски. Сюда стекались депутации от городов, возмущенных изменой заднепровцев. Здесь в соборной церкви они и подтвердили «верное и вечное подданство» северных полков московскому царю, избрав наказным гетманом, заместителем главного гетмана, Якима Самко. А очередное введение в конце ноября 1660 г. корпуса Г.Г. Ромодановского на сочувствующую России половину Украины, воспрепятствовало вторжению туда польско-татарской коалиции.

В результате, «чудновская» трагедия закончилась не столь плачевно, как казалось вначале: часть «черкасс» — переяславская — не покорилась Речи Посполитой. Кульминация битвы за нее переносилась на кампанию 1661 г. Так что Алексею Михайловичу надлежало поторопиться с исправлением роковой оплошности кампании прошедшей. А именно не жадничать в Кардиссе на переговорах со шведами, пожертвовать завоеванными в 1656 г. крепостями. К счастью, царь едва ли не в последний момент смирился с неизбежностью ничьи в войне с прибалтийским соседом. 22 ноября (2 декабря) 1660 г. он направил в Стокгольм особого курьера к новому королю Швеции Карлу XI с предложением возобновить Кардисский конгресс ради скорейшего заключения прочного мира. Шведы нисколько не возражали, и 23 марта (2 апреля) финальный раунд консультаций начался. На нем русской делегацией

руководил не идейно предубежденный А.Л. Ордин-Нащокин, а исполнительный И.С. Прозоровский, что свидетельствовало о готовности Кремля на нулевой вариант в конфликте, надоевшем обоим народам. На постепенное оглашение и снятие каждой из сторон дежурного списка претензий, для партнера неприемлемых, ушло без малого три месяца. 21 июня (1 июля) 1661 г. трактат на основе Столбовского акта, наконец, провозгласил прекращение странной войны, а Россию... обрек на внутрицерковный раскол.

1661 г. неожиданно принес Москве передышку в военных действиях на главных фронтах. Поляки целиком сосредоточились на очистке Западной Белой Руси от русских гарнизонов, а потому и на севере Днепра, и на юге бои имели позиционный характер. Соперники беспокоили друг друга успешными и не очень рейдами, пока Гродно, Брест, Борисов и, прежде всего, Вильно изматывали под своими стенами лучшие коронные части. Взятие поляками трех городов на востоке — Могилева в феврале, Десны в марте и Себежа в апреле 1661 г. — заслуга не военных, а гражданского населения, восставшего против подчинения московской державе. Лишь осенью в Варшаве опомнились и попробовали отбросить русских подальше за Днепр. Атаковали в первые дни октября в районе Полоцка. Более слабая армия И.А. Хованского упорно сдерживала натиск неприятеля при Кушликовых горах («от Десны в 10 верстах в селе Кушниках») до конца месяца. 25 октября (4 ноября) 1661 г. уже все польское войско под командой самого Яна-Казимира сумело опрокинуть русский строй. Хованский в беспорядке отступил к Великим Лукам, успев позаботиться об обороне Полоцка. Однако обескровленные хоругви Речи Посполитой осаждать крепость не рискнули. Тем не менее основной цели кампании Варшава достигла — осажденными в тылу городами овладела, в том числе и столицей Литвы, Вильно, 22 ноября (2 декабря), комендант которой Данила Мышецкий едва не взорвал городскую цитадель. Помешали собственные офицеры⁵.

Впрочем, истощение ресурсов, как финансовых, так и людских, было таково, что в 1662 г. ни Польша, ни Россия не предпринимали никаких крупных военных акций. Единственно, Юрий

Хмельницкий 12 (22) июня ни с того ни с сего в союзе с татарами вторгся на Левобережье и около месяца осаждал Переяславль, воевал Кременчуг и набегами малых отрядов разорял городки и поселения в глубине неподвластной ему украинской территории. Как ни странно, действовал сын легендарного полководца в интересах не польского короля, а царя московского. Дело в том, что «черкаassy» намеревались избрать четвертым гетманом войска запорожского Якима Семеновича Самко, родного брата Анны Семеновны Хмельницкой, первой жены Богдана Михайловича. В Москве же к шурина первого и родному дяде третьего предводителя украинцев симпатий почему-то не питали. Вот и начались у него проблемы.

28 апреля (8 мая) 1661 г. на раде под Нежиным у казаков не получилось прокричать имя нового вождя — Якима Самко. Увы, за два дня до того, на предварительном согласовании старшиной единой кандидатуры от всех полков у несомненного фаворита вдруг объявился соперник — полковник нежинский Василий Никифорович Золоторенко и тоже шурин Богдана Хмельницкого, родной брат третьей жены гетмана, Анны Никифоровны Золоторенко. А выдвинул альтернативу не кто-нибудь, свежиспеченный блюститель Киевской митрополии, епископ Мстиславский и Оршанский Максим Филимонов, еще вчера протопоп соборной церкви Нежина. На совещании 26 апреля (6 мая) он отсутствовал, отлучился в Москву принимать архиерейский сан. Потому за полковника нежинского слово замолвил воевода Г.Г. Ромодановский, «наперед рады за три дни» разместивший в окрестностях города русских «ратных людей». В итоге мнение царского окольного перевесило волю подавляющего большинства украинцев. Ведь Золоторенко никто, кроме нежинцев, не поддержал. И пришлось выборы отложить до выяснения высочайших предпочтений.

В Москву отправилось посольство во главе с войсковым ссаулом Иваном Воробьем. Но оно вернулось без ответа. Алексей Михайлович 29 мая (8 июня) 1661 г. всего лишь пообещал указать «о обрании гетманском... впредь». Обещание исполнил через год. 13 (23) мая 1662 г. поручил А.Н. Трубецкому провести избирательную раду «в Прилуке или где пристойнее» под

охраной солдат князя Ромодановского. Украинцы пристойным местом нашли Переяславль. Туда в исходе мая устремились депутации от всех городов и полков. Золотаренко из Нежина выехал 2 (12) июня. Примечательно, что Самко в преддверии царского позволения не преминул подстраховаться. В Козельце (между Киевом и Черниговом) организовал нечто вроде праймериз, на которых вновь победил. А еще 30 мая (9 июня) послал в Москву гонца с мольбой не вмешиваться в выборы, чтобы Г.Г. Ромодановский «в наши войсковые права запорожские не вступался и Васюты с епископом... на злое не приводил». Как мы видели выше, просьбу дяди молодого Хмельницкого уважили. «Обедню» Самко испортил не князь-воевода, а родной племянник. Вторжение на левый берег татар и заднепровцев, бои за Переяславль и Кременчуг поневоле вынудили отсрочить избирательную раду еще на год.

Сотник Матвей Романенко с вестью о нападении Хмельницкого прискакал к русскому царю 4 (14) июля 1662 г. 16 (26) июля Алексей Михайлович с семьей перебрался из шумной столицы в летнюю резиденцию, село Коломенское. 20 (30) июля на день ради праздника Ильи-пророка возвратился в Москву. По прошествии пяти суток, 25 июля (4 августа) 1662 г., разразилась страшная трагедия знаменитого Медного бунта. Масштаб трагедии в историографии недооценен до сих пор. Хотя, похоже, именно Медный бунт повинен в том, что через несколько лет запыхают костры, сжигающие старообрядцев. И все по причине того, что Тишайший царь догадался, в какой степени восстание являлось естественным, а в какой — искусственным.

Безусловно, гнев народный породил скачок инфляции. Если в сентябре 1660 г. за серебряную копейку в Москве давали три медных (введенных в 1656 г.; прежде, с 1654 г. чеканились номиналы в 50, 25, 10 и 3 копейки), то к марту курс поднялся до шести, а к июлю — до восьми медных монет за одну аналогичную серебряную. В провинции серебро дорожало не так быстро. Почти шесть лет медные деньги конкурировали с драгметаллом на равных. Но с весны 1660 г. наметилось падение, до осени 1661 г. медленное. Динамика подозрительно совпадает с военными катастрофами.

Конотоп пошатнул стабильность денежной системы, Чудново и Кушликовы горы ее обрушили. Утраченное на полях сражений восполняли, оплачивая расходы массовым выпуском новых партий медной мелочи. За медь выкупали в казну серебро, налоги собирали тоже серебром, перевели на медь жалованье иноземцев, допустили оборот меди в Сибири. В общем, скребли по сусекам, чтобы восстановить военный потенциал, подорванный тремя крупными военными поражениями. Признаться в том народу, царская честь помешала. В качестве компенсации устроили охоту на ведьм, раструбив везде о кознях фальшивомонетчиков. Мол, медные копейки печатают все, кому не лень, и правительство не в силах воспрепятствовать этому. И даже хуже, бояре сами включились в процесс. А первым — главный судья приказа Большой казны И.Д. Милославский.

Немудрено, что трудовой люд героев фальшивомедной пропаганды люто возненавидел. Все понимали, куда потечет прибыль от деятельности частных монетных дворов, покрываемых сановными царедворцами. В сундуки этих же царедворцев. Кабы на войну... Очевидно, Милославский и иже с ним, жертвуя собой ради сокрытия политических промахов августейшей особы, не предполагали, насколько опасен для них тот огонь, который они вызывали на себя. Впрочем, социальный взрыв мог и не потрясти московское государство, не будь одна персона в нем заинтересована. Внимательно наблюдая за политическими инициативами московского двора в течение 1658—1662 гг., она убедилась, что царь — послушное орудие в чужих руках. И руки те принадлежат тому, кто не хочет избрания патриархом искреннего боголюбца, печется о «черкассах», сочувствует обрядовой реформе Никона.

Кто 10 (20) мая 1660 г. священному собору порекомендовал пригласить в арбитры вселенских патриархов и не одобрил избрание в патриархи «инога», «не спросивше» у Никона «соборне вин оставления» святительского престола? Архимандрит Полоцкого Борисоглебского монастыря Игнатий Иевлевич, 6 (16) апреля того же года в палатах главного судьи Большого дворца «за Боровицким мостом» вычурно поздравивший с Пасхой «благодетеля»,

хозяина дома. А кто такой блюститель Киевской митрополии, епископ Мстиславский и Оршанский? Да, старый корреспондент и приятель главного судьи Большого дворца Максим Филимонов. 5 (15) мая 1661 г. митрополит Крутицкий Питирим посвятил его в архиереи, нарек Мефодием и в обход протезе Якима Самко — архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля и епископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича — доверил управление всей православной церковью Украины. Разумеется, без покровительства дворецкого Алексея Михайловича нежинский протопоп подобного возвышения не достиг бы. И чем занялся новый духовный архипастырь в Киеве? Тем же, чем патрон в Москве. Дважды сорвал избрание Самко гетманом. Причем во второй раз на редкость оригинально: столкнул ближайших родственников друг с другом на поле брани.

Читатель, конечно же, разобрал, какие две персоны имеются в виду. Григорий Неронов и Федор Ртищев. И как Медный бунт мог помочь лидеру «ревнителей благочестия»? Давайте посмотрим. 25 июля (4 августа) 1662 г. Раннее утро. Государь в Вознесенской церкви села Коломенского присутствует при окончании всенощной службы. В те же часы в Москве «у решетки, что на Стретенке у Лубянки» возникает столпотворение. Грамотные зачитывают прочим текст листа, прилепленного воском к столбу. Текст немалый, в «двух столпцах». А суть такова: некоторые «бояре ссылаются листами с полским королем, хотя московское государство погубить и поддать полскому королю». Для того и ввергли всех в нищету. «Изменников» документ назвал поименно: «Илья Данилович Милославской, да окольничий Федор Михайлович Ртищев, да Иван Михайлович Милославской, да гость Василий Шорин».

Стоп. Клеветой о связях с Яном-Казимиром анонимный автор, понятно, подогревал народный гнев до точки кипения. Однако вряд ли бы она задела за живое массы, не будь у перечисленных особ конкретных прегрешений перед обществом. Вину трех растолковывать не требовалось. Илья Данилович Милославский командовал Монетными дворами в Москве (серебряно-медными Старым в Кремле и Новым «Английским» в Китай-городе, мед-

ным «дворцовым» на Никитской улице в палатах Н.И. Романова), Новгороде (медным) и Пскове (медным). Иван Михайлович Милославский, управляя с осени 1661 г. Челобитным приказом, волокитил народные жалобы и не информировал государя о махинациях родного дяди. Василий Шорин с конца июня 1662 г. подрядился собирать для казны очередной чрезвычайный налог — «пятую денгу» (20% с доходов торговцев и промысловиков). А чем обидел соотечественников «кроткий муж» Федор Михайлович Ртищев? Меценат, просветитель, грекофил, первый друг украинцев при русском дворе, к финансовым аферам явно не причастный! Так он же — глава правительства!!! Сочинитель подметного письма, по крайней мере, в этом уверен и это подразумевает. Иначе бы не ограничился простым упоминанием государева дворецкого среди лиц с запятанной репутацией. И коли господин Ртищев — первый министр, то отвечает за все, в том числе за фиаско с денежной реформой.

С тезисом сим мы бы согласились, если бы не Патрик Гордон, летом 1661 г. перешедший с польской на московскую службу. 19 (29) декабря 1661 г. будущий наставник Петра Великого, поругавшись, «спустил с лестницы» и с друзьями «крепко поколотил» сотрудников приказа Большого дворца. Скандал, суливший офицеру-наемнику суровое наказание, замял «наш боярин», то есть И.Д. Милославский, который, по словам Гордона, в ту пору имел «великую распрю» с Ртищевым. Получается неувязочка. Ртищев — глава правительства, а неудобного «министра финансов» снять с поста не может. Где же оно, безграничное влияние на монарха? Увы, не обладал Ртищев той же властью, какой пользовались Морозов, Никон или Ванифатьев. Стратегические решения ни он и никто другой не принимал. Только советовал. Решал же все Алексей Михайлович Романов.

Кстати, вопрос о причине распри между Ртищевым и Милославским тоже любопытен. Не раскрутка ли царским тестем с конца лета бешеных темпов инфляции поссорила двух вельмож?! Для расширения штамповочной мощности Милославский не постеснялся около 1660 г. выпросить у царя дополнительную пло-

щадь дворцового подчинения (двор Н.И. Романова), что Ртищеву не могло понравиться. Достойно примечания и другое: зимой 1661—1662 гг. государь склонился к упразднению обанкротившейся системы. Однако нехватка серебра, растраченного на военные нужды, не позволяла запретить медяки тотчас. Выход нашли в январе 1662 г. Обнародовали 9 (19) февраля. Тишайший ввел госмонополию на экспорт шести «указных товаров» (пеньки, поташа, смольчуги, говяжьего масла, юфти, соболя). Действовала она до 1 (11) сентября 1662 г., после чего ее сменила десятипроцентная пошлина серебром на торговлю с иноземцами. Интересную для Европы продукцию ведомства Р.М. Стрешнева (приказ Большого прихода и Сибирский приказ) закупали у производителя за медь, продавали за серебро заморским негодьям либо напрямую (в основном, на ярмарке в Архангельске), либо через агентов. За год скопили приемлемый минимум и 15 (25) июня 1663 г. эксперимент с медной наличностью прекратили. Предварительно в течение 1661 г. эффективное средство опробовали на практике. А кто? Приказ Большого дворца и Оружейная палата, то есть структуры, возглавляемые двоюродными братьями — Ф.М. Ртищевым и Б.М. Хитрово. Кроме того, с сентября 1661 г. выпестованная Ртищевым команда приказа Тайных дел пыталась организовать поиск серебряной руды на территории России. К сожалению, безуспешно.

Итак, дворецкий царя первым министром отнюдь не являлся, и потому уверения австрийского дипломата барона Августа Майерберга, что Ртищев, руководя «всем монетным делом в государстве», «не без оснований считается главным виновником чеканки медных денег», есть не что иное, как отзвук Медного бунта. Ведь процитированное — не отрывок из дневника, а одна из характеристик придворных Алексея Михайловича, данная по возвращении на родину, в мемуаре, написанном в 1663 г. Историков смущает рассуждение Майерберга о нависшей над «фаворитом» угрозе со стороны обездоленного денежной реформой народа, исходя из контекста вроде бы написанное до восстания. Правда, в рассказе о самом бунте, о котором австриец услышал в Смоленске, куда

приехал из Москвы 8 (18) мая 1662 г., о своем прогнозе, на редкость «точно» сбывшемся, он почему-то не вспомнил. Зато бросается в глаза ошибка, порожденная плохой ориентацией в русской приказной системе. «Монетным делом» в России ведал главный судья Приказа Большой казны, а не Большого дворца.

Впрочем, с выводами о степени политического могущества Ртищева барон, прежде всего, оплошал потому, что вторил первоисточнику — разработчику мятежного сценария. А тот стремился к одному — избавиться от Ф.М. Ртищева. Милославских и Шорина включил в черный список больше для маскировки подлинной цели «гиля», чем для расправы. И, конечно, вдохновение «светлая голова» черпала в событиях июня 1648 г. Как и четырнадцать лет назад, возмущенной толпе надлежало растерзать начальствующего человека. Шорин — купец — на роль второго Плещеева никак не годился. Милославский-старший — тесть царя, Милославский-младший — племянник первого. Оба — царские родственники, и, по примеру Морозова, им не возбранялось отделаться временным изгнанием куда-нибудь. За что Алексею Михайловичу пришлось бы дорого заплатить — выдачей Ртищева. Вместе с Шориным окольный и подвергся бы линчеванию народом.

Дерзкий план учитывал мельчайшие детали. Отсутствие в Коломенском кремлевских стен, облегчающих защиту царского дворца от проникновения черни. Градус ее недовольства: провокационный лист к «решотошному столбу» прикрепили не раньше и не позже, а на пике мятежных настроений. К тому же их особо подстегнул указ о «пятой денге». О посильной помощи царского наместника в Москве — князя Ф.Ф. Куракина — заговорщики тоже позаботились. Наконец, сами они участвовали в акции так, чтобы не быть пойманными. Во-первых, под покровом ночи приклеили воском на видном месте воззвание. Во-вторых, увлекли толпу в поход в село Коломенское. В-третьих, на безопасном расстоянии отслеживали общение народа с царем и об итогах доносили в город координатору. В группу, скорее всего, входило не больше десятка лиц, которым не составило труда избежать коломенской

бойни и мгновенно исчезнуть из поля зрения и демонстрантов, и ловивших «воров» стрелцов.

В связи с вышеизложенным, проанализируем хронику бунта. В Кремль сообщили о двух прокламациях — на Лубянке и «у Пречистых в Кательниках» (в Котельнической слободе подле устья Яузы). Характерно, что в Заяузье к извету народ отнесся равнодушно. Соцкий Савва Шапошников без проблем бумагу от церковной стены отодрал и отнес в царский дворец Куракину. У чинов Земского приказа — дворянина Ларионова и дьяка Башмакова — при аналогичной попытке очистить от крамолы Лубянскую площадь они возникли. Похоже, тут среди зевак крутились те, кого в Котельниках не нашлось. Зачинщики «гиля». С их неприметного содействия толпа и завелась. А стрелец матвеевского полка Кузьма Нагаев распалился до того, что громко призвал окружающих «на изменников миром стоять».

Ларионов и Башмаков приехали явно не в самый подходящий момент. Важный вид обоих парализовал чернь на минуту, другую. Дуэт взял письмо, развернул лошадей, тронулся в путь. И вдруг чье-то предупреждение об опасности уничтожения боярами и сокрытия от царя правдивого слова вывело всех из оцепенения. В одно мгновение всадников обступили и заставили отдать лист тому, кто о нем известил власти, — сретенскому сотнику Павлу Григорьеву. От него эстафету принял Нагаев, зачитавший разоблачение еще раз у церкви преподобного Феодосия Печерского. Между тем события на Лубянке привлекли внимание тех, кто, будучи за стеной Китай-города на Никольской улице, видел, как Ларионов и Башмаков, спасаясь, промчались мимо к Красной площади и Фроловской (Спасской) башне. Число любопытствующих возросло настолько, что Лубянка уже не вмещала всех желающих. Вот тут кто-то и вспомнил о Казанском соборе, куда людской поток и устремился. В дорогом для Неронова месте обличения в адрес Милославских и Ртищева огласили дважды — Нагаев у крыльца Земского приказа, некий подьячий, поповский сын, с паперти Казанского храма.

Затем Павел Григорьев велел десяцкому сретенской сотни Лукьяну («Лучке») Житкому забрать злополучный лист и... Однако пройти мимо Воскресенских ворот обратно к Земской избе (ныне здание Государственного исторического музея), дабы всучить опасный документ шефу московской полиции он не успел. Кто-то (как вы думаете, кто?) опередил его, бросив клич идти всем миром в Коломенское, поднести царю письмо и добиться казни «воров». Несчастливого Житкого данная «импровизация» обрекла на серьезные увечья, а то и на смерть. Толпа одобрительно загудела и против воли увела обладателя драгоценного извета за собой. Григорьев же, понимая, в какую ловушку угодил подчиненный, больше боялся за себя и, не попытавшись вызволить товарища, «побежал неведомо куды».

Через Красную площадь и Замоскворечье народное море, от четырех до пяти тысяч человек, по оценке П. Гордона, устремилось сквозь Серпуховские ворота к заветной резиденции. Шесть или семь верст до села преодолели примерно за час. Когда приблизились к Коломенскому, Алексей Михайлович по-прежнему обретался в церкви, слушал обедню. Как и в 1648 г., монарху выпало пообщаться с подданными напрямую. Разозлившую всех бумагу вручил не Житкой, дрожавший от страха, а нижегородец Мартьян Жедринский, влившийся в движение на Красной площади. У гостя Москвы духа хватило и на то, чтобы подменить перетрусившего десяцкого, и на то, чтобы дерзко потребовать от государя: изволь «то письмо вычесть перед миром и изменников привести перед себя».

А далее случился сбой. Алексей Михайлович ультиматум отклонил и самостоятельно, без оглядки на кого-либо, поговорил с народом и убедил-таки разойтись под царское обещание, что по окончании обедни сам «будет к Москве и в том деле учинит ссыск». Котошихин даже утверждает, что диалог увенчало рукопожатие царя с кем-то из челобитчиков. Как же так? Почему «кто-то», столь ловко манипулировавший чернью в городе, здесь, на встрече в Коломенском промолчал и не помешал Романову и «гилевщикам» найти общий язык. Потому, что в ней не участвовал, наблюдая за

«аудиенцией» на безопасном расстоянии. Зато, обнаружив не ту развязку, на какую надеялись, немедленно поскакал в столицу.

Между тем в Москве царила анархия. Мародеры громили дворы двух коммерсантов — Василия Шорина и Семена Задорина. Задорин надзирал за скупкой и хранением пеньки, предназначенной для продажи в Архангельске. Но Куракин на беспорядки никак не реагировал. Призывы предпринять хоть что-нибудь не слышал. А намерение полковника Агея Шепелева увести в Коломенское стрельцов (своих, Артамона Матвеева и Семена Полтева) сразу же пресек. От того офицеры послали к царю капитана Семена Воейкова втайне от князя. И вовремя. Боярин С.Л. Стрешнев от имени государя велел им с маршем поспешить. Собирались в крайней суматохе. Наскоро сколотили из наличных рот три боевые единицы и двинулись за Земляной вал. Шепелев наскреб совсем мало. Его полк оказался наиболее заражен революционным духом. Поднятые утром по тревоге команды, квартировавшие в Кожуховской и Голутвенной слободах, к Серпуховским воротам прибыли практически перед тем, как их миновала вторая колонна мятежников. И что же? Солдаты не преградили ей путь, а присоединились к повстанцам. Офицеры, видя неповиновение, изрядно растерялись. Одни стали искать Шепелева, другие помчались в Коломенское...

А вот зачинщиков мятежа фиаско в загородной царской усадьбе не смутило. Лидер группы мигом сориентировался и быстро отобилизовал москвичей на второй «штурм», стараясь опередить замешкавшихся военных. Погромщик м купеческих дворов посчастливилось «в 4-м часу дня» (около десяти или одиннадцати часов утра) «у Москворецких ворот» (на южном конце Красной площади, напротив моста) поймать юного сына Василия Шорина (сам «гость» спрятался в кремлевском дворце князей Черкасских). Из перепуганного подростка выбили признание, что «отец его побежал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Эта весть взбудоражила пол-Москвы и помогла в кратчайший срок сформировать из горожан вторую колонну, выступившую в поход без заминок. Конечно же, те, кого мы обозначаем, как «кто-то»,

хорошо понимали, что вторая попытка — это игра ва-банк. «Снаряд» в цель они запустили, но поражение ее теперь зависело не от них, а от расторопности стрельцов. Посему и покидать Москву даже в качестве простых зрителей им не требовалось. К тому же сопровождение колонны до села граничило с огромным риском. А разоблачение группа, несомненно, считала хуже провала всей затеи. Так что неизвестные организаторы Медного бунта, судя по всему, растворились на московских задворках, прежде чем московские власти взяли, наконец, под контроль ворота Земляного вала и занялись разгоном расхитителей купеческого имущества.

Похоже, Ртищеву очень повезло. Второй мятежный поток неся на юг столь стремительно, что столкнулся с первым, одолев половину пути. Естественно, «правда» Бориса Шорина, сидевшего в телеге, разожгла по новой ярость поредевшей толпы, возвращавшейся в Москву. Не убедила она разве что Житкого, торопившегося вернуться домой. Домой десяцкий вернулся. Однако 27 июля (6 августа) его арестовали, и никакие ссылки на принуждение толпы и уверения в своей верности не смягчили августейший вердикт. За доставку царю подметного листа бедняге отсекли обе ноги, левую руку, ну и язык, конечно же.

До Коломенского десятитысячное народное «войско» добралось около полудня. Алексей Михайлович в ту пору седлал коня, чтобы ехать в город. Откровения затравленного отрока государь выслушал спокойно, повелев мальчишку поместить в караульной. Ну а мужики «почали у царя просить для убийства бояр». Монарх напомнил им о соглашении, достигнутом утром. Тщетно. В ответ крикнули: коли «добром... тех бояр не отдаст... они... учнут имать сами». Все висело буквально на волоске. И если бы именно в ту минуту на коломенских аллеях не появились стрельцы Матвеева и Полтева, деревянному царскому дворцу грозил настоящий штурм со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Передышку между двумя нападениями Алексей Михайлович использовал для сколачивания хоть какого-то боеспособного отряда, ибо капитулировать и выдавать с головой Ртищева он не собирался. А то, что кто-то возжаждал крови Федора Михайловича, а не

Милославских и Шорина, царь, наверняка, сообразил моментально. Коломенское охраняла обычная стража из стрельцов, в тот день полка Якова Соловцова. За поддержкой для «гвардейцев» выехали Юрий Иванович Ромодановский и Семен Лукьянович Стрешнев. Первый поднимал ополчение Немецкой слободы, второй выяснял, где запропали московские стрельцы. Иноземцы на помощь опоздали. А боярин повстречался с выходящими из города полками у Серпуховских ворот. С ними отправился назад. В Даниловской слободе (сейчас квартал восточнее метро «Тульская») выставили в пикет роту шепелевцев, у села Новинки на лугу (ныне район Нагатинской набережной) разбил бивуак остаток полка Агея Алексеевича. Лучшие укомплектованные «приказы» Матвеева и Полтева продолжили шествие к Коломенскому. По-видимому, на подходе к селу Стрешнев оторвался с группой офицеров от полков и вскоре наткнулся на арьергард мятежников. С палками и дубьем мужики накинулись на боярина и свиту, отогнав всех к реке. По берегу Москвы-реки Стрешнев с товарищами ретировался к Новинкам. Там и переждал разгром восстания.

Финальный акт трагедии вылился в кровавую баню. Алексей Михайлович, завидев стрелецкий сикурс, не справился с эмоциями и сорвался, дозволив стоявших перед ним безоружных людей «бити и рубить до смерти». Солдаты Матвеева, Полтева, Соловцова (из караула), безжалостно убивая, оттеснили народ к реке и тут кого пленили, кого потопили, кого прикончили на суше. Многие сумели вырваться из западни. Но, чтобы спастись, им надлежало обойти заслоны Шепелева у Новинки и у Даниловской слободы, полка Кроуфорда у моста в Кожухове (на противоположном от Новинки берегу реки Москвы) и, главное, не сунуться в Москву. Вокруг двенадцати ворот Земляного вала (см. планы М. Мериана 1638 и Фридриха де Вита 1670 гг.) уже дежурили специальные команды стрельцов, которые ловили всех поголовно. К вечеру в тюрьму угодили пятьдесят четыре человека, пойманных в московских предместьях. На погроме шоринских и задоринских пожитков взяли больше — девяносто восемь злодеев.

Никто точно не подсчитывал, сколько человек погубил Медный бунт. Современники приводят разные цифры. Однако, можно не сомневаться, подавляющая часть жертв погибла во время короткой дневной атаки стрельцов. И на царя, очевидца ужасного зрелища, оно произвело неизгладимое впечатление. Разумеется, Алексей Михайлович предпринял все, дабы узнать, кто же осмелился превратить почти десять тысяч русских людей, москвичей, в «пушечное мясо» страшного мятежа? Увы, два месяца разбирательств не порадовали существенным результатом. Допросы Житкого, Жедринского, Нагаева и прочих не приоткрыли тайны, не снабдили ни единой зацепкой для установления истины. Монарх не поленился, устроил сверку почерков в масштабах страны. «По всей Москве и в городех у всяких людей имали писма, которые умели писать, и складывали те писма с теми воровскими писмами. И не сыскалось против того воровского писма ни одно письмо»⁶.

Да, господин инкогнито наукой конспирации владел великолепно. И все же один маленький след он оставил, объявив Ртищева изменником и с завидной настойчивостью добиваясь умерщвления окольничего. Зачем? Кто выигрывал от физического устранения Федора Михайловича? Тот, кто думал, что иными способами ему не реализовать своих планов. Подобный пессимизм, безусловно, проистекал из хорошей осведомленности о мировоззрении и политических пристрастиях дворцового, а также о близких, дружеских отношениях мецената с царем. Отсюда вывод: оппонент Ртищева исповедовал идеалы противоположные и полагал невозможной в обозримом будущем опалу царского любимца. Кроме того, сам факт покушения говорил о том, что заговорщик, во-первых, признавал за соперником политическое доминирование в иерархии московской власти, то есть абсолютное влияние на главу династии, во-вторых, очень спешил. И еще, умение манипулировать народными массами выдавало в нем великолепного знатока народной жизни.

Суммируем все тезисы. Недруг Федора Михайловича прекрасно знаком и с правами царского двора, и с умонастроениями простонародья, не питает симпатий к Украине и к обрядовой ре-

форме Никона, имеет политический авторитет и опыт подпольной работы, боится опоздать с осуществлением какого-то важного предприятия. На мой взгляд, набор критериев достаточен, чтобы отыскать среди соратников второго Романова единственного, кто им полностью соответствует.

Кстати, Алексей Михайлович анализ, изложенный выше, произвел. И пришел к аналогичному мнению. На что и намекает полоса мытарств инок Неронова, вдруг возникающая с осени 1664 г. Почему не раньше? Так ведь судьба Левобережной Украины окончательно прояснилась только к лету 1664 г., а вместе с нею и будущее троеперстия и партийность патриарха всея Руси. Пока избрание первосвященником кандидата от «боголюбцев» не исключалось, царь мирился с политической активностью их вождя. Благо тот едва ли сумел бы повторить бунт по образцу Медного. Во-первых, власть уже была начеку. Во-вторых, «стрелять» предстояло не в окольного или боярина, а в помазанника Божьего. Кто бы посмел поднять руку на самодержца? Кроме одиночки-фанатика, никто. А у русского Равальяка хорошие шансы на успех имелись 25 июля 1662 г. После они снизились практически до нуля. Возбудить новое недовольство черни, усыпить бдительность царской стражи, да и самого венценосца, когда еще не спало напряжение от предыдущего мятежа. Нет, даже неутомимый и изворотливый Неронов не осилил бы подобное.

Так что Романов не слишком рисковал, не стесняя до поры свободу старца Григория. К счастью, терпеть выпало не долго, года полтора. К осени 1663 г. поляки приготовились к решающему бою за переяславских «черкасс». И Ртицев к тому времени уложился, не позволил семье Хмельницких унаследовать гетманскую должность. Дуэль Самко с Золотаренко дискредитировала обоих, и, по законам жанра, на сцене появился третий — кошевой атаман запорожцев-сечевиков Иван Брюховецкий, Хмельницкому — не родственник ни по какому колену. 18 (28) июня 1663 г. на раде под Нежиным старшина и мещанство Левобережья проголосовали за новичка, забаллотировав прежнего фаворита, шурина Богдана

Михайловича. Под командой первого из равных казаки и встретили вторжение на левый берег армии короля Яна-Казимира и правобережного гетмана Павла Тетери. Кампания длилась три месяца — с ноября по февраль. Кульминацией стала осада Глухова в январе 1664 г., который польский король захотел непременно покорить. Однако гарнизон сопротивлялся отчаянно и в итоге устоял. Контрнаступление полков Г.Г. Ромодановского со стороны Белгорода на Глухов вынудило неприятеля, обескровленного двумя неудачными штурмами, отойти от города, дабы прорваться на северо-запад, к Могилеву.

И пусть серьезные бои в Белоруссии в районе Витебска не затихали до поздней осени 1664 г., крах польской экспедиции на казацких землях левого берега Днепра фактически утвердил за Россией половину Украины и Смоленский округ. Что касается территории западнее Смоленска, то ей отводилась роль предмета для торга на мирной конференции, открывшейся 1 (11) июня 1664 г. в Дуровичах (под Красным). А пока в прифронтовом городке русская и польская делегации нащупывали контуры взаимоприемлемого компромисса, Алексей Михайлович в Москве занялся «перевоспитанием» Неронова.

Интересная подробность. 22 марта (1 апреля) 1663 г. скончался архиепископ Вологодский Маркел, оберегавший штаб «боголюбцев» — Спасо-Игнатьевскую пустынь — и предводителя движения, старца Григория, от разных неприятностей. Преемником ему царь выбрал 20 (30) октября 1664 г., причем на Архиерейском соборе, Симона, игумена Александро-Свирского монастыря. Хиротонисовали архиерея 23 октября (2 ноября) 1664 г. Следовательно, кафедра пустовала свыше полутора лет! Зато не миновало и месяца с момента торжественного акта, как между новым архиепископом и монахом-политиком начались размолвки.

Первая из-за пошлости на «ставленную грамоту» дьякону Никите Митрофанову. Симон обязал протезе «боголюбца» оплатить ее, как полагается, хотя Неронов хлопотал об исключении из правил. Дальше — больше. Иерарх запретил старцу «служить по старым служебником», напечатанным до Никона. Естественно, Григорий

заартачился, и архиепископ призвал в арбитры двух старших коллег — митрополитов Ростовского Иону и Крутицкого Павла (в августе 1664 г. Питирим пожалован в митрополиты Новгородские). Но и им Неронов заявил, что по книге патриарха служить не будет. Чем не основание, чтобы «указ учинить» против инок, из-за которого «на Вологде... многой раскол и раздор»?

Указ учинили 21 (31) августа 1665 г. Государь дождался, когда лидер оппозиции и глава Вологодской епархии, покинувший Москву 17 (27) декабря 1664 г., крепко рассорились в отдалении от столицы, у себя на Вологодчине, после чего применил к смутьяну силу: поместил под надзор в монастыри — с августа в Горицкий в Переславль-Залесском, потом в вологодские Спасо-Прилуцкий и Спасо-Игнатьевский, а с марта 1666 г. в Иосифо-Волоцкий монастырь. Оттуда опального проповедника напрямик отослали в Москву на собор, расправлявшийся с партией «боголюбцев».

Алексей Михайлович усвоил уроки Медного бунта очень хорошо. Те, кто не погнушался во имя светлой идеи погнать на смерть несколько тысяч соотечественников и, спрятавшись за чужими спинами, подстрекал к убийству любимца царя, не просто утратили чувство меры, а выродились в фанатичных миссионеров, способных на все. Наличие такой партийной структуры реально угрожало основам московской державы. Уничтожить это государство в государстве надлежало в любом случае. С помощью «пряника» при потере Украины, опираясь на «кнут» при сохранении «черкасс». 1664 г. обозначил, к какому варианту лучше прибегнуть. Вполне логично, что монарх в первую очередь позаботился об осторожном лишении «чудовища» головы. С полгода колебался, в какой из обителей старца изолировать от сотоварищей на период процесса. В конце концов остановился на волоколамской, куда Неронова и привезли 14 (24) марта 1666 г.

Между тем в течение зимы арестовали и доставили в Москву всех видных соратников лидера «боголюбцев». В Хлынове (Вятке) у «секретаря» организации — игумена московского Златоустовского монастыря Феоктиста — изыали богатый «партийный» архив, который, конечно же, приобщили к делу, благодаря

чему тот сохранился и в XIX веке попал в поле зрения историка Н.И. Субботина. Местный архиерей — епископ Александр, заподозренный в сочувствии старообрядцам, пережил четыре тревожных месяца, готовясь к самому худшему — лишению сана. Однако все обошлось. Алексей Михайлович удовлетворился публичным актом отрицания Александра Вятского от благочестивой ереси.

Священный собор, призванный развенчать авторитет «боголюбцев», открылся в феврале 1666 г. (точная дата неизвестна). На нем присутствовали пять митрополитов (Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Крутицкий, Феодосий Сербский), пять архиепископов (Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Илларион Рязанский, Иоасаф Тверской, Арсений Псковский), епископ Александр Вятский (с момента оправдания), семь архимандритов (Иоасаф из Троице-Сергиевского, Иоасаф из Ново-Спасского, Феодосий из Юрьевского в Новгороде, Мисаил из Преображенского в Казани, Иосиф из Спасо-Хутынского, Арсений из Знаменского, Варфоломей из Соловецкого), игумен Николо-Угрезского Викентий. На первых заседаниях они решили вопрос принципиальный: признали греческие обряды, греческие богослужебные книги истинно православными и подтвердили правоту собора 1654 г., внесшего в русскую церковную печать соответствующие поправки.

29 апреля (9 мая) в Столовой палате царского дворца государь, предваряя главное событие, произнес речь «о утолении мятежа церковного» и зачитал всем «богодухновенную книгу, Хризовул именованную», посвященную «символу православия». Так он напутствовал высшее духовенство на нелегкий труд переубеждения отступников. Два месяца иерархи разбирались с каждым «ревнителем» в отдельности. Епископ Александр Вятский, протопоп Аввакум, суздальский поп Никита Добрынин, дьякон Благовещенского собора Федор, старец Ефрем Потемкин, иеромонах Сергей Салтыков, некогда поп в Романове-Борисоглебске Лазарь, патриарший подьяк Федор Трофимов, поп Богородицкой церкви в селе Лысково Авраамий, чернец Антоний, в прошлом архимандрит Спасского монастыря в Муроме и, наконец, иеромонах Григорий

Неронов с игуменом Феоктистом. Замыкал цепочку старец соловецкий Герасим Фирсов.

Судя по протоколам, «аудиенции» в Крестовой палате патриаршего дворца не удостоились три старца — Савватий Башмаков, Серапион, ранее смоленский протопоп, и Герман из-под Симбирска. Похоже, ими высокая комиссия не очень интересовалась. К тому же все трое раскаялись, как и большинство из вышеперечисленных (кто сразу на соборе, а кто после не длительных раздумий в монастырских кельях, как Никита Добрынин). Заупрямились четверо — Аввакум, Лазарь и оба Федора. Всех раскаявшихся ожидала епитимья в какой-либо из обителей. Салтыкова — в Бизюковой, Феоктиста — в Покровской, отстроенной Ванифатьевым, Антония — в Кирилло-Белозерской, Герасима Фирсова — в Волоколамской Иосифовой.

Туда же вернулся и Григорий Неронов, отрекшийся от прежних взглядов и устно, и письменно 1 (11) июля 1666 г. Многие считали, что предводитель смалодушничал. Неверно. В отличие от непримиримого квартета, поднаторевший в политике монах еще в 1662 г. понял, что напрасно не послушался в 1655 г. отца Стефана. Ванифатьев оказался мудрее, признав поражение сразу. Неронов спорил с ним почти десять лет, не брезговал ничем во имя победы, но все равно проиграл. И когда Алексей Михайлович в 1665 г. подверг его превентивной опале, он не сопротивлялся, о побеге и возобновлении борьбы явно не думал. Идеалам, разумеется, не изменил, однако навязывать их другим отныне не имел желания. Да и возраст напоминал о себе (семьдесят пять лет!). Теперь порядок в монастыре, в который попал весной 1666 г., чернеча Григория волновал больше, чем будущее «боголюбцев» или истинность православных обрядов. Потому и в Великую субботу 1666 г. мог прикрикнуть в церкви на монахов, мешавших суетной болтовней архимандриту читать вслух Деяния апостолов, обозвать нечестивцев бесами.

С 31 августа (11 сентября) 1666 г. Неронов во исполнение соборного вердикта состоял «подначальным» старцем, то есть без права участвовать в службе, покидать монастырь и, вообще,

быть без присмотра. Вытерпев полгода сего режима, он обратился к Алексею Михайловичу и вселенским патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому, приехавшим в Москву, с мольбой о милосердии, признаваясь, что «доселе держав прежния печатныя книги, Служебники и Потребники, а новопечатных не хулих до сего собора, токмо не приимах». Увы, эффект челобитная произвела не тот, на какой уповал автор. Свободы монах после беседы с патриархами не обрел. Зато в сентябре того же 1667 г. удостоился перевода в Переславль-Залесский Данилов монастырь «на обещание ево... в рядовой братии», в тот самый, где в 1655 г. принимал постриг. К счастью, узник сообразил, что никакое прощение нереально, если не поговорить начистоту, по душам с самим гонителем, Алексеем Михайловичем.

Знаменательная встреча произошла 25 сентября (5 октября) 1668 г. в Троице-Сергиевой лавре перед литургией. Неронов поднес царю некое письмо. Тот прочел и амнистировал чернеца. О чем исповедался на бумаге государю старец Григорий, тайна, о которой оба предпочли умолчать. В «житии» Неронова царская милость объясняется тем, что монарх не ведал о злоключениях легендарного инока. Ну а мы можем лишь гадать о том, какое откровение побудило Алексея Михайловича поверить в то, что Неронов действительно раскаялся и более не намерен смущать умы россиян. Не подоплеки ли Медного бунта оно касалось?

Романов-старший тут же познакомил Неронова с сыном, царевичем Алексеем, пригласил по окончании литургии к себе, допустил к царице. Затем велел отправиться в Москву. Там по возвращении монарх огласил сенсацию — назначил Григория архимандритом монастыря, в коем чернец еще вчера сидел в заточении. И «паса же обитель ту едино лето и три месяца». В конце декабря 1669 г. новый настоятель серьезно захворал, лета и ослабленное мытарствами здоровье с болезнью не справились. 2 (12) января 1670 г. Иван Неронов умер, умер подобно Стефану Ванифатьеву, сумев пусть и с великим опозданием признать собственные ошибки⁷.

12 (22) февраля 1662 г. в Москве объявился очередной палестинский гость — митрополит Газы Паисий Лигарид. Ученый грек предложил Алексею Михайловичу свои услуги в урегулировании проблемы Никона. Царь позволил ему попробовать. И что вы думаете? Царедворец в священной рясе тут же попал впросак. Всеобщая неприязнь к патриарху сбила с толку приезжего эллина, энергично одоббившего вариант скорейшего избрания нового владыки. Даже вопросник из тридцати пунктов, врученный ему С.Л. Стрешневым от имени государя, не остудил пыл льстеца, так и не сообразившего, что, видимо, монарх не вполне доволен позицией грека, если о том же, хотя и в другой форме, спрашивает во второй раз.

Лигарид заполнил анкету и 15 (25) августа 1662 г., то есть после Медного бунта, вернул ее во дворец. Совета, как, не отвергая идею о выборах патриарха, выборы не проводить, царь в ней не обнаружил. Судя по всему, Алексей Михайлович распутал головоломку сам, вспомнив о словах архимандрита Игнатия Иевлевича, а пустрый митрополит Газский, сочиняя постфактум летопись о суде над Никонем, для поддержания собственного реноме приписал чужие мысли себе. Вот все сейчас и считают, что от Лигарида Алексей Михайлович услышал имя земляка — Мелетия из Хиоса и восклицание: «Отправь грамоты к четырем вселенским патриархам!» Между тем, когда русский царь 26 декабря 1662 (5 января 1663) г. распорядился о приглашении в Москву восточных иерархов, Паисий имел иную заботу: редактирование соборного деяния 1660 г. Оно завершилось 29 декабря (8 января). В патриаршей Крестовой палате греческий митрополит доложил архиепископу Иллариону Рязанскому и боярину П.М. Салтыкову о погрешностях, им замеченных. Да и зачем активному стороннику низложения Воскресенского отшельника обращать высочайшее внимание на Царыград (резиденцию главного константинопольского патриарха), если 21 (31) декабря 1662 г. Алексей Михайлович вдруг повелел высшему российскому духовенству съехаться по весне в столицу, чтобы «в мае или в июне» на соборе судить «вины» Никона. Что касается Мелетия-хиосца, то сей гречанин в Москву приехал курьером

«с листом от цареградского патриарха» 28 ноября (8 декабря) 1655 г. и осел при русском дворе «греческого пения мастером» не без августейшего вмешательства. Государь «песнопевца» знал лично и в рекомендации Лигарида не нуждался. Скорее, наоборот, благосклонность Алексея Михайловича к митрополиту Газскому сформировалась под влиянием Мелетия Грэка.

А для чего монарху потребовалась апелляция к православным авторитетам с Востока, догадывается? Как предлог для отсрочки собора! Ведь царь не просто запросил их мнение, а позвал в Москву. Сколько времени пройдет, прежде чем патриархи доберутся до нее? Год-другой точно, а то и больше. Неплохо, коли они и во все не пожелают тащиться в далекую Московию. Тогда Романов, ссылаясь на ожидание дорогих гостей, сможет не переизбирать патриарха до тех пор, пока участь Малороссии не прояснится. Как мы знаем, в мае или в июне 1663 г. собору открыться не удалось. Следовательно, декабрьский указ государь обнародовал по неволе, под мощнейшим давлением партии, жаждавшей выборов. И фракция Неронова — не единственная, в нее входившая. Кстати, организационную комиссию по созыву возглавляли Илларион Рязанский, Н.И. Одоевский и П.М. Салтыков.

Впрочем, маневр с патриархами в конечном итоге обернулся конфузом. В Стамбул (Царьград) с пригласительными грамотами иеродиакон Мелетий отправился в январе 1663 г., путешествовал с полтора года. Разумеется, святейший квартет Москву разочаровал, предложив обойтись как-нибудь без него. Против смещения Никона нисколько не возражал. Гонец вернулся в Москву 30 мая (9 июня) 1664 г., то есть после фиаско похода Яна-Казимира на Левобережье. Вроде бы реакция Константинополя поспела как нельзя вовремя, и надлежало немедленно оживить работу оргкомиссии. Однако царь предпочел не торопиться.

Вместо собора священного 5 (15) августа 1664 г. монарх созвал собор архиерейский, чтобы избрать митрополита Крутицкого Питирима митрополитом Новгородским и уже 6 (16) августа 1664 г. хиротонисовать в новом сане. Формально Питирим удостоился повышения. Фактически угодил в отставку, ибо блю-

стититель Патриаршего престола по закону — именно митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский). 22 августа (1 сентября) им стал архимандрит Чудова монастыря Павел. А Павел — противник «боголюбцев». Судя по всему, летом 1664 г. у Алексея Михайловича возникли нешуточные опасения относительно активизации религиозных радикалов, которую они могли приурочить к открытию собора. Государь не исключал, что будет предпринята попытка распропагандировать священство в пользу избрания патриархом кандидата-противника обрядовой реформы. А чье слово способно, если не совсем нейтрализовать, то, по крайней мере, существенно приглушить голос оппозиции? Верно, вселенских патриархов. Посему Мелетию Греку опять выпало отлучиться на юг и всеми правдами и неправдами добиться приезда в Москву в идеале всех, на худой конец одного из греческих первосвященителей. А предварительно, в середине июля, в Молдавию, где обретался патриарх Иерусалимский Нектарий, царь откомандировал за тем же двух соотечественников иеродиакона — Василия Иванова и Кондратия Дмитриева. Ну, вдруг им посчастливится к зиме привезти одного архипастыря в Москву.

Второй вояж Мелетия к османам царь санкционировал 18 (28) сентября 1664 г. Через неделю учитель пения в компании с Перфирием Оловянниковым и земляком Стефаном Юрьевым покинул столицу. Спустя еще месяц государь приставил к лидеру боголюбцев особого опекуна в лице нового архиепископа Вологодского Симона. Положение поднадзорного, похоже, сподвигло Неронова на демарш — поднесение Алексею Михайловичу в селе Хорошево 6 (16) декабря 1664 г. двух ходатайств. Первое молило о прощении Аввакуму, высланному в августе в Пустоозерск. В другой челобитчик взывал, как встарь: «Дажь, благочестивый царю, пастыря церкви!» И критиковал августейшее намерение судить Никона, а не деяния патриарха: «Собор же о нем велие безчестие всему государству и посмех во окрестных странах». Обмолвился автор и о заветном: лучше бы «собору быти... о исправлении церковном». И, кроме того, одобрил текст изрядными реверансами в адрес Ионы Ростовского, Александра Вятского, Паисия Лигарида.

Полагаю, дерзкая выходка Неронова — бой арьергардного характера, в целях самозащиты. Монах продемонстрировал свою лояльность, ибо, как верный подданный, официально и честно известил государя о личных взглядах на кризис в области церковного управления и так же официально попросил смягчить наказание давнему приятелю, опальному протопопу переводом в Спасо-Игнатьеву пустынь. Между тем Романов привык к подвохам со стороны Неронова и в искренность челобитья не поверил. Наоборот, визит старца крайне усугубил тревогу царя и в итоге подтолкнул к разгрому ядра партии, Нероновым выпестованного. Что государь и осуществил ровно через год, в преддверии появления в России греческих патриархов.

Актуальность их приглашения в Москву аресты «боголюбцев» и процесс над ними нисколько не уменьшили, ибо оппозиционеров сокрушили структурно, а не идейно. Повлиять на симпатии, нет, не народа, который постепенно приобщался к новым обрядам, а высших слоев, как светских, так и церковных, от четырех иерархов с Востока и требовалось. Потому с таким нетерпением Алексей Михайлович зачитывал рапорты Мелетия с разных концов Османской империи. Агент московского двора потратил два года на исполнение миссии. В январе 1665 г. под Тырново Стефан Юрьев без труда (Иванов и Дмитриев ведь не зря ездили) убедил патриарха Иерусалимского Нектария приехать в Россию. С февраля по апрель он же беседовал о том с патриархом Константинопольским Дионисием в Стамбуле. Мелетий проводил товарища до Босфора, откуда сам поспешил в Египет, к патриарху Александрийскому Паисию. Тот быстро согласился посетить Москву. Вдвоем они 25 мая (4 июня) 1665 г. устремились в Триполи (резиденцию Антиохийского патриарха Макария), а оттуда — в Грузию, где Макарий находился. До Тифлиса (Тбилиси) добрались в октябре. Но с Макарием встретились в Шемахе (западнее Баку) только весной 1666 г. Морем отплыли в Астрахань. Достигли города 21 июня (1 июля) 1666 г. Через Царицын и Саратов 2 (12) ноября 1666 г. приехали в Москву.

Если фортуна Мелетию благоприятствовала, то у второго грека дело не сладилось. Мало того, что Дионисий не соблазнил-

ся повидать Россию. Так и Нектария Иерусалимского надоумил нарушить обещание. Нашептал об османских интригах: мол, коли поедешь, «во Иерусалиме соборную церковь отдадут турки армянам». Нектарий, сбитый с толку, помчался домой спасать имущество православной церкви. Однако цареградицу и этого показалось мало. Делегировав Паисию Лигариду права на звание патриаршего экзарха, Дионисий позднее дезавуировал выданный мандат, обозвав документ «плевелой», а митрополита «папезником». Впрочем, Алексея Михайловича козни вредного старика не слишком расстроили. Его вполне удовлетворило прибытие в Москву и половины от запланированного...

Уже 7 (17) ноября 1666 г. священный собор в расширенном составе (два патриарха, тринадцать митрополитов, восемь архиепископов, пять епископов, двадцать пять архимандритов, шесть игуменов, тринадцать протопопов, из них девять архиереев и пять монастырских настоятелей грски, по два представителя от Украины, Сербии и Грузии) возобновил заседания. Три недели иерархи знакомились с обстоятельствами самоотречения Никона, после чего 28 ноября (8 декабря) Алексей Михайлович послал за ним в «Новый Иерусалим». Отшельник отпирался двое суток, послушался с третьей попытки, после угрозы применить силу, и 1 (11) декабря явился в Москву. Суд был скоротечен — три дня — 1 (11), 3 (13) и 5 (15) декабря — дискутировали в Столовой палате царского дворца, один день — 12 (22) декабря — в патриаршем Крестовом покое оглашали решение.

Никон о раскаянии не помышлял, потому заботился об одном — не уронить собственного достоинства. Ведь это — все, что ему оставалось. Слишком долго он выжимал покаяние из царя. Опомнился в декабре 1664 г. Видно, аудиенция в Хорошево впечатлила. 18 (28) декабря 1664 г. около двенадцати часов ночи, то есть почти на рассвете, «собинный друг» пожаловал в Успенский собор, чтобы воссесть на престол, пуствовавший шесть с половиной лет. Служивший всенощную митрополит Ростовский Иона, естественно, растерялся и не мешал владыке встать на патриаршем месте и начать распоряжаться. Только второе владение

посохом митрополита Петра закончилось еще быстрее первого, часа через два-три. Алексей Михайлович, услышав о самовольстве, тут же велел незваному гостю возвратиться туда, откуда пришел. И «гость» подчинился.

Государь по-прежнему неплохо относился к изгнанному патриарху, но руководить московской державой, имея в партнерах столь импульсивную и эгоистичную особу, конечно же, не желал. Никон еще мог рассчитывать на приватную дружбу с прежним учеником, без претензий на власть. Увы, то, что осознал Неронов, патриарх-реформатор то ли не понял, то ли не захотел понять. Вот 12 (22) декабря 1666 г. и услышал о том, что патриаршего сана отныне липается, а во избежание каких-либо эксцессов на манер пришествия в Успенский собор четыре года назад отсылается на вечное житье в Ферапонтов монастырь подле Белого озера.

Удивительный парадокс истории. Человек, спасший дело князя И.Б. Черкасского от краха, затем согрешивший и запутавшийся, однако не раскаявшийся, завершил политическую карьеру в опале и ссылке. Его соперник и враг, всемерно мешавший ему спасти страну, не брезговавший ничем ради достижения цели, тем не менее в конце концов пожалевший о содеянном, заслужил и прощение, и даже поощрение (звание архимандрита). А возгордившегося Никона как будто карало само Провидение. Стоило царю Федору Алексеевичу вознамериться приблизить к себе изгоя, с июня 1676 г. по воле патриарха Иоакима коротавшего дни в более строгой Кирилло-Белозерской обители, как жизненные силы оставили Никона, и по пути в Москву в стенах ярославского Спасского монастыря 17 (27) августа 1681 г. он умер. Между тем при дворе поговаривали о том, что молодой государь замыслил провозгласить старца чуть ли не русским «Папой или главой всех русских церквей»...

30 января (9 февраля) 1667 г. в Успенском соборе высшее российское духовенство вместе с греческими иерархами выбрало трех кандидатов в преемники низложенному патриарху — архимандрита Троице-Сергиевой лавры Иоасафа, архимандрита Богородицкого монастыря в Тихвине Корнилия и келаря Чудова

монастыря Савву. О чем без промедления и уведомили монарха. Царь из трех предпочел первого — Иоасафа, которого на другой день, 31 января (10 февраля), объявили, 8 (18) февраля нарекли, а 10 (20) февраля 1667 г. рукоположили в патриархи всея Руси. Совпадение символичное: в день избрания патриарха — 30 января (9 февраля) 1667 г. — в деревне Андрусово под Смоленском русская и польская делегации заключили перемирие на тринадцать с половиной лет на условиях признания российской территорией воеводств Смоленского, Черниговского и всей Левобережной Украины. Киев Россия обещала вернуть Польше через два года⁸.

Таким образом, «черкаassy» с греческой обрядностью вливались в московский мир, уже усваивавший в течение десяти лет их систему православных ценностей. Со своей стороны Алексей Михайлович постарался максимально облегчить взаимную ассимиляцию двух русских цивилизаций. Для того создавал школы, привлекая туда ученых монахов из Малороссии, вывел в патриархи нейтральную фигуру, царской воле покорную, обезглавил движение, радевшее за незыблемость исконной старины. Одним словом, Тишайший претворил в жизнь, причем с солидным перевыполнением, планы двоюродного дяди — Ивана Борисовича Черкасского. Жаль, что не все воздавали должное свершению, добытому ценой немалых жертв, да и с грехом пополам, однако вернувшему русскому народу веру в себя и подготовившему его к дерзновенным и блестящим достижениям века следующего.

ЭПИЛОГ АВВАКУМ

Любимый ученик Неронова, Аввакум, по амнистии возвратился из сибирских скитаний в Москву весной 1664 г., в апреле или мае. Зачем он понадобился государю? Традиционный ответ: для содействия в дискредитации Никона на предстоящем соборе. Ответ из разряда поверхностных. Хотя бы потому, что и без этого протопопа у патриарха вся Русь антагонистов из разных оппозиционных слоев хватало. К тому же в декабре 1666 г. без помощи фаворита чернеца Григория вполне обошлись. Обошлись бы и в 1664 г., ибо для переизбрания патриарха Аввакум не требовался.

Понять, ради чего Алексей Михайлович простил молодого проповедника, мы сможем, вспомнив, когда и при каких обстоятельствах царь помиловал священника — в конце 1659 или в первой половине 1660 г., в разгар битвы за Украину, в период между двумя катастрофами — конотопской и чудновской, после отъезда Никона в «отпуск» в Иверский и Крестный монастыри. Победа Польши означала избрание в Москве на Священном соборе патриархом «боголюбца», человека Неронова. И велика вероятность того, что нероновцы постарались бы устроить в московском государстве то же, что монах Савонарола полутора веками ранее учинил во Флоренции. Царство абсолютного аскетизма. Для предотвращения столь неблагоприятного развития событий Аввакума и вызволили из ссылки. Натиск церковной власти на светскую Алексей Михайлович попытался бы ослабить на манер истории Самко и Золотаренко — ссорой ученика с учителем, Аввакума с иноком Григорием.

Правда, пока протопоп три года добирался из земли Даурской до белокаменной столицы, много воды утекло. А главное, бесславно завершился поход Яна-Казимира на левый берег Днепра, предрешив тем самым исход спора за Патриарший престол. За-

интересованность царя в протопопе в одночасье пропала. Впрочем, ему дали шанс прижиться при московском дворе. И в Кремле разместили, и благословения испрашивали, и деньгами жаловали. Все напрасно. Аввакум ничем не соблазнился. Зато, возобновив проповедческую деятельность, на фоне помалкивавшего Неронова выдвинулся в лидеры старообрядцев, день ото дня расширяя число приверженцев, особенно среди знати. Не чурался и открытых диспутов с грекофилами в доме Ртищева. Под конец совсем осмелел и обеспокоил государя челобитной, призывавшей восстановить «старое благочестие», искоренив ересь, а патриархом провозгласить истинного «пастыря православного».

29 августа (8 сентября) 1664 г. протопоп удостоился того, чего добивался, — изгнания из Москвы официально в Пустоозерск, фактически в Мезень. Там и ожидал финала кампании по разгрому «боголюбцев». 13 (23) мая 1666 г. Большой Московский собор «изверг» его из сана и проклял. 26 августа (5 сентября) 1667 г. Алексей Михайлович приговорил строптивца к изоляции в Пустоозерске, теперь уже без всяких снисхождений. Неоднократные попытки братьев разных подмосковных монастырей, царских приближенных образумить священника не увенчались успехом. 12 (22) декабря 1667 г. вместе с тремя такими же, как он, упрямыми Аввакума привезли в заполярный острог. Здесь проповедник прожил свыше четырнадцати лет, большую часть в земляной тюрьме, и 14 (24) апреля 1682 г. взошел на костер.

Аввакум возглавил «боголюбцев» на стадии их агонии. Благодаря неиссякаемой энергии нового вождя она затянулась и обманчиво выглядела не концом, а началом. Между тем признаки обратного проявились уже в 1665 г. На Вологодчине и в Нижегородском краю (в районе Вязниковской слободы) вспыхнули «дехтярные струбы» с запершимися внутри отчаявшимися приверженцами двоеперстия. Не менее красноречиво о том же свидетельствовали перипетии Соловецкого бунта. Ведь обращение в свою веру Соловков — наивысшее достижение старообрядцев. Однако сочувствие им на острове не было поголовным. Община со дня знакомства осенью 1657 г. с изданными Никоном «Служебни-

ками» раскололась на два лагеря. Большинство с архимандритом Ильей реформу отвергло, меньшинство приняло. Частичный реванш последние взяли при архимандрите Варфоломее 22 октября (1 ноября) 1661 г., добившись права петь «наречием против правленных печатных книг». Хрупкий мир просуществовал четыре года. Стоило Варфоломеею поехать на собор, разбиравшийся с радикальной оппозицией, «ревнители благочестия» упразднили чуждое им «наречное пение», а Москву обременили жалобой на «пьянство» архимандрита, в хмельных загулах «истоцившего» монастырскую казну и добрую половину хлебных запасов.

Царь 14 (24) августа 1666 г. поручил архимандриту ярославского Спасского монастыря Сергию умиротворить конфликтующие стороны. Увы, к медиатору большинство не прислушалось, и, как только он отправился с острова на материк, отстранило «варфоломеевцев» от управления обителью, избрав келарем чернецца Азария, казначеем — попа Геронтия, кандидатом в архимандриты — старца Никанора, в прошлом архимандрита Савво-Сторожевского. В надежде на царское одобрение Никанор весной 1667 г. посетил Москву и публично отрекся перед собором от запрещенных обрядов. Тем не менее Алексей Михайлович старого знакомого в должности не утвердил, а пожаловал 23 июля (2 августа) в архимандриты Соловецкие строителя столичного Соловецкого подворья старца Иосифа. 15 (25) сентября 1667 г. его встреча с подчиненными окончилась конфузом. Иосифа прогнали с острова. 21 сентября (1 октября) туда вернулся Никанор, с подачи которого на другой день монахи в адресованной на высочайшее имя челобитной предупредили: «Изменить апостольского пореченного (и отческаго) предания не будем во вси!»

Но с этого момента как раз и возникли проблемы, ибо все три командира стрелецкого войска, посланного осаждать крепость, избрали верную тактику. Обосновавшись в Сумском остроге, они ограничивались более или менее плотной блокадой монашеского гарнизона. И как бы из Москвы ни повелевали «над непослушниками промышлять», Игнатий Андреевич Волохов (1668—1672), Клементий Алексеевич Иевлев (1672—1674), Иван Алексеевич

Мещеринов (1674—1676), словно сговорившись, неохотно предпринимали какие-либо активные действия против мятежников. Наградой за пассивность стали раздоры и дразги в стане бунтовщиков. Похоже, предводители рассчитывали на одно из двух — быструю капитуляцию Москвы или неминуемый мученический венец. Но отсутствие и того, и другого спровоцировало череду расколов среди мятежников. Не все согласились палить из пушек по соотечественникам, не молиться Богу за правящую династию и т.д. Между тем необходимость шаг за шагом радикализироваться постепенно сокращала мятежный лагерь. Кто-то бежал с острова и в Сумском остроге каялся в прегрешениях «с простоты». Иных препровождали в монастырские темницы, подобно казначею Геронтию, не благословившему стрельбу из орудий.

Семь лет простоя правительственных отрядов довели ситуацию в крепости до абсурда. Для дальнейшего поддержания революционного духа несгибаемой когорте, ужавшейся до семи десятков бойцов, оставалось провозгласить себя суверенной монашеской республикой, учредить собственную приказную систему и разослать послов в ближайшие королевства искать признания. Естественно, мало кто на то отваживался. Моральное состояние мятежников снизилось катастрофически, и осенью 1675 г. Мещеринов вполне мог овладеть Соловками почти бескровно. Однако совет чернеца Феоктиста, 9 (19) ноября ушедшего с острова, как беспрепятственно проникнуть за стены монастыря, он проигнорировал. Прежде, в угоду Москве, в ночь на 23 декабря (2 января) затеял штурм, неудачный, зато заново сплотивший осажденных на короткое время. Спустя месяц, 22 января (1 февраля) 1676 г., воевода реализовал предложение чернеца и легко добился результата: Соловецкая цитадель пала.

Заметим, восемь лет соловецкого «сидения» не вызвали в московском государстве отклика, сравнимого с тем, какой породила «плещеевщина» в 1648 г. Народ массово не поднялся на защиту тех ценностей, которые отстаивали монахи во главе со старцем Никанором. Напротив, несмотря на не слишком глухую блока-

ду, иноки очутились в практической изоляции. Даже восстание Степана Разина никак не повлияло на характер противостояния вокруг Соловков. Как следствие, началось разложение гарнизона, закончившееся вытеснением борцов идейных криминальными. Беглые стрельцы, казаки подменили собой монахов, в подавляющем большинстве под занавес драмы покинувших остров.

Все годы соловецкой эпопеи Аввакум в Пустоозерске не прекращал рассылать в разные уголки страны послания и письма с гневными обличениями и страстными воззваниями. Эффект, однако, вся корреспонденция давала минимальный. Широкого протестного движения не возникало, а спорадические вспышки оппозиционности Алексей Михайлович, видимо, памятуя о Медном бунте, гасил в зародыше, сразу и крайне жестоко. Почему и не должна нас удивлять судьба боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой и членов морозовского кружка. Основанный ею в Москве центр старообрядцев, наладивший связь с фанатично непримиримыми пустоозерскими вождями, способный при случае «оседлать» какое-нибудь народное недовольство в столице и манипулировать им к выгоде своей партии подлежал безжалостному уничтожению. Что государь и не замедлил сделать, когда убедился в неуступчивости собственной родственницы. В середине ноября 1671 г. боярыню, ставшую монахиней Феодорой, арестовали, около трех лет добивались покорности, а затем, осенью 1675 г., уморили голодом в Боровском Рождественском монастыре.

Самосожжение, голодовка и крайне редко самоутопление. Этими тремя методами умерщвляли себя рядовые старообрядцы, доведенные до отчаяния проповедями радикалов. Алексей Михайлович, подвергая казни активных членов движения, всего лишь считал справедливым не рубить им головы, а уравнивать в правах с теми, кого они вольно или невольно подталкивали к самоубийству. Вот и погибли на костре или от истощения многие непреклонные лидеры и агитаторы-раскольники. Боярыня Морозова — самое громкое имя из мученического списка. Однако, если бы царь не расправился с ними, не ликвидировал верхушку партии, еще во-

прос, кто бы возглавил стрельцов в мае 1682 г. — Милославские или аввакумовцы. И чья бы программа восторжествовала в итоге — модернизации страны или ее полной изоляции от внешнего мира?..

Чувствительные поражения на Соловках и в Москве не могли не отразиться на взглядах пустоозерских узников. Между тем от них зависела жизнь тех, кто верил в идеалы святой старины. Они — мозговой и политический центр оппозиции — отвечали и за корректировку курса, обернувшегося поражением. И какую вдохновляющую инициативу озвучили вожди во главе с Аввакумом?

Из послания сибирской «братии», около 1681 г.: «В Нижнем преславно бысть: овых еретеки пожигают. А инии, распальшеся любовию и плакав о правоверии, не дождався еретического осуждения, сами во огонь дерзнувшие, да цело и непорочно соблюдут правоверие и сожегши своя телеса, душа же в руце Божии предаша... Добро дело содеяли, чадо! Надобно так!» А это из послания Симеону Крашенинникову, период 1673—1675 гг.: «Дерзайте всенадежным упованием! Таки размахав и в пламя!» Не правда ли, цитаты что-то напоминают?! Медный бунт! Тогда людей посылали на смерть, чтобы погубить Ртищева, теперь — ради привлечения внимания России к тонущему старообрядческому «кораблю». Решение оригинальное, но едва ли ответственное. Аввакум оказался верным учеником Неронова, но, к сожалению, учеником фанатичным, не здравомыслящим. К счастью, для старообрядцев он недолго призывал всех не бояться очищающего пламени. 1682 г. позволил выдвинуться в лидеры и тем, кого волновали помимо сохранения прежних традиций и судьбы тех, кто этими традициями дорожил. Таким, как игумен Николо-Беседовского монастыря Досифей, духовный отец Ф.П. Морозовой, старовер с 1654 г., со дня знаменитого «книжного» собора. Или его ученик инок Евфросин из Повенца, автор «Отразительного писания о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». Или знаменитые братья Денисовы, Андрей и Семен, устроители Выговской пустыни... Они осудили «гари» и энергично боролись с безумием самосожжений¹. Именно

ТАЙНЫ РАСКОЛА

им мы обязаны сбережением для будущих поколений многих тысяч русских людей, исповедовавших древневизантийский вариант православия, и постепенным возвращением староверческих общин к активной деятельности во благо родной страны. Но почему-то историки любят писать больше не о них, спасших старообрядчество от самоистребления, а об Аввакуме с товарищами, на гибель своих «чад» обрекавших.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЛОГ. ЧЕРКАССКИЙ

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее ААЭ). СПб., 1836. Т. 3. С. 382—389.

² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 97, 278.

Мать И.Б. Черкасского — Марфа Никитична Романова — родная сестра патриарха Филарета. Борис Михайлович Лыков — муж другой родной тетки царя, Анастасии Никитичны Романовой.

³ Русская историческая библиотека (далее РИБ). СПб., Т. 1. 1872. Стб. 730—737, 744—755, 759; Акты Московского Государства (далее АМГ). СПб., 1890. Т. 1. С. 390, 391, 507—511, 514, 516, 530—534, 536—538, 544, 580—582; *Новосельский А.А.* Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 211—216; *Меньшиков Д.Н.* Действия русской пехоты в сражении на Жаворонковой горе 9 октября 1633 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. Ч. 2. С. 310—316.

⁴ Дворцовые Разряды (далее ДР). СПб., 1850. Т.1. Стб. 642, 643, 658, 764; 1851. Т. 2. Стб. 348, 349; Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 773—786, 823—853; АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 164; *Бушкович П.* Шведские источники о России. 1624—1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. 2007. С. 361, 370—372, 374—377; *Павлов А.П.* Думные дьяки и их иерархические взаимоотношения в последний период царствования Михаила Федоровича (1633—1645) // *PALEOBUREAUCRATICA*. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012. С. 284.

Братья Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы — троюродные племянники супруги патриарха Филарета,

царицы и инокини Марфы, в миру Ксении Ивановны Романовой, в девичестве Шестовой. Ее дед — Василий Михайлович Шестов — родной брат Григория Михайловича Шестова — деда матери Салтыковых — Екатерины Андреевны, дочери Андрея Тимофеевича Михалкова и Марии Григорьевны Шестовой.

⁵ РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 430—435, 437, 438, 440; ДР. СПб. 1850. Т. 1. Стб. 795—798, 807—817, 863—875; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1990. Кн. 5. С. 126, 127.

⁶ *Новосельский А.А.* Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л. 1948. С. 168—177, 182, 193—196; *Форстен Г.В.* Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП). 1889. № 11. Отд. 3. С. 40.

⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 185, 186.

⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 284; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 263—270; РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 529, 545; Собрание государственных грамот и договоров (далее СГГД). СПб., 1822. Т. 3. С. 341.

⁹ К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее ЧОИДР). М., 1902. Кн. 2. Отд. 4. С. 1, 18—31; ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 401—405.

Знаменитую челобитную подписали «поповской староста Оуспенской поп Симеон, да Вознесенской поп Анофрей, да Николской поп Мелентей Емельянов, да Происхожденской поп Тит Емельянов, да Сергиевской поп Андрей Трофимов, да Георгиевской поп Василей Никитин, да Покровской поп Иван Гавриилов, да Казанския Богородицы поп Трифон Алексеев, да Воскресенской поп Иван Неронов».

¹⁰ РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 760—774; 1875. Т. 2. Стб. 668—670, 681; 1884. Т. 9. С. 525, 526, 558; ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 15, 295, 471, 482, 483, 862; *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 85—91; *Извеков Н.Д.* Московския кремлевския дворцовыя

церкви и служившие при них лица в XVII в. М., 1906. С. 88—97; Павлов А.П. Думные дьяки и их иерархические взаимоотношения в посланий период царствования Михаила Федоровича (1633—1645) // PALEOBUREAUCRATICA. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012. С. 270, 276.

17 (27) мая русская и польская делегация подписали прелиминарные статьи Поляновского договора, окончательный текст утвердили 4 (14) июня 1634 г.

¹¹ АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 92; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 24; Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 101, 238—241, 245—249, 256—259.

¹² РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 26, 27; 1898. Т. 18. Стб. 521—525, 537—545; 1906. Т. 24. Стб. 260—264, 320, 331, 338—352, 363—372, 447—452; Разрядные книги. 1598—1638. М., 1974. С. 317—320; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 91—106; Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 103, 104, 257—262; Флоря Б.Н. Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20—30-х гг. XVII в. // Россия и христианский восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 250—252, 262, 284—286.

¹³ РИБ. СПб., 1898. Т. 18. Стб. 637, 638; 1906. Т. 24. Стб. 200, 213, 214, 260; Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 269—271, 286—288.

¹⁴ РИБ. СПб., 1906. Т. 24. Стб. 326—329; Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 317—323, 336—341, 349—353; Временник московского общества истории и древностей российских (далее МОИДР). М., 1853. Кн. 17. Отд. 2. С. 191.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МОРОЗОВ

¹ Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 33, 34, 41—68, 271—325; Поездка в Россию Вальдемара-Христиана Гель-

дсплесе // ЧОИДР. М., Кн. 4. 1867. Отд. 4. Ч. 2. С. 7—20, 24—27, 31, 40—60, 62—65, 71; ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 721, 748, 756; 1852. Т. 3. Стб. 1.

² Посездка в Россию Вальдемара-Христиана Гельденлеве // ЧОИДР. М., Кн. 4. 1867. Отд. 4. Ч. 2. С. 35, 36; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 999, 1000; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 272.

И.Б. Черкасский был женат на Авдотье Васильевне Морозовой.

³ ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 354; 1852. Т. 3. Стб. 14, 15; *Новиков Н.И.* Древняя российская вивлиофика. Вып. 7. М., 1788. С. 234, 242; *Извеков Н.Д.* Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII в. М., 1906. С. 88.

⁴ *Козловский И.П.* Ф.М. Ртищев. Киев, 1906. С. 13—16, 28, 29; ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 711.

⁵ *Косцова А.С.* Вкладная книга Кожеозерского монастыря. СПб., 2008. Т. 2 (репринт рукописи). Л. 21, 21об., 141об.; *Панченко О.В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII века: Троицкий келарь Александр Булатников // Труды отдела древнерусской литературы (далее ТОДРЛ). СПб., 2004. Т. 55. С. 488—500, 507; он же. Книжники Соловецкого монастыря XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 745—752, 779—785; *Клетица Е.Н.* Симон Азарьин // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—300, 302; *Шушерин И.К.* Известие о рождении и воспитании и о житии Никона. М., 1871. С. 7—10; Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1817. Отд. 2. С. 12, 13, 29—32, 40, 55, 56, 62—64; ДР. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 921, 922, 1009; *Севастьянова С.К.* Неизвестные сочинения Елеазара Анзерского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 177, 178; Судьбы Кожеозерской Богоявленской пустыни. СПб., 1894. С. 12—14; *Лобачев С.В.* К вопросу о ранней биографии патриарха Никона // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 62—66.

⁶ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 250; *Голубцов А.П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 78, 79, 116, 117, 122; *Шушерин И.К.* Известие о рождении и воспитании и о житии Никона. М., 1871. С. 1, 10, 11; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианские чтения. 1890. № 1—2. С. 120, 121; 1891. № 1—2. С. 149; *Сапожникова О.С.* Соловецкий книжник Сергей Шелонин // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 377—379, 381; *Николаев Н.И.* Об источниках московского издания Лествицы 1647 г.; *Филатов Н.Ф.* Иван Неронов. Пора становления // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 277, 280—283, 321; *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.* СПб., 1992. Т. 1. С. 140, 141; 1993. Т. 2. С. 63—65; 1998. Т. 3. С. 343—350, 380, 381, 490—492.

⁷ РГАДА, ф. 50, оп. 1, кн. 2, л. 122, 176об., 196об., 197; кн. 3, л. 265об, 266, 267—268, 290, 290об., 302—303, 334об., 339об.-345об., 347, 348об.-349об.; стб. 2, л. 148; ф. 79, оп. 1, кн. 69, л. 1, 800об.; кн. 71, л. 1, 6, 33об.-51, 53; *Новиков Н.И.* Древняя российская вивлиофика. Вып. 20. М., 1791. С. 280, 282, 313, 315, 401, 402; *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. № 6. С. 363, 368, 369, 370; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 14, 15, 21, 24—27, 31, 40, 42, 56; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 301, 353; *Русско-шведские экономические отношения в XVII веке.* М.-Л. 1960. С. 131; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 181, 182; 1897. Ч. 3. С. 124, 125; 1902. Ч. 4. С. 164. *Велувекамп Я.-В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М., 2006. С. 110—116.

⁸ РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 352; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 407—411; *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. № 6. С. 370—372; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1897. Ч. 3. С. 125; 1902. Ч. 4. С. 165; *Новосельский А.А.* Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 365, 366.

⁹ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 410; РИБ. СПб., 1909. Т. 26. Стб. 769, 770, 804—806, 817—821; Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. I, 287; Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 369—387, 392—396; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 114—130; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя. М., 1996. С. 43, 47—49.

¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. (далее АИ). СПб., 1842. Т. 4. С. 24—26; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею (далее ДАИ). СПб., 1848. Т. 3. С. 65, 66, 87—92, 104—106, 114—117, 119—133, 136; Лисейцев Д.В. Четвертные приказы в России в начале XVII в. // Вестник Нижегородского университета. 2011. № 3 (1). С. 203—210; ЦГАДА СССР. Путеводитель. М., 1991. С. 181—200.

¹¹ АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 31; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 47, 98—102; СГГД. СПб., 1822. Т. 3. С. 422—425, 435—437, 443; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 5, 6; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 301, 302, 380, 381; Письма одного шведа из Москвы, в 1647 году писанные // Северный архив. 1822. Ч. 1. № 1—2. С. 153, 156; Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 414—416; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 182, 183.

¹² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 1. С. 3, 5, 118, 119; Летописец монастыря Густынского // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 8. Отд. 2. С. 13, 14; Летопись самовидца о войнах Хмельницкого. М., 1846. С. 3, 4, 6; Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск, 2002. С. 177, 215—225, 227, 228; Жукович П.Н. Исторические обстоятельства, предшествовавшие восстановлению патриархом Феофаном западно-русской церковной иерархии // Христианское чтение. 1905. № 6. С. 773—775; Жукович П.Н. Архиепископ Мелетий Смотрицкий в Вильно в первые месяцы после своей хиротонии // Христианское чтение. 1906. № 4. С. 541, 542;

Павлищев Н.И. Польская анархия при Яне-Казимире и война за Украину. СПб., 1887. Т. 1. С. 110—119, 124, 125, 129—138, 152—164; *Зноско К.* Исторический очерк церковной унии. Ее происхождение и характер. Минск, 2007. С. 191—230, 243—260; *Прокошина Е.С.* Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966. С. 137, 138; Stanislaw Osvecim diarium (1643—1651) // *Scriptores rerum polonicarum*. Krakowie, 1907. Т. 19. Р. 121—123, 205—207.

¹³ *Мыцьк Ю.А.* Літописец Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // *Летописи и хроники*. 1984. М., 1984. С. 219—220, 224, 227; *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1842. С. 5, 6, 25—30, 32—43; Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов при генерал-губернаторе. Киев, 1848. Т. 1. Отд. 3. С. 1—5; *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*. М., 1953. Т. 2. С. 42, 43; Летопись самовидца о войнах Хмельницкого. М., 1846. С. 7, 8; Літопись самовидца. Київ, 1971. С. 20, 21, 47.

¹⁴ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1842. С. 43—51; Документы об освободительной войне украинского народа. 1648—1654 гг. Киев, 1965. С. 14—28; *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*. М., 1953. Т. 2. С. 13—22, 42, 43, 58; Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов при генерал-губернаторе. Киев, 1848. Т. 1. Отд. 3. С. 6—21; Летопись самовидца о войнах Хмельницкого. М., 1846. С. 8.

¹⁵ Документы об освободительной войне украинского народа. 1648—1654 гг. Киев, 1965. С. 28—34; *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*. М., 1953. Т. 2. С. 23—30; Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов при генерал-губернаторе. Киев, 1848. Т. 1. Отд. 3. С. 18—24, 33, 50—56; *Павлищев Н.И.* Польская анархия при Яне-Казимире и война за Украину. СПб., 1887. Т. 1. С. 164; Czaplinski W. Wladyslaw IV i jego czasy. Warszawa, 1972. Р. 376, 377.

¹⁶ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 69, л. 791—796; кн. 71, л. 822об.-828; Памятники, изданные временною комиссиею для разбора

древних актов при генерал-губернаторе. Кисв, 1848. Т. 1. Отд. 3. С. 70—72.

¹⁷ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 32—34, 39—42; Памятники, изданные временною комиссией для разбора древних актов при генерал-губернаторе. Кисв, 1848. Т. 1. Отд. 3. С. 78—81; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее АЮЗР). СПб., 1861. Т. 3. С. 207, 208, 214—217.

¹⁸ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 272, 275; *Смотрицкий М.* Грамматика. М., 1648. С. 388; Книга о вере единой, истинной, православной. М., 1648 (репринт 1912 г.). С. 288об., 289; ДР. СПб., 1853. Т. 3. Стб. 78—87, 92, 93; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 412—415; *Зерцалов А.Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 6, 7, 11, 12; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 1—2. С. 149, 158; *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2009. С. 108.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВАНИФАТЬЕВ

¹ *Базилевич К.В.* Городские восстания в московском государстве XVII в. М.-Л., 1936. С. 52—58, 73—77, 79—81; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 234—239; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 417—419, 423, 424; МОИДР. М., 1853. Кн. 17. Отд. 2. С. 193, 194; *Буганов В.И.* Описание московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике // Исторический архив. 1957. № 4. С. 228—230.

² *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 275; 1881. Т. 6. С. 143; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 401; *Белокуров С.* Арсений Суханов // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1. Отд. 3. С. 169, 177; *Базилевич К.В.* Городские восстания в московском государстве XVII в.

М.-Л., 1936. С. 75, 77; МОИДР. М., 1853. Кн. 17. Отд. 2. С. 194; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 419, 420, 424, 427, 429; *Смирнов П.П.* Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 годов // ЧОИДР. М., 1913. Кн. 4. Отд. 4. С. 5, 6; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 40, 41; Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С. 146—150; *Велуленкамп Я.-В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М., 2006. С. 116.

³ РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 301; 1906. Т. 24. Стб. 857, 869; Приложения. С. 7, 8; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 94, 95; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 420, 424, 427; *Новиков Н.И.* Древняя российская вивлиофика. Вып. 20. М., 1791. С. 367; *Латкин В.И.* Материалы для истории Земских соборов XVII столетия. СПб., 1884. С. 47; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 106, 107, 203.

⁴ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 275, 277; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 401; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1. Отд. 3. С. 169; *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 35, 36; Труды Черниговской губернской архивной комиссии 1909—1910 гг. Вып. 8. Чернигов. 1911. С. 107, 108.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 1. С. 1—3; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 40; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 106; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 427; МОИДР. М., 1853. Кн. 17. Отд. 2. С. 194, 195; *Латкин В.И.* Материалы для истории Земских соборов XVII столетия. СПб., 1884. С. 13—46; *Смирнов П.П.* Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 годов // ЧОИДР. М., 1913. Кн. 4. Отд. 4. С. 5—7; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 279.

⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 2, 3, 62, 108—111, 161; АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 124—126; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой

половине XVII столетия. М., 1897. С. 430, 431; *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 36, 37; *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. Вып. 1. С. 165, 166; *Иванов П.* Описание государственного архива старых дел. М., 1850. С. 296—299; *Харузин П.* К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII в. // Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 147—151.

⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1. Столбцы 1649 г., д. 33, л. 1, 7—10, 12, 13, 17, 21—23, 26, 31, 31об., 32об.; *Каптерев Н.Ф.* Приезд в Москву Иерусалимского патриарха Паисия в 1649 году // Прибавления к Творениям Святых Отцов. 1891. Ч. 47. Кн. 1. С. 178, 180, 188—190, 193, 194, 201, 204—205, 207, 221; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 81, 83—88, 91—93, 96—98, 100, 101, 125, 180, 181, 197; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 455; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1. Отд. 3. С. 97, 102, 162—163, 181, 183, 188—191, 197; Кн. 2. Отд. 3. Приложение. С. XLIII—XLV; ЛЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 248, 249, 326—330; Выходы государей царей и великих князей Михаила Фсодоровича, Алексея Михайловича, Фсодора Алексиевича. М., 1844. С. 201; *Севастьянова С.К.* Грамоты новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 274—277, 297, 298; *Тихомиров М.И.* Русское летописание. М., 1979. С. 284; *Колосов В.И.* Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881. Ч. 217. № 9—10. С. 77—86.

В исторической литературе датировка рукоположения Никона в митрополиты Новгородские и Великолуцкие до сих пор противоречива. В одних трудах фигурирует 9 (19), в других 1 (21) марта 1649 г. Источник, подтверждающий первую версию, мною не обнаружен. А вот за второй день убедительно свидетельствуют «Выходы государей царей и великих князей», изданные еще в середине XIX века: «Марта в 11 день... был государь в соборной церкви Успения пречистыя Богородицы на поставлении,

как ставили в Великий Новград архимарита Спаса Нового монастыря Никона в митрополиты». Скорее всего, 9 (19) марта 1649 г. Никон в митрополиты Новгородские и Великолуцкие избран Архиерейским собором.

⁸ Документы об освободительной войне украинского народа. 1648—1654 гг. Киев, 1965. С. 72, 92—94, 100—103, 120, 135—139, 153—156, 193—195, 205, 211, 246—248, 255, 274—281, 301, 330—332, 340, 358, 359, 369, 393—397, 451, 521, 522, 527—528, 531, 541, 545—548, 557, 558, 613, 621—626, 632—634; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 2 С. 44—47, 75, 77—80, 114—121, 125, 130, 158, 159, 168, 250, 252, 253, 274—278, 289, 299, 303, 304, 306, 308—310, 340, 388, 389, 456, 462, 470, 479—486; Т. 3. С. 15, 21, 26, 67, 80, 119—123, 131—136, 142, 143—148, 154, 160—163, 198, 199, 208—210, 213, 214; Летопись самовидца о войнах Хмельницкого. М., 1846. С. 15, 16; *Мыцык Ю.А.* Літописец Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 228; Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. 1882. № 12. С. 544—551.

⁹ РГАДА, ф. 210. Книги приказного стола, кн. 5, л. 144—146; *Харузин Н.* К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII в. // Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 146—150; АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 124, 126; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 117—119; *Лавров А.С.* Новые данные о «ревнителях благочестия». Документы РГАДА. 1649—1650 гг. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 202—209.

¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 152, 156, 167, 168, 266, 275, 276, 293—297, 334—337, 340—350, 355, 374—376; *Тихомиров М.И.* Русское летописание. М., 1979. С. 289; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 487, 490—492; Т. 3. С. 89; *Шушерин И.К.* Известие о рождении и воспитании и о житии Никона. М., 1871. С. 13, 15—19; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII столетия. М., 1897. С. 448; *Николаевский П.Ф.* Из истории сношений России

с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. 1882. № 1—2. С. 260—264.

¹¹ *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 46—50; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 492; Т. 3. С. 7—12, 19—21; ЛАЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 487—489; Служебник. М., 1651. С. 5, 17об.; Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества (далее ЗОРИСА). СПб., 1861. Т. 2. С. 394—397; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 236, 237; *Латкин В.И.* Материалы для истории Земских соборов XVII столетия. СПб., 1884. С. 81—128.

¹² РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 81, л. 1; *Севастьянова С.К.* Грамоты новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 259, 274—298; *Шляпкин И.* Грамота Никона об Арсении Греке 1651 г. // Библиографическая летопись. 1915. Вып. 2. Отд. 2. С. 63, 64; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 67—76, 87, 119—123, 132, 145—150, 154; АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 460, 461; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 285; *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 65—67, 84, 85; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 289; Протопоп Аввакум. Житие. М., 2002. С. 15—18; *Введенский С.Н.* Костромской протопоп Даниил // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 4. С. 845—849; *Бантыш-Каменский И.И.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1897. Ч. 3. С. 128.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НИКОН

¹ ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 286, 290—297, 300, 301; МОИДР. 1852. Кн. 13. Отд. 2. С. 1—4, 32, 42, 43, 53; *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 91, 100; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 290; *Севастьянова С.К.* Грамоты Новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь // Книжные центры Древней Руси.

Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 293; Воссоединение Украины с Россией. Материалы и документы. М., 1953. Т. 3. С. 213—216; *Николаевский П.Ф.* Путешествие новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа // Христианское чтение. 1885. № 3—4. С. 284—286, 288, 291, 292, 305, 306.

²ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 299—301, 304—306; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 77—83, 85, 86; *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 96—100, 102, 104—107; Протопоп Аввакум. Житие. М., 2002. С. 16.

³РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 81, л. 133, 576, 576об.; *Севастьянова С.К.* Переписка новгородского митрополита Никона с царем во время путешествия в Соловецкий монастырь за мощами митрополита Филиппа (март — июль 1652 г.) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 316, 317, 320—329; *Николаевский П.Ф.* Путешествие новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа // Христианское чтение. 1885. № 3—4. С. 306—308, 314, 320—329; *Белокуров С.А.* Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона // Христианское чтение. 1882. № 7—8. С. 287—312, 319, 320; МОИДР. 1852. Кн. 13. Отд. 2. С. 53—56; 1853. Кн. 17. С. 198, 199; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 321, 322; СГГД. СПб., 1822. Т. 3. С. 474—478; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 77, 491, 492; ЗОРИСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 510—513; *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 107, 109, 110; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1914. Вып. 7. С. 77, 96, 103; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 216, 221, 226, 227, 234, 238; Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича. М., 1844. С. 260, 261; *Новиков Н.И.* Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6. С. 223—237.

⁴Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1914. Вып. 7. С. 96—100, 103; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4.

С. 88; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 324, 325; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 273; *Протопоп Аввакум*. Житие. М., 2002. С. 16; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 256, 280; Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича. М., 1844. С. 222, 239; *Белокуров С.А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 37; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 139, 175, 176, 288, 310, 317, 329, 333, 344, 379, 390, 415, 443, 613, 656, 657, 731, 1031, 1035; *Павел Алеппский*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 3. Отд. 3. С. 62; *Урушев Д.А.* К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII — XX век). М., 2004. Вып. 3. С. 21—26, 28, 32; *Лавров А.С.* Письмо и челобитная Ивана Неронова // Древняя Русь. 2009. № 1. С. 103—105; *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович // Богословский вестник. 1908. Т. 1. № 2. С. 316—322.

⁵ РГАДА, ф. 52, оп. 1. Столбцы 1653 г., д. 5, л. 15—16, 18, 23, 37—40, 47—59, 61; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 237—241, 244—247; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 332, 335, 336, 339; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1914. Вып. 7. С. 110, 111; 1916. Вып. 8. С. 3, 4; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 350; *Протопоп Аввакум*. Житие. М., 2002. С. 16; *Каптерев Н.Ф.* Приезд в Москву Иерусалимского патриарха Паисия в 1649 году // Прибавления к Творениям Святых Отцов. 1891. Ч. 47. Кн. 1. С. 222—237.

⁶ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 34, л. 110—115; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. 1. С. 302; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 94, 99, 100, 281; *Протопоп Аввакум*. Житие. М., 2002. С. 16, 17; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1916. Вып. 8. С. 7, 8, 11; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1897. Ч. 3. С. 128; *Лобачев С.В.* У истоков церковного раскола // Отечественная история. 2001. № 2. С. 134—137.

В последнее время ряд историков отождествляют упомянутого в письме Никона Стефана не с протопопом Благовещенского собора, а с первым архимандритом Воскресенского монастыря, с 1658 г. архиепископом Суздальским и Торусским. Однако, если ознакомиться с подлинником письма, то видно, что между словами «Стефан» и «поп» часть текста утрачена («оторван нижний левый угол» документа). Не хватает нескольких букв. Причем от первой буквы «п» в слове «поп» к месту отрыва спускается черточка, соединявшая ее с предыдущей, потерянной буквой. Следовательно, уничтожено не отдельное слово, а только половина, составной частью которого являлось сохранившееся «поп».

Далее. Совсем близко от указанной буквы «п», над линией отрыва имеется короткая вертикальная черточка с небольшим закруглением-закорючкой сверху. В тексте всего письма можно найти ей аналогии. Подобный элемент Никон использовал при начертании либо «л», либо «т». Учитывая это, а также то, что в уничтоженном месте имелось не более трех-пяти букв, в зависимости от размера, подобрать по смыслу недостающее звено не трудно — «прото». Посему нет оснований пересматривать вердикт историков XIX века, считавших, что речь в послании идет именно о Стефане Ванифатьеве (РГАДА, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 1).

⁷ РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 79, л. 1; д. 85, л. 2—3; ф. 79, оп. 1, кн. 83, л. 261об.-263; кн. 84, л. 1—5, 8, 14об, 15; ф. 229, оп. 1. Столбцы 1653 г., д. 11, л. 11; ф. 235, оп. 2, д. 34, л. 119об., 120, 129об.; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1916. Вып. 8. С. 12—15, 49, 68; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 256—260, 262—269, 276, 279—287, 302, 308, 310—314, 406; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 343, 350, 351, 354—357; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 184; 1897. Ч. 3. С. 128; *Козаченко А.И.* К истории Земского собора 1653 г. // Исторический архив. 1957. № 4. С. 224—227.

Присутствие архиепископа Астраханского Пахомия 16 (26) февраля 1653 г. в Москве зафиксировала расходная книга патриаршего приказа за 1652—1653 гг.

⁸ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 41—50, 234—237; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 359; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 319, 320, 322, 323, 350.

⁹ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 20—25, 28—33, 50, 51, 134, 135; *Протопоп Аввакум.* Житие. М., 2002. С. 17, 18; *Сироткин С.В.* К биографии протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 245; *Никольский В.К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Институт истории (РАНИИОН). Ученые записки. М., 1927. Т. 2. С. 159, 160.

¹⁰ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 24, 25, 32, 34—40, 135; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 368—374, 377—381, 395—398, 407; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 364—367, 381—404, 406—415, 424, 427, 443, 451, 454, 457, 459—487, 496—498, 514, 516—520; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1916. Вып. 8. С. 22, 23, 44, 49, 51; Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича. М., 1844. С. 306—308; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1—2. С. 123—125; *Лобачев С.В.* У истоков церковного раскола // Отечественная история. 2001. № 2. С. 138.

¹¹ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 19, 51—94, 134, 136, 155, 282, 283, 331; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 399, 400; Деяние московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162. М., 1887. С. 16—22об.; Служебник. М., 1656. С. 11—22; *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 1096; *Поздеева И.В., Дадьяли А.В., Пушков В.Л.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700-е годы. М., 2007. Кн. 1. С. 294, 309; МОИДР. М., 1852. Кн. 15. Отд. 2. С. 133, 134; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1. Отд. 3. С. 305, 309; Кн. 2. Отд. 4. С. 334—

336, 339; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1916. Вып. 8. С. 51; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 7—8. С. 165, 171—174; *Голубцов А.П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 124, 125; *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 740.

Согласно «Служебникам» 1655 и 1656 гг., на соборе 1654 г. присутствовало тридцать четыре osoby, а не тридцать две. Точнее, одиннадцать архимандритов и игуменов, а не девять. Десятым, судя по протоколу, был «безымянный» архимандрит Можайского Лужецкого монастыря. С 1639 по 1654 г. в нем архимандритствовал Моисей. Его подпись среди тех, кто утвердил соборное деяние, отсутствует. Похоже, он скончался сразу же по приезде в Москву и в совещании не участвовал. Кто являлся одиннадцатым монастырским руководителем и имелся ли таковой вообще, остается неизвестным. В тексте подлинного протокола, опубликованного Н.И. Субботиным, перечислены главы десяти монастырей. Не посчитал ли автор предисловия к «Служебнику» кого-либо по ошибке два раза?! (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 179).

¹² РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 36, л. 212, 212об.; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 68, 105—108, 112—123, 136; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 400—405, 407—413, 425, 434, 442, 443, 448—450; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 108; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 448, 449, 458, 460; АЮЗР. СПб., 1878. Т. 10. Стб. 425, 426; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953. Т. 3. С. 547—549, 560—570; Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1916. Вып. 8. С. 78, 79, 81, 92—94; *Гиббенет П.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 473, 474; *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 3. Отд. 3. С. 136; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890.

№ 1—2. С. 138; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 24—26, 34, 35, 39—54; *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 154, 155.

¹³ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 137—142; ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 454, 456, 459, 460; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 488, 489; *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 3. Отд. 3. С. 1, 3, 4, 127, 135—137, 170, 171; Служебник. М., 1656. С. 35—39; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 2. Отд. 4. С. 346—349; *Поздеева И.В. Дадыкин А.В. Пушкин В.Л.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700-е годы. М., 2007. Кн. 1. С. 294, 297, 298, 301; *Тихомиров М.И.* Русское летописание. М., 1979. С. 299, 300; *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 156, 365; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 59—62, 68—70, 73, 74, 81—103.

¹⁴ РГАДА, ф. 68, оп. 1. Столбцы 1656 г., д. 1, л. 1—2, 4, 5, 16, 18, 26—30, 33, 40—42, 89, 101, 122—127, 135; ф. 96, оп. 1, Столбцы 1655 г., д. 3, л. 328—329, 332—334, 339, 403, 422—423, 429—430, 438—439, 469а, 470; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 124—133, 142, 143; Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов (далее ДДР). СПб., 1854. Стб. 21, 22, 31, 36—38, 40; *Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкин В.Л.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700-е годы. М., 2007. Кн. 1. С. 298, 301—303; *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 4. Отд. 2. С. 88, 89, 148, 153, 161—178, 182; *Голубцов А.П.* Чиновники московского Успенского собора. М., 1908. С. 242, 243, 254, 261; Скрижаль. М., 1656. Предисловие. С. 18; Прибавление 2. С. 1—10; Прибавление 7. С. 1—59; Прибавление 7а. С. 1—3об.; Прибавление 12. С. 1, 1об., 10об.-20об.; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (далее ПДС). СПб., 1854. Т. 3. Стб. 348—350; *Семенов В.* К истории сно-

пский со Швецисей. Отрывки из дневника времен царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 1. Отд. 3. С. 9, 10, 12—14; *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. № 2. С. 245, 246; № 5. Отд. 2. С. 75; *Мальцев А.И.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 81, 83, 95; *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.). М., 1994. С. 116, 119, 143—145, 148—151, 176.

¹⁵ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 144, 145; ДДР. СПб., 1854. Стб. 41, 64, 68, 77, 80, 83, 84; АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 532, 537, 552; Скрижаль. М., 1656. Прибавление 7. 1—59; Прибавление 7а. 1—Зоб. (деяния собора 1654 г. без подписи и ремарки епископа Коломенского). *Поздеева И.В., Дадыхин А.В., Пушков В.Л.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700-е годы. М., 2007. Кн. 1. С. 309—312; *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 4. Отд. 2. С. 178, 179; *Голубцов А.П.* Чиновники московского Успенского собора. М., 1908. С. 261, 262; *Урушев Д.А.* К биографии епископа Павла Коломенского; *Опарина Т.А.* Грамота монастырского приказа 1656 г. о «сыске и поимке» Ивана Неронова // Старообрядчество в России (XVII—XX век). М., 2004. Вып. 3. С. 38—40, 79, 80; *Гордон П.* Дневник. 1635—1659. М., 2000. С. 102, 103; *Мальцев А.И.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 111—114.

¹⁶ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 41, л. 112об., 219об.; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 145; Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. Франца Гундулича // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1907. Кн. 20. Отд. 3. С. 34—39; Рукопись Бростовского // Сборник Суханова. СПб., 1866. С. 483, 494—519, 521—542; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. 1. С. 305; *Жизневский А.И.* Поход великого государя святейшаго Никона, патриарха московского в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889. С. 5, 16, 17,

20, 21, 23—27, 30; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 209.

¹⁷ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 145—159; ДДР. СПб, 1854. Стб. 87, 88; АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 546, 547, 549, 553, 555—557, 562, 563, 569—571, 575—584; 1863. Т. 4. С. 3, 9—11, 14, 21—26, 33—44, 100; *Голубцов А.П.* Чиновники московского Успенского собора. М., 1908. С. 295, 296; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 114—116.

Разговор царя с Нероновым на Татьянин день в исторической литературе датируется неоднозначно: либо 12 (22) января 1657 г., либо 12 (22) января 1658 г. Путаница пошла от автора «Записки о жизни» казанского протопопа, который отнес беседу к 1657 г., указав при этом, что произошла она «генваря в 13 (12) день», упомянув далее о посздке Никона в Покровский монастырь, что на убогих, 14 (24) января того же года. Между тем известно, что Алексей Михайлович из рижского похода в Москву вернулся 14 (24) января 1657 г. Оттого многие историки и считают, что Неронов завел речь с государем в Татьянин день 1658 г. Однако всеобщую «генваря в 12 день» 1658 г. патриарх служил в церкви во имя всликомученицы Екатерины, что у «государыни царицы на сенях», то есть рядом с малой Золотой палатой Марии Ильиничны (см. у Голубцова А.). А, судя по оговорке биографа Неронова, старец обличал Никона в соборе во имя Нерукотворенного Спассова образа, возведенном в 1636 г. над малой Золотой палатой царицы. Следовательно, царь выслушал Неронова не в 1658-м, а годом ранее, 19 (29) января 1657 г. (*Извеков И.Д.* Московския кремлевския дворцовыя церкви и служившия при них лица в XVII веке. М., 1906. С. 47, 61).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

¹ РГАДА, ф. 96, оп. 1. Столбцы 1656 г., д. 4, л. 303, 305—306, 313; Столбцы 1657 г., д. 2, л. 45—47; Столбцы 1658 г., д. 2, л. 43, 66—70, 81, 84, 85, 86, 89, 90, 167, 178—210, 217; ф. 235, оп. 2, д. 41,

л. 121об.-123об., 126—127, 259—261об., 263об.-264об., 268—269об.; д. 43, л. 219—220, 221об., 223, 224, 224об., 226, 228—231об., 232об., 233, 235, 238об.-239об., 247—249об., 251об.-253об., 254об., 255, 257об., 258, 259—161об, 262об., 447, 447об.; ДДР. СПб., 1854. Стб. 64, 101, 110, 111, 113, 126—142; АЮЗР. СПб., 1863. Т 4. С. 30—42, 51—59, 91, 93—102; ЗОРИСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 513—515; *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел. М., 1908. С. 1—31; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. № 2. С. 268—277; ПДС. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 327, 350; *Николаевский П.Ф.* Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола // Христианское чтение. 1883. № 1—2. С. 158—177; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877. Стб. 591, 633, 799.

² *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 165; АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. С. 121—130, 141—144; 1872. Т. 7. С. 221—225, 236—240, 251—255; 1892. Т. 15. Стб. 282—287; ЗОРИСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 515—517, 521, 522; ДДР. СПб., 1854. Стб. 179; АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 619; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 12—17; *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 167—172, 176; *Шушерин И.К.* Известие о рождении и воспитании и о житии Никона. М., 1871. С. 35—37; *Николаевский П.Ф.* Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола // Христианское чтение. 1883. № 1—2. С. 177—181; *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. С. 354—357, 377, 378, 388, 389; *Бабулин И.Б.* Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. М., 2009. С. 5—7; *Бабулин И.Б.* Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. // Единорогъ. М., 2009. Вып. 1. С. 263, 264, 274—284.

³ РГАДА, ф. 96, оп. 1, Столбцы 1658, д. 7, л. 105—111; АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 612—617, 623, 650, 656—658, 672, 682; АЮЗР. СПб., 1892. Т. 15. Стб. 435—443; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 468—478; ЗОРИСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 521, 522; *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884.

Ч. 2. С. 493—495; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. № 5. Отд. 2. С. 56; *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. С. 421, 426—429; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 117, 119—121; *Бабулин И.Б.* Битва под Конотопом 28 июня 1659 г. М., 2009. С. 8—36, 42.

⁴ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 159—162, 167—179; *Гиббенет И.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 75—89; 1884. Ч. 2. С. 493—495; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 15—32, 37—51, 53—63, 65, 81, 88—111; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 399; *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 65; *Аполлос.* Начертание жития и деяний Никона. М., 1859. С. 32, 33.

⁵ АЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 37—43; АМГ. СПб., 1901. Т. 3. С. 191, 192, 254, 307, 333, 355, 358, 365, 453, 455, 457, 458, 465, 466, 469, 476; *Гордон П.* Дневник 1659—1667. М., 2002. Т. 2. С. 56—75; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. № 5. Отд. 2. С. 66, 67, 78—80; *Батюшков П.П.* Памятники русской старины в западных губерниях империи. СПб., 1874. Вып. 6. С. 70—75; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 123—128; *Курбатов О.А.* Литовский поход 7168 года князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 28—39; *Кривошея В.В.* Казацька еліта Гетьманщини. Київ. 2008. С. 67, 108.

⁶ АЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 56—62, 73, 105—107, 110—113, 115—126; ДДР. СПб., 1854. Стб. 260, 263, 342, 343; *Новиков Н.И.* Древняя российская вивлиофика. Вып. 3. М., 1788. С. 372—382; Вып. 20. 1791. С. 409, 411; *Гордон П.* Дневник 1659—1667. М., 2002. С. 110, 111, 119, 120; *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел. М., 1908. С. 147; *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 112—117; *Майерберг Л.* Путешествие в Московию. М., 1874. С. 169, 191, 197, 200, 201; Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964. С. 38—47, 53—59, 63—68, 72—79, 82—84, 92—94, 146—148, 178—185,

210, 211; Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича. М., 1844. С. 381—382; *Базилевич К.В.* Денжная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С. 9—13, 21, 24, 33—45, 50—56, 62, 64—67, 73, 74, 86, 88, 95—97, 104, 106, 108, 109, 111; *Брикнер А.* Медные деньги в России (1656—1663) и денежные знаки в Швеции (1716—1719). СПб., 1864. С. 11—16, 21—28, 31—38; *Лаврентьев А.В.* Двор бояр Романовых на Никитской и Монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654—1663 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Вып. 27. С. 39, 48—52; *Юркин И.И.* «Лутчи тово серебра, что делатца в ыных государьствах» // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 3. С. 61—63, 75.

⁷ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 192—198, 203—233, 239—243, 290—305, 320—322, 339—343; 1876. Т. 2. С. 5—20, 34—43, 61—82, 144; АЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 173; Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича. М., 1844. С. 505; Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1904. Вып. 6. Отд. 1. С. 1, 40, 41; *Суворов Н.И.* Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 22 (Прибавление). С. 873—875, 877, 878; № 23 (Прибавление). С. 922—925, 927; *Мальцев А.И.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 130, 131; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб., 1877. Стб. 731, 1035, 1036.

⁸ *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 179—192, 198—201; 1876. Т. 2. С. 156, 166—181; *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 244—246; 1884. Ч. 2. С. 561—579, 585—589, 667, 669—700, 712, 713, 715—718, 721—725, 736—744, 750, 759—770, 780, 797, 810—819, 827, 828, 831, 892, 893, 903, 904, 910—913, 930, 950, 997; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 451, 452; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 99—103;

Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. М., 1844. С. 424, 473; *Попов М.Г.* Материалы для истории патриарха московского Питирима // Христианское чтение. 1890. № 9—10. С. 492—494; *Канtereв И.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович // Богословский вестник. 1910. № 10. С. 295—297, 305—313; *Фокич Б.Л.* Мелетий Грек // Россия и христианский восток. М., 1997. Вып. 1. С. 159—161, 164, 165; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1897. Ч. 3. С. 139; *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 258—265.

ЭПИЛОГ. АВВАКУМ

¹ *Субботин И.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1876. Т. 2. С. 8, 9, 82; 1878. Т. 3. С. 3—14, 65—73, 108—111, 122—125, 141—152, 189, 199—203, 207—211, 217—262, 277, 323—337, 350—354, 409—411; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 340—344, 348, 349, 357, 363; *Повиков И.И.* Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 18. С. 35—38; РИБ.Л. 1927. Т. 39. (Памятники истории старообрядчества). С. LIX, LX, LXX, Стб. 707, 708, 863—878, 929—931; *Барсуков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества (оттиск из двадцать четвертого тома сериального издания «Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1911 г.»). СПб., 1912. С. 146, 147, 150, 335; *Протопоп Аввакум.* Житие. М., 2002. С. 36, 37, 40—42, 195; *Демкова И.* Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 25—28, 35, 50, 54—61, 124—131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Из статейного списка стольника И.Д. Милославского:

«...Салдаты были на смотре:

Франц Сохей, Корнилус Класен Фан Буковен, Герит Фишер, Онохлдус Лапитер, Яков Кунди, Герадус Фан Аргнем, Яков Эвер Раст, Герман Фан Минде, Барент Гейсен, Фредрик Фан Бемел, Гиндрик Фан Осен, Яков Дирик Селбогерах, Вилим Фан Керк Говен, Ян Алент, Ян Релт, Христофор Ласенар, Николас Кер, Ондрей Равири, Вилим Брюс.

И выходили все с мушкеты и стреляли, и пиками и шпагами шурмовали розные штуки. И по посолскому смотру добры. Да и маеор Исаак сказал, что оне все добры».

Помимо солдат на смотре 17 (27) мая 1647 г. И.Д. Милославский с И. Байбаковым и И. Фан-Буковеном знакомились с выучкой шести претендентов на капитанские чины: Филиппом-Альбертом Фан-Буковеном (сыном майора), Вилимом Аленым, Ефимом Вахмистром, Яковом Ронартом, Георгом Гарнохом, Яковом Стюартом. Каждый из них «выходил с мушкетом и с пиками с капитанскою и салдацкою, и стрелял из мушкета и шурмовал пиками и шпагою различные штуки». Комиссия забрала двух — Георга Гарнаха и Якова Стюарта. Последний «выходил с мушкетом и шурмовал, и стрелял, и на стрельбе застрелил трех человек — толмача Нечая Дрябина да дву[х] салдат немец. У Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожог платье. Да и за пику салдацкую принята и шурмовать не умел». Из прошедших смотр, капитан Вахмистр в Россию «не поехал, остался в Астрадаме».

(РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 3, л. 329об.-335)

Записка царя Алексея Михайловича о решении воевать с Польшей.

«Изволением всеблагаго и всеильнаго и всещедрого и премилостиваго Бога нашего и заступлением пресвятыя и пренепорочныя и милостивыя заступницы и владычицы нашае Богородицы и всех святых молитвами прииде¹ великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичю Всеа Русии благий сей помысл о ратном деле, как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну и² объявить бы ему себя, великаго государя, поможию всещедрого Бога, пресвятыя Богородицы и молитвами и всех святых поспешением в храбрстве и в мужестве ко ополчению ратному. Также бы и людей своих³ объявить во ополчении ратном храбрствено и мужественно⁴.

И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры пынешняго 161 году⁵ первыя неделю в понеделник великаго поста⁶ феврала в КВ день. И совершися его государская мысль⁷ в сем деле в понеделник третию недели же великого поста марта в ДІ день, на празник Пресвятыя Богородицы Федоровския, а празновал сий празник в церкви Пресвятыя Богородицы, чеснаго и славнаго ся рожества, иже зовется у государя на сеньях⁸. И совершя сий празник восприемлет благословении у отца своего и богомольца святейшаго Никона, патриарха московского и всеа Руси⁹, справить сие благое дело, сказа всему своему царскому синклиту, бояром и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским и жильцом и дьяком и всему своему¹⁰ чину (?) его к смотру быть готовым в Петрова¹¹. И отец сво, государев, и богомолец святейший Никон, патриарх московский всеа Русии говорит речь ему, государю, такову.

И изговоря речь благословляет его, государя. И, благословения восприемши, и призывает к себе разрядных думного дворянина Ивана Афонасьева сына Гавренева да думнаго дьяка Семена

Иванова сына Заборовского. И приказывает им государь сказать всему своему царскому синклиту свое государское повеление бояром и окольниковым, и думным людям, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским и жильцом и диаком, и всему своему государеву двору, чтоб были готовы к его, государеву, смотру со всею службой. А сроки велел учинить первый мая К день, последней — Петрова поста второй недели в понедельник июня ГИ день. А смотру изволил быть, на девичье поле указал место сделать деревянное на столбах с перилами¹². Столбы¹³ бархотом червчатим обиты были. Главки к перилам бархатами золотыми, задняя стена убита¹⁴ бархатом же червчатим¹⁵, покрыто».

¹ Далее зачеркнуто — «нам».

² Далее зачеркнуто — «потом».

³ Далее зачеркнуто — «изволил видеть».

⁴ Далее зачеркнуто — «и изволил; как им; их видеть; быть в воинстве; у его государевых; как им быть; бояре и».

⁵ Далее зачеркнуто — «марта».

⁶ Далее зачеркнуто — «марта».

⁷ Далее зачеркнуто — «дело прииде в совершение ма».

⁸ Далее зачеркнуто — «и молить отца своего и бога».

⁹ Далее зачеркнуто — «чтобы благословил».

¹⁰ Далее зачеркнуто — «государеву двору».

¹¹ Далее зачеркнуто — «июня».

¹² Далее зачеркнуто — «а за лицом и по».

¹³ Далее зачеркнуто — «позо».

¹⁴ Далее зачеркнуто — «в нем».

¹⁵ Далее зачеркнуто — «верхняя».

КВ — 22 (февраля); ДІ — 14 (марта); К — 20 (мая); ГІ — 13 (июня).

(РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 85, л. 2—5)

«От востоянныя святыя и апостольския церкви честнаго и славнаго ся оуспения, а потом от нас, пресветлаго великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича московскаго и всеа Русии самодержца, великим нашим послом боярину и наместнику Великопермскому князю Борису Александровичю Решнину-Оболенскому, да околничему и наместнику Ржевскому Богдану Матвеивичю Хитрову, да дьяку Алмазу Иванову Христа Бога нашего милость и благословение, а от нас, грешнаго царя, жалованье и приснобытная любовь с вами да пребывает. Аще и невидением зрю вас налюбовию св[о]сю с вами безотступно.

Да буди вам ведомо. Был собор на седмой недели в среду маяя в К[С] день. И м[ы, в]еликий государь, со отцем своим и богомолцем Никоно[м, п]атриархом московским и всеа Русии, на том соборе многое время разговор чинили и всех чинов людей допрашивали, что, приимать ли черкас. И о том всяких чинов и с площадных люди все единодушно говорили, чтоб черкас принять. И мы, великий [государь], за то, что оне хотят располителными са[моо]хотными сердца служить, милостивым своим словом похвалили. И они, слыша наши государския милостивыя слова наипаче обрадовались. И мы о том отложили до вас. Как вы и... И вам бы, видя к себ[е ны] не великую напу... [ве]ликому государю сло...

Да пос[ла]н от нас в Вязму думной нап дворянин Иван А[фанасьев]ич Гавринев смотреть городовых крепостей. И [бу]-дет вам поляки учнут говорить, что он [ид]ет с ратными людьми, и от тово чаят войны, и вам им гово[ри]ть, что царское величество и в по[вы]с города думных ис ближних своих людей посила... а де... писано к в[а]м... [да]бы вам бож...

(РГАДА, ф. 27, оп.1, д. 79, л. 1)

4

«Роспись полским и литовским городам, которые в прошлых во 162-м и во 163-м и в нынешнем во 164-м году государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малая и белая Росии самодержцу добили челом и которые взяты.

Государю доби́ли челом:

Дорогобуж — июня в Г [или 3] день; Невль, Белая — июня в А [или 1] день; Полотцк; Рословль — июня в КЗ [или 27] день; Дисна — июнь КЕ [или 25] день; Озерица — август[та] Г [или 3] день; Копысь — август[та] А [или 1] день; Шклов — августа в К [день]; Смоленск — сентября в КГ [или 23] день; Горы — сентября в КФ [или 29] день; Усьят — августа в ...; Дубровна — октября в ВІ [или 12] день; Петраков; Витепск — ноября ЗІ [или 17] день; Сурож — ноября в КВ [или 22] день; Лужа; Себеж; Велиж — июня в ЗІ [или 17] день; Барзилков; Чертков; Гуrow; Кожал, Лахва.

Взяты: Мстиславль — июль ВІ [или 12] день; Орша; Друя — июнь КЗ [или 27] день, Глубокое — июля КГ [или 23] день, Головин — август[та] ВІ [или 12] дeнь, Нилва — сeнтября в ЕІ [или 15] день; Остроч; Межиречь; Пилныса; Новой Костянтинов; Ровны; Вколки; Степань; Городок; Резицы — октября в Ф [или 9] день; Борисов; Менеш — июля в Г [или 3] день; Вилна — июля в КФ [или 29] день; Ковна — августа в S [или 6] день; Гродня; Гусятин; Клецк; Мыш; Столовичи; Миргородок; Слоним; Пинеск; Дворов Спсалим; Люблин».

(РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 86, ч. 1, л. 382—383)

5

Из отчета боярина В.В. Бутурлина царю Алексею Михайловичу о ходе осенней военной кампании на Украине, середина декабря 1655 г.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бeлыя Росии самодержцу холопи твои Васка Бутурлин с товарищи челом бьют. Как пошли мы, холопи твои, ис-под Каменца-Подолского со всеми твоими государевыми ратными людьми в полские города... и пришли... подо Львов сeнтября в 16 день...

Октября ж, государь, в 27 день писал к гетману, к Богдану Хмельницкому ис Пилнця черкасской сотник Михайло Менковский,

что хан крымской с крымскими и с нагайскими, и з белгородцкими, и з будяцкими, и с очаковскими татары со многими людьми идет... к поляком на помочь. И пришел к Челганскому камени. А хочет приходить на наш, холопей твоих, обоз. И мы, холопи твои, по тем вестям со всеми твоими государевыми ратными людьми и гетман Богдан Хмелницкой с войском запорожским пошли ис-подо Лвова в черкаские города. И... не дошед городка Езерни, ноября в 8 день, и в дороге на обоз таварыща моево, столника и воеводы князь Григорья Рамодановского, приходили татаровя изгоном и твоим государевым людям ничего не учинили.

И ноября, государь, в 9 день пришли мы, холопи твои, и гетман Богдан Хмелницкой к городу к Езерне. И учел гетман под городом переходить через переправу. И как гетманов обоз через переправу перебрался, и мы, холопи твои, стояли у переправы. И ноября в 10 день через переправу наш, холопей твоих, обоз почел перебиратца, и на нас, холопей твоих, пришел хан крымский с крымскими и с нагайскими, и з белгородцкими, и з будятцкими, и с ачаковскими татары, и з горскими черкесы, и с поляки. А поляков, государь, было с ним ис Каменца-Подолского Петр Потоцкой, воевода Брянский, староста Каменецкой да Яну Корунского сын с полскими людьми. На обозы наши присылал хан многих людей, и вселели ударить со всех сторон: спереди — на обоз гетмана Богдана Хмелницкого, а с левые стороны — на обоз таварыща моево, околничего и воеводы Андрея Васильевича Бутурлина, а позади на мой, холопа твоего, Васкин и таварыща моево, столника и воеводы князь Григорья Рамодановского на обоз, чтоб обозы наши у переправы разорвать. И мы, холопи твои, с твоими государевыми ратными людьми, с конными и с пешими, против крымских и нагайских людей выходили из обозов на поле, и был с ними великой бой с утра и до вечеру. И милостию, государь, божиею... на том, государь, бою мурз и татар многих побии. И наряд и твоя государева казна и твои государевы ратные люди перебрались через переправу все в целости.

И на завтрея, государь, ноября в 11 день, как мы, холопи твои, переправу перебрались и з гетманом з Богданом Хмелницким

обозом стали вместе, прошед городок Езерну, и крымской хан присылал к гетману к Богдану Хмелницкому говорить, чтоб он выдал нас, холопей твоих с твоими государевыми ратными людьми¹. И гетман Богдан Хмелницкой и писарь Иван Выговской и полковники говорили, что они нас, холопей твоих, с твоими государевыми ратными людьми не выдадут и головы свои положат за нас, холопей твоих. И как, государь, у гетмана у Богдана Хмелницкого с крымским ханом договор не учинился, и тово ж, государь, часу хан крымской и нарадын, и царевичи приходили на обоз наш, холопей твоих, со всеми крымскими и с нагайскими, и з белгородцкими, и з будяцкими, и с ачаковскими татары, и з горскими черкесы, и с полскими людьми, чтоб обоз наш разорвать. И мы, холопи твои, с твоими государевыми ратными людьми, с конными и с пешими, против крымского хана из обозу выходили на поле ж. И был великой бой до самой ночи. И милостию, государь, божиею... крымского хана людей многих побили. А твоих государевых ратных людей убитых нет. Из бою разошлись все в целости. А ранено, государь, во всех в трех в полках дватцать человек.

И, видя то, хан крымской, что над нами, холопи твоими и над твоими государевыми ратными людьми, и над обозом нашим ничего не учинили, и от обозу нашего, холопей твоих, отступил верст з десять и присылал к гетману к Богдану Хмелницкому говорить о мире тово ж дни в ночи. А на завтрея, государь, тово ноября в 12 день, хан крымской шол мимо наш обоз, холопей твоих, блиско. И мы, холопи твои, опасаяся от него всякого дурна, велели по них стрелять ис пушек и от обозу, государь, крымского хана и татар отбили. И, съехався з гетманом, з Богданом Хмелницким, помирились. И твоево государева столника Ивана Бутурлина и соколников Левонтья Григорова, да Ивана Ярышкина, да капитана Андрея Колычова и иных твоих государевых людей и черкас, которые взяты были с столником с Ываном Бутурлиным, хан крымской отдал гетману Богдану Хмелницкому. А гетман Богдан

---

¹ На переговорах от имени казаков выступал Самуил Богданович Зарудный (там же л. 323).

Хмелницкой отдал ему, хану, Яна Потоцкого да, взяв у нас, холопей твоих, полковника Юрья Болобана да Адама Войну. И хан, взяв тех поляков, пошел к молдавской земли. А мы, холопи твои, с твоими государевыми ратными людьми пошли з бою в черкаские города и пришли в Белую церковь, и с нарядом и с твоею государевою казною...

Как гетман Богдан Хмелницкой с крымским ханом помирился, и у меня, холопа твоего, Васки, с ханом съезду и договору никакова не было. А на чом гетман Богдан Хмелницкой с ханом помирился, и мы, холопи твои, написав договорные их статьи, послали к тебе, государю, с сеунщиками. А с сеунчом послали к тебе, государю, я, холоп твой Васка, послал своево полку столника Ивана Андреева сына Бутурлина, а таварыщ мой, столник и воевода князь Григорей Рамодановской послал полковника и голову московских стрельцов Артемона Матвеева. А присылого, государь, полку окопичей и воевода Андрей Васильевич Бутурлин¹ послал столника Петра Потемкина»².

(РГАДА, ф. 210, Белгородский стол, д. 382, л. 328, 331, 334—339)

6

Из записки о переговорах Б.М. Хмельницкого с крымским ханом 11—12 (21—22) ноября 1655 г.

«... И ноября в 12 день гетман Богдан Хмелницкой с ханом крымским помирился на том, что хану с татары царского величества на украинные и на черкаские города войною не ходить и поляком на них помочи не давать и царского величества с воеводы и с ратными людьми не битца и царского величества людей и черкас, которые взяты в полон, отдать. И на том на всем гетману

---

¹ Бутурлин, Матвеев и Потемкин отправились в Москву 8 (18) декабря, прибыли в столицу 26 декабря 1655 (5 января 1656) г. (там же, л. 317, 317об., 321, 322).

² На обороте певого листа помечено: «164-го генваря в 5 день снесена с верху».

Богдану Хмелницкому хан крымской и мурзы шертовали, а для шерти гетман и писарь ездили х крымскому хану сами. И первое шерть дали на куране хан крымской и мурзы. А как ездил гетман и писарь х крымскому хану, и в то время в черкаском обозе были в замене Субган-Казы акга и Каран акга-бей перекопский.

А гетман Богдан Хмелницкой с ханом помирился на том, что ему быть с ним в приязни по-прежнему и на Крым не ходить. И в том хану крымскому присягал.

И ноября в 13 день крымской хан прислал к гетману к Богдану Хмелницкому столника Ивана Ондреева сына Бутурлина, да соколников Левонтья Григорова, да Ивана Ярыжкина, да капитана Ондreja Колычова с Субган-Казы акгою да с куцунконоздаром да с капичи-башем приш акгою».

(РГАДА, ф. 210, Белгородский стол, д. 382, л. 326—327)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ЧЕРКАССКИЙ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. МОРОЗОВ	20
ГЛАВА ВТОРАЯ. ВАНИФАТЬЕВ	70
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НИКОН	124
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ.....	220
ЭПИЛОГ. АВВАКУМ	279
ПРИМЕЧАНИЯ	286
ПРИЛОЖЕНИЕ	310

Научно-популярное издание

От Руси к империи

Писаренко Константин Анатольевич

ТАЙНЫ РАСКОЛА

Взлет и падение патриарха Никона

Редактор *А.А. Скороход*

Корректор *Р.Ф. Зайнулина*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.09.2012. Формат 84×108^{1/16}.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 2000 экз. Заказ № 1408.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

Кто такие «боголюбцы», или «ревнители благочестия»? Как они оказались возле царя Алексея Михайловича? Какую роль в этой партии играл игумен Никон и почему именно он стал патриархом всея Руси в 1652 г.? Чем ему обязана Россия и за что вправе осуждать его? По чьей вине возник религиозный раскол? И, наконец, кто и как, исправив политические ошибки Никона, спас московское государство от большой беды, хотя и не смог уберечь от трагедии церковного размежевания? На эти и другие вопросы, опираясь на анализ имеющейся на данный момент документальной базы в различных публикациях и исследованиях, с привлечением при необходимости и архивных материалов, постарался ответить автор предлагаемой на суд читателя книги.

ISBN 978-5-4444-0531-4

9 785444 405314

